

Шамаев Владимир

Фрагменты истории

Всегда думаешь о себе лучше, чем того заслуживаешь

*«Молодые радиоастрономы» (скульптор Г.С. Шкловский)
Слева направо: вверху — П.В. Щеглов и Н.С. Кардашёв,
внизу — Г.С. Хромов и В.Ф. Есипов*

Шамаев Владимир

ГАИШ
АСТРОСОВЕТ

Фрагменты истории

Москва
2019

УДК 82-94

ББК 22.6г

Ш19

Шамаев, Владимир

Ш19 ГАИШ. Астросовет. Фрагменты истории / Шамаев Владимир. — М.: Астр-космосинформ. 2019. — 504 с., ил.

ISBN 978-5-900242-52-1

Жизнь в научных учреждениях течет медленно и незаметно: обучаются студенты и аспиранты, ведутся научные исследования, сотрудники ездят на конференции и симпозиумы, в том числе и за границу, но случаются и кризисы.

В книге рассказывается о двух крупнейших астрономических учреждениях, которые так и жили бы, не случись в них три события, всколыхнувшие многих сотрудников, если не всех. По крайней мере, обсуждалось это всеми. Одно из них произошло в Астросовете АН СССР при председателе Эвальде Рудольфовиче Мустеле, другое в Государственном астрономическом институте им. П.К. Штернберга МГУ при директоре Евгении Петровиче Аксенове. Третье, позднее, затронуло оба эти учреждения, да и многие другие астрономические центры нашей страны. Все три связаны с одним человеком — Гавриилом Сергеевичем Хромовым. События рассматриваются с точки зрения ГС, автора и других немногих астрономов, написавших свои воспоминания.

Публикуются воспоминания автора о близких ему людях из ГАИШа, ВИНТИ и стихи однокурсника Коли Нестерова.

Отдельным фрагментом приведена глава «Существует ли внеземная жизнь во Вселенной» В.Г. Горшкова.

УДК 82-94

ББК 22.6г

© Шамаев В.Г., 2019

ISBN 978-5-900242-52-1

Интернет-версия с исправлениями от 19.06.2019.

Содержание

Предисловие	7
Первое вступление	13
Второе вступление	19
ГАИШ: начальный период	31
Астросовет: Спецпроект	39
И такое бывает... (из папок Г.С. Хромова)	46
Хронология одной склоки	80
ГАИШ	121
Версия по защите докторской	121
Некоторые обстоятельства ухода Аксенова	158
Неформат, или предвыборная кампания	175
Об астрономах и не только	197
«Мартиролог» Г.С. Хромова	239
«Вот и всё ...» — статья в «Космическом дайджесте» ..	275
Кем же был ГС	289
«И кудри мои вились...»	289
Некоторые личные соображения	304
Борьба с «процветавшим невежеством»	346
Вне астрофизики	362
Некоторые высказывания	379
Вилен Валентинович Нестеров	383
Инна Сергеевна Щербина-Самойлова	401
Лидия Николаевна Радлова	411
«Друг мой, Колька»	419
В.Г. Горшков «Существует ли внеземная жизнь во Вселенной?»	429
Послесловие	444
P.S., 1971—1977	451
Фотографии. Отобранные, но не вошедшие в основной текст	467

Предисловие

7

Писать воспоминания — дело нехитрое. Покопался в своей памяти, и вот они — «люди, события, жизнь». Но если писать их искренне, то обнаруживаешь, что это дело далеко не для всех и не легкое. Как со дна полузаросшего озера или пруда, в который ты вошел ранним летним утром, поднимается вся муть, ноги тонут в иле, вокруг и на теле зеленеет ряска. Хочется быстрее на чистую воду. Но если ты не спешишь, да к тому же начинается летний жаркий солнечный день, то становится приятно, особенно в тени деревьев, растущих на берегу и склонившихся к воде. Ты разгоняешь ряску, показывается чистая вода, муть ушла на дно, тишина, на поверхности, не проваливаясь, бегают паучки-водомерки, летают стрекозы, бабочки, и ты начинаешь наблюдать за этой жизнью. Так и с воспоминаниями. Ненависть к неприятным давним знакомым уже прошла, друзья, кажется, в основном остались, раздражение улеглось, события, ранее волновавшие, смотрятся по-другому, и ты — просто наблюдатель. Наблюдатель прошлого и, в какой-то мере, рассказчик и толкователь, по мере возможности. Вопрос в одном — как это всё представить перед читателем, с какой точки зре-

ния описать. То ли со стороны умудренного жизнью человека, то ли стороннего наблюдателя, то ли со стороны участника событий. За этот выбор приходится платить. И от него зависит, получится ли что-то настоящее, то, что останется после жизни, с которой страшно расставаться.

Но тут мне помог случай. Приехал в Москву, то ли на учебу, то ли на конференцию, мой однокурсник и друг Володя Якименко. Остановился у меня. Надо сказать, что Володя большой библиофил и следит за выходящей литературой. В каждый приезд увозит толстенную пачку только что вышедших книг. И в этот раз он прикупил книги: Михаила Ардова с воспоминаниями об Ахматовой, Пастернаке, Чуковском и др., две книжки Ричарда Фейнмана, книжку Валентина Гафта, два задачника по астрономии и — надо же! — только что вышедшую книгу Юрия Роста с записанными в виде интервью воспоминаниями Елены Боннэр. Вот она-то и подсказала мне форму описания и степень открытости, которую можно себе позволить. Границы этой открытости оказались предельно широки или, как говорят космологи, горизонт событий прошлого отодвинулся. Небольшие фрагменты с 22-й и 97-й страниц этой книги я привожу на страницах 290–291. Могу посоветовать почитать эту книгу Юрия Роста. Для меня же яснее стала причина знакомства и роль Елены Георгиевны Боннэр в жизни Андрея Дмитриевича Сахарова.

Юрий Михайлович Рост записывал свои вопросы и развернутые ответы ЕГ, ее суждения и свежую ткань воспоминаний на диктофон, затем расшифровывал и распечатывал интервью. После она сказала: «Делай с ним [текстом], что хочешь». В результате появилась книга: «Сахаров. „Кефир надо греть“: История любви, рассказанная Еленой Боннэр Юрию Росту» (Юрий Рост. — М.: Бослен, 2018).

Примерно так же поступил и я, правда, расшифровывать приходилось дневниковые записи Гавриила Сергеевича Хромова. Цитаты и даже целые фрагменты, касающиеся наиболее «тонких» тем, приведены в книге. Что ни говори, а эти темы вошли в историю ГАИШ и Астросовета. Каждая из них

будоражила эти астрономические учреждения, порознь или вместе. Мне хотелось, чтобы читатель видел альтернативу в их истолковании. Иначе будешь заложником одной точки зрения, скажем, «официальной», а это как-то неправильно. Участники же событий посмотрят на них с другой стороны.

Эта книга написана мною для астрономов, только им интересны события, описанные в ней. Она интересна и мне, потому что я в процессе написания снова окунулся в атмосферу событий 50-летней давности. Всплыли не только события и люди, но и вопросы, а точнее, загадки, на которые я тогда не имел ответа, а хотел бы получить. Вопросы потом были забыты, засыпанные ворохом других впечатлений и событий, ответы на них не были получены. Теперь ответы нашлись в процессе собирания материала для книги, волновавшие меня загадки разгаданы. Кроме того, я заново пережил события моей юности, впрочем, и всей жизни, т.к. она тесно связана с астрономией, наукой, которой я увлекся в шестом, пожалуй, классе школы. Спусковым крючком этого увлечения послужила книга Феликса Зигеля о планетах, которую я совершенно случайно увидел в книжном развале одного сельского магазина. А поступать на астрономическое отделение МГУ им. М.В. Ломоносова в 1965 году я приехал по «наводке» «Справочника для поступающих в МГУ», который купил в книжном магазине нашего маленького городка Балашова, что на р. Хопёр, среднюю школу № 12 которого я закончил в том же году. Обычную среднюю школу с обычными преподавателями и математиком Михаилом Ивановичем, который увлек нас математикой и которого я с теплотой вспоминаю. 9

Как писал кинорежиссер Сергей Соловьев, случайности в жизни играют большую роль. И важно встретить в нужное время нужного человека. И прочитать нужную книгу, и задуматься о профессии, пусть даже кажется, что случайно, но на самом деле это было подготовлено первыми двумя событиями. Поэтому, мне кажется, очень важны для привлечения в нашу науку подростков те из нас, кто пишет хо-

рошие научно-популярные статьи и книги — «научпоп», читает научно-популярные лекции, проводит экскурсии, подрабатывает в Планетарии, ведет кружки в Дворце пионеров, участвует в проведении астрономических олимпиад. Это делают и делали известные мне сотрудники ГАИШ И.С. Шкловский, В.Ф. Есипов, Э.В. Кононович, А.А. Гурштейн, П.В. Щеглов, К.В. Куимов, Ю.Н. Ефремов, Володя Юдин, Сережа Ламзин, Володя Липунов, Володя Сурдин, Сергей Попов, Андрей Татарников, Наташа Горыня и многие, многие другие. Да и сам я в этом участвовал. В Тюмени этим занимается мой одноклассник Володя Якименко, на мой взгляд, удачно. И, поскольку книга выпущена для астрономов в широком смысле этого слова, то я посчитал возможным разместить в ней и небольшой фрагмент из книги В.Г. Горшкова «Физические и биологические основы устойчивости жизни», которую мы выпустили совместно с профессором Кимом Семеновичем Лосевым в далеком 1995 году.

10 Вряд ли кто из астрономов видел эту книгу, а приведенный фрагмент из нее, мне кажется, неизвестен в астрономической среде. Может, я и ошибаюсь, но гипотеза Горшкова о невозможности существования внеземной жизни интересна, и я решил привлечь к ней внимание.

Кроме того, я поместил в книгу мои воспоминания об Инне Сергеевне Щербиной-Самойловой и Лидии Николаевне Радловой, с которыми я работал в ВИНТИ, о Вилене Валентиновиче Нестерове, с которым провел много времени в ГАИШ, а также несколько стихов моего одноклассника Коли Нестерова. При его жизни маленькое издательство, которое я организовал, работая в ВИНТИ, выпустило два его сборника стихов. Они есть у моих одноклассников и тех, кому их счел необходимым подарить сам автор. Он работал в Крымской обсерватории на радиотелескопе РТ-22, поселок Кацивели. Это место часто встречается в воспоминаниях различных астрономов, включая Иосифа Самуиловича Шкловского, Николая Александровича Козырева, в дневниках Гавриила Сергеевича Хромова, в стихах Николая Семеновича Нестерова, устных былицах и небылицах многих из

Н.С. Кардашев и И.С. Шкловский на отдыхе в Кацивели

нас. С подачи Иосифа Самуиловича туда начали приезжать летом и в бархатный сезон гаишевские радиоастрономы. В командировку или просто так. В конце 1950-х гг. жили они, обычно, на Кошке и каждый день спускались к морю купаться, а позднее на РТ-22 для работы. А это 350 метров по высоте. Поэтому-то в то время все они — Петя Щеглов, Валя Есипов, Коля Кардашев, да и Гарик Хромов — были поджарыми. Впрочем, поправился (в смысле пополнел) из них только Щеглов, остальные остались худыми и стройными на всю жизнь. Аня Седякина, моя однокурсница, на протяжении многих лет также проводила в сентябре там свой отпуск. Много раз бывал там и я — и один, и с сыном Никитой. Многие астрономы там бывали. Ночуешь либо в «норке» или домике, а чаще в кабинете у Коли Нестерова, если сезон загружен отдыхающими — это я про себя. Выходишь на пляж, а там Аня Седякина одна или с Женей Шукиной. Идешь в Симеиз и по пути встречаешь и А.А. Боярчука с семьей, и Алексея Расторгуева со студентами, и Свету Ландау с подружками — пили кофе в Симеизе или совершали прогулку на базар за овощами и фруктами. Встречал я там и Гавриила Сергеевича, который жил обычно у друзей. Заглянешь на Кошку, а там приехавшие понаблюдать Наташа Горыня и Андрей Токовинин, прибывшие в командировку Анатолий Михайлович Микиша, Лидия Васильевна Рыхлова. Много было знакомых из Киева, Харькова, Ленинграда, Минска и, конечно, Москвы. И не только астрономов. Золотое было время.

Первое вступление

Н икогда я еще не писал такого рода книги, хотя, если посмотреть три последние из них, то и эта в моем стиле. Но там были только фрагменты, а теперь, пожалуй, она вся состоит из них. Содержание ее в основном касается двух астрономических учреждений — Государственного астрономического института им. П.К. Штернберга (ГАИШ МГУ) и Астросовета АН СССР, ныне Института астрономии РАН (ИНАСАН). В книге много людей, с которыми я работал, а еще больше, с которыми работал, сталкивался, близко дружил, воевал или презирал Гавриил Сергеевич Хромов. Достаточно много и тех, у кого он вызывал ненависть. А он, в свою очередь, обливал их презрением и не подавал руки. Причем здесь он? В первую очередь потому, что мне после его смерти в 2014 году были переданы дневники, которые он писал, и писал подробно на протяжении почти пятидесяти лет. Так уж сложилось. Я их прочел, и воспоминания начали сначала всплывать, а затем прорываться из меня. Снова ощутил я себя в том времени, времени, когда был юн, многого, что было вокруг меня, не понимал и судил о событиях, людях, вещах, как выясняется, без достаточной

информации. Она появилась позже, еще до чтения дневников, но они возбудили желание об этом написать.

Эта книга содержит мои воспоминания и воспоминания, а, скорее, записи ГС обо всем, что вспомнилось и показалось интересным. О людях, вещах, событиях — времени. Теперь, мне кажется, я достаточно осведомлен о том, что происходило параллельно моей жизни и что одновременно захотел записать ГС. Так уж получилось, что почти все люди, о которых написано в книге, уже покинули нас. Но остались те, кто их знал, и которым эта книга может оказаться интересной, как и мне оказались интересны сведения, которые я почерпнул из дневников ГС. Много чего интересного есть в Интернете, но того, что есть в книге, до нее не было. Теперь она тоже выложена туда и доступна, но, по моему мнению, этого недостаточно. «По-настоящему судить о произведении можно, мне кажется, только когда увидишь его напечатанным». Это цитата из Сомерсета Моэма. Я с ним согласен.

14

Многие люди имели большое значение в жизни Астросовета и ГАИШ. Кто-то из них попал в книгу, другие нет. В основном временные рамки ограничены 1960–1980-ми годами. С одной стороны, всего 30 лет, с другой, — целое поколение. Из известных мне воспоминаний об этом времени есть книга Анатолия Михайловича Черепашука — по ГАИШ, и Ольги Борисовны Длужневской — по Астросовету. Фрагменты о ГАИШе есть также в книге Александра Ароновича Гурштейна и в воспоминаниях Алины Иосифовны Еремеевой в «Историко-астрономических исследованиях». Других нет. Попробую и я с ГС. Всегда любил интересную мемуарную литературу и подбивал друзей что-нибудь написать о наших студенческих годах. С Желю Бънзаровым даже кратенький сценарий составили. Не успели. Он умер 7 января 2018 года.

Надеюсь, меня правильно поймут коллеги, считающие, что были и есть более достойные кандидатуры для написания таких книг и описания своих взглядов на публичную, научную и организационную деятельность. Но где они, где их воспоминания? Только ГС оставил подробнейшее описание своей жизни, включая и интересующие меня и нас, я на-

деюсь, подробности жизни Астросовета и ГАИШ. Может быть, нечто подобное есть в дневниках Д.Я. Мартынова, который также вел их всю жизнь и по которым написал книгу «Полвека у телескопа», охватывающую период 1922–1954 гг. Но где сейчас эти дневники последующих лет, и где человек, готовый их прочесть, проанализировать, подготовить к печати и напечатать? Поэтому нет ничего удивительного в том, что часть моей книги написана глазами ГС с его педантичностью в фиксации своих впечатлений и через фильтр его личности.

Между нами есть различие, и большое. Мир астрономической жизни интересовал Гавриила Сергеевича вождистски — он видел себя идеологом развития астрономии, проводником своих идей, планов, а я, скорее был просто очевидцем. Можно сказать, что астрономический мир интересовал меня чисто эстетически. Я слушал на ОАС и других семинарах Гинзбурга, Зельдовича, Шкловского, встречал в ГАИШе Сахарова, космонавтов Быковского, Поповича и Севастьянова, видел, как катался по второму этажу ГАИШ в своей автоматической коляске Хокинг. Помню, как неправдоподобно выглядел его переводчик, переводивший с птичьего на английский язык его доклад. А вот дневники Гавриила Сергеевича вобрали в себя, по сути дела, все важнейшие события наших двух астрономических учреждений, ну и собственно текущей жизни тех лет. Всё это он не просто комментировал, а старался влиять на события, язвил, негодовал — пытался проводить «собственную линию». Есть в них и воспоминания о Главной астрономической обсерватории АН СССР (Пулково) и об Институте теоретической астрономии (ИТА), но они вошли в книгу лишь некоторыми деталями из воспоминаний ГС по причине моего недостаточного знания жизни этих учреждений.

В свою очередь, я постарался не только выразить свое мнение по описываемым событиям, оно, наверное, интересно лишь моим друзьям и коллегам, знающим меня, — но и разнообразить текст теми деталями, которые известны только мне или немногим. Например, поход ГС в народные депутаты

СССР или его работа в Институте новых физических и прикладных проблем АН Украины и в ВИНТИ РАН. Первое взволновало практически всю астрономическую общественность того времени, а второе характеризовало для меня его личность. В ВИНТИ Гавриил Сергеевич проработал со мной семь лет. События, когда ГС работал в Институте (украинском), мало интересны. Эта «фирма» была организована в большей степени в престижно-коммерческих целях и ничего полезного не сделала. ГС работал там по причине «надо же где-нибудь работать», хотя и «дослужился» до должности заместителя директора. Как говорится, «если ты заключил неудачное пари, уплати проигрыш и забудь о нем». Это тоже из С. Моэма. Так ГС к этому и относился: «Свершилось: Free at last! [увольнение из Института]. ... В общем, я отнюдь не жалею. ... Подтвердилась снова гипотеза о семилетнем цикле судьбы. Будем начинать новую жизнь» (21 июля 1994 г.).

16

Я уверен, что книга столкнулась бы с неудовольствием многих персонажей, нашедших себя в ней, если бы они были живы, а действующих лиц в книге много, я имею в виду тех людей, которые сталкивались с Гавриилом Сергеевичем Хромовым, дневниковые записи которого послужили стимулом для написания этих воспоминаний. Они бы выразили мне свое возмущение. Но все характеристики людей, встречавшихся на пути ГС, принадлежат ему. Моя роль в том, что я привожу их, но он иногда явно, а зачастую неявно хотел их обнаружения. Много из того, что описывалось им в дневниках, он говорил мне. Иногда я соглашался с ним, иногда каждый оставался при своем мнении, но он хотел выговориться и, возможно, неявно, через меня донести свое мнение до других. При жизни ему это не очень удавалось, но теперь он получил возможность довольно полно выговориться.

Мое мнение о людях, описанных в книге, бывает противоположно мнению ГС, и где мне кажется необходимым, я это подчеркиваю. ГС ведь хорошо был известен в астрономической среде, даже чрезмерно, скандально. Многих знал и о многих имел свое, как правило, негативное (нелицеприятное)

мнение. Его жизнь была тесно связана с ГАИШ и Астросоветом, с историей их развития в период 1950–1980 гг. Несколько раз она, история, проехала по нему, измочалила, потоптала, но, пожалуй, не сломала, а лишь немного скорректировала его поведение. Правда, исключила его, пожалуй, в 1985 г. из астрономии как науки, когда он написал свою последнюю астрономическую монографию «Планетарные туманности. Физика. Эволюция. Космогония». Впрочем, нет, он написал еще одну книгу в соавторстве, но напечатать ее ему уже не удалось. А из астрономии как сообщества ГС выбыл, пожалуй, в 1986 г., когда его «ушли» из ГАИШ. История-то исключила, но сообщество не забывало и мстило ему, как могло, а могло оно, как оказалось, многое, да и мстило отчаянно. Мало кто вызывал такое неприятие у совершенно разных людей, но ГС — случай особый и по-своему уникальный. Пользуясь этой уникальностью, мне показалось, что будет интересно «проявить», как при обработке фотопленки, некоторые события, которые происходили в этих двух учреждениях — ГАИШе МГУ и Астросовете АН СССР — и дать интерпретацию как их видел ГС или другие участники событий и, в некоторых случаях, автор.

Мне хотелось бы, чтобы Гавриил Сергеевич снова вошел в наши воспоминания, но уже в виде уникального исторического феномена, оставившего свои записи и через них свое видение людей и событий той эпохи, наверное, можно сказать — эпохи застоя, но «времена не выбирают». Сейчас, надеюсь, мы воспринимаем его уже без прежней идейной ненависти, в чем-то совсем по иному, исторично, а может быть, и ностальгически. Ведь был же такой, Гаврила!

Гаврила Сергеевич в молодости

Второе вступление

19

Давным-давно, еще, когда ГС в первый раз работал в моей лаборатории астрономического практикума в ГАИШ, да, пожалуй, и пораньше, меня интересовало, в чем причина жизненных неудач Гавриила Сергеевича Хромова. Почему так дружно ненавидят его многие астрономы. Именно ненавидят, а не просто — не любят. Ведь многие другие — не астрономы — относились к нему неплохо. Например, геодезисты, работники ВПК, чиновники Минобра, а позднее Минвуза, и, особенно, журналисты. Он был любителем писать острые проблемные статьи, которые всегда или почти всегда принимались редакциями «Комсомольской правды», «Известий», «Независимой газеты», но далеко не всегда печатались. И уму непостижимо: как ГС сумел поднять, суметь организовать огромную волну ненависти астрономов против себя. Чем и как? Даже те, кто вроде бы относился к нему неплохо, например, Владимир Владимирович Подобед, Юрий Павлович Псковский, Вилен Валентинович Нестеров не очень-то помогли ему при увольнении из ГАИШ. Советовать, как поступить, — советовали, но вступаться не собирались.

Ведь, кажется, ничто не предвещало такого развития событий его жизни, которое началось в середине 1970-х годов. До того Гавриил Сергеевич поступил на мехмат МГУ им. М.В. Ломоносова, учился в астрономической группе, начал работать в ГАИШ, закончил аспирантуру, защитился, стал ученым секретарем. Неожиданно из его дневников я узнал, что, по крайней мере, в 1972 году он был председателем месткома ГАИШ. Это новость. Никогда прежде я этого не слышал, но запись в дневнике об этом говорит: «Вчера как пред. М.К. был на закрытом партсобрании с отчетом Мартынова за год» (25 февр. 1972 г.). Спросил В.М. Чепурову, Г.И. Ширмина, В.Ф. Есипова, сотрудников, всю жизнь проработавших в ГАИШе, — никто не помнит, т.е. не подтверждают и не отрицают. Валентина Михайловна говорит, что, кажется, ГС мог быть членом Месткома, а Геннадий Иванович вспоминает, что, может, это был краткий срок, небольшая пересменка после ухода Э.В. Кононовича. [Из приведенной в книге характеристики я в последний момент вычитал, что ГС был зам. председателя Месткома ГАИШ]. Затем ГС перешел в Астросовет на должность заместителя председателя этого учреждения, т.е. стал одним из руководителей советской астрономии — всех знал, со многими, казалось, был тогда в нормальных отношениях.

Начинал ГС в группе И.С. Шкловского, который был его руководителем в аспирантуре. Его руководителем по диссертации был Б.А. Воронцов-Вельяминов. ГС даже попал в скульптуру «Молодые радиострономы», которую ваял брат ИС Геннадий Самойлович Шкловский и в персонажах которой были Н.С. Кардашев, П.В. Щеглов, В.Ф. Есипов и он, Гавриил Сергеевич. Молодые, спортивные ученые — как представлялись тогда физики, в период бурных дискуссий «физики и лирики» начала 1960-х годов. Они составили композицию, которую я разместил на фронтисписе книги. Я узнал о существовании такой скульптуры уже после смерти ГС, и потому не расспросил его о ней. Жалко, наверное, многое можно было бы прояснить. Правда, живы еще два ее персонажа и, может быть, они пожелают что-нибудь

рассказать. ... Пожелал первый, к кому я обратился, — Валентин Федорович Есипов. Оказывается, эта композиция возникла по желанию Иосифа Самуиловича, который в то время вовсю рекламировал радиоастрономию. Он и сосватал их брату. Все четверо были присланы в мастерскую Геннадия Самойловича, и он сразу их вылепил, а само произведение в виде окончательного варианта они и не видели, им досталась только фотография, которую я и привожу. Не знает Валентин Федорович и где была установлена скульптура, в какой музей ее отдали или в какую организацию. Похоже, следы потеряны.

Но вернемся к Гавриилу Сергеевичу. Вот, например, что вспоминает ГС о П.В. Щеглове, с которым в 1958–1966 гг. был довольно близок в окружении ИС: «Петр Щеглов где-то и как-то наступил на гвоздь. В результате у него — наследственного диабетика — образовалась ... гангрена. Ногу отняли выше колена, и ... он пребывал в тяжелом состоянии. А ведь я помню его шустрым и нахальным юнцом [П.В. Щеглов был старше ГС на 5 лет, немало в том возрасте, о котором идет речь — В.Ш.], прихотившим, кстати сказать, меня к нырянию с маской и ластами. Что делает жизнь ... А Петька всегда так боялся заразы». (07 дек. 2001 г.).

Многие из нас, учившихся в то время, в 60-х годах, в школе, мечтали стать физиками. Конкурс на физический факультет МГУ был большой, но не это главное, поступить было почти невозможно для нас, ребят из провинции, из-за запредельно трудных экзаменов. В мое время, 1965 г., сдавали письменную и устную математику, химию, сочинение и последним экзаменом — физику. На письменной математике только некоторые, не больше 5 из огромного числа (несколько тысяч) абитуриентов получили пятерку. Стандартной положительной оценкой по этому экзамену была тройка. После письменной математики осталось нас — претендентов — только процентов 30, кому-то потом не повезло на устной математике, кому-то на сочинении, химию, по моему, принимали неплохо преподаватели с химфака, и на экзамене по физике уже проводилась последняя коррекци-

Ольга Борисовна Длужневская

ровка. На факультет приняли 475 человек, хотя у меня в голове почему-то вертится, что 425. Но Толя Козарь, мой однокурсник и нынче зам. декана физфака, говорит, что наших было 450 и еще 25 иностранцев. Ему лучше знать. В нашу группу астрономов приняли 25 человек, да еще двое пришли из академического отпуска, в итоге — 27. Закончило 28, из которых 18 поступивших в 1965 г. и 10 пришедших из академических отпусков или после прохождения срочной службы в вооруженных силах и восстановленных позднее.

А вот другой курс астрономов — курс, на котором учился ГС. Они закончили мехмат в 1959 году (26 человек), а мы уже физфак, в 1971-м. Переход астрономической группы с мехмата на физфак произошел, видимо, в 1956 году, т.к. первый физфакowski выпуск был в 1962 г. Вот так пишет о переходе И.С. Шкловский, принимавший в этом активное участие: «Вообще, никому не советую принимать участие в „пронунсиаменто“, то бишь дворцовом перевороте. Всегда на смену приходит нечто гораздо худшее». Так он пишет о последующих событиях и переходе на заведование кафедрой астрофизики Д.Я. Мартынова. В то давнее время на астрономическом отделении было пять кафедр: астрометрии (зав. кафедрой К.А. Куликов), астрофизики (Д.Я. Мартынов), гравиметрии (Л.В. Сорокин), звездной астрономии (Б.В. Кукаркин) и небесной механики (Н.Д. Моисеев).

О первой встрече своего курса пишет О.Б. Длужневская в книге 2014 г. «Искорки воспоминаний. Том 1. Автобиография», большую часть которой занимают действительно воспоминания, об учебе в МГУ и работе в Астросовете: «С предварительным настроением, что увижусь с жесткими конкурентами за место под солнцем, которые полгода будут грызть и подсиживать друг друга, пришла я в аудиторию на 13 этаже, где собралась вся группа, — были только студенты и никого из преподавателей. Такие, в общем, были созданы нам условия для знакомства и «притирки». Я с радостью увидела своих однокашников — и Люсю Панову, с которой вместе сдавала экзамены, и Нору [Коток] с Наташей, с которыми посещала занятия по математике в Университете.

А.В. Рыхлова и Г.С. Хромов — молодожены

Но больше всего я обрадовалась тому, что буду учиться вместе с Игорем Новиковым — кумиром всех планетарских кружковцев. Он окончил школу с золотой медалью и был принят в Университет по результатам собеседования, поэтому на экзаменах мы с ним не встречались. Все мы сидели тихие, смущенные, и не знали, что делать. Вдруг высокий, плотного сложения молодой человек с редкими волнистыми волосами и грубоватым лицом встал, подошел к учительскому столу и сказал: «Давайте знакомиться, моя фамилия Хромов, зовут меня Гаврила, но вы можете называть меня — Гарри». Гарри, как потом мы его называли, был сыном профессора, которого пригласили преподавать в новом здании университета и предоставили его семье квартиру в одной из угловых башен главного здания. Среди других студентов мое внимание на себя обратил Коля Тесленко, изысканно интеллигентный молодой человек, тоже, как и Игорь, золотой медалист, простенький, низенький, очень скромный мальчик Миша Поспергелис, и очень юный парнишка — Ростик Ирошников из города Жуковский. Ростик тогда было 16! Среди астрономов оказалось более половины иногородних, из разных городов Российской Федерации и союзных республик, которые уже жили в общежитии».

25

О.Б. Длужневская описывает ситуацию в период 1950-х и начала 60-х гг., перечисляя поженившихся сокурсников: «Еще одна „астрономическая“ пара — Гарри Хромов и Лида Рыхлова. В последние годы учебы в Университете Гарри вошел в группу молодежи, которой руководил И.С. Шкловский. Это было, скорее, содружество Мэтра с талантливыми молодыми людьми. Гарри, как и все члены этой группы, был увлечен исследованиями и вскоре защитил кандидатскую диссертацию [1965 г.], а после этого был принят на должность Ученого секретаря ГАИШ, на которой проработал успешно несколько лет [до 1972 г.]. В это время в ГАИШе на кафедре астрометрии сначала училась, а потом работала Лида Рыхлова [по воспоминаниям А.А. Гурштейна в книге «Московский астроном на заре космического века», Л.В. Рыхлова окончила МИИГАиК, и в ГАИШ в отдел аст-

рометрии к Ю.И. Продану привел её он, Александр Аронович]. Она была на курс моложе нас. Они подружились с Гари́ком и вскоре [они] поженились».

И.С. Шкловский также упоминает Гаврилу Сергеевича в своем «Эшелоне», и вовсе не с плохой стороны: «Торопясь в ЦДЛ и спускаясь по деревянной институтской лестнице, я столкнулся со своим аспирантом Гаврилой Хромовым, здоровым малым с тогда ещё не модной бородой и в шортах. Я его не видел почти месяц — он совершал свой первый вояж по Европе в качестве автотуриста (впрочем, водитель он был далеко не классный) [ГС получил права на вождение в 1978 г., т.е. в автопробеге он участвовал без водительского удостоверения]. Он приехал в Москву только вчера, прямёхонько из Финляндии. Галантно улыбнувшись, Гаврила попросил у меня 20 копеек взамен презента, который тут же протянул мне. Это была самая настоящая, отличного качества финка в кожаных ножнах! Тронутый такой щедростью, я сунул финку в боковой карман пиджака и пригласил Гаврилу в ЦДЛ — у меня был лишний билет. Помню, администрация Дома литераторов не хотела пускать бесштанного Гаврилу на просмотр. Но всё же эту непредвиденную трудность мы преодолели и какую-то полуавангардистскую киноленту посмотрели».

В чем же дело, где произошел срыв, когда ГС из «галантного малого» превратился в изгоя? Это, пожалуй, первая причина написания этой книги. Сам ГС, обдумывая в какой-то момент мучающий его вопрос своих неудач (травли, как он это называет), дает такой ответ, сначала цитируя Дж. Свифта: «Когда в мире появляется настоящий гений, вы можете легко узнать этого человека по обилию врагов, которые объединяются против него». И комментирует: «... травлю, увы, вызывает не только яркая талантливость, но и простая непохожесть. В моем печальном случае это — наличие определенной гражданской позиции, как, может быть, [и] искреннее презрение ко всем видам паразитической круговой поруки ...» (01 окт. 2000 г.). Как и многие другие неудовлетворенные своим положением, ГС видит себя

жертвой, клеймя «тупое и неудобное», отвергающее его окружение.

Вторая причина заключается в том, что уходит поколение, которое его знало или, хотя бы, слышало о событиях того (его) времени. К ним в основном и адресована эта книга. Им она может оказаться интересной и, может быть, как и мне, прояснит вопросы, на которые не было ответов, но которые хотелось бы получить. В сущности, это старшее поколение сотрудников ГАИШ и Астросовета, ныне Института астрономии РАН, которым я желаю подольше поработать и пожить. Всем без исключения.

Третья причина, естественно, в том, что ГС дважды работал в моем подразделении, и ничего особенного, чтобы «заслужить» ненависть всех или почти всех астрономов, я в нем не замечал. Не та фигура. Он не казался мне ярим антисемитом, как ему приписывали, не «копал» под начальство, не организовывал оппозицию, был трудолюбив, исполнительен и инициативен в лучшем смысле этого слова. Может быть, порой излишне инициативен, но не до отторжения. Как мне казалось из разговоров с ним, таким же он был и на последней своей работе в Институте проблем развития науки РАН у Л.Э. Миндели. Но это внешнее, хотя и мое субъективное представление, а на самом деле вот как он характеризует своего последнего начальника, члена-корреспондента РАН Л.Э. Миндели: «Увы, это — трус и невежда с хватательным инстинктом и без всякого внутреннего стержня. Впрочем, последний [стержень], может быть, и существует, но на кавказский лад. С другой стороны, в нем, странным образом, почти отсутствуют привлекательные черты кавказцев, такие как обаяние и щедрость. Послал бы я его к черту, но лишние 2000 р. удерживают, как и призрачная возможность как-то влиять на умонастроение чиновников. Последнее я, скорее всего, сам для себя выдумал. В общем — очередной ничтожный начальник, мой жизненный крест» (19 окт. 2002 г.). Вот так-то. Где-то посередине этой очереди был и я. «Вот ведь вампир истеричный [это я, В. Шамаев] — будь он неладен! Сколько крови он мне попортил, истерик несчастный...» (03 апр. 2011 г.).

Четвертая причина в том, что Гаврила Сергеевич оставил свой след в истории двух астрономических учреждений: ГАИША и Астросовета — бурный, незабываемый след. След этот трудно оставить, немногим это удавалось. По пальцам можно пересчитать, если по-настоящему, по гамбургскому счету. Ему удалось.

И пятая причина, без которой, думаю, как не было бы книги, так и не были бы получены ответы на многие вопросы — это попавший ко мне архив Гаврилы Сергеевича. Попавший случайно (не был еще уничтожен) и не случайно, я о нем знал и через некоторое время после болезненного его ухода поинтересовался его судьбой. И не потому, что собирался писать книгу, я о ней и не думал, а просто мне хотелось почитать, прояснить для себя некоторые моменты астрономической жизни, жизни известных мне людей. Что-то я от него узнал, когда он попросил издать его рукопись книги «Наука, которую мы теряем», и которую я, естественно, перед изданием прочитал, да и поредактировал немного. Что-то из устных бесед, но незадаанные вопросы всегда остаются, и начинаешь жалеть, что не все спросил, когда человек уже ушел, ушел «в страну вечной охоты».

Гаврила Сергеевич кроме дневников оставил четыре папки с «документами». Одни напечатаны на печатной машинке, другие в рукописном виде и содержат материалы по борьбе в Астросовете, скандальной защите им докторской диссертации, увольнению из ГАИШ, выборам в народные депутаты страны. Но ксерокопированных из них [документов] только несколько. Среди них и письмо Солпитера, а также список подписантов против него в избирательную комиссию по выборам в народные депутаты СССР. Этим он как бы говорит: «Я помню имена людей, которые выгнали меня из астрономии. Посмотрите и Вы». Конкретные люди, из конкретных астрономических учреждений, зачастую связанные друг с другом, другие нет, и, как замечает он, «с которыми [многими] я никогда не был знаком и которым никогда ничего плохого не сделал».

«Что он Гекубе, что ему Гекуба?». Это, по крайней мере, неприлично, да и сомнительный подвиг кидаться стаей на одного. Даже если он неправ, то все равно, он был астроном, и исключение его из профессии, думаю, было несправедливо. Хорош ли, плох ли Гавриил Сергеевич Хромов — вопрос отдельный. У меня к нему свое отношение, и вовсе не благодушное, у других — свое. Но отлучать его от профессии, отравлять ему жизнь и судьбу было, на мой взгляд, несправедливо. Но ведь мы находимся среди интеллигентных людей, в научной среде, а здесь все возможно. И зачастую борьба идет на полное уничтожение. В этой связи вспоминается когда-то прочитанная история с Михаилом Булгаковым. Он перед смертью передал жене папку с рецензиями известных профессиональных критиков на его сочинения, со словами: «Возьми и запомни имена людей, которые меня убили». И это не Сталин, не эпоха. Конкретные люди — критики, крепко связанные друг с другом круговой порукой собственной причастности к травле. «Ату его, ату». Фас!

Директора ГАИШ Аксенов Е.П. и Мартынов Д.Я.

ГАИШ: НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

31

В начальной стадии моего пребывания в астрономии, т.е. в 1960-е гг., я Гавриила Сергеевича, конечно, близко не знал — моложе на 11 лет, а это целая эпоха в значительной части нашей жизни. Но помню его, пожалуй, с конца 1960-х, когда я был студентом и моими руководителями были астрометристы Владимир Владимирович Подобед, Вилен Валентинович Нестеров и Альберт Петрович Гуляев. Первая жена ГС, Лидия Васильевна Рыхлова, работала в отделе астрометрии, в рабочей группе у Юрия Ивановича Продана и занималась проблемами вращения Земли и наблюдениями на зенит-телескопе ЗТЛ-180. Гавриила Сергеевич, как все его при личной встрече называли, без дополнительного «и» в имени, выполнял в то время обязанности ученого секретаря ГАИШ при директоре Дмитрие Яковлевиче Мартынове. Моё впечатление о нем в то время — солидный ученый, хорошо информированный, изрекающий «истины» и сознающий свой научный вес, оракул, пуп Земли, небожитель, да и только. И соответствующий вид: пожилой, как мне тогда казалось, лысый, с ухоженной бородкой и с чашечкой кофе при непременно сигарете, которой важно

затягивался в глубокомысленных паузах разговора. Поражал своей значительностью. Такого «имиджа» он придерживался всю жизнь, хотя и всю жизнь собирался бросить курить — неудачно. Имидж сохранил.

Но все-таки, если быть честным, то Гаврила Сергеевич всегда больше хотел быть значительным, гораздо больше, чем им был. На это утверждение ГС, конечно, обиделся бы, хотя бы только потому, что ему нравилось культивировать эту свою значительность. Чувствовать себя равным директорам, академикам, министрам и, конечно, редакторам газет и журналистам. Его бесконечно увлекали даже все внешние приметы значительности. Он любил фотографироваться, однажды выяснив, что фотокамера его любит. Совсем неплохо у него получалось и выступать перед аудиторией, поучая слушателей, преподнося им свои соображения. Соображения, конечно, государственного уровня и масштаба. Также любил он откликаться на злобу дня, писал статьи и отповеди.

32 Но ничего подобного научно-популярным книгам И.С. Шкловского, П.В. Щеглова или А.А. Гурштейна, да и нынешнего Володи Сурдина он не написал. Конкретику он хоть и знал, но знал недостаточно и больше любил полемизировать на общие темы. Как в анекдоте: «муж занимается важными проблемами, как то: что нам делать с президентом Трампом, Евросоюзом и выходом из него Англии, чем ответить Украине. Жена же занимается текущими вопросами, например, что будет на ужин, как ребенок учится в школе, что мне завтра надеть на работу, чем платить за квартиру».

Есть люди, словно предназначенные для одного какого-то возраста и стиля поведения. В жизни я много встречал таких, как ГС, сразу надевших на себя личину солидности и значительности, например, Николай Николаевич Самусь — звезда, который со студенчества был «взрослым» и играл роль умудренного, несколько пресыщенного жизнью человека, но, однако же, не все, но многие его ценят и даже любят, прощая мелкое тщеславие. Кстати, он показал себя совсем с неожиданной стороны, участвуя в телепередаче «Своя игра» и даже оказавшись победителем нескольких её раундов. Или

Александр Николаевич Балакирев — тоже звездник, который, казалось, родился уже взрослым, партийным человеком. Значительно «нес» себя и Петр Владимирович Щеглов — астрофизик — и тоже изрекал истины, не слушая никого. Помню, как приходил он в середине интересного ему заседания Ученого совета ГАИШ на обсуждение будущей Майданакской обсерватории и ее астроклимата, произносил свой «спич» и тут же уходил, ссылаясь на лекцию, назначенную встречу или просто без объяснения. Дмитрий Яковлевич Мартынов, тогдашний директор ГАИШ, говорил: «есть что возразить Петру Владимировичу, но он уже ушел». Эту черту П.В., поучения других и пренебрежения ими же, подмечает и Г.С. Вот как он описывает сценку на Ученом совете ГАИШ при обсуждении наших обсерваторий в Средней Азии: «Хулигански-поучающее выступление Щ. [Щеглова]. Глупо-критическое Ситника (ну здесь хоть понятно: он страдает за Алма-Ату). Петька, повоняв, тут же удрал. А жаль: было разумно-ехидное выступление Д.Я.М. [Мартынова]» (06 июня 1980 г.). Или позднее: «„Телескоп должен быть хорошим и стоять в хорошем месте“ — наиболее известный трюизм П.В., одно время постоянно произносимый им со смешной многозначительностью. И, объективно, П.В. сыграл определяющую роль в создании обсерватории на Майданаке (он сначала твердил про Санглок, а потом переключился на эту гору, что, видимо, подсказал ему отец). У него же в руках впервые заработали для астрономии электронно-оптические преобразователи (с «подачи» Шкловского и Красовского). Одно время он даже был вхож к С.П. Королеву. ... Почему это вдруг прекратилось — не знаю, м.б. из-за глупостей Шкловского в эпоху «натриевой кометы». Да что уж! Всего не напишешь, если не заниматься этим специально. Все ушло — будто не было ...» (23 дек. 2001 г.).

Д.Я. Мартынов, как уже отмечалось, также всю жизнь писал дневники (и, может быть, он и послужил примером для Г.С. начать свои записи). Первая их часть (дневников ДЯ) была издана только в 2012 г. (через 23 года после его смерти) и кончается 1954 годом [Мартынов Д.Я. Полвека у телескопа.

oto.sah.msu

Башня АЗТ-22 на горе Майданак

Казанский период (1922–1954). М.: Изд-во Московского ун-та. 2012. 440 с.]. Остальные части, похоже, утеряны или не находится издатель. Жаль, если так, я бы издал. Так же, как в дневниках ГС, мне интересно было бы посмотреть, что ДЯ пишет о моем времени — времени, когда я работал в ГАИШ и наблюдал его, Дмитрия Яковлевича, с близкого расстояния, да и интересны характеристики астрономов, его окружавших. В сохранившихся фрагментах позднейших записей, которые он сделал по дневникам, ДЯ описывает, в частности, историю строительства Майданакской обсерватории, которой неожиданно препятствовал В.П. Щеглов — отец П.В. Щеглова. Д.Я. Мартынов пишет: «С самого начала года [1972 г.] нас ошарашило письмо В.П. Щеглова, в котором он заявил, что отобранная ранее для нашей обсерватории земля на Майданаке принадлежит Ташкентской обсерватории — «располагайтесь со своим оборудованием, но землю мы вам не дадим», таков был смысл его письма, привезенного С.Б. Новиковым [будущим руководителем Майданакской лаборатории]». И, далее, «Очевидно, его взгляды [В.П. Щеглова] проэволюционировали под влиянием сына, П.В. Щеглова, считавшего в то время Майданак наилучшим местом». С высоты сегодняшнего времени, после произошедшего развала Советского Союза, интересна и такая запись ДЯ: «Полагаю, если мы на высоте 2630 м [одна из «высоток» горы Майданак, как пишет ДЯ, другая — 2650 м; на самом деле — 2650 и 2730, соответственно] построим башню телескопа, никто не будет в состоянии нас оттуда согнать, разве что Узбекистан отложится от СССР (sic!), но тогда и владения наши будут отчуждены» (24 сент. 1972 г.). Произошло и то [башню и телескоп установили], и другое, что ДЯ считал невозможным [развал СССР]. До этого он не дожил!

35

Кто-то из нас меняется в течение жизни, я имею в виду характер, поведение, кто-то нет. Вот всегда молодыми, без всякой примеси взрослости были Вилен Валентинович Нестеров и ныне здравствующий Валентин Федорович Есипов. Да и Анатолий Михайлович Черепашук, ныне академик, а вместе с ним и Анатолий Владимирович Засов, профессор, — тоже

остались все теми же Толей Черепашуком и Толей Засовым и, вместе с тем, очень уважаемыми людьми. Или вот, Евгений Петрович Аксенов, которого я знал с 1968 года. Он тогда был еще доцентом и читал нам курс «Небесной механики». Ничего более замечательного, понятного, прямо-таки ошеломительного впечатления от его лекций я больше не встречал. Разве только сравниться с ним для меня мог Иридий Александрович Квасников, читавший нам курс «Статистической физики». Но это уже было на четвертом курсе. Первым запомнился Евгений Петрович. Много было в мое время на физическом факультете прекрасных лекторов, но таких поразительных для меня — только двое. Так вот, Е.П. Аксенов был не только по виду, но и по сути очень значительным человеком — государственного уровня. Он не казался молодым, а ведь впервые я его встретил в его 34 года, ни пожилым, когда я его видел в последний раз в 55 лет в 1988 году. Он был в одинаковой степени мужественным, значительным, надежным, красивым мужчиной. Его внешний вид соответствовал его сути.

Совсем другая история с ГС. За глаза все звали его Гаврилой с оттенком «Страдал Гаврила от гангрены, Гаврила от гангрены слег... Служил Гаврила почтальоном, Гаврила письма разносил...» (Ляпис, из «12 стульев» Ильфа и Петрова) и не жаловали, относились к нему снисходительно, «ну, такой уж он есть — профессорский сынок и сноб, с примесью эпатажа». Вспомните шорты из рассказа И.С. Шкловского. Это бывает, ну как ты не старайся, а мнение о себе не изменишь. А не изменишь потому, что ты не только не понимаешь, где твоя ошибка, но даже не догадываешься о своем «позиционировании» в глазах окружающих. Тебе-то кажется — ты ФИГУРА, а в глазах других — фигура для насмешек. Одежка-то есть, а другого, ну скажем, авторитета, сильно не достает, дилетант — и это видно, правда, не всем. Но научная среда — это не та, в которой можно «казаться, а не быть». ГС всегда любил «высокопарный слог», из него прямо-таки лезли менторские замашки, и он неискоренимо пребывал в уверенности, что почти все дураки, и только из

чувства долга снисходил к ним для поучений. Однако в его любопытнейших дневниках я встретил и вот такой пассаж: «И.И. Мельников, по моей просьбе, любезно снабдил меня гостевым билетом на VII съезд КПРФ, проходивший 2–3 декабря [2000 г.] в Колонном зале. ... В общем, я не жалею о потерянном времени и вынужденных физиологических перегрузках. Все же поучительно, да и развеялся немного. Хотя, мельком ловя свое отражение в многочисленных зеркалах, я каждый раз слегка недоумевал, — что общего у меня, все того же Гарика Хромова, с этим почтенным старцем с белоснежной бородкой? Со мной одним, или с другими — тоже?» (06 декабря 2000 г.). Или: «Ну вот — и мой 69-летний день рождения. Странно, что 69-й и что все это происходит со мною» (12 июля 2006 г.). Т.е. себя он все-таки ощущал все тем же однокурсником Оли Длужневской, Игоря Новикова, Ростика Ирошникова, Людэ Бондаренко, Миши Поспергелиса, Тани Лозинской и др., но с некоторых пор отношений почти ни с кем из них не поддерживал. Думаю, что по причине не оправдавшихся его карьерных надежд. Если бы всё сбылось, как он задумывал, то с удовольствием бы им покровительствовал. Такая роль ему подходила, таким он себя видел.

37

В то же время, в первой половине своей жизни он достиг значительных высот в астрономической иерархии, став ученым секретарем ГАИШ, а в 1972 г. заместителем председателя Астросовета АН СССР, и уже нацеливался на пост председателя и выбора в академики. Это не моя придумка, а строки из дневника: «По сути, он [Боярчук] занял моё место [и в Астросовете, и в академии]» (30 дек. 1991 г.). Этого жизненного предназначения, которое он себе нарисовал, ГС не достиг. Путь был прерван, и прерван не в Астросовете, а гораздо раньше. Концепция, которую многие думающие люди применяют к другим, ГС применил к себе. Он себя таким видел в мечтах. Считал, что его призвание — астрономия, и в ней он должен достичь успеха. Это так, но, в то же время, его призвание было и иным, сыгравшим с ним злую шутку. Ему было комфортно в уединенной ночной работе в тиши

своего кабинета, с пачкой сигарет и «белым листом бумаги». Кабинет был в его квартире. И вот после краха в первом призывании он перешел ко второму. Тут он полностью реализовал себя: написал кучу книг, статей, концепций, докладных записок. Чем заниматься — он решал сам и упорно разрабатывал свои темы-мечты, которые не сбывались, но на которые он тратил всё свое время — жизнь. Удача к нему не благоволила. Но это его лишь ненадолго огорчало. Поражений он не принимал и не признавал. И, возможно, с помощью своих дневников он освобождался от всего негативного, что преподносила ему жизнь. Впрочем, много чем мог быть для него примером Дмитрий Яковлевич. И удачно начавшейся карьерой, и умением переживать невзгоды, и взлетом после них, и научной судьбой.

АСТРОСОВЕТ: СПЕЦПРОЕКТ

39

В своих дневниках Гаврила Сергеевич не очень-то распространяется о причинах, приведших к его переходу из ГАИШа в Астросовет. Первая причина, конечно, очевидна, хотя он о ней скромно умалчивает — это резкий карьерный взлет для него. А вот как это случилось — почти нет никаких записей. Есть намеки. «Смерть Фесенкова в некоторой мере активизировала мои дела [по переходу в Астросовет]. Э.Р. [Мустель] и А.Г. [Масевич] надели на Сагдеева, угрожая ему последовать той же дорогой из-за перегрузки работой. Прямо с похорон первый отправился к Миллионщикову и вынудил у него соответствующую ставку» (12 апр. 1972 г.). После 1966 г. ГС перестал общаться с П.В. Щегловым из-за обвинения с его стороны в подхалимстве перед Дмитрием Яковлевичем Мартыновым. Но оказалось, что тема при том разговоре не была полностью закрыта. Вот следующий пассаж: «Тем более, что считалось, что, перейдя в 1972 г. в Астросовет, я «перешел ему дорогу». Будто бы ООФиА вначале прочило туда именно его. Это при его-то чудовищном, психопатическом характере!» (23 дек. 2001 г.).

Даже Д.Я. Мартынову, прямому своему начальнику — директору ГАИШ — об этом планируемом переходе ГС не сообщал, тот узнал это косвенно и потом пытался выяснить у жены ГС, правдив ли этот слух [посмотрите главу Р.С., 1971–1977]. А ведь эта интрига в духе А.Г. Масевич, так впоследствии и других она переманивала из ГАИШ. Правда, уже не на высшие должности — обожглась, и сильно, на Гавриле Сергеевиче.

В основном, а точнее довольно часто, люди не сохраняют верность, а скорее благородство, в отношении тех, кто помог им. Особенно это «кидание» распространено в чиновничьей среде, в которой и оказался ГС — верный правилам этой среды, что бы впоследствии он ни говорил или писал.

40 В своей книге [О.Б. Длужневская «Искорки воспоминаний». Кн. 1] О.Б. Длужневская пишет так: «В 1976 году в Астросовете появилась должность второго заместителя председателя по научной работе (зам. председателя по научной работе, до этого единственным, была Алла Генриховна Масевич), и Гарик был приглашен А.Г. занять эту должность». Ольга Борисовна в своей книге часто не в ладах с датами, фактами и именами. Видимо, она полагалась только на память и не проверяла фактическую сторону своих воспоминаний. На самом деле ГС пришел в Астросовет в 1972 г.

Далее в книге Ольга Борисовна поподробнее пишет о приходе ГС в Астросовет: «Гавриил Сергеевич Хромов, попросту, Гарик, мой однокурсник — герой многочисленных баллад «Служил Гаврила...» Бори Вайнмана [тоже однокурсник] — после защиты кандидатской диссертации стал Ученым секретарем ГАИШ. Со своими обязанностями он справлялся отлично и привлек внимание Аллы Генриховны к тому же отличным знанием английского языка. Она решила переманить его в Астросовет. Спросила меня... Я сказала, что, по моему мнению, он — идеальный Ученый секретарь и его нужно взять на мое место... АГ возразила, сказав, что он достоин большего, и что она выхлопочет для

него ставку второго заместителя председателя Астросовета». Вот так! Ольга Борисовна, мне кажется, лукавит, описывая, что поддержала придумку АГ. Она-то знала своего однокурсника Гарика, весьма «амбициозного человека», но решила не вмешиваться, ожидая, видимо, дальнейшего хода событий, который предполагала. Итак, Алла Генриховна, по словам ОБ, «придумала — сделала ... и Гарик перешел к нам. Первое, что он сделал [перейдя в Астросовет], сказал мне называть его «на ВЫ» и по имени-отчеству. Дальше — больше». Т.е. Гаврила Сергеевич решил, что занятая им должность предполагает, что он перешел в следующую лигу и надо перетряхнуть все прошлые связи и знакомства. Всех, кто находится ниже его по положению, — «поставить на место». Не очень умный ход, который говорит не только о высоких амбициях, но и об отсутствии опыта чиновничьей работы. Он этого не понимал и, как показали дальнейшие события, не сумел получить ни серьезной опоры в коллективе, ни поддержки в высших эшелонах власти Академии. Гаврила Сергеевич в дневниках тоже дает свою «характеристику» Оли Длужневской, делая это в форме «объективки».

41

«Длужневская Ольга Борисовна, 1936 г. рожд., к.ф.-м.н., чл. КПСС (Астросовет).

Выпускница МГУ по кафедре звездной астрономии. Не существует ни как ученый, ни как личность. Способна выполнять отдельные поручения, если считает, что это выгодно, или что в случае невыполнения может сильно попасть.

Умом, трудолюбием и человеческими качествами не отличается».

В этих записях-объективках фигурируют сведения о нескольких людях. Производят они впечатление записки для кого-то в виде: «дайте свою неформальную характеристику этим людям». Полный список таков: Черепашук А.М., Грищук Л.П., Матвеев А.И., Слыш В.И., Длужневская О.Б., Тутуков А.В., Шоломицкий Г.Б., Эргма Э.В., Татевян С.К., Мороз В.И., Курт В.Г., Ксанфомалити Л.В., Щеглов П.В., Ефремов Ю.Н., Есипов В.Ф., почему то названный Владимиром, хотя он Валентин, Боярчук А.А. Почему выбраны эти

люди, чем они объединены, для меня неясно, хотя все они хорошо известны и не рядовые сотрудники. Впрочем, сейчас не об этом.

В другом месте, возвращаясь к событию перехода ГС в Астросовет, Ольга Борисовна сообщает: «Сначала, пока Гарик во всем слушался А.Г., работа шла дружно и хорошо. Но Гарик был очень амбициозным человеком ... И вскоре нашла коса на камень ... начались конфликты, дошло дело до ссор, и АГ решила от него избавиться. Но не на того напала».

42 Гаврила Сергеевич как человек, по его словам, болеющий за науку, «замахнулся тогда на „святая святых“ — организацию оптических наблюдений ИСЗ на зарубежных станциях, сети, созданной АГ. Критике подверглись и сама организация наблюдений, и методики, и результаты. Он написал большую Докладную записку и отправил ее в ЦК партии» [О.Б. Длужневская, с. 215]. «Гарик был уволен». Вот такая краткая интерпретация едва ли не крупнейшего конфликта в истории Астросовета от О.Б. Длужневской, бывшей во время конфликта секретарем партбюро Института. А секретарь партийной организации в то время был очень сильной фигурой. Этого-то ГС не учел, не будучи искусным чиновником. Дилетантом в подковерной борьбе он был. Правда, понимая, что без партбилета не сможет продвинуться высоко в карьере, он все же сообразил подать заявление в партию, но его так и не приняли. Да и не могли принять при Алле Генриховне Масевич и секретаре партбюро Ольге Борисовне Длужневской. Тут, думаю, ему и аукнулось чванливое «по имени-отчеству».

Далее тоже некоторое обобщение и недостаточная информированность ОБ: «В советском астрономическом сообществе после неприятных «разборок» оставаться он не мог, и перешел работать в какие-то министерские структуры». Как известно, после Астросовета ГС еще 7 лет проработал в ГАИШе, да и в «министерских структурах» он никогда не был — рядом был, а в структурах не был. Продолжал работу он, как теперь известно, в системе Академии

наук — её институтах. И продолжал, продолжал, продолжал критиковать царящие в верхушке Академии нравы. Что касается меня, то ошибку ГС я вижу в том, что, если действительно он пришел в Астросовет по приглашению А.Г. Масевич, то, по моему мнению, ему надо было уволиться, а потом уж критиковать деятельность учреждения и его руководителей. Он же поставил цель заменить руководство института, и Масевич, и Мустеля, собой. И, конечно, проиграл. Впрочем, отделить критику руководства, что вполне допустимо и даже желательно, от карьерных целей критикующего бывает затруднительно, но в случае ГС — это было всем очевидно, так уж он сам себя поставил, вспомним: «называть его „на ВБ“ и по имени-отчеству».

Мнение об Астросовете и А.Г. Масевич у однокурсников — Г.С. Хромова и О.Б. Длужневской — диаметрально противоположно. Одна сделала в этом Институте карьеру, и во многом благодаря Алле Генриховне, которая у нее была и руководителем диссертации. Обласканная и довольная. Другой — изгнан из Астросовета той же АГ и в результате борьбы с ней разрушивший свою карьеру.

43

Интрига довольно закрученная, и не сказалось ли здесь и вот это: «Я, кажется, понял, что происходит у меня с женщинами: я полностью подчиняю их с самого начала, обрушивая весь свой шарм, интеллект и знания», — пишет в своих дневниках ГС. Возможно, и опытная АГ попала на эту удочку «шарма, интеллекта и прекрасного знания английского языка».

Такое соображение у меня возникло после прочтения рассказа «Роберт» известного мне автора, сотрудника Астросовета. Он заканчивается таким фрагментом:

«Наши безумства были долгими и сладкими. Когда мы, измученные, смогли отпустить друг друга, уже совершенно стемнело. ... мы вышли из особняка, была глухая ночь, светила луна. Заспанная сторожиха долго, молча и сопя, гремела ключами и, наконец, выпустила нас на улицу, не проронив ни слова. Я остановил такси. Нина прежде, чем хлопнуть дверь, сказала:

Алла Генриховна Масевич в начальный период работы
в Астросовете АН СССР

— Знаешь, все так неожиданно! Я не знаю, что будет, но ты теперь должен уйти из института!

— Как пожелаешь, — как можно спокойнее ответил я. — Мое заявление у тебя на столе.

Мне было очень больно».

Автор в рассказе прямо институт не называет, но упоминает «расположенный рядом Пыжевский переулок», и Нина Робертовна была его начальницей и «по воле случая была лицом советской космической науки». И еще много других намеков о месте, где происходят события рассказа, и главных героях.

Кстати, вот эта фраза Ольги Борисовны: в «астрономическом сообществе после неприятных „разборок“ оставаться он не мог» напомнила мне подобные же фразы и из приведенного выше рассказа и самого ГС, сказанные по похожему поводу: «Я также посоветовал ей [ЛВ] как можно скорее уйти из Астросовета, в том числе и потому, что работать в профессиональной среде ей будет теперь трудно из-за краха её женской и человеческой репутации». В общем, Гаврила Сергеевич, как видим, готов был раздавать другим советы, но сам, как видно, не собирался следовать им. Так он делал всю жизнь. Он безапелляционным тоном давал советы, казался безошибочным, производил солидное впечатление на малознакомых людей, но сам безупречным не был и потому не собирался руководствоваться своими же советами. Их он не принимал. Для себя он имел другие критерии, использовал в жизни другие правила.

Все же неприятные для Гаврилы Сергеевича события в Астросовете, да и в жизни начались с письма-записки американского астронома-астрофизика Э. Солпитера. И так он это описывает, дадим ему слово, тем более, что это наиболее экзотическая сторона истории Астросовета.

И такое бывает... (из папок Г.С. Хромова)

«И такое бывает...», так начинает Гаврила Сергеевич свой рассказ о событиях, кардинально повлиявших на его карьеру.

Сначала общие положения

Который уже год все мы, все наше общество, неутомимо познаем себя, время от времени застывая в удивлении или в страхе. Дело нелегкое, но совершенно необходимое.

46 Вероятно, одним из неприятнейших открытий, сделанных в процессе этого самопознания, оказалось наше вопиющее моральное одичание. Впрочем, авторы, исследующие это действительно ужасное явление, чаще всего адресуют разоблачения либо абстрактному «человеку из народа», погрязшему в пороках и пьянстве, либо — коррумпированному чиновнику. Получается как-то так, что примитивное падение нравов не затронуло, или почти не затронуло нашу интеллигентскую среду — и уж во всяком случае, ее «либеральное» крыло, столь переживающее за права человека и, конечно же, за перестройку, гласность и демократию.

Исторический и общественный опыт народа слагается из судеб и опыта отдельных людей. Вот и мне захотелось попытаться дополнить общую картину своим собственным небольшим штрихом. То, о чем я собираюсь рассказать, можно оценивать с разных точек зрения. Но я предпочел бы, чтобы читатель сосредоточился, прежде всего, на моральном аспекте этой истории, показывающей жизнь и нравы наших академических кругов в несколько необычном для непосвященных свете.

Затем краткие сведения из биографии

Я родился в памятном для отечественной истории 1937 году в семье научных работников. В 14-летнем возрасте выбрал себе будущее занятие, решив стать астрономом. Сумел осуществить свое намерение, окончив в 1959 г. по этой специальности Московский университет. Был принят

на работу в Государственный астрономический институт имени Штернберга (сокращенно — ГАИШ), прошел аспирантуру и в 1965 г. стал кандидатом наук, специализирующимся по астрофизике. Довольно быстро мои работы приобрели и международную известность, сохранившуюся и до сего дня.

В 1972 г. меня, достаточно неожиданно, пригласили перейти в Астрономический совет АН СССР с тем, чтобы занять там пост заместителя председателя, отвечающего за координацию наших астрономических исследований, их техническое обеспечение и связь с Международным астрономическим союзом. Предложение это показалось мне весьма лестным, и я принял его.

Далее, к делу

Надо сказать, что в полные противоречий 1960-е годы вокруг Академии наук сложился некий ореол. Она представлялась со стороны демократической и гражданской организацией. Да к тому же еще и принципиальной: у всех на памяти было, например, долгожданное разоблачение Т. Лысенко, но совсем немногие заметили, что его так и оставили членом Академии.

К началу 1970-х годов еще не развеялся настрой на реформы. Отделением общей физики и астрономии АН СССР, в ведении которого находилась академическая астрономия и сам Астрономический совет, руководил вскоре умерший Лев Андреевич Арцимович — видный ученый и крупный, очень независимый человек. В этой обстановке тогдашняя деятельность Астрономического совета все чаще подвергалась заслуженной критике. Отсюда и возникла мысль об усилении его руководящего звена.

Пусть читатель сдержит скептическую улыбку, когда я скажу, что выбор нового сотрудника оказался удачным. По складу ума и характера я хорошо подхожу для координационной работы. К тому же, я взялся за дело со всей энергией и энтузиазмом, обрадовавшись возможности побороться с очевидными для меня бедами и трудностями нашей астроно-

мической науки. Да и времени я не жалел, почти забросив на несколько лет собственные научные занятия.

Подробности того, что я сделал, делал или пытался сделать, сейчас не имеют значения. Вдобавок все это хорошо освещено в сохранившихся информационных изданиях Астрономического совета того периода. Вообще же, оглядываясь назад, я могу с запоздалой гордостью подивиться, сколь многое сумел угадать из того, что уже в наши дни подняла на щит перестройка. Я, например, старался расширить, так сказать, социальную базу деятельности Астрономического совета, пытаюсь привлечь к обсуждению важных проблем и дел научную общественность, а не только научно-номенклатурную элиту. Заботился о гласности в работе этого координационного органа. Старался поддерживать в первую очередь экспериментальные, наблюдательные направления исследований. Расширил и омолодил контингент наших астрономов, участвующих в международных научных мероприятиях. Ратовал за интенсификацию в ущерб привычному экстенсивному развитию науки и прочее.

48

Не все мне удавалось и, конечно, не всем нравилось, что и как я делаю. Тем более, что я не придавал серьезного значения соблюдению феодальных заповедей академического этикета, согласно которым первая рука и первое слово всегда и во всем должны принадлежать академикам. Я же взял за правило относиться к ним как к первым среди равных, но и только.

Сначала на меня косились, но затем отношения как-то наладились, хотя и не со всеми. В частности, все более холодно относился ко мне покойный ныне академик Я.Б. Зельдович. Не потому, что я чем-то навредил ему: я не смог бы этого сделать, даже если бы захотел. Скорее, мне не прощались независимость — в соответствии с печально известным принципом «кто не с нами, тот против нас».

Зная все это, я, однако, полагал себя в безопасности, считая, что хорошая работа является наилучшей защитой. Да впрочем, до поры до времени так оно и было. Во всяком случае, в течение первых пяти лет работы в Астрономическом

совете я получал по большей части одни благодарности, комплименты и любезные улыбки от начальства и коллег.

Сейчас мы привыкли называть застойным периодом все приснопамятное брежневское двадцатилетие. Однако собственно застой, как мне кажется, возник в виде отчетливого социального явления около середины 1970-х годов и удивительно быстро, буквально за полтора–два года, затопил страну. Я помню свои ощущения в начале этого периода: все дела и инициативы стали как-то вязнуть в непонятной волоките и неожиданных трудностях. Нет-нет! Никто не говорил, что они не нужны, никто ничего не отменял. Но никто и не помогал толком. Всем как-то вдруг сделалось все равно. Исподволь, но быстро исчезли понятия служебного и гражданского долга. Даже не исчезли, а превратились в какую-то одиозную нелепость, почти непристойность. Ну а самой большой деловой оплошностью стало причинение беспокойства начальству...

Конечно, скрытый и мрачный смысл всех этих метаморфоз стал понятен лишь задним числом, спустя годы. А в те времена я, подобно многим другим простачкам, продолжал попытки делать свое дело, лишь сетуя на непрерывно нарастающие трудности. Были, правда, и те, кто правильно уловил — если не умом, то инстинктом — перемену в общественном климате. К их числу относилась и А.Г. Масевич, весьма известная во времена оны ученая дама и второй, кроме меня, заместитель председателя Астрономического совета. Наши отношения стали портиться по мере того, как рос мой авторитет и влияние в международных астрономических делах, которые на протяжении многих лет были единоличной вотчиной А.Г. Масевич. Обстановка особенно ухудшилась после того, как я, познакомившись с делами поближе, не счел возможным скрывать свое решительное неприятие возглавляемых ею «международных сотрудничеств», сводившихся все более к развлекательным заграничным вояжам и показухе.

А.Г. Масевич не оставалась в долгу, изобретая и распространяя слухи о моих якобы упущениях в международных

делах и преследуя по партийной линии моих ближайших сотрудников (сам я — беспартийный). Усилия эти, впрочем, никак не достигали конечной цели, ибо мне удавалось работать практически без ошибок. Но именно тогда и при таком вот посредстве в мою жизнь вторглась клевета, преследующая меня вот уже более десяти лет.

Наступил 1977 год. В июне я отправился в командировку в США, где, помимо выполнения официальных поручений от АН СССР, должен был принять участие в международном научном симпозиуме по моей узкой специальности. За пять лет работы в Астрономическом совете это было впервые, когда я позволил себе использовать зарубежную командировку в собственных научных интересах. Впрочем, я был не только членом научного организационного комитета симпозиума, но и одним из его сопредседателей, так что у меня были вполне весомые основания.

Симпозиум проходил в Корнельском университете. Однажды во время перерыва ко мне подошел немолодой местный профессор Эдвин Солпитер. До этого я видел его пару раз, знал по научным публикациям, но не был знаком лично. Мы обменялись несколькими общими, вполне светскими фразами, и более до моего отъезда не разговаривали.

Вообще же, обстановка в американской научной среде мне не понравилась. Как известно, 1977 год был началом конца разрядки, и контраст с еще недавним по тем временам прошлым со всеми его надеждами казался разительным. Поэтому я держался с несвойственной мне замкнутостью, избегая разговоров, способных поставить меня в ложное положение как официального представителя Советской академии наук.

Я благополучно вернулся домой, а через полтора месяца, когда я был в отпуске, в Протвино под Москвой состоялся другой международный симпозиум, посвященный проблемам теоретической физики и общей теории относительности. Среди многих американцев на нем побывал и Эдвин Солпитер, который накануне отъезда, 18 августа 1977 года, оставил записку, адресованную известному,

Provincino
August 18th

Dear Josef, Sorry I missed saying good-bye to you in person this afternoon, so I could tell you how much Mika and I enjoyed meeting you again and having such wonderful chats.

Also, please keep in mind the idea of writing a S.N. article for Rev. Mod. Phys. soon after your book comes out in English.

We enjoyed our visit greatly and you were one

of the reasons why we did !!
With Best Regards
Ed Salpeter

P.S.: I forgot to tell you about another visit which I did not exactly enjoy - that of Khronov to the P. N. Symposium at Cornell: It seemed inappropriate (from any point of view) that he made antisemitic remarks to Cornell graduate-students and I was particularly unhappy that he made derogatory comments, directly to me, about both Zeldovich and about you.
E.S.

АСТРОСОВЕТ. ГАИШ

покойному ныне, члену-корреспонденту АН СССР И.С. Шкловскому.

Основное содержание записки сводилось к выражению всяческого удовольствия по поводу свидания с ним и обсуждению незначительных околонаучных дел. Она, однако, сопровождалась постскриптумом, добавленным, вероятно, не без колебаний, но все же — добавленным. Привожу его перевод по имеющейся у меня факсимильной копии:

Протвино
18 августа

Дорогой Иосиф,

52 Сожалею, что не смог лично попрощаться с Вами сегодня после полудня, и потому не мог передать, насколько мне и Мике было приятно снова встретиться с Вами и так чудесно поболтать.

Кроме того, пожалуйста, не забудьте о мысли написать статью о сверхновых для «Ревью современной физики», возможно скорее после того, как Ваша книга выйдет в Англии.

Наш визит доставил нам великое удовольствие, и именно Вы были одной из причин, почему мы приехали!!

С наилучшими пожеланиями

Эд Солпитер

P.S.: Я забыл сказать Вам о другом визите, который мне отнюдь не доставил удовольствия — визите Хромова на симпозиум по планетарным туманностям в Корнеле: казалось неуместным (с любой точки зрения), что он делал антисемитские замечания корнельским студентам старших курсов, а мне было особенно неприятно, что непосредственно мне он оскорбительно отзывался об обоих — и о Зельдовиче, и о Вас.

Э².С.

Как всякая подлость, происхождение этого постскрип-тума окутано потемками. Я и до сих пор могу только догадываться о подробностях. Знаю кое-какие имена — в том числе и лиц, сделавших шумные научные и околонаучные карьеры. Из их череды сразу же вывожу И.С. Шкловского. Этот, несомненно, талантливый человек, отличавшийся, к сожалению, большой амбициозностью и импульсивностью, был только орудием. Позднее он и сам понял, что его втянули в провокацию, и незадолго до его смерти у нас восстановились кое-какие личные отношения.

Кстати, Иосиф Самуилович был ярким противником докторской диссертации А.Г. Масевич, считая ее, диссертацию, ничтожной. В ГАИШе он сумел ее завалить, и она защищалась на мехмате.

Происходило все это в середине 1950-х годов. В конце книги я привожу рассказ А.А. Гуриштейна, как проходило утверждение его диссертации на физфаке и роль Д.Я. Мартынова в этом «сюжете». В случае с диссертацией Аллы Генриховны Масевич, как уже мне рассказывали, Дмитрий Яковлевич также показал себя искусным чиновником. Чтобы И.С. Шкловский не мог помешать защите, он вызвал его к себе в кабинет, а сам ушел на защиту на мехмат. Иосиф Самуилович ждал, ждал, наконец, спросил, где же только что утвержденный директор. Ему сказали, что на защите. На защиту, которая проводилась в тайне от него, Иосиф Самуилович не попал. Как пишет Гаврила Сергеевич: «И такое бывает...». На его деле все принципиальные враги на время объединились.

Ясно, конечно, что замысел принадлежал опытному и отнюдь не заморскому интригану, способному учесть два особых обстоятельства. Во-первых, известную рабскую черточку психологии наших образованных соотечественников, убежденно считающих любого иностранца средоточием честности и благонамеренности уже в силу его зарубежного — не чета своим — происхождения. И, во-вторых, надо

было знать еще о существовании негласной директивы, пущенной по нашему чиновному миру свыше как раз в то время — чтобы в преддверии планировавшихся встреч на высшем уровне «все было бы тихо» в известных делах.

Само собой, что в кратчайший срок записка Солпитера стала достоянием самых широких кругов так сказать заинтересованных лиц. Не знал о ней только я и люди, которые могли бы сообщить мне. Лишь более месяца спустя мне показал ее фотокопию мой бывший начальник, председатель Астрономического совета Эвальд Рудольфович Мустель.

Человек несомненной личной порядочности, он обладал очень мягким, нерешительным характером. Записку ему принесла все та же неутомимая А.Г. Масевич, пригрозив, чтобы он ни в коем случае не говорил о ней мне — а то плохо будет. В конце концов Эвальд Рудольфович не выдержал нервного напряжения, и только поэтому я имею сейчас возможность цитировать подлинник этого человеческого документа.

54

Скандал к тому времени разросся до чрезвычайности, захватив руководство Отделения общей физики и астрономии и достигнув даже тогдашнего отдела науки ЦК КПСС. Единственный, кто как будто бы ничего не знал, с кого не требовали никаких объяснений, и с кем никто ни о чем таком и не разговаривал, был я сам. Кончилась эта «странная война» тем, что 5 октября 1977 г. бюро Отделения общей физики и астрономии под председательством академика А.М. Прохорова разразилось решением о снятии меня с поста заместителя председателя Астрономического совета. Читателя едва ли удивит, что сделано это было без предупреждения, в мое отсутствие и без объяснений. [Снятие ГС объяснялось «упущением», заключавшимся в том, что «Президиумом АН СССР не было дано разрешение на введение в Астрономическом совете АН СССР должности второго заместителя Председателя Астрономического совета АН СССР по научным вопросам» и следует «Отменить п. 4 приказа по Астросовету АН СССР № 84 от 22 апреля 1972 года».]

Мне рассказывали, что обстановка на этом заседании была откровенно истерической, а известный мне список его

участников я просто не решаюсь приводить здесь — дабы избежать обвинения в разжигании нездоровых чувств [*не понимаю, что здесь могло способствовать «разжиганию нездоровых чувств»*, но из астрономов, кроме членов Бюро ООФИА Михайлова, Сагдеева, Гинзбурга и Мустеля присутствовали в качестве приглашенных Крат, Зельдович, Шкловский и Кардашев]. Официальная мотивировка решения, конечно, не содержала и намека на суть дела, будучи, в общем-то, анекдотической даже по нашим невысоким бюрократическим стандартам и адресуясь к незначительному формальному упущению, якобы незамеченному пять лет назад при моем переходе в Астрономический совет.

Наверное, это естественно, что я страшно обиделся и потребовал объяснений. Я обратился с официальными жалобами к тогдашнему первому вице-президенту АН СССР академику В.А. Котельникову и в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС; эта инстанция, конечно, тут же переслала мое обращение в отдел науки, а тот — в Академию. Но своими действиями я нарушил одну из основополагающих заповедей любой касты, запрещающую выносить сор из избы.

Более того, я поставил руководство Отделения общей физики и астрономии в довольно сложное положение, оказалось решительно невозможным изобрести хоть какое-то приемлемое объяснение причин предпринятых против меня действий. Не признавать же, в самом деле, что расстановкой кадров в иных подразделениях Отделения руководят из-за океана? А других отчетливых поводов как-то не находилось: мои дела, кажется, и впрямь были в полном порядке.

Руководству Академии, вероятно, тоже было неловко. С одной стороны, оно не могло позволить себе поссориться с самым крупным из академических отделений, даже если бы и захотело защитить меня. С другой, надо же было хоть что-то отвечать — если не мне, то в ЦК КПСС? Но, наверное, нужно отдать должное тогдашнему академическому начальству. В качестве заместителя председателя Астрономиче-

ского совета меня утверждал Президиум АН СССР, и это утверждение так и не было аннулировано — вплоть до очередного пересмотра состава Совета в 1979 г. Даже и тогда меня не решились вовсе исключить из его состава, переведя в рядовые члены.

Впрочем, к тому времени мне это было уже решительно безразлично. Кстати, мой прежний пост так и остался незанятым, а начинания — не продолженными. Зато вожденная застойная тишина в Астрономическом совете и около воцарилась уже окончательно.

Многомесячные канцелярские увертки кончились тем, что устами академика Е.П. Велихова, ставшего к тому времени вице-президентом АН СССР, мне было объявлено что-то вроде того, что я-де просто не сработался с астрономическими академиками, а все остальное является плодом моей фантазии (так!). Правда, на вопрос о том, с какими именно академиками я не сработался, внятного ответа не последовало.

56 Рассею возможные недоумения: вызвать активное недовольство настырного академика всегда было смертельно опасно для «просто ученого» академической системы. Полагаю, что эта малоизвестная широкой публике подробность «академической демократии» вполне сохранилась и до сего дня.

Вот так видел ситуацию со своей работой в Астросовете Гаврила Сергеевич. В его «исповеди», конечно, нет ни слова о планах, которые он вынашивал, переходя в Астросовет, а есть недоумение обиженного человека, который, по его словам, делал все для улучшения работы учреждения, повышения его роли и эффективности работы на благо, конечно, астрономии. Поскольку это не запись в дневнике, а своеобразный отчет о ситуации, в которой он оказался, то рассматривать это можно как объяснение для внешней аудитории.

На этом заканчивается та часть «исповеди» (истории) Гаврилы Сергеевича, которая относится к событиям в Астросовете, связанным с его увольнением или, как он считает, «уходом» из Астросовета.

А вот и само объяснение, которое тоже аккуратно положено в папку «История ухода из Астрономического Совета 1977–1979 гг.».

ОБЪЯСНЕНИЕ

по поводу обвинений, выдвинутых в мой адрес в личном письме проф. Э. Солпитера (США) чл.-корр. АН СССР И.С. Шкловскому от 18 августа 1977 г.

Упомянутое в заглавии письмо Э. Солпитера члену-корреспонденту АН СССР И.С. Шкловскому было написано во время пребывания его автора в СССР; мне оно было предъявлено 17 сентября 1977 г. в копии.

Письмо, большая часть содержания которого касается личных отношений Солпитера с И.С. Шкловским, содержит постскрипtum, упоминающий о моем визите в Корнельский университет (США) в начале июня 1977 г. в связи с международным симпозиумом по планетарным туманностям, членом научного оргкомитета которого я являлся. Проф. Э. Солпитер обвиняет меня в том, что, выступая перед аспирантами-астрономами этого университета, я позволил себе антисемитские высказывания. Кроме того, в личной беседе с ним (именно так, и это подчеркивается) я, будто бы пытался опорочить в его глазах советских ученых И.С. Шкловского и Я.Б. Зельдовича.

Я заявляю, причем в самой категорической форме, что оба обвинения Е. Солпитера в мой адрес являются наглой и провокационной ложью, причем с сионистским привкусом.

Я не был знаком с Э. Солпитером раньше и продолжал практически не знать его лично. За время симпозиума мы обменялись в нем не более чем двумя–тремя десятками общих фраз и ни разу не разговаривали более 1–2 минут. Никакого обсуждения личностей или деятельности каких-либо советских ученых во время наших встреч не было. Наконец, с моей стороны было бы нелепостью порочить за границей любых своих советских коллег, подрывая тем самым престиж советской астрономии, а следовательно, и свой собственный.

Я, действительно, провел беседу с несколькими аспирантами-астрономами Корнельского университета, что отражено в моем отчете о поездке. Это было сделано по их инициативе, и с моей стороны было бы нарушением долга уклониться от подобной беседы. Кстати, я предварительно осведомился у организаторов симпозиума со стороны Корнельского университета, нет ли у них возражений против подобной встречи, и получил согласие.

За 2,5 часа, в течение которых продолжалась эта беседа, я ответил на массу разнообразных вопросов о жизни в СССР, о которой, кстати, подавляющее большинство американских ученых всех возрастов имеют более чем расплывчатое и необъективное представление.

58 Меня спрашивали просто о советском образе жизни, о социальных гарантиях, об экономической системе, организации науки, системе образования, жизни и трудоустройстве студентов и т.п. Поскольку в то время, как, наверное, и сейчас, в США проходила интенсивная антисоветская кампания под флагом прав человека, была затронута и эта тема, как и обычно связанный с ней вопрос о положении в нашей стране ученых еврейской национальности.

Я охарактеризовал общеизвестные данные о числе лиц еврейской национальности среди советских ученых высшей квалификации, добавив, что по моим наблюдениям они обычно пользуются и признанием, и влиянием. Вообще же, эта тема не вызвала у моих собеседников особенного интереса и разговор сразу же перешел на другие проблемы. К тому, что было сказано мною, термин «антисемитские замечания», безусловно, неприменим.

Таким образом, я заявляю еще раз, что обвинение Э. Солпитера в мой адрес является провокационной ложью. Кстати, по имеющимся у меня данным, Солпитер принадлежит к реакционному крылу американских ученых, хотя и пытается это скрывать. О нем, например, известно, что в годы вьетнамской войны он сотрудничал в так наз. «Джейсон Комити» — добровольной правительственной организации ученых, разрабатывавшей общие идеи новых видов оружия.

Зачем, с какой целью и по каким причинам Солпитеру понадобилось порочить меня — остается для меня не известным. Пока это так, я, если будет сочтено целесообразным, готов письменно потребовать у Солпитера извинений, направив копии президенту Корнельского университета и, скажем, президенту комиссии МАС № 34, под чьей эгидой проходил симпозиум, американцу Дж. Филду.

Кстати, мои отношения с зарубежными, в том числе — американскими коллегами, остаются совершенно нормальными. Я продолжаю получать оттиски и письма — между прочим, и от израильских участников симпозиума. Получил я и такую любезную вещь как приглашение при следующем приезде посетить обсерваторию Китт-Пик — от ее бывшего директора проф. А. Голдберга.

Не могу не добавить, что по сути дела письмо Солпитера следует рассматривать как анонимку, ибо никакой реальной ответственности за свои обвинения его автор не несет. Настоящее объяснение я пишу единственно из уважения к своим советским коллегам, чьи имена и национальная принадлежность использованы как повод для провокации против меня.

20 сентября 1977 г.

г. Москва

Г.С. Хромов

В дело Гаврилы Сергеевича оказался замешан и Президиум Астросовета, который вынужден был рассмотреть обвинения, выдвинутые в письме Солпитера.

Выступление академика АН СССР В.А. Амбарцумяна на расширенном заседании Президиума Астрономического совета АН СССР 20 декабря 1977 г.

Товарищи!

Разрешите коснуться вопроса, который не связан с деятельностью рабочих групп Астрономического совета, но

имеет прямое отношение к общей деятельности АС как Национального комитета советских астрономов.

Всем Вам хорошо известно, что в последнее время некоторые антисоветские элементы из капиталистических стран, видя монолитное единство советского народа, и, перед лицом нерушимой дружбы всех национальностей Советского Союза, стараются изыскать новые приемы для внесения хотя бы какого-нибудь, пусть маленького разлада в советское общество. К числу таких методов относится, например, необоснованное возвеличивание и рекламирование отдельных личностей из среды интеллигенции. Примером может служить организация, правда, неудачной «международной» конференции, посвященной одному отщепенцу, инициаторы которой имели бесстыдство рассылать приглашения даже некоторым нашим ученым. Очевидно, что подлинные советские ученые не нуждаются в искусственном раздувании их заслуг.

60

Иногда применяется метод противопоставления советских ученых друг другу при выдвижении на должности при выборах в руководство международных научных организаций. Иногда это делается грубо, иногда же довольно тонко. Делаются также попытки ссорить советских ученых между собой, натравливать ученых одной национальности на ученых других национальностей. Распространяется тезис о существовании в России антисемитизма.

Небезызвестный физик Солпитер прислал отдельным советским ученым письмо с совершенно голословными обвинениями по адресу Заместителя председателя Астросовета Гавриила Сергеевича Хромова. В письме не приводится никаких конкретных фактов.

К сожалению, одно из таких подметных писем Солпитера сделалось даже предметом разбирательства. Расчет был на нашу наивность. Неизвестно, кто стоял за Солпитером. Но плохо, что нами здесь была проявлена поспешность и провокация Солпитера отчасти удалась. Меня не волнует, мягко выражаясь, бесцеремонное поведение Солпитера, и дело даже не в конкретной обиде, нанесенной Хромову.

И вообще, дело не в Хромове. Хочу лишь выразить протест и предостеречь против возможности дальнейших провокационных и вместе с тем хитрых вмешательств наших противников из капиталистических стран в дела советской науки.

Как армянин, в течение свыше 50-ти лет работавший с русскими учеными, учившийся у них, а часто и споривший с ними по научным вопросам, могу заверить, что кроме внимания, помощи и всемерного содействия я от них ничего не получал.

Мне хорошо известно, что большинство объективных зарубежных ученых, посещающих Советский Союз, удивляются тем широким возможностям, которые получили для научной работы представители всех наций и национальностей нашей страны. Поэтому отдельные неблагоприятные поступки, вроде упомянутых выше, не могут помешать дальнейшему укреплению наших связей с иностранными учеными, в том числе и с такими, которые стоят на других идеологических позициях.

Конечно, поступок Солпитера не заслуживает широкой огласки, но о нем нужно было сказать здесь.

Гаврила Сергеевич тоже не остается в стороне и требует сатисфакции.

Главному ученому секретарю Президиума
Академии наук СССР
члену-корреспонденту АН СССР
Г.К. Скрябину
копия: Начальнику Управления внешних сношений
Академии наук СССР
тов. А.А. Кулакову

Глубокоуважаемый Георгий Константинович!

На протяжении последнего года заместитель председателя Астрономического совета АН СССР проф. А.Г. Масевич активно и широко распространяет порочащие меня слухи,

приписывая мне мнимые ошибки в области международных связей.

Обвинения, выдвигаемые против меня А.Г. Масевич, состоят из двух основных пунктов: в том, что я якобы нарушил правила переговоров с иностранными учеными, и в том, что повинен в серьезных упущениях в финансовой деятельности по линии Советского национального комитета Международного астрономического союза.

Меня тревожит и оскорбляет то обстоятельство, что некоторые товарищи сочли обвинения А.Г. Масевич в мой адрес соответствующими действительности, не дав себе труда переговорить со мной лично. В Астрономическом совете АН СССР, благодаря специфической внутренней обстановке в этом учреждении, я также был лишен возможности оправдаться и теперь отстранен от всякого участия в делах по линии международных связей.

62 Все вышеизложенное побудило меня написать прилагаемую Объяснительную записку, содержащую истинное изложение обоих дел. По необходимости она получилась довольно пространной.

Убедительно прошу Вас ознакомиться с Запиской и высказать свое мнение относительно моих действий в изложенных в ней ситуациях. Если Вы признаете эти действия ошибочными, я готов понести за них ответственность.

В противном случае прошу Вас оградить меня от затянувшейся кампании клеветы по моему адресу.

Приложение: Объяснительная записка на 14 л.

Г.С. Хромов

Зам. председателя Астрономического совета АН СССР,
к.ф.-м.н., ст.н.сотр.

Москва, 27.XII.77.

Как видим, Гаврила Сергеевич также прилагает к своему обращению очередную объяснительную записку, затрагивая уже широкий круг вопросов. В обращении интересно еще и

это: «Приложение: Объяснительная записка на 14 л.». Таким образом Гаврила Сергеевич демонстрирует серьезность своих намерений по отстаиванию личных позиций в этом деле и что он знаком с чиновничьим делопроизводством. Указание на количество страниц в записке говорит о значительности дела, и что он, если действия ошибочны, «готов понести за них ответственность».

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

I

При назначении на пост заместителя председателя Астрономического совета АН СССР мне было поручено заботиться о развитии в нашей стране новых методов астрономических наблюдений. К числу таковых, в первую очередь, относились современные методы регистрации далекого инфракрасного излучения астрономических объектов, почти не применявшиеся на наших обсерваториях, но хорошо освоенные за рубежом.

63

За истекшие годы мне удалось в определенной мере содействовать развитию отечественной инфракрасной астрономии; косвенным свидетельством признания моих усилий явилось мое избрание в 1975 году на пост председателя соотвествующей внутрисоюзной рабочей группы.

Астрономические наблюдения в далекой инфракрасной области спектра требуют, в частности, создания специализированных телескопов и их установки в высокогорных условиях, отличающихся пониженным содержанием водяного пара в атмосфере. В последние годы ведущие страны мира построили или строят специальные обсерватории, расположенные на высотах около 4000 м над уровнем моря. В перспективе аналогичная задача стоит и перед нами.

Сознавая это, в июне 1974 года я посетил высокогорную экспедицию ГАО АН СССР, существующую уже несколько лет в горах Восточного Памира на высоте 4200 м. Экспедиция расположена вблизи от поселка Мургаб в урочище Шорбулак, в практически необитаемой, хотя и легкодоступной

местности. Район расположения экспедиции является приграничным; никаких особых формальностей для доступа туда, кроме обычного пропуска в пограничную зону, не требуется. Этот участок советско-китайской границы считается спокойным.

Ознакомление с местоположением экспедиции подтвердило мои предположения о ее перспективности. Позднее, по моей инициативе, силами ГАО АН СССР там была исследована инфракрасная прозрачность атмосферы. Результаты, находящиеся сейчас в открытой печати, показали, что по этому параметру Шорбулак не уступает лучшим из разведанных зарубежных точек такого рода, если не превосходит их.

64 Таким образом, Высокогорная памирская экспедиция ГАО АН СССР в перспективе может быть превращена во всесоюзный центр инфракрасной и субмиллиметровой астрономии. Для этого, конечно, потребуются значительные капиталовложения, вопрос о выделении которых пока не решен. В любом случае, настоящее развитие работ на Памире — дело 80-х годов. Существование Высокогорной памирской экспедиции ГАО АН СССР и ее перспективность с точки зрения инфракрасных наблюдений отнюдь не являются секретом. Эти факты широко известны советским астрономам и, в частности, упоминались в моей статье в журнале «Земля и Вселенная» № 2 (апрельский) за 1975 год.

В октябре 1974 г. в СССР побывала делегация астрономов ФРГ. Я познакомился с ее членами во время посещения ими Астрономического совета АН СССР и затем был приглашен на прием в посольстве ФРГ в Москве. В числе вопросов будущего советско-немецкого сотрудничества, упоминавшихся в неофициальной беседе, немецкие коллеги упомянули об исследованиях в области инфракрасной и субмиллиметровой астрономии. Я поддержал их мнение о принципиальной желательности такого сотрудничества, которое, при нашем тогдашнем техническом отставании, было бы весьма полезным. Однако никаких конкретных предложений с моей стороны не последовало, и Памирская экспедиция ГАО

АН СССР упомянута не была, так как мне не было ясно, когда и какую роль она может играть в будущем сотрудничестве.

Кстати сказать, в том же октябре 1974 г. в письме проф. Киппенхойера из ФРГ на имя чл.-корр. АН СССР Э.Р. Мустеля содержалось упоминание об использовании Памирской экспедиции ГАО АН СССР для совместных исследований по физике Солнца. Я никогда не встречался с Киппенхойером; немецкая делегация к моменту написания им письма все еще была в СССР. Откуда он узнал об экспедиции, мне не известно.

Летом 1975 г. в Тбилиси состоялась II Европейская астрономическая конференция. Я не принимал в ней участия, находясь в Москве. После окончания конференции, встречая в Домодедовском аэропорту тогдашнего Генерального секретаря Международного астрономического союза проф. Г. Контопулоса, я случайно столкнулся с ведущим астрофизиком ФРГ проф. П. Мецгером.

Мецгер спросил меня, знаю ли я что-нибудь о Памирской станции Пулковской обсерватории, о которой ему рассказывали советские коллеги в Тбилиси. Он добавил, что с точки зрения немецких астрономов это — очень перспективный для инфракрасных наблюдений высокогорный пункт.

Я согласился с ним, заметив, однако, что ничего серьезного на Памире у нас пока нет, и что развитие этого пункта — дело дорогостоящее, проблематичное и, в любом случае, — не скорое.

Следует пояснить, что астрономы ФРГ активно развивают работы в области субмиллиметровой и инфракрасной астрономии, «душою» которых является сам Мецгер. На континенте Европы нет по-настоящему высокогорных мест, пригодных для устройства специализированной обсерватории. Поэтому немецкие астрономы искали соответствующие возможности за пределами Европы. Можно, следовательно, думать, что именно это побудило П. Мецгера добавить к немецким предложениям по «Сотрудничеству в области галактической и внегалактической радиоастрономии между

Радиоастрономическим институтом им. Макса Планка в Бонне и институтами АН СССР» абзац, предусматривающий проведение совместного обзора неба в миллиметровом и субмиллиметровом диапазоне на базе Памирской экспедиции ГАО АН СССР (см. стр. 3 этих предложений при сопроводительном письме на имя и.о. Президента АН СССР акад. В.А. Котельникова Президента научно-исследовательского совета ФРГ Х. Майер-Лейбница от 11.VII.75).

Эти предложения должны были обсуждаться во время советско-немецких переговоров в Москве, намеченных на осень 1976 г. Совет по радиоастрономии АН СССР заблаговременно запросил заинтересованные советские научные учреждения о встречных предложениях (письмо № 11260-645/15 от 29.I.76).

66

Ознакомившись с немецкими предложениями, я, в качестве зам. председателя Астрономического совета, ответственного за внутрисоюзную координацию и международные связи советских астрономов, а также в качестве председателя рабочей группы по инфракрасной астрономии, направил в Совет по радиоастрономии письмо, с копией в ГАО АН СССР (№ 11261-04-645.2 от 17.II.76). В нем я предлагал обсудить с немецкими учеными взаимные интересы, подчеркивая, однако, что «в настоящее время нам было бы трудно взять на себя конкретные обязательства...».

На вторичный циркулярный запрос Совета по радиоастрономии (№ 11260-645/90 от 9.VII.76) Астрономический совет АН СССР, за подписью Председателя, чл.-корр. АН СССР Э.Р. Мустеля, подтвердил согласие участвовать в переговорах с учеными ФРГ, в частности — по вопросу о совместных работах на Памире (№ 11261-04-645.2 от 23.VII.76). В качестве ответственного лица указывался Г.С. Хромов. Это письмо было подготовлено на основании прежней переписки и даже без моего участия (я был в отпуске).

Руководитель советской делегации на этих переговорах, сотрудник ФИАН д.ф.м.н. Р.Л. Сороченко обоснованно настаивал на максимальной конкретности наших встречных

предложений; однако, относительно сотрудничества на Памире, как это уже упоминалось, мы не могли предложить ничего конкретного. Поэтому, когда в середине июля 1976 г., будучи в отпуске в Крыму, я встретился с Р.Л. Сороченко в кабинете зав. отделом радиоастрономии КрАО АН СССР И.Г. Моисеева, мы договорились снять этот вопрос из официальной повестки совещания. Так и было сделано, и в программе встречи с учеными из ФРГ, подготовленной Советом по радиоастрономии, его не было (№ 11260-645/109, от 4.X.76).

По той же договоренности, за мною, как за зам. председателя Астрономического совета и членом советской делегации, оставлялось право провести неофициальное обсуждение вопроса, если немецкая сторона будет к нему стремиться.

Из-за сильной занятости в ноябре м-це я не посещал совместных советско-немецких совещаний и даже не стремился к контактам с немецкими делегатами. 24 ноября, в конце переговоров, я, в установленном порядке, получил приглашение на прием, устроенный для участников переговоров ответственной сотрудницей посольства ФРГ в Москве Д. Шенк. На этом же приеме от Астрономического совета, кроме меня, была А.Г. Масевич.

67

На приеме я встретился с руководителем немецкой делегации П. Мецгером. Он в то время страдал от радикулита, и мы перешли для разговора в соседнюю комнату, где можно было сесть и не было так шумно. Слышать содержание нашего разговора А.Г. Масевич не могла из-за шума голосов и расстояния.

П. Мецгер выразил сожаление, что вопрос о сотрудничестве по инфракрасной и субмиллиметровой астрономии не обсуждался.

Он рассказал мне о состоянии соответствующих работ в ФРГ, подчеркнув, что сейчас немцы выбирают высокогорный пункт и ведут исследования инфракрасной прозрачности атмосферы, но что серьезная научная работа в этой области для них — дело будущего.

Я, в общих чертах, повторил то же, что говорил и ранее: что Памирская точка, основанная ГАО, — очень перспективна, но что прежде, чем мы сможем дорасти до сотрудничества на ее основе, там должна быть создана небольшая обсерватория. В свою очередь — сказал я — это потребует от АН СССР серьезных капиталовложений. Далекое не ясно, согласится ли руководство Академии выделить эти деньги, тем более, что последние годы АН СССР так много тратила на 6-метровый телескоп и радиотелескоп РАТАН-600. Я же посоветовал Мецгеру попытаться договориться о постановке субмиллиметровых наблюдений на 6-метровом телескопе в Зеленчуке.

68

П. Мецгер сказал, что он понимает положение, что со средствами нелегко и в ФРГ, но что в качестве первого шага к возможному в будущем сотрудничеству он хотел бы сам побывать на Памире, чтобы осмотреть место и оценить его пригодность для установки там когда-либо в будущем немецкого субмиллиметрового телескопа. Кроме того, он имеет комплект экспедиционного оборудования для исследования инфракрасной прозрачности атмосферы, прокалиброванный на всех хорошо обследованных высокогорных обсерваториях мира.

Я ответил, что вопрос о том, сможет ли Мецгер посетить Памирскую экспедицию ГАО, зависит от решения Президиума АН СССР о целесообразности такой поездки, и что это решение может быть и отрицательным.

Несмотря на мой тогдашний скептический ответ, я считал и продолжаю считать, что ознакомительную поездку Мецгера на Памир — при согласии компетентных органов — можно было бы попытаться организовать. Мы заинтересованы в сотрудничестве с ФРГ — особенно в области слабо развитой у нас субмиллиметровой астрономии. Возможность проверить наши астроклиматические инфракрасные данные (новое для нас дело) с помощью калиброванной немецкой аппаратуры также весьма важна: ведь на основании этих измерений должно быть принято решение о расходовании значительных государственных средств. Наконец,

с чисто психологической точки зрения, такая поездка открыла бы для нас возможность получать от немецких астрономов или через них, скажем, первоклассные приемники инфракрасного излучения американского производства. Новейшие типы приемников такого рода запрещены к завозу в социалистические страны, в то время как и наши астрономы, и промышленные организации заинтересованы в их получении и исследовании. Этими соображениями я руководствовался и в дальнейшем.

На следующий после приема день А.Г. Масевич принялась выговаривать мне за то, что я, по ее мнению, позволил себе явные неосторожности в разговоре с Мецгером (свидетелем которого она не была). При этом она ссылалась на шуточные замечания Мецгера в беседе с акад. В.А. Котельниковым во время торжественного обеда (я на нем не был). В изложении А.Г. Масевич Мецгер шуточно укорял акад. Котельникова в том, что он, как один из высших руководителей АН СССР, сдерживает развитие инфракрасной астрономии. А.Г. Масевич настойчиво рекомендовала мне получить разрешение Президиума АН СССР на переговоры с немцами о сотрудничестве на Памире.

Я бы и запросил такое разрешение, если бы к тому был хоть малейший повод: ведь никаких переговоров не было и не предвиделось, был только неофициальный обмен мнениями. Тем не менее, под впечатлением беседы с А.Г. Масевич и во избежание недоразумений, я отправил на имя акад. В.А. Котельникова служебную записку (№ 11261-03-125 от 13.XII.76), где излагал ситуацию с высокогорной экспедицией ГАО АН СССР, перспективами ее развития и сотрудничества с ФРГ и т.п. Директор ГАО АН СССР, чл.-корр. АН СССР В.А. Крат был осведомлен о моей позиции и действиях и не возражал против них. Реакция руководства на эту записку осталась мне не известной, но, как следует из дальнейшего, не была резко отрицательной.

В конце декабря 1976 г. на имя вице-президента АН СССР акад. В.А. Котельникова поступило письмо П. Мецгера, где он, ссылаясь на наш разговор о природных условиях на Па-

мире и большую заинтересованность немецких астрономов в доступе к таким местам, выразил желание лично посетить станцию ГАО и готовность предоставить в наше распоряжение калиброванную аппаратуру для исследования влагосодержания в атмосфере.

Копия этого письма поступила в Астрономический совет с резолюцией акад. В.А. Котельникова: «Г.С. Хромову: прошу сообщить Ваше мнение. 28.XII.76 г.». В ответе я сослался на вышеуказанную служебную записку. В результате дальнейших взаимодействий между акад. В.А. Котельниковым и ООФиА АН СССР, детали которых мне не известны, зам. академика-секретаря ООФиА чл.-корр. АН СССР В.В. Мигулин предложил УВС АН СССР выяснить возможность организации поездки П. Мецгера на Памир (резолюция на копии моей служебной записки, датированная 26.I.77).

70 Как следует из ответа, подписанного нач. УВС АН СССР тов. А.А. Кулаковым (№ 10107-381 от 12.IV.77), Управление внешних сношений после консультации с Президиумом АН Тадж. ССР признало поездку П. Мецгера на Памир нецелесообразной

Таким образом, дело было решено в системе АН СССР. (Это — важное обстоятельство, так как, пытаясь доказать мою несуществующую вину, А.Г. Масевич постоянно ссылались на выговоры, которые в связи с вопросом о поездке Мецгера на Памир ей делали какие-то анонимные, но очень ответственные лица из внешних организаций). Ни со стороны П. Мецгера, ни с моей (как бы я ни относился к принятому решению) никаких дальнейших действий не последовало. Никаких замечаний в адрес Астрономического совета со стороны руководства не поступало. Каких-либо нарушений с моей стороны во взаимодействиях с астрономами из ФРГ я усмотреть не могу.

Вместе с тем, «дело с самовольным приглашением Мецгера на Памир» активнейшим образом раздувалось А.Г. Масевич в Астрономическом совете, ООФиА АН СССР и УВС АН СССР с целью обвинить меня в нарушении правил обще-

ния с иностранными учеными и превышении полномочий. В конце-концов оно послужило поводом для моего полного отстранения от международной работы в Астрономическом совете.

II

Одной из моих обязанностей как нового заместителя председателя Астрономического совета было шефство над делами Советского национального комитета Международного астрономического союза (МАС), функции которого по многолетней традиции возложены на Астрономический совет как координирующий орган.

До моего прихода в Астрономический совет оперативная работа по линии Советского национального комитета МАС велась, главным образом, А.Г. Масевич. Когда же эти обязанности перешли ко мне, это не сопровождалось даже подобием формальной передачи дел. Строго говоря, меня даже не ввели в курс событий; единственным доступным мне способом изучить положение и включаться в работу было ознакомление с прошлой перепиской Астрономического совета с Исполкомом МАС, с циркулярными документами Союза, отчетами наших делегаций и т.п.

Ученый секретарь Советского национального комитета МАС Б.Н. Журавлев, деятельно помогавший мне в этой работе, также знал не все, ибо мог систематически пользоваться лишь перечисленными выше источниками информации.

Совместно с Б.Н. Журавлевым и в тесном контакте с УВС АН СССР нам удалось существенно упорядочить деятельность Советского национального комитета МАС. В частности, мы провели перерегистрацию всех примерно 400 советских членов Союза, поставили под определенный контроль дела с выдвижением советских ученых в комиссии МАС и на руководящие посты в них, оживили оперативное взаимодействие с Исполкомом в перерывах между его ежегодными заседаниями, организовали координацию работы

национальных комитетов МАС социалистических стран. Важным достижением явилась стабилизация численности группы советских членов МАС: мы впервые предложили и стали последовательно проводить в жизнь принцип выдвижения новых советских членов Союза только взамен лиц, выбывших или исключенных по причине потери профессионального интереса. Советская делегация, выехавшая в 1976 году во Францию на XVI Генеральную ассамблею МАС, оказалась беспрецедентно молодежной по составу.

Поскольку коллективным членом МАС является АН СССР, все финансовые дела, связанные с уплатой коллективного членского взноса, велись непосредственно УВС АН СССР. От Астрономического совета требовалось лишь быть в курсе событий и составлять пояснительные записки или обоснования предложений, связанных с изменением суммы взноса.

72 Советские астрономы, в лице небольшой совместной группы Астрономического совета и Гос. Астрономического института им. Штернберга, ведут многолетнюю работу по составлению и совершенствованию каталога переменных звезд и других переменных космических объектов. Этой группой руководил проф. Б.В. Кукаркин, скончавшийся в сентябре 1977 г. Работа выполняется под эгидой Международного астрономического союза как международное обязательство советских астрономов.

Задолго до моего перехода в Астрономический совет МАС постановил выдавать Советскому национальному комитету валютную дотацию на работы, связанные с подготовкой и изданием каталога. В 1970 г. размер этой дотации составлял 1 100 долларов США в год. Как обстояло дело до того, мне не известно, ибо имевшиеся в моем распоряжении документы охватывают период времени позднее 1970 года.

Поскольку работа по составлению и изданию каталога выполнялась за счет внутренних бюджетов участвующих в ней советских организаций, инвалютные суммы дотации МАС накапливались на банковском счете этой организации. Считалось, что Советский национальный комитет МАС вправе

распоряжаться этой суммой через посредство Генерального секретаря Союза. Каким образом и с чьего согласия был выработан этот порядок, мне не известно. На конец 1970 года накопившаяся сумма достигла 3356 долларов.

О существовании этих денег мне в самых общих чертах сообщила А.Г. Масевич вскоре после того, как я начал заниматься делами МАС. По ее словам, эти суммы составляют, по договоренности (с кем?), что-то вроде резерва Советского национального комитета МАС и предназначены на случаи неожиданного и не признанного АН СССР увеличения коллективного членского взноса.

Эта точка зрения казалась мне разумной, тем более, что в Астрономическом совете А.Г. Масевич считалась признанным авторитетом по финансовым вопросам. В частности, Председатель Астрономического совета АН СССР чл.-корр. АН СССР Э.Р. Мустель доверил ей все финансовые дела. Даже после моего появления переписка с Исполкомом МАС по финансовым вопросам чаще всего направлялась А.Г. Масевич, а не мне. Я не протестовал против такого порядка, как в силу большой общей загруженности делами, так и из уверенности, что в столь важных и сложных делах разумно соблюдать преемственность.

К тому же, как это уже упоминалось, история наших финансовых отношений с МАС и, в особенности, не документированные договоренности, оставались мне фактически неизвестными. Впервые и по-настоящему я смог познакомиться с текущими финансовыми делами Союза во время XVI Генеральной ассамблеи 1976 года, где был членом Финансового комитета и Подкомитета.

Общие отчеты о финансовой деятельности МАС не содержали сведений об аккумулированной сумме дотации на Каталог переменных звезд, а отчеты, приходившие в УВС АН СССР, информируют только о задолженности или уплате коллективного членского взноса АН СССР. Специальные отчеты о сумме дотации на Каталог приходили в Астрономический совет раз в год, причем, в силу вышеупомянутой традиции, не все они попадали ко мне. (Это было

бы нетрудно установить документально, так как имею привычку автоматически визировать все документы, попадающие мне на рассмотрение. Однако, сейчас я должен основываться на памяти, ибо оказалось, что эти отчеты за прошлые годы с резолюциями и пометками на них куда-то исчезли из дела с перепиской по финансовым вопросам с Исполкомом МАС. Наверное, я не очень сильно ошибусь, если предположу, что они находятся у А.Г. Масевич. В подтверждение своих слов в дальнейшем, я могу сослаться на председателя Комитета народного контроля Астрономического совета В.Л. Хохлову, знакомившуюся с этой перепиской летом с.г.).

74

Итак, мне было известно о существовании своеобразного счета в Исполкоме МАС, на котором хранились деньги, полученные в качестве дотации на Каталог переменных звезд. Я знал, что из этих средств была оплачена покупка импортных запасных принадлежностей к наборной машине «Веритайпер», на которой осуществляется набор Каталога переменных звезд. Эта покупка, на общую сумму в 1196 долларов, была произведена по просьбе проф. Б.В. Кукаркина через посредство Исполкома МАС в 1974 году. Соответствующее письмо пошло за подписью чл.-корр. Э.Р. Мустеля и, видимо, было подготовлено и согласовано непосредственно между ним и Б.В. Кукаркиным.

По этому примеру, и с ведома Председателя Астрономического совета, я организовал покупку двух комплектов изданий XV и XVI генеральных ассамблей МАС — в 1974 и 1977 гг. на общую сумму около 250 долларов. Эти издания содержат организационные и научные отчеты о генеральных ассамблеях, списки членов Союза, его комиссий и т.п., то есть информацию, совершенно необходимую для работы любого национального комитета. В то же время они слишком дороги, и потому астрономические научные библиотеки их не приобретают. Сейчас, видимо, только в Астрономическом совете есть полный комплект трудов генеральных ассамблей МАС. Все эти книги имеются в наличии, что нетрудно проверить.

Я считаю, что как покупка запасных частей, так и приобретение изданий МАС являлись полезными и оправданными действиями и содействовали выполнению наших международных обязательств и работе Советского национального комитета МАС.

В конце 1975 года проф. Б.В. Кукаркин поднял вопрос о замене износившейся машины «Веритайпер». Он обратился к Председателю Астрономического совета с просьбой использовать для этой цели деньги, накопившиеся от дотации МАС, чтобы через посредство Исполкома Союза закупить в ФРГ новый экземпляр машины. По подсчетам Б.В. Кукаркина, накопившаяся сумма должна была составлять:

- 3 356 долларов — сумма на конец 1970 г.
- + 3 300 — дотация за 1971–73 гг. по 1100 д./год.
- + 3 000 — дотация за 1974–76 гг. по 1 000 д./год.
- 1 196 — оплата зап. частей к «Веритайперу».
- 133 — покупка изданий XV Ген. Ассамблеи МАС.
- 8 327 долларов с учетом поступлений 1976 года.

75

По настоянию проф. Кукаркина было подготовлено соответствующее письмо Генеральному секретарю МАС проф. Г. Контопулосу. К его ответу от 10.1.76 г. на имя Э.Р. Мустеля (это письмо сохранилось; на нем характерная резолюция: «А.Г. Масевич, Б.В. Кукаркину») был приложен отчет, из которого следовало, что мы располагаем суммой лишь в 2326 долларов. Недостающие 6000 долларов поглотила непонятная статья расхода под названием «особый взнос». Б.В. Кукаркин потребовал объяснений. Я отчетливо помню громкие дебаты, поднявшиеся по этому поводу в комнате иностранного отдела Астрономического совета. Эти разговоры начались и шли даже без моего участия. Когда я по собственной инициативе пришел и поинтересовался, в чем дело, мне показали письмо Контопулоса, и я спросил, что это за «особый взнос»? Ни Э.Р. Мустель, ни А.Г. Масевич не смогли ответить мне (тому есть свидетели: разговор происходил в присутствии Б.Н. Журавлева и М.А. Фединой).

Тогда, опять же по собственной инициативе, но с ведома и прямого одобрения Э.Р. Мустеля, я написал Г. Контопулосу, попросив в частности объяснить, в чем дело (любопытно, что копия моего письма тоже исчезла из дела, хотя ответ Контопулоса сохранился). На основании его ответа и после ознакомления со старой перепиской между Астрономическим советом и Исполкомом МАС, ссылки на которую он привел, мне удалось восстановить следующую картину:

76 В 1970 году во время Генеральной ассамблеи МАС в Брайтоне (я на ней не был) тогдашний Генеральный секретарь МАС проф. де Ягер решительно поднял вопрос об увеличении коллективного членского взноса. Дополнительной мотивировкой этого требования было то, что при нашем деятельном участии, кроме очередной Генеральной ассамблеи 1973 года в Австралии, была запланирована параллельная Чрезвычайная генеральная ассамблея в Варшаве, приуроченная к Коперниковской годовщине.

Наши делегаты, естественно, возражали как против увеличения единицы членского взноса, так и против перехода АН СССР в более высокую категорию членства, соответствующую численности советской группы в МАС. В качестве компромисса они предложили использовать для подготовки ассамблеи 1973 года по 1000 долларов ежегодно из 1100 долларов дотации на Каталог переменных звезд. (Строго говоря, из текста письма Советского национального комитета МАС Генеральному секретарю де Ягеру вытекает непосредственно только лишь разрешение использовать по своему усмотрению дотации за 1970 и 71 годы. Относительно судьбы будущих дотаций говорится только, что Советский нац. комитет попытается решить этот вопрос в положительном смысле с точки зрения интересов Исполкома. Дальнейших писем на эту тему в делах не сохранилось; договоренности если и были, то устные).

Я не могу обоснованно судить о том, действительно ли этот компромисс был мотивирован критической обстановкой, и не знаю, кто является его автором. Но, так или иначе,

в результате, на протяжении 1970, 71, 72 и 73 гг. Исполком МАС ежегодно вычитал из нашей дотации по 1000 долларов. Эту практику автоматически продолжил очередной Генеральный секретарь МАС Г. Контопулос в 1974 и 75 гг., считая ее справедливой, так как наш коллективный членский взнос по прежнему далеко не соответствовал численности нашей национальной группы в МАС, а инфляция и финансовые затруднения Союза не уменьшались.

Получив этот ответ, я написал Контопулосу еще одно, уже частное письмо (его копия тоже исчезла), разъясняя нашу общую позицию в финансовых делах и то, что со взиманием «особого взноса» за 1974–75 гг. он ошибся, но что, зная тяжелое финансовое положение МАС, мы едва ли будем требовать компенсации, хотя о его ошибке и сожалеем.

В ответе на это мое письмо Контопулос сообщил (от 3.IV.76), что отныне «особый взнос» взиматься не будет. Строго говоря, на этом дело и можно было считать законченным. Важно, что во всех операциях с дотацией МАС не было допущено никаких злоупотреблений, и ни одна копейка не послужила личному обогащению кого-либо. В равной степени не был нанесен прямой убыток нашей стране; речь может идти только о недостаточно эффективном использовании в наших интересах доли коллективного членского взноса АН СССР в МАС. (Следует помнить, что если бы попыток обратить в нашу пользу часть этого взноса вообще не предпринималось, то и это, по сложившейся практике, не составило бы особого криминала!).

Зато, возможно, что в начале 70-х годов мы избежали обострения финансовой проблемы в МАС и смогли провести внеочередную генеральную ассамблею в социалистической стране.

Я отношусь отрицательно к идее потребовать от Исполкома МАС обратно 2 000 долларов, вычтенные из нашей дотации за 1974–75 гг. Это, при крайне напряженном состоянии бюджета МАС (см. мой отчет по поездке на XVI Генеральную ассамблею), сильно осложнило бы наши отношения с руко-

водством Союза. Кстати, благодаря тому, что сейчас эти отношения хорошие, за те же годы мы получили в виде дотаций МАС на поездки советских астрономов на зарубежные мероприятия разного рода, интегрально, сумму, значительно превышающую 2 000 долларов.

78 Как нетрудно видеть из вышеизложенного, я не причастен к введению «особого взноса». Меня можно упрекнуть лишь в том, что до 1975 года я не знал о его существовании и не прекратил его в 1973 году (но почему это должен был сделать именно я?!). Я имею полное право выдвинуть встречную претензию — прежде всего, А.Г. Масевич — в том, что не был своевременно информирован ею об истории вопроса и о последующих договоренностях с руководителями МАС, с которыми я практически не виделся и не был знаком вплоть до 1975 года. Заказывая с ведома своего непосредственного начальства издания МАС, я лишь следовал установившейся в этом деле традиции, менять которую по своему усмотрению не имел полномочий. Насколько мне известно, к заключению о моей фактической невинности в вышеизложенном деле пришла и В.А. Хохлова — председатель Комитета народного контроля Астрономического совета, исследовавшая его в июле с.г.

Однако, на деле произошло нижеследующее: проф. Б.В. Кукаркин, отношения которого с А.Г. Масевич были весьма натянутыми, в одном из разговоров с ней в июле с.г. обвинил руководство Астросовета в потере 6 000 долларов, предназначавшихся на работы по Каталогу переменных звезд. В ответ он услышал, что виноват в этом Г.С. Хромов, о чем и сообщил мне с некоторым изумлением.

Узнав об этом новом выступлении А.Г. Масевич против меня (вспомним «Памирское дело», находившееся к тому времени в полном разгаре), я публично заявил на заседании совещания при директоре, что виноватым себя не считаю (или хотя бы только одного себя), и при необходимости сделаю все, чтобы доказать это.

Позднее, по просьбе Э.Р. Мустеля, справедливо озабоченного престижем Астрономического совета, я дал обещание

не поднимать этого вопроса по собственной инициативе. Тем временем А.Г. Масевич повсеместно распространила мнение о том, что по моей вине Советский национальный комитет МАС не то потерял, не то растратил 3 000 долларов. Слух этот, в частности, испугал ученого секретаря ООФиА АН СССР Е.В. Трушина и дошел даже до Отдела науки ЦК КПСС. Это и побудило меня написать настоящее объяснение.

Москва, 23 декабря 1977 г.

Г.С. Хромов

Всё это дело закончилось уходом Гаврилы Сергеевича из Астросовета. Обвинения Солпитера сыграли свою роль на начальном этапе. В дальнейшем они были отсеяны уже за ненадобностью. Гаврила Сергеевич поддался на провокацию и начал борьбу уже со святым — работой Астрономического совета, прямым столкновением с А.Г. Масевич, а та, в свою очередь, очень искусно подключила И.С. Шкловского и Я.Б. Зельдовича, а также А.А. Михайлова через его жену, Зденку, с которой была дружна. А с кем она не была дружна? Уж что-что, а «дружить» Алла Генриховна умела. ГС был объявлен склочником, неуживчивым человеком и, конечно, карьеристом. Что было правда, что нет — уже никого не интересовало, информация была донесена на самый верх, да и своими письмами докладами-оправданиями ГС причинял неудобство. От него избавились, найдя формальный повод, освободили от должности заместителя, а затем уже мелкими добавками вроде отбора сотрудников, ликвидации его лаборатории, аспирантов дело было довершено.

79

Гавриле Сергеевичу оставалось только утешиться, сделать выводы и жить дальше. Ни первого, ни второго он не захотел сделать. Уж с Академией-то он боролся всю жизнь и, наверное, с переменным успехом, что мы увидим дальше. А по результатам борьбы с А.Г. Масевич он оставил вот такой рассказ в папке.

Хронология одной склоки

Начало отсчета — XVI Генеральная ассамблея МАС в Гренобле [1976 г.].

Б.Н. Журавлевым и мною, при опасливом равнодушии или просто молчании со стороны прочих лиц и организаций, проведено некоторое сокращение группы советских членов МАС и перетряска состава наших представителей в комиссиях. На многие десятки перестановок — единственная ошибка с какой-то вполне неизвестной Пулковской широтницей. Злобная и несправедливая реакция А.А. Михайлова. Испуг Э.Р. Мустеля. Молчание А.Г. Масевич. Мои объяснения Михайлову, оставленные им без ответа, но принятые остальными Пулковскими астрометристами (Зверев, Тавастшерна, etc.). Дама осталась в комиссии.

На Генеральной ассамблее, в комитете по новым членам, Масевич гордо использует провозглашенный Б.Н.Ж. [Б.Н. Журавлев] и мною принцип ограничения численности национальных групп и попадает в комиссию Ж. Ковалевского, которой поручено рассмотреть общие положения с членством в МАС.

Далее, по возможности в хронологическом порядке.

Сентябрь 1976 г.

Ковалевский рассылает циркуляр своей комиссии с просьбой высказаться насчет принципов набора новых членов МАС.

В Астросовет приходят 2 экз.: один — нам в нац. комитет. Второй — Масевич, как члену комиссии. Масевич в командировке. Затем — за границей.

Я отвечаю от имени нац. комитета. Масевич забывает ответить и вспоминает об этом только после разговора в Индии с Баппу. По крайней мере одно из моих предложений (об обязательном членстве в комиссиях МАС) входит в предложения Комиссии и обсуждается.

Забывшая за бегом о своевременности ответа, Масевич обвиняет меня, Журавлева, Марину и Наташу в том, что ей

намеренно не показали циркуляр Ковалевского. Оправдания и объяснения в расчет не принимаются: все виноваты, а особенно — я. Разговор происходит в присутствии Э.Р. Мустеля, который молчит, не принимая чью-либо сторону.

Обвиняя меня в самоуправстве, Масевич сочиняет пространный и не очень ясный ответ Ковалевскому, который демонстративно согласовывает с Э.Р. Мустелем. Затрудняюсь сказать сейчас, что из этих предложений вошло в следующий этап обсуждений или, тем более, в окончательный отчет Комиссии.

С этого времени Э.Р. Мустель с подозрением относится к моим действиям по линии МАС, и Масевич начинает демонстративно действовать через мою голову. Б.Н. Журавлеву это не нравится, что не заменяет нашего с ним систематического и товарищеского взаимодействия, к которому мы оба привыкли. Масевич пытается перессорить меня, Журавлева, Марину и доводит Наташу до ухода.

Э.Р. Мустель не вмешивается.

81

Ноябрь 1976 г.

А.Г. Масевич с гордостью показывает мне свою научную характеристику, подготовленную в связи с выборами в АН СССР (её выдвинул А.А. Михайлов).

Я читаю и честно советую ей убрать 2 наиболее анекдотических пункта, видимо, включенных из излишнего старания Татевян или Длужневской — о почетном гражданстве г. Белоградчика и наличии «паспорта уроженца Луны».

Продолжаю следить за предвыборной суматохой, в которой, естественно, участия принять не могу. Ограничиваюсь регистрацией фактов и «болением» за Боярчука.

Имею неосторожность выразить, хотя и не очень громко, изумление по поводу назначения С.С. Лаврова директором ИТА вместо Новоселова, который все же ближе к небесной механике, чем чистый вычислитель Лавров.

Лаврова же поддерживали: Масевич, Охоцимский, Зельдович, Минин В.А. — каждый, явно исходя из собственных интересов.

Февраль 1977 г.

Встречаюсь с В.А. Амбарцумяном и получаю от него задание подготовить разбор деятельности Многостороннего сотрудничества по физике и эволюции звезд, которым многие, а особенно бюраканцы, недовольны. Э.Р. Мустель в курсе событий и их горячо одобряет.

Март 1977 г.

Заседание ОНСА с докладом Масевич о Многостороннем сотрудничестве. Я не выступаю, но подготовленные мною статистические данные имеются у Амбарцумяна, Мустеля и Боярчука.

Решение: пересмотреть тематику и руководство сотрудничеством. В Астросовете оно интерпретируется как ревность мужчин к женскому (Мадам, Оля [Длужневская], Эна [Эргма]) руководству.

82 Декабрь 1976 – март 1977 г.

Одно обвинение — в самоуправстве, но часть МАСовских дел на мне уже висит. Теперь добавляется другое: А.Г. Масевич распространяет слухи, что я самовольно пригласил Мецгера на Памир и раскрыл ему одновременно всевозможные тайны насчет того, как и чем обставлена процедура приглашения иностранца в нашу глубинку.

Доказательств у нее, естественно, нет. Это не мешает ей клясться Э.Р. Мустелю партбилетом, что, несмотря на общеизвестную лживость этой дамы, производит на него впечатление.

Происходит серия тяжелых и безнадежных разговоров между мною, Масевич и Э.Р. Мустелем.

Я открыто обвиняю Масевич во лжи. Э.Р. Мустель колеблется и не знает, кому верить. Постоянно выпытывает у Журавлева, как обстоят дела, боится предрекаемого Масевич скандала. Явно запуган и мне не верит. Иностранные дела старается решать без меня; я узнаю кое о чем только от Б.Н. Журавлева.

Масевич развивает бурную деятельность, распространяя клевету на меня в УВС и Отделении. Всё — за моей спиной и

пользуясь легковерием и легкомыслием. Вполне это удалось только в Отделении: в УВС народ серьезнее. Э.Р. Мустелю преподносится состряпанная ею же анонимка, которая приписывается мне. Он в это верит.

Апрель 1977 г.

У меня умирает отец, и мне не до склок. Э.Р. Мустель в отъезде, Б.Н. Журавлев в отпуске.

Масевич идет к Кулакову [УВС АН СССР] и, видимо, сообщает выдуманную ею историю насчет Памира. Цель — сорвать мою поездку в США.

Одновременно беготня с моей выездной характеристикой с целью попытаться напомнить о моих старых «грехах», давно отпущенных мне нашим же Партбюро.

Май 1977 г.

Развертывание уже традиционной кампании против Б.Н. Журавлева — в частности в связи с инспирированным Масевич внеплановым приездом египтян. Склока прекращена благодаря вмешательству Н.М. Киселева.

Я уезжаю в США. Масевич — в Израиль на КОСПАР.

Июнь–июль 1977 г.

Продолжение травли Б.Н. Журавлева с целью отстранения его от иностранных дел. Запуск и обсуждение, в т.ч. и на партбюро, слуха о его переходе на хозяйственную работу.

Прямое предложение ему со стороны Масевич уйти, пока не разразился какой-то скандал. Какой?

Мой, с отчаяния, разговор с Длужневской с просьбой оставить Журавлева в покое и со ссылкой на то, что «эра Масевич кончается по многим причинам». Ответ О.Б. — «наоборот, в последнее время её шансы возросли...». Какие, почему? Я тогда не придал значение этой ремарке.

Масевич, по сговору с Маровым, добивается изменения уже согласованного и завизированного проекта распоряжения о моем назначении зам. председателя комиссии по космическим топонимам (по неосведомленности считая, что

этот «пост» связан с зарубежными выездами). Партбюро не было поставлено в известность о том, что на него назначаюсь я (О.Б. Длужневская). Марову устами Масевич говорилось, что я проштрафился в США, и партбюро, зная это, предлагает новую кандидатуру.

Э.Р. Мустель держится в стороне и хотя как будто бы поддерживает Журавлева, но [не] хочет или не может защитить его от нападков. Все время боится, что из-за мифической истории с Памиром ему попадет. По-видимому, повторно визирует новый проект назначения в топонимическую комиссию Ерпылева вместо меня, причем мне об этом не говорит.

По инициативе Амбарцумяна, Э.Р. и я встречаемся с ним в ООФиА, чтобы обсудить дальнейшие технические действия по части изменений в многостороннем сотрудничестве. Мимо то и дело шныряет Трушин, и факт, и состав участников разговора становится известным Масевич.

84 Пользуясь случаем, я задаю вопрос, продолжаем ли мы с Б.Н. считаться отмеченными доверием в части работы по линии МАС. Ответ — четко утвердительный со стороны Амбарцумяна и поддержанный Э.Р. Мустелем. Я несколько успокаиваюсь.

В июне — собрание оргкомитета советско-американского совещания в Протвино. На нем — Масевич; после этого — предложение Журавлеву уйти подобру-поздорову.

В Астросовете и около распространяется слух, что я в стоворе с Амбарцумяном решил обидеть невинную труженицу на nive многостороннего сотрудничества, и что я и есть — главный супостат. Другим «заинтересованным лицам» передается, что я — человек Амбарцумяна и потому — опасен.

Июль–август 1977 г.

Продолжаются бесконечные придирки к Б.Н. Журавлеву; для слежки за ним по части международного сотрудничества отряжаются Эргма и Тутуков. Я, к этому времени, фактически отстранен от иностранных дел. И все же, работа, текущая работа, особенно жаркая в летние месяцы, продолжается, несмотря на все придирки, помехи и прово-

кации. Ни одного срыва, хотя и Б.Н., и его девушки уже «на пределе».

Узнаю от Б.В. Кукаркина, что Масевич объявила ему, будто именно я повинен в потере значительной части дотации на ОКПЗ в виде «особого взноса» в МАС.

При всей умудренности опытом я не ожидал такого обвинения, ибо никто не предупредил меня о ситуации, когда взнос начал взиматься. Я отчетливо помнил, как годом ранее Э.Р. Му-стель громогласно отрекался от того, что он когда-нибудь кому-нибудь «дарил» эти деньги. Я помнил, как при выяснении этого дела у Масевич забежали глаза и она «не смогла припомнить», в чем здесь дело и что это такое. Я помнил, что среди общей растерянности именно я, путем переписки с Контопуло-сом, сначала выяснил, а потом прекратил взимание этого взноса и потому гордо считал себя «спасителем отечества».

Любопытно, что к тому времени я успел отговорить Кукаркина тратить эти деньги на приобретение «Веритайпера», обещав устроить его покупку за счет средств АН СССР. (Так или иначе, но обещание это выполнено).

Подозреваю, что Кукаркин заговорил вновь об этих деньгах с провокационной целью: он ненавидел Масевич и считал, что только я способен с ней справиться (узнал после его смерти). Отсюда и стремление столкнуть нас лбами.

Узнав о новом обвинении, я не то чтобы перепугался, а растерялся. Тем более, что успел убедиться, с каким искусством Масевич изобретает легенды и затем умеет выдавать их за истину.

Поэтому я решил сделать все, чтобы убить этот слух в зародыше, резко выступив на «дирекции» и заявив, что целиком ответственным за эту историю я себя не считаю и не дам взвалить ее на меня. Мое выступление, как и можно было ожидать, должного впечатления не произвело, т.к. по обычаю «дирекция» состоит из некомпетентных и запуганных Масевич людей. К тому же вновь был вытащен «на обсуждение» миф о немцах на Памире, о котором можно было только и говорить, что это — ложь. Такие аргументы в кругу развращенных людей обычно не действуют.

Хуже было то, что сам Э.Р. Мустель начал видеть во мне угрозу — тем более, что речь шла о предмете, в котором он слабо разбирался и ужасно боялся — о валюте. Я попытался после дирекции объяснить Э.Р. свою позицию, дав к тому же слово по доброй воле не выносить сор из избы. Слово это я держал, как и положено наивному интеллигенту, ещё 6 месяцев.

Затем я, совершенно измочаленный, уехал в отпуск — до начала известного действия в Протвино.

В Крыму я виделся и спокойно беседовал с Трушиным, не обмолвившись ни словом об обстановке в Астросовете. (Я вообще не говорил о ней ни с кем из ответственных или посторонних лиц до сентября 1977 г.). Около 20 августа Трушин уехал в Москву, а я остался до начала сентября.

Что происходило в это время в Москве, мне в точности неизвестно. А что-то происходило.

86 18.08 было написано и попало в руки Р. Сюняева известное письмо Солпитера.

20.08 Масевич с Эргмой были в Протвино и что-то узнали, хотя явно и не всё (Эргма стала решительно подпевать Масевич уже в начале августа).

Я знаю, что около этого времени происходили:

— Какой-то разговор Э.Р. Мустеля с А.М. Прохоровым.

— Какие-то разговоры Масевич с Трушиным и Перегудовым.

— Что в это время Э.Р. Мустель подписал (несмотря на прежнюю договоренность) заведомо необъективный протокол августовской «дирекции». Замечу, что во время заседания его формулировки не оглашались и что он целиком был состряпан Масевич «заглаза». Не сомневаюсь, что протокол многим показывался.

— Что началась бурная возня с письмом Солпитера; вероятно, по цепочке: Сюняев–Сагдеев–Шкловский–Леонтович–Прохоров–Перегудов.

Но, повторяю, подробностей все ещё не знаю. Со временем они, конечно, выяснятся; кое-что уже ясно, но на уровне непроверенных слухов, и потому о них не пишу.

Сентябрь 1977 г.

1 сентября — визит Масевич и Длужневской к Н.А. Мустель [жена Э.Р. Мустеля]. Характерно упоминание «о письме из Америки», видимо, письмо ожидалось, но где написано и кому — дамы ещё не знали.

Масевич излагает схему расправы со мною и Журавлевым посредством партбюро или закрытого партсобрании.

Длужневская бежит в райком, чтобы «согласовать», но там её останавливают из опасения скандала.

5 сент. я возвращаюсь в Москву, будучи в полном неведении.

7 сентября я мельком встречаюсь с уже осведомленным Э.Р. Мустелем. Он бледен, но молчит: Масевич запретила говорить мне!

8 сентября я уезжаю на симпозиум в Таллин и ломаю голову, почему все астрономы — евреи, даже те, с кем я долгие годы был в хороших отношениях, воротят от меня нос. Все они уже всё знали и никто не сказал мне ни слова! Думаю, что нелестная информация обо мне уже была растиражирована и в кругах присутствовавших там иностранцев. Обратила на себя внимание сияющая Эргма, которая прибыла в Таллин неведомо зачем и вертелась всё время вокруг сотрудников Зельдовича. Уж очень у нее был торжествующий вид.

В конце симпозиума узнаю о смерти Кукаркина [15 сент. 1977 г.] и не могу сдержать слез (нервы) на банкете, где эта новость осталась достоянием 3–4 человек — решили не портить торжества. Представляю, как надо мною потешались.

Сияющие — без преувеличения — глаза Эргмы ...

18 сентября. Возвращаюсь в субботу, и Э.Р. Мустель вызывает меня домой. Нервничая, показывает мне письмо и все время пристально следит за моей реакцией (не понимает, добрый человек, что это — унижительно). Рассказывает мне всю (?) историю, с гордостью упоминая, что он выторговал у Масевич уступку мне: разрешение дать мне письмо Солпитера за 10 минут до начала партсобрании.

Возмущается, но при всем том запрещает мне говорить кому-либо. Опять таки «Масевич запретила». Затем, через два дня, запрет снимается.

20 сентября в ГАИШ — на похоронах Кукаркина.

Масевич, Эргма, Длужневская — шмыгают среди опечаленных людей. Масевич тут же подсовывает своей старой приятельнице Е.А. Сорокиной [зав. отделом кадров ГАИШ] перевод письма Солпитера — весьма тенденциозный и с объяснениями, какой он великий ученый. Этот перевод быстро конфискуется администрацией института и партбюро определяет его как провокационный.

20 сентября–5 ноября. По просьбе Э.Р. Мустеля пишу своего рода объяснение по поводу клеветы Солпитера. Достаточно унижительно, но просят...

Начинаю оглядываться и разговаривать: выясняется, что за исключением очень узкого круга астрономов и физиков-евреев об этой истории никто не знает. Рассказываю. На всякий случай запрещаю некоторым уязвимым людям со мной общаться на глазах у других, чтобы не было ещё вреда для них.

88 Истерика нарастает: уже говорят о том, что такую же записку получил Зельдович. Что сам Бете — глубокий старец — выражает свое возмущение моей скромной особой. (Обе сплетни, родившиеся, кажется, в окружении Зельдовича, не имели развития и, видимо, являлись чистой ложью).

Я всё жду, что обо мне заговорит ещё какой-нибудь «Голос Америки». Тогда я бы этому не удивился.

Зельдовича спрашивают, зачем понадобилось Шкловскому раздувать эту историю (В.В. Ковтун). Ответ: «А я бы ему и не позволил замолчать её».

Я, встретившись с Шкловским в ГАИШ, бросаю ему, что он действовал как доносчик. Обиделся...

Сагдеев впоследствии объяснял, что ему не давали ни сна, ни отдыха телефонными звонками с требованием позвонить и всё рассказать известному «борцу за демократию» ак. Леонтовичу.

В то же время обнаруживается таки подписанный Э.Р. Мустелем протокол летней дирекции. С него уже снимаются копии. Происходит разговор между Э.Р., А.Г. Масевич и мною. Здесь-то Масевич и клянется партбилетом, что

я продал немцам Памир. Делается это пониженным голосом, так чтобы я не слышал (я в это время говорю по телефону), и с видом праведницы, заподозренной в разврате.

Так или иначе, Э.Р. Мустель снимает свою подпись. Но, боюсь, что поздно: протокол уже сделал свое дело.

Длужневская выражает желание побеседовать со мною «об этом письме». Я соглашаюсь на это только в присутствии Э.Р. Мустеля. В назначенное время Длужневская убегает из Астросовета.

Всё же «дело» рассматривается на закрытом партсобрании, куда меня не приглашают: не нашли, хотя едва ли не все члены партбюро видели меня накануне. Что-то записывается в недоступный для меня протокол.

Одновременно Эргма подает докладную, что я оскорбил её женское достоинство, когда взял из ящика её стола пресловутый протокол дирекции. Слава богу, этот анекдот сразу же кончился тем, что Э.Р. Мустель просит её забрать заявление.

Я обвиняю Масевич в том, что она рылась в ящике моего стола, в чем есть свидетели. В ответ — хорошо разыгранное негодование: она, видите ли, не так воспитана ...

Идеализм из меня ещё не выбили, и мне становится жаль Эргму, которая на глазах превращается в истерическую и подленькую подпевалу. Говорю с её подружкой, Маргаритой (зав. библиотекой) — в стиле: ну пусть держится в стороне, ведь придет момент, когда ей станет стыдно. Говорю довольно спокойно, почти шепотом и не прибегая к гиперболам.

В ответ — скандал: я-де угрожал бедной девушке и её покровительнице. Бегут в Отделение жаловаться Трушину. Заметим, что в это время Масевич выгодно представить меня как человека крайне несдержанного — иначе трудно объяснить, при каких обстоятельствах я «ругал евреев в США». Тут уж мне принимаются выговаривать даже мои немногие друзья, не желая при этом слушать моих объяснений или не веря им. Так и сам поверишь, что ты — это не ты!

Беготня и скандалы с действующим составом Астросовета (прошедшим, кстати сказать, все визирования и утвержде-

ния). Масевич громогласно объявляет этот состав «антисемитским». Э.Р. Мустель испуганно отрекается от участия в его выработке: я-де подсунул, а он — подписал ... [про протокол, что ли?]

В это же время Э.Р. Мустель говорит с Прохоровым и Перегудовым. С последним беседует ещё и Б.Н. Журавлев. Рекомендация: замять дело в рамках ООФиА. Трое: Мустель, Прохоров, Перегудов договариваются обсудить предмет после заседания Бюро ООФиА.

5.10. [так в рукописи] Трушин на бюллетене (дипломатическая немощь?).

4.10. Макаров звонит Северному, приглашая его на бюро для обсуждения моего дела. Перегудову «не сообщают» о заседании бюро (вероятнее всего — ложь).

5 октября — известное и хулиганское, по сути, заседание бюро, на котором присутствует масса приглашенных и людей из аппарата отделения. Ведется подробный, почти стенографический протокол, факт существования которого от меня затем скрывает Трушин. Мустель не находит смелости сам рассказал мне о заседании [так в рукописи].

Естественно для наших «интеллектуалов», что я не устаиваюсь беседы с каким-либо начальством ни до, ни после бюро, вплоть до марта 1978 г., когда меня впервые выслушивает вице-президент Велихов.

Октябрь–декабрь 1977 г.

6 или 7 октября отправляюсь в ООФиА, чтобы взять выписку из протокола. Маркианов вертится и увильивает. Возникает Трушин. Короткий, но резкий разговор с ним. Примечательная фраза: «Скажите спасибо, что Вас не сняли с формулировкой „за развал иностранной работы“». — Какой развал? — «растрата валюты и превышение власти».

Прошу стенограмму. Трушин лжёт, что её нету, так же как и протокола (в то же время этот, очень подробный протокол показывают В.С. Шевченко).

Ухожу с тем, что беру формальную выписку с глупым и непрофессионально подготовленным решением, да перепи-

сываю список участников мероприятия — достаточно красноречивый сам по себе.

Отделенческие дамы смотрят на меня с ужасом и состраданием, как на заразного больного. Объяснять и доказывать некому.

10 октября появляется приказ за подписью Э.Р. Мустеля, где я от всего отстраняюсь с 5-го числа (гениально, но не лишено привлекательности, как всякое действие под влиянием сильных естественных раздражителей).

12 октября появляется из очередной отлучки Масевич, и с моей двери мгновенно исчезает табличка: мстить, так уж до конца!

Почти одновременно:

Делается попытка пересадить меня с глаз подальше, ибо моя комната уже кому-то обещана. Отбиваюсь, «не вышло, не вышло». И от меня тут же пересаживают Стрельницкого, пообещав ему отдельный кабинет. Все сопровождается обычными наговорами: де у бедняги слабые легкие, и мое курение ему, цыпочке, мешает, что он мечтает от меня избавиться. На эту тему заседают целые комитеты, в которые я, конечно, не вхожу. Здесь мне помогает отбиться Э.Р. Мустель.

91

Начинается разгон и разгром иностранного отдела, сопровождаемый эпидемией пересадок. В итоге то, с чем справлялись 3 человека, начинают делать 5; то, что умещалось в 1 комнате, занимает 3. Но, так нужно!

Меня, приказом за подписью Э.Р. Мустеля, освобождают от участия в делах МАС. При этом ссылаются на распоряжение (?) Прохорова и Перегудова. Приказы, конечно, готовит Масевич; Э.Р. их только исправно подписывает, а потом делает вид, что не знает, о чем идет речь.

Слава богу, удается отстоять Журавлева как секретаря нац. комитета МАС. В помощь ему назначается В.Л. Хохлова. В общем-то, жить можно, только в дела непрерывно суется Масевич, а Вера Львовна [Хохлова] все время опасается каких-то осложнений.

Позднее следует негласное указание Э.Р. Мустеля Журавлеву продолжать использовать меня для дел, но чтобы никто

не узнал, а то дамы побегут жаловаться в Отделение, а там все рассердятся на него, Э.Р. (почему и за что?).

Стрельницкий понемногу стал разбираться, кто его истинный благодетель. Я все ещё иногда захожу к нему, но он ведет себя уже совсем иначе, чем в те времена, когда именовал меня «шефом». Теперь он мне даже пробует хамить. Ну, а сам-то обходит мой кабинет, как черт икону. Зато исправно бегают к Масевич. Мне объясняет, что он, бедный, между двух огней и должен блюсти свою пользу. Все естественно — прекрасно!

Перед расширенным президиумом АС в конце декабря я прошу его узнать, приедет ли Омаров. Он дает телекс за моей подписью, хотя на это я его не уполномочивал.

92 Тут же следует подписанный Э.Р. Мустелем приказ, согласно которому доступ к телетайпу резко ограничивается (видите ли, этот самый дешевый способ связи для нас слишком дорог!). Меня и Журавлева в числе избранных, естественно, нет. Говорить всерьез об изменении этого нелепого приказа Э.Р. Мустель не хочет.

Масевич деятельно проводит политику отстранения меня от всех и всяческих дел (она мне так и сказала, когда шла борьба за мою комнату). Я перестал получать корреспонденцию. Даже те письма, на которые я должен был отвечать по сути своей работы, Э.Р. Мустель произвольно направляет кому придется. Иногда они все же попадают ко мне, совершив круг, иногда нет. В итоге я начинаю терять контроль даже за своей «родной» аппаратной сферой. Черновики моих писем цензурятся все. В них произвольно изменяется моя подпись, изменяются типы бланков. Иногда письма или акты с моей подписью просто задерживаются. Что пострадает дело — не важно, был бы соблюден принцип. Все это — с молчаливого согласия Э.Р. Мустеля.

Папка с моей иностранной перепиской исчезает; её изучают вдоль и поперек Масевич и Эргма в надежде обнаружения хоть чего-нибудь компрометирующего. В иностранный отдел папка до сих пор не вернулась!

Исчезли многие документы из переписки по делам МАС. Бог весть — где они; исчезновение произошло, кстати сказать, в конце августа — начале сентября. Зачем?

Шустрые мальчишки из ООФиА шарахаются от меня, как черт от ладана. Даже Минин, который, казалось бы, ни к чему не причастен (был в отъезде).

Маркианов убегает, завидев издали Журавлева.

По указанию ООФиА (чуть ли не сам Прохоров прибежал) плановики УВС снимают из плана включенную туда мою поездку в Англию. Редкая последовательность и широта взглядов со стороны руководителей ООФиА.

Масевич и особенно Эргма постоянно бегают в Отделение.

Друзья подсказывают мне, и я понимаю, что в растерянности не сообразил: формулировка моего отстранения в решении Бюро — фиктивна. Меня утвердил Президиум, и снять меня может только он. Заявляю об этом в Астросовете. Реакция со стороны Масевич — обычная: «Это все не то и не о том...».

Тем не менее тут же, в тесном сотрудничестве с Отделением, спешно изготавливается проект нового состава Астросовета, где меня, конечно, нет в замах. Этот проект до сих пор не двигается, несмотря на все старания заинтересованных лиц. Но это уже не ради меня, конечно. Э.Р. Мустель по этому простейшему бюрократическому делу до сих пор боится занять четкую позицию. Мне же внутренней цензурой строгонастрого запрещено именоваться зам. председателя.

Я, тем временем, веду бесчисленные разговоры с самыми различными лицами. Реакция всегда одинакова: возмущение, сочувствие, но только отсутствие конструктивных решений. Я, конечно, и не прошу никакой конкретной помощи, ограничиваясь распространением информации. Здесь неуместно перечислять, с кем и когда я беседовал — но со многими.

Вняв некоторым советам, казавшимся мне наиболее разумными, отправляю два недоуменных обращения. Одно — в ЦК КПСС; другое — в Президиум АН СССР на имя вице-президента Котельникова. Прошу разобраться: никаких обвинений по делу мне никто никогда не предъявлял, и надо же, такая напасть.

В Президиуме от моего воззвания все шарахаются, и вице-президенты перекидываются им, как горячей картофелиной. Все, конечно, понимают, что именно произошло в ООФиА, но никому не хочется вступать в безнадежное и опасное дело.

В ЦК, вопреки всем организационным речам, мое заявление совершает круг: Комиссия партконтроля — Отдел науки — Президиум АН СССР, т.е. щуку бросают в реку.

Я наивно жду, что явится добрый и честный дядя и все исправит. Жду долго. Утешаюсь тем, что энергично работаю по науке: надо же использовать передышку.

Райком, который к тому времени уже полностью в курсе событий, занимает выжидательную позицию. Если им прикажут — они разберутся. А кто должен приказать?

В конце декабря собирается по плану расширенный Президиум Астросовета. На нем выступает В.А. Амбарцумян с известным заявлением против провокаций и за дружбу национальностей. Выступает неожиданно для всех и даже для меня (он звонил мне накануне, и я остался в полном убеждении, что он не знает, можно ли и нужно ли что-нибудь предпринимать). Очень волнуется.

Заявление принимается единогласно. Даже Масевич нерешительно тянет руку, правда, со словами «но его же сняли совсем не потому» (вспомним начало истории: тогда она утверждала, что именно «потому»). Раздаются требования к председателю Астросовета объяснить, наконец, что происходит. Э.Р. Мустель в растерянности. Выручает один осторожный тугодум, который закрывает заседание, чтобы на досуге самому понять, что к чему (В.В. Соболев), и почему Амбарцумян с ним не посоветовался.

Продолжение на следующее утро. Большой сбор! Возникает Я.Б. Зельдович; приходит согбенный А.А. Михайлов, «окруженный» Масевич. Журавлев пытается проникнуть на заседание; ему отказывает Э.Р. Мустель. Так же, впрочем, как и рвущейся в праведный бой Эргме, которую толкает перед собой Масевич.

Масевич и Баутина (1-й отдел) пытаются подсунуть Э.Р. Мустелю какую-то шпаргалку: он её разрывает. Зато

копия шпаргалки оказывается в руках у Михайлова. Сей 90-летний старец твердо убежден, что начальство всегда право, что Масевич — обижаемая праведница, а я — несносный мальчишка, от которого никому нет житья.

Но выясняется, что у всех уже прошел запал, и информация Мустеля с облегчением откладывается на неопределенное время, и то — по резкому требованию Аксенова.

Январь–март 1978 г.

Чуть-что не зубами вырываю выписку из протокола заседания с полным текстом речи Амбарцумяна (мне это важно, т.к. там фигурирует моя фамилия как несправедливо обиженного). Ученый секретарь Стрельницкий делает все, чтобы мне её не выдавать, а будучи вынужден сделать это, тут же бежит доносить Масевич.

Прохоров выражает Мустелю недовольство Амбарцумяном, который-де во всем видит политику...

Однако, все разговоры о моем «недостойном поведении в США» как ножом отрезает. Их нету и даже не было.

Впрочем, все же надо иметь какую-то рабочую версию для объяснений действий отделения.

Извлекается запасной вариант: ошибки в иностранных делах (опять «проданный» немцам Памир; опять — «расстроченные» деньги МАС). Впрочем, живет эта липа недолго: в ответ на запрос Амбарцумяна УВС АН СССР сообщает, что не имеет ко мне никаких претензий и, напротив, оценивает мою работу по линии МАС положительно.

Позднее копия этого письма попадает в Пулковое в ГАО АН СССР, нашу самую большую обсерваторию, где меня знают и многие ценят. Академик Михайлов устраивает настоящее дознание, чтобы выяснить, как УВС посмело написать это письмо. Тут же присочиняется (узнаю руку Масевич), что я-де незаконно разослал массу его копий по всем долам и весям. Кончается походом Михайлова (только что отпраздновал 90-летие и стал героем соцтруда) в ЦК и звонком в УВС от Перегудова. В УВС, кажется, опять пра-

вильно разобрались, в чем дело, и очередная склока заглохла. Но это — позднее.

Тем временем я, по собственной инициативе, зная, что мои заявления пережевываются в Президиуме, отправил на имя главного ученого секретаря АН СССР Скрябина подробную объяснительную записку с изложением «Памирского дела» и «Дела с деньгами МАС». В сопроводительном письме ссылаюсь на клевету со стороны Масевич и прошу либо наказать меня, если я виноват, либо Масевич, если все это блеф. Судьба записки мне неизвестна, но к концу января—февралю разговоры о моих прегрешениях по части международных дел пошли на убыль.

96 Зато в Астрономическом совете за подписью Э.Р. Мустеля выходит приказ (продиктованный, конечно, лучшими побуждениями), которым я вообще отстраняюсь от иностранных дел и не имею права общаться с иностранцами. Прошу у Мустеля объяснений и не слышу ничего вразумительного. Какие-то вялые ссылки на Прохорова, Перегудова, Масевич, которая все-все расскажет и все рассердится...

Переписка моя продолжает цензурироваться. Из опасения провокаций и утечки информации я изымаю из дел (пока могу) переписку по поводу приобретения для одной закрытой фирмы комплекта карт американского Атласа неба.

Адресованные мне письма из-за границы доходят до меня с запозданием и директивными визами А.Г. Масевич. Я прекращаю переписку. Избегаю встречаться с иностранцами, заходящими в Астросовет.

Меня информируют, что Масевич пытается натравить на меня и Журавлева своего ученика Г. Рубена, занимающего заметный пост в ГДР. Что мое имя склонялось во время очередных переговоров Масевич с чехословацкими астрономами. Думаю и точно знаю, что не только с ними. Что-то говорилось и генеральному секретарю МАС, и даже советнику по науке посольства ФРГ в Москве.

Но, в целом, для меня обстановка нормализуется. Я продолжаю много работать, и постепенно вполне возобновил занятия аппаратными делами, которые считаю наиболее

важным для нас делом вообще. Почему-то иных охотников на это не находится.

Втихомолку, чуть-что не по секрету, помогаю Б.Н. Журавлеву и В.А. Хохловой в делах МАС. Э.Р. Мустель колеблется: с одной стороны, он видит, что от этого есть явная польза. С другой, — боится, что Масевич или Эргма пожалуются в Отделение, и на него, Э.Р., все рассердятся.

Борюсь с серьезнейшими домашними неприятностями. Работаю в ВАГО. Болею.

В Президиуме тем временем что-то происходит. В частности, появился новый вице-президент акад. Велихов. Мои дела, по слухам, сосредотачиваются у него в руках. Что он собой являет как личность и деятель — вполне неизвестно.

В отделении, думаю, что Е.В. Трушиным, порождается новый вариант объяснения нападок на меня: я-де провалил все аппаратные дела, бездельничаю, не езжу на заводы, бог весть чем занимаюсь в секторе, которым заведу (из двух человек). Что с того, что каждый пленум Астрономического совета хвалил мою работу по этой части? Что с того, что до меня в Астросовете всеми этими делами никто систематически не занимался вообще? Что с того, что у меня всего 1 (один) сотрудник, пригодный для занятий экспериментом, а в Астросовете не понимают, что такое лаборатория, и нет отдела снабжения и мастерской? Они начальство и им виднее.

Тем временем вокруг Астросовета, как вотчины Масевич, стали происходить интересные дела. Скандал со мной все же обострил внимание к этой организации и послужил катализатором для некоторых давно назревших событий.

В течение многих лет Масевич монопольно распоряжалась в спутниковой геодезии, бесцеремонно блокируя или подкупая заграничными поездками по спец. смете всех прочих заинтересованных в развитии этого дела людей. В итоге создался плотный экран из личностей, связанных взаимными услугами и круговой порукой.

Внутри этого экрана шла сладкая жизнь с путешествиями и международными пикниками за казенный счет при все слабеющих и все менее компетентных разговорах о науке — не

говоря уже о докучливой для женщин теме вроде перспективного планирования или разработках новой аппаратуры (Характерно: секцию по спутниковой геодезии при совете «Интеркосмос» возглавляла Масевич. Её заместительница — С.К. Татевян. Ученый секретарь — Т. Касименко; обе — сотрудницы и подчиненные Масевич. Председатель внутренней координационной группы — 86-летний старичок И.Д. Жонголович. Тихо и мило.

За пределами экрана — нарастающий и неудовлетворяемый спрос на астрономическую, прикладную и геофизическую информацию, основанную на наблюдениях ИСЗ. Нарастающее, но старательно задавливаемое возмущение подросших и компетентных молодых ученых, недоумение и возмущение других, не столь молодых, но некогда бесцеремонно оттертых от дела.

Итогом, хотя и не разрешением нараставшего конфликта, было появление доклада чл.-корр. АН СССР Ю.Д. Буланже, директора ГАИШ Е.П. Аксенова и директора ГАО АН УССР Я.С. Яцкива о состоянии и проблеме развития отечественных работ по спутниковой геодезии и геодинاميке. В докладе, кроме предложений на будущее, дан подробный и вполне нелестный разбор деятельности Астросовета в лице Масевич и её группы по спутниковой геодезии.

В Астросовете доклад произвел впечатление грома среди ясного неба и вызвал судорожные попытки нейтрализовать эффект, им производимый. Методы использовались обычные: дискредитация авторов доклада, попытки сделать так, чтобы им всем «попало» от их начальства, наглые и голословные опровержения всех без исключения критических положений, в нем содержащихся. Наконец, басня о том, что весь доклад со злости на бедную Масевич сочинил злокозненный Г.С. Хромов (кстати, очень далекий от всех этих проблем), и что введенные им в заблуждение «авторы» даже не знают, что подписывают! Все это подавалось под соусом лжи о том, что авторы теперь «так жалеют, так жалеют, и извиняются».

При всей невероятности этой, с позволения сказать, версии, ей многие поверили. Однако, как мне известно, подав-

ляющее большинство ответов на доклад содержало согласие с основной критикой. Положение осложнялось тем, что в ООФиА нет специалистов, способных разобраться в научной стороне вопроса, и тем, что именно там-то охотно поверили в выдумку о моем авторстве доклада. Немалую роль в формировании мнения ООФиА, без сомнения, сыграла позиция ученого секретаря Е.В. Трушина, который счел неудобным сознаваться, что Отделение попросту проморгало целое научное направление, важнейшее с точки зрения приложений и обороны.

В итоге, к составлению ответа за высокой подписью А.М. Прохорова был привлечен все тот же незаменимый академик Михайлов, который просто переписал шпаргалку, заготовленную для него Масевич — агрессивную и отрицающую. Впрочем, по дошедшим до меня слухам, доклад объединил многих ранее разрозненных людей из самых различных организаций. Не сомневаюсь, что это — только начало нового этапа развития спутниковых наблюдений в СССР, который, по необходимости, пойдет уже без участия Масевич на руководящих ролях.

Для меня же появление доклада ознаменовало начало нового периода травли. Теперь было решено удавить меня как зав. сектором. Моему сотруднику Стрельницкому было приказано перейти в другой сектор. Против этого я, в принципе, не возражал, однако попросил Э.Р. Мустеля оставить в секторе ставку старшего научного сотрудника. Он как будто согласился.

Однако, тут же на него было оказано такое давление, что когда я случайно попался ему на глаза после соответствующей беседы с Масевич, не то что бледный — зеленый Э.Р. напустился на меня с криками, что он ещё хочет пожить на свете... Его пугали тем, что это-де антисемитизм, и грозили акад. Я.Б. Зельдовичем...

Когда же я попытался переориентировать мою сотрудницу, некогда определенную мною в помощь тому же Стрельницкому, ученый совет единодушно решил, что надо ей дать закончить уже начатую работу, а моя — подождет.

Люблю либералов за чужой счет! В итоге я остался фактически с одним сотрудником.

Благодаря слуху, что доклад о спутниковых работах написал я, на меня стали смотреть волками основные сотрудники Масевич, ответственные вместе с нею за фактический развал дела. Заметим, что это все — члены ученого совета.

В конце марта Э.Р. Мустель, наконец, имел беседу с новым вице-президентом Е.П. Велиховым. Э.Р. передал мне, что он меня хвалил, и что Велихов просит меня зайти для разговора.

Разговор состоялся (первый о моем деле, через шесть месяцев после его начала). Я рассказал все достаточно откровенно, и был выслушан, как мне показалось, с симпатией и сочувствием. Велихов обещал разобраться, на это просил недели две.

Эти две недели превратились в два месяца и имели неожиданное разрешение.

100 **Апрель–май 1978 г.**

Опять относительно спокойно. Провожу совещание по методам контроля астрономической оптики в Доме оптики.

Без меня (я же отлучен!) проводят в Тбилиси совещание национальных комитетов МАС социалистических стран, в которое я некогда вдохнул смысл.

Тяжелейшая обстановка дома с моим Иваном [сын]. Прямо — хоть вешайся. Пишу очередную статью.

Июнь–август 1978 г.

Скандал с незаконным строительством на Симеизской станции Астросовета: ялтинский горисполком требует снять построенное и наказать виновных. Виновный только один — Масевич. Её спасают всей академией, включая ООФиА. Подставляется под выговор стрелочник. Он — терпит и молчит: ему обещана заграничная поездка.

21.06. Долгожданный, после многих безуспешных попыток прорваться (вице-президент уже сделался сверхзанятым и недоступным), разговор с Велиховым. С ужасом и изумлением обнаружил, что его — как подменили! Никакого заговора

против меня (его словами) он не обнаружил. Никаких скандалов не было — о них он и знать не желает. Впрочем, не было и отчетливых прегрешений с моей стороны. Все дело в том, оказывается, что я «не сработался с руководителями советской астрономии». С кем же? С А.М. Прохоровым (ну конечно), с А.А. Михайловым (помните историю с ошибочно отчисленной из комиссии МАС Пулковской сотрудницей? Так вот чем я провинился перед патриархом. И вообще...), с Э.Р. Мустелем (но ведь он действительно высказался в мою пользу!), с В.А. Амбарцумяном (но обо мне они не говорили — по признанию самого В.А.), с А.Б. Северным (но он в больнице и его мнение узнавали через посредников). Я просто обалдел. Видимо, не зря становятся вице-президентами и академиками в 43 года. Расстались корректно, хотя я и заявил, что совершенно неудовлетворен ответом. «Ваше право».

В тот же день я повторил свои слова по телефону Перегудову. И тут обалдел еще больше. Сотрудник ЦК КПСС величественно объяснил мне, что я склочник, который желает обязательно занимать руководящие посты. Что, впрочем, никто меня ни в чем (sic!) не обвиняет, и что мудрое начальство в ООФиА просто решило меня разгрузить от всех забот, предоставив всецело отдаваться работе по материально-техническому оснащению советской астрономии. Ни на один из прямо поставленных мною вопросов Перегудов не сумел ответить, показав полное незнание с реальной ситуацией (вплоть до того, что заявил мне, будто обстановка в Астросовете — совершенно нормальная). Когда же ему надоело выпутываться, он стал пугать меня пресловутым письмом УВС АН СССР, которое я «разослал во множестве экземпляров по всем городам». И тут я, наконец, понял, что имею дело с круговой порукой нашкодивших и потому лично обиженных на меня людей.

Вот в этот день я впервые стал серьезно опасаться за себя: пожалуй, ещё и сумасшедшим объявят, или автомобиль соьдет.

На следующий день не утерпел — пошел в Комитет народного контроля СССР. Здесь мне, так сказать, промыли мозги.

Да, в АН СССР вся советская власть подменяется мнениями избираемых пожизненно и потому безответственных людей. Да, это общеизвестно и недопустимо. Однако общественное мнение еще не готово признать, что Академия — такое же ведомство, как и любое другое, и потому должно жить по тем же законам. Придет время... Как ни странно, мне от этого полегчало, и я решил больше не рыпаться.

И рад бы, да как? Вот выдержки из моего дневника:

15.06. Масевич с пристрастием выспрашивает у Журавлева, как Яцкив смел выдвинуть какого-то Кокурина в какую-то международную рабочую группу, было ли это в его директивных указаниях и т.п. (А Яцкив — один из авторов пресловутого доклада).

26.06. По слухам, меня вновь склоняли на Партбюро Астросовета. С какой целью?

6.07. Узнаю о срыве моей ранее запланированной командировки в Англию.

102 Середина июля. В наших партийных кругах циркулирует копия какого-то ответа Велихова о моих делах, наверное, в ЦК. Мне письмо не показывают, но за глаза обсуждают. Что в нем — догадываюсь (письма этого я и до сих пор, т.е. через 4 месяца, не увидел).

Посылаю письменный запрос Длужневской насчет того, обсуждалось ли, как она грозилась, осенью мое «дело» на партбюро или закрытом партсобрании; задаю ещё несколько уместных вопросов. Получаю наглый, явно под диктовку Масевич, ответ. Узнаю, что обсуждалось в мое отсутствие, т.к. меня «не нашли». Ответы на остальные вопросы — столь же наглые и не по существу.

Обращаюсь с повторным заявлением (всё — под расписку). Второй ответ уже более скромный. Меня заверяют, что «никакого персонального дела на меня не заведено». И то — слава богу. Замолкаю.

15.08. Кампания против Журавлева. Масевич обвиняет его в том, что он чуть не сорвал поездку Харадзе на Исполком МАС. Харадзе об этом, конечно, не подозревает. Э.Р. Му-стель испуганно наводит справки.

17.08. Обвинение в адрес Журавлева, что он не ходит на работу: пишет, что в УВС, а сам — сидит дома. В мой адрес такое тоже было. Выпады против Журавлева переживаю как против себя самого, если не хуже. И ничего не могу поделать.

Продолжаю консультировать людей, взаимодействовать с Домом оптики, вести фотографические дела; расширяю связи с МОП.

В конце августа «мой друг» Солпитер преподносит мне подарок в виде обращения к Генеральному прокурору с требованием отдать ему для трудоустройства в США в Корнельском университете небезызвестного диссидента «известного физика» Орлова. Все, казалось бы, ясно, но удивительным образом от всего этого выигрывает только В.А. Амбарцумян, становящийся политическим пророком. Для меня — все по-прежнему, но отныне мне, видимо, не нужно объяснять, что Солпитер — подозрительный субъект.

Почти одновременно — появление у меня в кабинете некоей личности из «другого лагеря» [А.М. Фридман]. Личность возмущается происшедшей со мной историей и выражает уверенность, что все будет в порядке. Парламентер?

Ухожу в отпуск. В отпуске, милом моему сердцу Кацивели, ломаю голову над тем, как быть и что делать дальше. Боярчук осторожно намекает, что инцидент считается исчерпанным и теперь все будут стараться его забыть, что вспоминать невыгодно решительно всем, хотя и по разным причинам...

Возвращаюсь около 20 сентября, и опять начинается работа.

До 1 ноября [1978 г.]:

Готовлю большой доклад к Бюраканскому Пленуму, который Мустель заказал мне ещё летом под какие-то странные разговоры в Бюро ООФиА (Трушин), что я-де ничего не делаю по приемникам излучения и только трачу казенные деньги. Готовлюсь серьезно и долго, тем более, что доклад уже объявлен в извещении о пленуме. Получается интересно.

Мустель, тем временем, уходит в отпуск. Через день после его исчезновения в южном направлении рассылается программа пленума, не содержащая моего доклада.

Синхронно ведутся разговоры, что, ах, денег на командировки совсем не осталось. Это верно, т.к. массовые поездки на разного рода пикники сотрудников Масевич совершенно опустошили казну.

Я посылаю Мустелю в Крым изумленное письмо по поводу отсутствия моего доклада в окончательной повестке, заодно заручившись телефонным согласием Амбарцумяна на постановку этого доклада де-факто.

Успеваю побывать в Изюмском приборостроительном заводе в компании с референтом зам. министра и договориться о систематическом выделении астрономам фондов на микроденситометр АМД.

Ответ Мустеля — путанный и сбивчивый, но явно, что перед отъездом он дал уговорить себя не включать меня в программу (ах, она так перегружена!), ни в список на поездку (ах, нет денег!).

Посылаю второе письмо с уточняющими вопросами. В «родной организации» тем временем — скандал.

Должен прибыть представитель английской фирмы для монтажа импортного микроденситометра. Этим делом занимались Багров и Рябчикова, причем сделали все правильно.

Накануне приезда мастера зашла речь об автомобиле для него, и дело дошло до Масевич. Тут же оно и умерло: видите ли, не было запрошено разрешение в УВС, а Багров не имеет права общаться с иностранцами. Багров возражает, что право это ему дало соответствующее письмо в Центракадемнаб, подписанное Мустелем, а запрашивать разрешение УВС — дело иностранного отдела, который должен был знать обо всём без Багрова.

Багрова и Рябчикову трясут и угрожают разными карами, явно желая увидеть за всем этим делом меня. Но тут уж чист, как стеклышко. Вызов специалиста, тем не менее, срывают. Прибор остается в ящиках на неопределенное

время. Разве это важно? Ребята расстроены и дают слово больше не прикладывать к этому руку. Пусть лежит...

Чин-чином подаю заявление на командировку в Бюракан. Масевич посылает показать мне подписанный ею приказ, что едут Мустель, Стрельницкий, Колокольникова и какая-то новая дама, долженствующая сменить Стрельницкого на посту ученого секретаря.

Чудеса! Сама Масевич выкатывается из кабинета, чтобы ангельским голоском объяснить мне, что, увы, денег нет настолько, что она и сама не едет. Я интересуюсь, сколько же всего народа поедет? — 4 человека (громко и в присутствии двух канцелярских дам).

Тут же иду к Мастальгиной и узнаю, что к приказу есть дополнение, которое мне не показали, и где есть еще Левин и Длужневская.

Возвращаюсь и громко, хотя и сравнительно вежливо, вывожу Масевич на чистую воду. Она взрывается:

— Вы не понимаете, что если деньги будут, то в первую очередь поеду я!

— Ничего, я не гордый, Вы в первую очередь, а я во вторую! — На том и расстались.

Тут же, через несколько часов, 27.10.78 мне тащат докладную записку Эргмы с требованием дать объяснение.

Суть следующая: летом я написал в Грецию Контопулосу с просьбой не ждать меня в 1978 году. Письмо потерялось, а он все допытывался, в т.ч. у Харадзе на Исполкоме МАС, когда я приеду (Харадзе даже в отчете об этом написал).

Я составляю телеграмму со ссылкой на письмо, которое отослал по почте частным образом. Телеграмму перехватывает наша канцелярская цензура. Эргма бросается искать копию письма и, конечно, не находит. Мне заявляют, что телеграмму со ссылкой на письмо, «которого никто не видел», отправлять нельзя. Попутно всем достается за то, что нет копии этого письма. Я отказываюсь что-либо менять и посылаю телеграмму за свой счет.

Эргма строчит докладную, что, ах, безобразиие, он что-то пишет, а мы не знаем... Докладная обрастает визами, и ко

мне попадает, естественно, к последнему. Я приношу её обратно со словами, что если уж кому-нибудь что-нибудь буду объяснять, то не Масевич, а председателю. Потом пожалел. Надо было оставить для коллекции.

30.10. Лечу в Бюракан без приказа о командировке и командировочного удостоверения. В аэропорт еду на автомобиле вместе с Мустелем, т.е. с его полного личного одобрения. Вижу там всю команду и не могу не вспомнить, что два прошлых пленума я проводил с «делегацией» из четырех человек, а теперь, когда «ах, нет денег» едет, считая со мной, восемь человек.

30.10. – 5.11. На пленуме. С успехом выступаю с докладом. Получаю одобрения и поздравления, но никакого обсуждения доклад не вызывает, хотя, где его и обсуждать, как не там. Обстановка хуже, чем на прошлых пленумах, где я нарочно оставлял много времени для обсуждений, а тут повестка сильно перегружена. Поэтому, как на прежних «дореформенных» пленумах, ни на что, кроме развлечений, не хватает времени. Ну и, как обычно, все кланяются и благодарят друг друга.

Длужневская шныряет и шушукается то с тем, то с другим из влиятельных людей. Узнаю, что она деятельно объясняет, что бедной А.Г. Масевич от меня просто жизни не стало, а в моих невзгодах она совсем-совсем не виновата. Это все почтенные академики решили от меня избавиться. При этом демонстрируется какое-то письмо, вернее — копия (кажется, ответа Велихова в ЦК по моему делу в духе того, что я уже излагал).

Позднее, уже в Москве, я спросил Длужневскую, что это за письмо она показывала. «Мужественный и принципиальный коммунист» увильнул от ответа по-дамски глупо.

Впечатление от пленума — унылое. С этими людьми кашу не сваришь и проповеди им читать бессмысленно. Лягушка не может представить себе жизни вне болота.

Зато провожу в резолюцию похвалу в адрес лично Журавлева за хорошую работу по линии МАС и косвенно — мне, за успехи в области новой техники.

Позднее оказалось, что и то, и другое — полезно, ибо от Журавлева «девицы» отстают, а от меня отстает Трушин. Но не Масевич: ведь должен же я поплатиться за то, что продолжаю работать, тем более, что во всеуслышание заявил на Пленуме, что обстановка в Астросовете ненормальная, и что Масевич травит Журавлева.

Мои многочисленные друзья и знакомые, за редкими исключениями наиболее храбрых, сочувствуют мне, но шепотом. Даже тени открытого скандала все боятся. Тоже достаточно противно.

8–14 ноября

В Астросовете уже готов и подписан Масевич приказ о том, что за самовольную отлучку меня надо снять с зарплаты. Бедняга Мустель как всегда не знает, что ему делать, и пребывает в колебательном состоянии. Так он колеблется неделю, пока со словами «хватит надо мной издеваться» я подсовываю ему собственноручный контрприказ. Он его тут же, с моего наброска, дает перепечатать: мне тут же вручают оформленное задним числом командировочное удостоверение, которое я отсылаю в Бюракан для оформления. Просто, но сколько оскорбительной нервотрепки.

15–30. 11. Жду ответного удара, который немедленно следует: впрочем, я давно его и ожидал: наше «партбюро» решило проявить заботу о развитии в Астросовете работ по новой технике. Поэтому мой карликовый сектор надо упразднить и открыть новый под началом многоопытной в этом деле В.А. Хохловой. Эта наивная душа тут же клюнула на сие предложение, хотя руководить она не может толком даже самой собой. Немедленно было забыто и наше союзничество. Ну а Мустель, конечно, со всем согласился и очередной раз продал меня с потрохами — уже в порядке партийной дисциплины (новое партбюро: Масевич, Длужневская, Татевян, Коваленко, Ерпылев, Мустель).

Мустель и Хохлова застенчиво предложили мне поработать старшим научным сотрудником под руководством последней. Я расхохотался и ответил категорическим «нет».

Тут же я «договорился» с Мустелем (кавычки подчеркивают всю условность этого термина в применении к Э.Р.), что я уйду в 1 квартале 1979 г., предварительно отгуляв отпуск.

На следующий день встречаюсь и обо всем договариваюсь с Е.П. Аксеновым — единственным из начальства человеком, который не предал и не продал меня во всем этом деле.

А мне уже подсовывают записочку от Эргмы, что мой конкурсный срок закончился и что через десять дней мне надо пройти перевыборы на ученом совете. Тут же — чего в этой дамской организации никогда не бывает — заранее вывешивается объявление об ученом совете. Приказов в Астросовете не пишут и лишних формальностей не соблюдают. Поэтому я, юридически, чувствую себя спокойно: смотрю вместе с Э.Р. старые документы и выясняю, что я вообще не избирался по конкурсу; с моей учено-секретарской точки зрения это — чудовищно, но имеет лишь одну хорошую сторону: никто не может сказать, когда мне надо переизбираться.

108

Вместе с тем, я твердо намерен не дать своим малоуважаемым коллегам по Астросовету возможность провалить меня на перевыборах, ибо даже тайное голосование в этом учреждении проходит в условиях, когда доверенные лица заглядывают через плечо голосующим. Кстати, накануне совета Рябчикова громко говорила, что будет голосовать за меня; в списке для голосования её, конечно, не оказалось: «забыли»...

На совет решаю не являться — ведь приказа, обязывающего меня сделать это — нет. К тому же всерьез заболела гриппом и сижу дома почти 2 недели. На совете 21 ноября в мое отсутствие Мустель зачем-то радостно заявляет, что меня приглашают обратно в ГАИШ, и что я согласен. Аксенов действительно беседовал с ним в этом духе, желая уберечь меня от лишних тяжб, но к чему было все это оглашать?

Слух о моем уходе быстро распространяется. Реагируют, наверное, кто как. Но мои друзья единодушно одобряют.

Удостаиваюсь разговора (телефонного) с Амбарцумяном, который заявляет, что в любом случае мне нужно продол-

жать заниматься инструментальными делами. Те же слова от Харадзе. Мое встречное условие — сохранение за мною общественного поста зам. председателя. Но об этом никто из вождей и думать не смеет: нельзя же обидеть Солпитера и его здешних единомышленников! Пишу письмо акад. В.А. Котельникову с напоминанием, что жду ответа уже год, что за моей спиной распространяются какие-то письма обо мне, и что пора бы ответить. Копию посылаю в Партком Президиума.

В промежутке, в ноябре, 16-го, успеваю выступить на Президиуме АН СССР по вопросу обеспечения фотоматериалами. Выступаю удачно, и министр Костандов лично мне обещает, что пластинки будут. В основном впечатление от этих скучающих, шныряющих и хлебающих чай унылых старцев — ужасное. Собралось много приглашенного народа — главным образом прикладников. Но все, особенно военные, быстро поняли, что проку здесь не будет, и если они сами себе не помогут, то от Академии ждать помощи не придется.

Узнав о моем решении, надумал уходить из Астросовета и Б.Н. Журавлев: вот это будет действительно потеря, которую сразу ощутят наши любители зарубежных путешествий.

Б.Н. беседовал с кем-то в райкоме после отчетно-перевыборного партсоборания, где он громогласно дал отвод Масевич по совокупности деяний. Остался, конечно, в полном одиночестве; даже Э.Р.М. не решился проголосовать против (тайно!). Там, узнаю руку Перегудова, позиция такая, что в АС все в порядке, что Длужневская — отличный секретарь [партбюро], Масевич — ценный работник, а Мустель — крупный руководитель. Ну, а мы с Б.Н. — конечно, простые склочники. Так-то. В духе эпохи.

Начало декабря проходит вроде бы спокойно. Я работаю и начинаю планировать на будущее: организацию лаборатории по метрологическому обеспечению приемников излучения. Начальство в ГАИШ и ВНИИФТРИ меня активно поддерживало. Испытываю явное облегчение от появившейся наконец-то определенности.

«Девочки» тоже притихли: шныряют взад-вперед и шушукуются. Я практически ни с кем не разговариваю. Доживаю, так сказать.

Впрочем, не так уж все мило: моей аспирантке предлагается выступить с докладом на личном семинаре Масевич — рабочей группе по внутреннему строению и эволюции звезд. При этом зачем-то требуют вперед рукопись доклада. Ну, это-то Ховановой я запретил делать, а с докладом выступить велел.

Появляется, дня за четыре, как обычно, скромненькое объявление о заседании ученого совета Астросовета с годовым отчетом и конкурсными делами.

18.12. На совет иду и вижу, что не ошибся: в самом конце, вроде бы между делом — выдвижение Мустеля в академики, а Масевич в чл.-корреспонденты на следующие выборы. Скромные выдвигаемые выходят.

110 С Э.Р. Мустелем — все ясно. С А.Г. Масевич — конечно, тоже: её поддерживает партбюро, выдвигает от себя академик Михайлов, поддерживают почтенные члены ученого совета Лозинский и Ерпылев. Решительно встаю и говорю, что мне-то совсем всё неясно. Заслуги, которые перечислялись, — былое. А в последнее время Масевич не работает в науке. Что же касается её организаторской деятельности, то итоги оной и вовсе проблематичны. И вообще — требую тайного голосования.

Ужас и молчание, как в космосе. В мою сторону боятся смотреть. Затем спохватываются и дают отпор: Памятных, Длужневская, Эргма, Татевян и... Стрельницкий. Почему-то только все говорят о том, что Алла Генриховна очень всем помогает.

Голосование, конечно, убогое: 2 против, 1 воздержался, остальные — за. Труссы уверяют, что их буквально обступили доверенные лица, но, полагаю, что врут в оправдание. Ерпылев громко произносит что-то вроде: «Чтобы голосовать против, надо быть сумасшедшим!» Дурочки ликут, считая, наверное, что я надеялся на что-то другое. Нет, конечно, но и такой мерзостной рептильности я все же не ждал. Улуч-

шить этот сброд нельзя. Можно лишь разогнать по другим коллективам для перевоспитания.

Месть не заставляет себя ждать. Уже на следующий день, 19-го, собирается «Дирекция», причем я так и не смог выяснить, в каком составе: кого ни спросишь — никто не был. Потом мне подсовывают какой-то странный протокольчик — без подписей и уж вовсе не по форме.

Суть в том, что надо срочно, до 1 февраля, усилить (чем, не ясно) группу В.А. Хохловой. Мой сектор — мелкий, ничтожный и неквалифицированный, который по определению не может справиться с работами по новой электронной камере, — надо быстро ликвидировать, а меня перевести на должность и. о. старшего научного под руководством Хохловой (сектора ей, конечно, уже не видать: надобность отпала — ведь я ухожу сам). Ничего нового не смогли придумать за месяц.

Иду к Мустелю за объяснениями. Он мычит что-то мало-вразумительное насчет упорядочения зарплаты, штатного расписания, которое нужно к 1 февралю. Я требую, чтобы меня и мой сектор оставили в покое до момента моего ухода в конце марта. Мне это важно и с материальной, и с моральной стороны. Вразумляю, втолковываю, убеждаю... Вроде бы «договорились» (вспомните кавычки).

Через неделю — доклад Ховановой об истории гипотез об источниках энергии Солнца и звезд. Состав аудитории — ничтожный, за исключением Лейкина. Вопреки моим опасениям, все проходит не то, что хорошо, — блестяще, и сопровождается раскрытием полного невежества Масевич в истории ее собственного научного предмета. Она пыжится, но ничего не может; Длужневская и Эргма — тоже. Лейкин благодетелен, и даже Стрельницкий задает неглубокие вопросы. Я слушаю и тупо молчу.

Кончается юмористически: доклад затянулся, Хованову остановили, а Масевич никак не может закрыть заседание; болтает всякую чепуху, явно пытаюсь что-нибудь измыслить, или ожидая, что «верные лигарды» помогут. Агония растягивается на 35 минут(!) и бесславно кончается.

Возмездие: на следующий день, 27.12 узнаю, что приказ, почти дословно повторяющий формулировку «Дирекции», Мустелем подписан. Злобы не хватает. Уж я сделал для этого человека всё, чтобы облегчить ему и без того нетрудную жизнь. Выступил открыто против Масевич, что ему понравилось очень и очень. И вот — опять предательство.

[Послесловие]

Перечитал 18 лет спустя. Все верно. Хорошая иллюстрация обстановки в конце «брежневщины» и того, почему через 10 лет распался СССР и канули в Лету все эти Трушины и Перегудовы. Теперь вот очередь дошла до Велихова и Академии вообще. Полгода назад умер В.А. Амбарцумян, жива Масевич. Жив, слава богу, Журавлев. Боярчук стал академиком-секретарем ООФиА и выродился в человеческого [неразборчиво]. Аксенов — умер. Да...

112

28.11.96

Г. Хромов

Вот такие события произошли в Астросовете и явились, наверное, крупнейшей неприятностью в его истории, повредившей не только ГС и А.Г. Масевич. Но борьба шла на уничтожение, где все способы хороши. ГС писал во все адреса, куда можно, включая Комитет партийного контроля ЦК КПСС. Алла Генриховна обежала всех нужных академиков. В результате Гавриле Сергеевичу пришлось уйти, Аллу Генриховну не избрали в членкоры. Почему я считаю, что Гаврила Сергеевич стал жертвой интриги — спецпроекта. Спецпроекта со стороны Аллы Генриховны. Хоть она и сама пригласила его в Астросовет на равную своей должность, но это было ошибкой с ее стороны. О. Длужневская описывает, что лично она думала, что ГС займет место ученого секретаря. И это было бы понятным — проверить молодого начальника. Но ГС мог бы и не согласиться. Он уже был ученым секретарем в ГАИШ. Что же повлияло на

АГ? Почему она выбила ему должность зам. председателя? Первый довод я уже привел. По-видимому, АГ высоко оценивала свою способность увлекать мужчин, а также увлекаться ими. ГС в то романтическое время — шестидесятые годы — был молод, спортивен и, видимо, нравился ей. Такова жизнь. Второй довод заключался в том, что ей не очень нравилось, да совсем не нравилось, заниматься текущей работой. Всем этим: составлением справок, отчетов, подготовкой заседаний, планированием работы. А вот здесь ГС был королем, что показала вся его дальнейшая деятельность. Всё перечисленное и многое другое из чиновничьей работы давалось ему без напряжения — легко. Тому свидетельством его постоянные отметки в дневниках: «на одном дыхании закончил проект „моего“ устава АН СССР» или «написал проект постановления о реорганизации нашей науки». Да и домашними делами он не занимался. Была неработающая мама, жена, хоть и работающая, но которую он видел в том же положении домохозяйки: «Ну, пусть немного поработает, но главное дом». Отдельно от своих родителей он жить не собирался.

Из них, Аллы Генриховны и Гаврилы Сергеевича, мог образоваться прекрасный тандем. Алла Генриховна бы представляла, а Гаврила Сергеевич выполнял роль работника, хоть и даже «серого кардинала». Это АГ, я думаю, устроило бы. Здесь и его: «Володя [Минин] сказал, что намётки реформ показывали Мустелю и он со всем согласился, также как и Масевич. Это подтверждает мои интуитивные догадки о решении А.Г. [Масевич] сыграть в кусты и уйти в тихую научную заводь. Умна!». Только ГС надеялся, что его переход на главную роль произойдет быстро, а АГ считала, что она сама эту главную роль будет выполнять. Ошибка АГ состояла в том, что ГС собирался в себе совместить эти две роли. Опять же, у него это прекрасно получалось, свидетельством тому его деятельность в ВАГО. Но случилось то, что случилось, ни желание АГ, ни видение ГС своего положения в Астросовете не сбылись по обоим пунктам. ГС видел себя самостоятель-

ной единицей с большими амбициями. Он сам хотел руководить советской астрономией и, к тому же, не собирался ждать, хотя был и достаточно молод. Жизнь показала, что в этом он был прав, в смысле того, что не собирался ждать. В основной массе астрономическое начальство живет долго. Второму желанию АГ тоже не суждено было случиться. ГС при всей своей расположенности к женщинам, судя по всему, даже на раннем этапе не увлекся АГ. АГ приняла простой флирт, свойственный ГС, за увлеченность. Это всё видела Ольга Длужневская, но предпочитала скрывать от АГ. Это и помогло ей прекрасно прожить в Астросовете.

114 Алла Генриховна, по моему мнению, была тактиком, а не стратегом. Это же присуще и подавляющему большинству из нас. Но ее тактика в поступках, интригах, решениях зачастую давала положительный эффект. Она не боялась брать на себя ответственность, правда, при этом искусно используя свою женскую привлекательность. Но вот не показать, что она этим пользуется, не получалось. Дело тут либо в уме, либо в недостатке актерских способностей. Т.е. стать вровень с мужчинами у нее не получалось.

Первая известная мне любопытная интрига Аллы Генриховны связана с защитой ею докторской диссертации и, в этой связи, с И.С. Шкловским. Не получилось ни увлечь его собой, ни использовать. В ГАИШе Шкловский ее провалил. В отличие от диссертации ГС, здесь всё было ясно. ИС даже не пришлось привлекать других, впрочем, он никогда подобным и не занимался. Всегда выступал открыто и от себя. Этим зарабатывал себе врагов, но на сделку с самим собой никогда не шел. В общем, в ГАИШе он выступил, разнес, отклонили. Далее и последовала та самая интрига, в которой помимо АГ активно поучаствовал и Дмитрий Яковлевич Мартынов, только что ставший директором ГАИШ. Они составили план защиты на совете мехмата, который не особенно вникал в астрономические диссертации, считая их внутренним делом астрономов.

И.С. Шкловский у платформы электрички

Делалось всё в тайне, и это им удалось. Но надо было нейтрализовать Шкловского. Никто в ГАИШе, кроме особенно доверенных, о защите не знал. В день защиты ДЯ вызвал к себе Шкловского. Тот пришел и сидел, ожидая Мартынова, который «вот-вот придет». В это время шла защита и, конечно, ДЯ с со товарищи был там. Когда ИС узнал, в чем дело, было уже поздно. Поезд ушел с остановки.

Такой способ нейтрализации соперника не новость, и не АГ с ДЯ изобретен. ДЯ сам в этой роли неудачника тоже бывал, что, кстати, он описывает в своей книге. Желающие найдут. Вопрос лишь в том, почему ДЯ участвовал в этой интриге и, как видим, был главным действующим лицом. Мне это неясно, да и в адюльтере он никогда замечен не был. Но то, что ДЯ легко занимался такими делами, видно и из рассказа А.А. Гуриштейна в главе «Вилен Валентинович Нестеров». В общем, оба остались довольны. Операция завершена. При таком способе интриганства не возникает никаких обязательств, что и видно по тому, как АГ переманила у ДЯ Гаврилу Сергеевича.

Затем последовала интрига Аллы Генриховны с защитой кандидатской О.Б. Длужневской, что подробно описано в книге самой ОБ, потом других. А вот значимая интрига произошла при столкновении с ГС. Эта уже, как и первая, была жизненно важна, даже, пожалуй, еще важнее. Она была не просто интрига, а интрига с возможным катастрофическим исходом. Интрига ведь заключалась в дискредитации ГС по всем фронтам. Но место главного удара не было выбрано, вернее, было выбрано, но не в месте его профессиональной деятельности — там к нему трудно было подобраться. Ждали его прокола в месте под названием самоуверенность. ГС ведь считал, что всё им изрекаемое надо «высекать в граните» — непогрешимо. И он сам дал повод, как бы он потом не оправдывался, какие бы объяснительные не писал. Место было — еврейский вопрос. Именно оно нашло бы верный отклик в верхних академических кругах. А вот письмо Солпитера — подарок к уже накрытому столу. Не было бы его, нашли бы другой повод в этом же на-

правления. ГС, по причине своего высокомерия, не очень утруждал себя осторожностью в высказываниях по этому тонкому вопросу. Он промахнулся с оценкой своего положения «в верхах» и, главное, проявил полное незнание академической жизни с ее нюансами. Ему бы следовало не высокомерно учить свою однокурсницу, а поучиться бы у нее, что дальнейшее развитие жизни и показало. Для меня при чтении дневников интереснее всего было ощущение, что чего-то в нем не было, не хватало. Так вот, это то, что Гаврила Сергеевич учиться на ошибках других не мог и не хотел, и даже мысль об этом ему была чужда. В вопросах жизни он считал, что всё выучил, всё знает. «Ну что ж... разведем руками».

Вот, например, такой фрагмент из дневников: «Днем 35-минутная беседа с В.А. А-ном [Амбарцумяном]. Гл. обр. об идее учреждения своего отделения. Зашел Э.Р. [Мустель], оказывается, через дурака — Эйнасто в АС пытаются внедрить небезызвестного А.М. Фридмана. Ну и ну! С А-ном кончили заинтересовавшим его обсуждением вопроса о проблеме сохранения целостности астрономии как науки. Велел написать статью. Что ж, попробую, хотя и не вполне представляю детали» (09 июня 1978 г.).

И вдруг почти сразу о Фридмане следующий пассаж: «А в пятницу меня вдруг удостоил посещением общеизвестный А.М. Фридман. Очень мило поболтали о том — о сем. И вдруг он принялся рассуждать о моем деле и о том, как все это ненужно и глупо. ... Ведь я такой дельный работник и на своем месте. ... А сам Фридман — родич Сагдеева, ибо женат на сестре его жены... Что он пытался мне внушить? Что, конечно, самый активный — Я.Б. [Зельдович]. Но что Я.Б. — ребенок во всем, кроме науки. А против меня его ужасно завел Р. Сюняев, который меня терпеть не может. Что Сюняева самого никто не выносит — даже в Яшкиной группе. Что Сагдеев зато от него без ума и даже бегал к «Жене Велихову» просить для Р. место чл.-корр. Что после этого к Я.Б. пришла целая делегация сотрудников, пригрозив разбежаться, если... Что Р. — гнусная личность. Когда Ш-й [Шкловский]

зарубил поначалу его диссертацию, Р. объявил, что тот боится его конкуренции на выборах в академики. Что кому-то еще он сказал, что Ш. хочет податься в Израиль (возможно). Что Р. прячет оттиски, кот. ему присылают, и т.п. Но что и Сагдеев, и Я.Б. его любят. Что под влиянием (а) укачивание со стороны Масевич, кот. употребила на это все время, проведенное совместно на КОСПАРе в Израиле и (б) Рашида, Сагдеев, получив известное письмо [Солпитера], тут же позвонил Леонтовичу, как известному борцу за чистоту расы. Зачем?! До этого же было выражено сомнение: уж не подделал ли Р. саму записку Солпитера? Но уж этого, кажется, не было. Я, в свою очередь, попытался объяснить, что Сагдеев повел себя как прохвост и расписано со всеми подробностями А.Г. Масевич. Что все это значит? Испугались? Совесть заела (маловероятно). Хотят подставить Рашида и свести все к Леонтовичу, с кот. как заслуженного ***** и спросу нет и интрига без четкой сионистской подоплеки. Оч. любопытно. Подождем, подумаем, посоветуемся» (06 авг. 1978 г.).

Это критическое отношение к делам, поступкам, высказываниям других, повторяю, не простиралось на самого себя. ГС, хоть и неявно, по-прежнему хочет, чтобы ему помогали даже ценой собственных убеждений, других взглядов на ситуацию, ценой в прямом смысле собственной карьеры или, говоря прямее, — в ущерб себе. Другие его не заботят. Главное — помочь ему. Его запись: «Вообще — благородство — это штука, которая почти всегда, за исключением людей выдающихся, требует обеспеченного детства и удачной юности. Только тогда ты можешь пренебрегать многим, чем self-made пренебрегать не может в принципе. Зато в современном обществе такие благородные счастливики и теряют вдвойне — и от равнодушного, не понимающего их света, и от своих менее удачливых собратьев, с заостренными жизнью локтями. Моя беда — в том, что люди, не знающие меня слишком уж хорошо, не в состоянии поверить в то, что я не имею своекорыстных целей. Если бы я открыто

«насасывался», все было бы понятно. Меня бы презирали, но прощали бы многое, как деятелям типа Марова, Курта, Мороза, Трушина — имя им легион. А я — загадка. А все непонятное — настораживает» (30 апр. 1979 г.).

Вот так, не иначе.

Эта история оказалась критической для самого Астросовета, точкой бифуркации, как говорят в физике. Пойти в разнос Астросовету не дали, но ни один из аттракторов, которые связаны с их авторами, не подошел. Ни так, как задумывала Алла Генриховна Масевич, а ведь она планировала, видимо, то же, что и ГС. Стать председателем Астросовета и первой женщиной в действительных членах Академии. И все предпосылки у нее были, не выбери она Гаврилу Сергеевича как своего подручного. Не реализовалась и ветка второго аттрактора — ни председателем, ни академиком не стал Хромов. Реализовался третий вариант — академиком и председателем стал Александр Алексеевич Боярчук.

Потрясение для локальной астрономической среды было сильное, но как в романе «Конец вечности» Айзека Азимова, начавшееся было «Изменение Реальности» не произошло, хотя «необходимое воздействие» как со стороны АГ, так и со стороны ГС было произведено. Долгое время оно еще было заметно, кончилось ли, посмотрим на отклики на книгу.

Далее все у Гаврилы Сергеевича пошло прахом — уход, а скорее увольнение из Астросовета после длительной борьбы из-за обвинения в антисемитизме со стороны американского астрофизика Солпитера, подхваченного его противниками, срыв защиты докторской диссертации, увольнение из ГАИШ, неизбрание в народные депутаты СССР, в общем, полный крах. Что же случилось?

Сам ГС, конечно, анализировал, как мог, все перипетии своей судьбы в этот период: «Кстати, у меня было время снова и снова поразмыслить о своих бедах. И я понял, что

ни о чем не жалею, ни о чем важном!» (06 февр. 1979 г.). Или снова: «Увы, мне многое не нравится в самом себе, и в моих друзьях и близких, и в моей жизни. Одного только не ставлю себе в вину: нет за мной грубых ошибок и даже периодов, которые я хотел бы прожить заново» (28 марта 1979 г.).

Но вывод был один: я прав, я знаю, как надо жить, работать, руководить, воспитывать — другие нет. Это не только декларировалось ГС в разговорах и многочисленных статьях-наравоучениях в СМИ, а главное, постоянно присутствовало в его дневниках. Он, пожалуй, понимал, что у него было не обычное детство, а детство профессорского ребенка, ни в чем не нуждавшегося. Всё получающего «здесь и сразу». И вот отсюда и его всезнайство, и пренебрежение к другим, и топтание их, хоть и по-интеллигентски, не снисходя до брани. И обиды на тех, кто поступал не так, как он хотел, не разделял его взглядов или не бросался помогать ему в нужных, по его мнению, ситуациях. А таких ситуаций становилось все больше и больше. В конце времени Астросовета он чувствовал себя на бомбардировщике, всё еще начиненном бомбами, но, однако, уже подбитом. Но подбитом слегка. Он переходит в ГАИШ, соратники вроде бы есть. Есть и потери, но терпимые. Главное — есть желание борьбы, впрочем, это желание его не оставляло всю жизнь.

ГАИШ

Версия по защите докторской

121

Вторая часть «исповеди» Гаврилы Сергеевича из папки «История ухода из Астрономического Совета 1977–1979 гг.» продолжается уже фрагментом о подготовке им докторской диссертации и попытке ее защиты сначала в ГАИШе, а затем в ГАО АН СССР.

«В общем, никакого официального ответа на свои обращения [в Президиум Академии наук СССР, в Комиссию партийного контроля] я, конечно, так и не получил. Тем временем, стараниями А.Г. Масевич и ее приближенных мое ставшее беззащитным существование в Астрономическом совете сделалось решительно невозможным, и я попросился обратно в Государственный астрономический институт им. Штернберга.

Почтенная дама, однако, опередила меня, успев принести в институт и кое-кому показать записку Э. Солпитера. Наверное, кроме того, обо мне было рассказано еще много всякой всячины, ну, вроде того, что я рвусь к власти и непременно на-

мерен занять в институте „руководящий пост“, пользуясь дружеским расположением его тогдашнего директора [Е.П. Аксенова]. *Ну это, по-моему, со стороны Гаврилы Сергеевича переклест. Он был хорошо ведь известен в ГАИШе, и его амбиции тоже. Тут никакие действия Аллы Генриховны не были нужны.*

Ни к каким руководящим постам я отнюдь не стремился. Мне, напротив, хотелось заняться наукой, чтобы наверстать упущенное. Года за полтора я написал докторскую диссертацию, стараясь не обращать внимания на косые взгляды и доходившие до меня сплетни. Кстати сказать, эти взгляды зачастую принадлежали, а сплетни распространялись людьми, никогда не видевшими от меня ничего плохого. Некоторых я даже по старой памяти считал друзьями. Что им обо мне наговорили — я и до сих пор не знаю.

122 Я упрямо продолжал считать, что ГАИШ все еще остается в сути своей научным учреждением, каким был в начале 1970-х годов. Мне пришлось разочароваться при виде коллективной истерики моих бывших коллег, разразившейся, когда я представил к защите диссертацию. Всё, что происходило при этом и после, уже не имело никакого отношения к науке, хотя, разумеется, сопровождалось возвышенными наукообразными сентенциями.

Новым для меня — уже ко многому привычного — оказалось то, что активную роль в этой недоброжелательной возне стали принимать какие-то неведомые мне до того сомнительные молодые люди, появившиеся в институте в 1970-х годах.

В общем, как можно догадаться, диссертацию защитить мне не дали. Я легко оставил это занятие, тем более, что искренне считаю всю эту нашу диссертационную суетню делом совершенно малопочтенным и вредным для ученых и науки. Ограничился тем, что написал и опубликовал книгу и взялся за совсем другие научные проблемы.

Патологический интерес к моей особе, ставшей вроде бы совсем уж скромной, тем не менее, не утихал. К тому же в

институте сменилось начальство. Новым директором стал некий А.М. Черепашук, склонный, в частности, советоваться по сложным делам все с той же Масевич и трепетавший перед Я.Б. Зельдовичем. Удачный повод и вовсе избавиться от меня скоро представился в виде кампании по так называемой аттестации. Снова все было решено заранее и за глаза. Что бы ни говорилось в мою пользу — результат был предрешен.

Все это было, конечно, несправедливо и обидно, но особенно сопротивляться я не стал. Очень уж затхло было в этом ГАИШе».

Далее я привожу со своими комментариями документы, которые Гаврила Сергеевич бережно сохранял в папке «Глухая эпопея с защитой докторской диссертации 1980–1981 гг.».

123

ВЫПИСКА

из протокола заседания Совета по астрофизике ГАИШ
от 9 апреля 1980 г.

СЛУШАЛИ: Об утверждении темы докторской диссертации старшего научного сотрудника ГАИШ, кандидата физ.-мат. наук ХРОМОВА Г.С. «Планетарные туманности (физика и эволюция)».

Тема диссертационной работы Г.С. Хромова посвящена актуальной научной проблеме исследования эволюции планетарных туманностей и их ядер. Этому должно предшествовать изучение физических условий в веществе туманностей, их строения и динамики с целью построения физической модели эволюционирующей планетарной туманности.

Эмпирической основой исследования, наряду с собственными наблюдениями автора, служат все доступные в настоящее время наблюдательные данные о планетарных туманностях и их ядрах.

ПОСТАНОВИЛИ: Рекомендовать Ученому совету ГАИШ утвердить тему докторской диссертации Г.С. Хромова «Планетарные туманности (физика и эволюция)».

Председатель Совета по астрофизике ГАИШ,
доктор физ.-мат. наук Э.А. Дибай

Ученый секретарь Совета,
канд. физ.-мат. наук Н.Г. Бочкарев

ХАРАКТЕРИСТИКА

ХРОМОВА Гавриила Сергеевича, кандидата физико-математических наук, старшего научного сотрудника Государственного астрономического института им. П.К. Штернберга (ГАИШ) МГУ, 1937 г. рождения, русского, беспартийного.

ХРОМОВ Г.С. в 1959 году окончил астрономическое отделение Механико-математического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «астрономия». С 1962 по 1965 г. обучался в аспирантуре кафедры астрофизики Физического факультета МГУ, которую закончил с защитой кандидатской диссертации.

С 1965 по 1972 г. Г.С. ХРОМОВ работал в ГАИШ последовательно в должностях: младшего научного сотрудника, ученого секретаря института, старшего научного сотрудника. С 1972 по 1979 г. он работал в Астрономическом совете АН СССР в должности заведующего сектором новых методов астрономических наблюдений, с возложением обязанностей заместителя председателя Совета по научной работе. С марта 1979 г. по настоящее время Г.С. ХРОМОВ работает в ГАИШ в должности старшего научного сотрудника.

Основной научной специальностью Г.С. Хромова является физика туманностей и межзвездной среды, чему посвящена большая часть из 53 опубликованных им научных работ. В течение ряда лет Г.С. ХРОМОВ руководил рабочей группой

по физике планетарных туманностей при Астрономическом совете АН СССР. С 1970 по 1979 г. он являлся членом международного оргкомитета Комиссии по физике туманностей и межзвездной среды Международного астрономического союза, был членом научного комитета и сопредседателем международного симпозиума по проблеме планетарных туманностей, состоявшегося в США в 1977 г.

Г.С. ХРОМОВ активен в общественном отношении. Во время работы в ГАИШ был секретарем комсомольской организации, заместителем председателя местного комитета. В настоящее время является вице-президентом Всесоюзного астрономо-геодезического общества.

Г.С. Хромов неоднократно командировался за рубеж. Морально устойчив и политически грамотен.

Характеристика дана в связи с защитой Г.С. ХРОМОВЫМ диссертации на соискание ученой степени доктора физико-математических наук.

125

Директор ГАИШ
профессор

Е.П. Аксёнов

Секретарь партбюро ГАИШ

Г.И. Ширмин

Председатель местного комитета ГАИШ

А.П. Гуляев

9 апреля 1981 года

Печать

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 4
заседания Ученого Совета ГАИШ 10 апреля 1980 года

СЛУШАЛИ: Рекомендацию Совета по астрофизике ГАИШ об утверждении темы докторской диссертации старшему научному сотруднику ГАИШ Г.С. Хромову. Краткую характеристику научной и общественной деятельности Г.С. Хромова.

ПОСТАНОВИЛИ: Утвердить старшему научному сотруднику ГАИШ, кандидату физ.-мат. наук ХРОМОВУ Гавриилу Сергеевичу следующую тему диссертации на соискание ученой степени доктора физико-математических наук: „Планетарные туманности (физика и эволюция)“.

Ученый секретарь Совета ГАИШ
канд. физ.-мат. наук

Л.Н. Бондаренко

126

Похоже, что ГС серьезно взялся за диссертацию: «Основные хлопоты, вернее — бессмысленная нервотрепка вокруг моей злополучной диссертации. Череп[ашук] и Бочкарев — при благожелательной помощи Дибая — плохо поняли директиву Аксенова. И вместо того, чтобы отредактировать решение совета, занялись процедурой конечного моего утопления. Притом, никто из них так и не прочел работы [сомневаюсь, что так — В.Ш.]. Бочкарев принялся проверять мои формулы. Череп[ашук] прочел главу об эволюции ядер и «не убедился». Я беседовал и с тем, и с другим. Бочкарев принялся разговаривать со мной как со студентом, а Череп[ашук], будучи дурачком, видимо, вообще ничего не понял из того, что я ему говорил. ... На днях их обоих отчитал Горбацкий, сказав им, что работы они не оценили, и что все это более похоже на травлю. ... Тем временем я дважды съездил в Ленинград. Первый раз договорился с Кратом и Витинским [председатель и ученый секретарь совета]. Второй [раз] (12–16 [апреля]) — выступил на пулковском семинаре. Рецензентами были Горбацкий и Ихсанов. Естественно, что все прошло гладко, и ничего кроме комплиментов я не услышал. Теперь осталось вышибить из ГАИША формальные бумаги. Я просил А. [Аксенова] дать заключение (любое)» (19 апр. 1980 г.).

Председателю Специализированного ученого совета
по астрономии и геофизике Д053.05.51 Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова
профессору Е.П. АКСЕНОВУ

от
старшего научного сотрудника ГАИШ
кандидата физ.-мат. наук Хромова Г.С.

Заявление

Прошу Вас принять к защите на заседании Специализированного ученого совета по астрономии и геофизике на соискание ученой степени доктора физико-математических наук по специальности 01.03.02. «астрофизика» мою диссертационную работу «Планетарные туманности (физика и эволюция)».

Вышеуказанная работа представляется на защиту впервые.
25 апреля 1980 г. Г.С. Хромов

[от руки] Передано Е.П. Ак-ву 28.IV.80.

127

Ничего у ГС не получилось, Е.П. Аксенов не захотел брать в совет непроходную диссертацию по далеким от ее научной ценности причинам, хотя, как видим по следующему заявлению, она «промариновалась» в совете целый год.

Директору ГАИШ профессору Е.П. АКСЕНОВУ
от старшего научного сотрудника Хромова Г.С.

Прошу Вас выдать мне официальное направление для представления в Специализированный ученый совет при ГАО АН СССР моей диссертационной работы «Планетарные туманности, физика и эволюция», которая находится на рассмотрении двух проблемных советов ГАИШ с июня месяца 1980 г.

2 апреля 1981 г. Г.С. Хромов

АСТРОСОВЕТ. ГАИШ

Это ЕП быстренько подписал, и вот диссертация уже в Пулково.

№ 66-2-6/447а 13 апреля 1981 г.

Председателю
 Специализированного совета
 Д 002.92.01 при Главной астрономической обсерватории
 АН СССР
 чл.-корр. АН СССР В.А. КРАТУ

Государственный астрономический институт имени П.К. Штернберга МГУ просит принять к защите докторскую диссертацию ст. научного сотрудника ГАИШ ХРОМОВА Гавриила Сергеевича на тему: «Планетарные туманности (физика и эволюция)».

128	Директор ГАИШ профессор	Е.П. Аксёнов
	Секретарь партбюро ГАИШ	Г.И. Ширмин
	Председатель местного комитета ГАИШ	А.П. Гуляев

В промежутке между получением направления в Специализированный совет ГАО АН СССР и защитой Гавриила Сергеевича направляет письмо Амбарцумяну, своему первому оппоненту.

Академику В.А. Амбарцумяну 23.08.81.

Глубокоуважаемый Виктор Амазаспович
 Посылаю Вам, как обязался при нашей встрече в Бюракане, дополнительные материалы по моей диссертации.

Д.Я. Мартынов, А.П. Гуляев (председатель Месткома ГАИШ),
Н.Д. Петрова (зав. библиотекой ГАИШ) и Е.П. Аксенов в кабинете директора

Я решил подготовить их в упоминавшемся Вами духе «Шкалы Колмогорова», и потому они состоят из двух частей, вольно названных мною «Ах вот это значит как» и «Ах вот как это надо делать».

Эти материалы, видимо, можно рассматривать как расшифровку «основных результатов», перечисленных во введении к диссертации и в конце автореферата, который тоже прилагаю. Здесь трудно было не впасть в мелочность, но я старался сохранить определенную масштабность в перечислении собственных «достижений».

Не сомневаюсь, что в большой работе, подобной моей диссертации, есть больше недостатков и ошибок, чем я перечислил и знаю сам. Я, конечно, с интересом узнал бы о том, чего пока сам не заметил (кое на что мне указывали другие; к счастью, всё это были мелочи, которые исправлены в том экземпляре работы, что есть у Вас).

130 Вновь размышляя о диссертации теперь, когда я сочиняю одновременную монографию, я вижу, что всё же сумел написать чисто астрономическую работу. «Астрономическую» — в том смысле, как я привык понимать это слово и эту науку еще в юности, когда решил ею заняться. В этом понимании астрономия должна объяснять природу, отталкиваясь от возможно большего числа фактов, причем объяснять, возможно, более экономным образом и возможно более однозначно.

К сожалению, это понимание целей и задач нашей науки сейчас очень непопулярно из-за известных Вам перекосов. Смешно сказать, но мне с моей диссертацией было бы гораздо легче, если бы я — пусть ни к селу, ни к городу — приплел бы туда рассуждения, скажем, о звездном ветре или какой-нибудь другой новомодной экзотике, с соответствующими почтительными ссылками.

Я же, кажется, написал нечто старомодное, и потому — решительно невнятное моему здешнему окружению. А плохое оно или хорошее — вопрос уже совершенно посторонний.

Вашу вторую просьбу буду постепенно выполнять. Кстати, из того, что имеет к ней отношение: сейчас у Е.А. Гребени-

кова работает моя бывшая аспирантка, специализирующаяся по истории астрономии, — Наталья Евгеньевна Хованова. Это — способная молодая женщина, являющаяся едва ли не единственным известным мне человеком, который профессионально относится к истории астрономии. Причем, её интересы всё более переходят в область связи истории и методологии.

Недавно она, по собственной инициативе, написала нечто, что представляется мне заслуживающим Вашего внимания. Нечто похожее на философское обоснование методологического подхода, нашедшего отражение в «Бюраканской концепции», причем не с примирительно-увязывающих позиций в стиле Казютинского, а гораздо глубже и бескомпромиснее. Наверно, надо было бы найти возможность прислать её к Вам с докладом на историко-научно-методологическую тему?

Пожалуйста, передайте большой привет Вере Федоровне.
Искренне Ваш

Г.С. Хромов

131

Стенографический отчет

Главная астрономическая обсерватория АН СССР

Заседание Специализированного совета

Д 002.92.01

**по защите диссертаций на соискание ученой степени
доктора наук**

18 декабря 1981 года

Ленинград

Повестка дня

Защита диссертации на соискание ученой степени доктора физико-математических наук ХРОМОВЫМ Гавриилом Сергеевичем на тему: «Планетарные туманности (физика и эволюция)». Специальность 01.03.02 — астрофизика.

Официальные оппоненты:

академик, доктор физ.-мат. наук, профессор В.А. АМ-
БАРЦУМЯН; член-корр. АН СССР, доктор физ.-мат. наук
А.А. БОЯРЧУК; доктор физ.-мат. наук, профессор В.Г. ГОР-
БАЦКИЙ.

Ведущее предприятие: Институт астрофизики и физики
атмосферы АН ЭССР.

132 *Вот как описывает начальный этап защиты сам ГС:* «Из
ГАИШ за неделю до защиты пришел тот самый «отзыв» со-
вместного заседания советов. К нему было приложено от-
дельное «Письмо в ученый совет», подробно излагающее все
мои проступки против научной истины. Стражи этой истины
подписались: Шаров, Костякова, Черепашук, Архипова, Пав-
ловская, Каримова, Бочкарев, Горшков (?), Амирханян (?),
Балакирев (?). ... Еще пришел паскудный, по обыкновению —
хамский — отзыв В. Мороза. И в последний момент ... отзыв
Ю. Парийского. Да ещё отзыв Бочкарева и Черепашука. ...
Ещё пришел хамский и глупый отзыв от В. Гринина» (01 янв.
1982 г.). [Вопросы после фамилий тех людей, которых ГС не
знает].

Мои оппоненты [Амбарцумян, Боярчук, Горбацкий] дали
весьма лестные отзывы + заключение головной организации
[Институт астрофизики и физики атмосферы АН ЭССР]. За-
щита длилась 5 часов с 15-минутным перерывом.

Было задано 11 вопросов от 5 человек.

На автореферат диссертации прислали отзывы доктор
физ.-мат. н. В.И. Мороз и чл.-корр. АН СССР Ю.Н. Парий-
ский.

*Приведу сначала общие замечания (не касаясь сути за-
мечаний научного характера) из отзыва В.И. Мороза.*

«Изучение планетарных туманностей является одной из
классических задач астрофизики. 30–40 лет назад это был ее
передний край. Тогда многие важнейшие проблемы были ре-
шены, однако тему нельзя считать закрытой и сейчас. В ульт-
рафиолетовом, инфракрасном и радиодиапазонах получено

много новой информации об этих объектах, и актуальность их комплексного исследования, попытка которого сделана в диссертации, не вызывает сомнений. К сожалению, эта попытка не удалась».

Далее приводится несколько общих замечаний. В последнем абзаце отзыва, состоящего из двух страничек, автор отзыва пишет: «Работа детально обсуждалась объединенным советом по астрофизике и звездной астрономии ГАИШ, при этом было высказано много замечаний, на которые диссертант был не в состоянии ответить. Рекомендацию научного коллектива ГАИШ о предоставлении к защите он не получил. Вместе с тем, в защите принимает участие очень сильный состав оппонентов. Обычно такое бывает в двух крайних ситуациях: а) работа выдающаяся, б) работа слабая, но велика пробивная сила диссертанта. По общему убеждению, здесь имеется второй случай» [орфография В.И. Мороза]. В.И. Мороз хоть и обвиняет оппонентов в заказе им отзывов, но почему-то ссылается на «общее убеждение», что мне кажется преувеличением. Это не так.

133

Отзыв Ю.Н. Парийского более сбалансирован: «К сожалению, я не имел возможности детально ознакомиться с основными рассуждениями Автора. Однако ссылки на подтверждение точки зрения автора данными радионастрономии нуждаются в обсуждении». Приводятся три спорные позиции, по мнению Ю.Н. Далее следует заключение: «Таким образом, работа автора может стимулировать новые, более полные радионаблюдения, но уже имеющиеся данные скорее противоречат основным выводам Автора, чем подтверждают их».

Видимо, диссертация ГС была, как он сам и признает, «на среднем уровне», но оппоненты были настоящие и работа — настоящая. Вот запись: «Основное: обсуждение с Горбацким. Он признался, что ожидал худшего, а моя работа, по его мнению, практически неуязвима. Занудных замечаний он, однако, мне „накидал“» (26 февр. 1980 г.). Вот еще запись в тот же день: «Там же [в АГУ] — выступление на заседании не то кафедры, не то — семинара. ... Я испол-

нил партию на 4 — лучше, чем в Крыму. Потом минут 15 бойко отвечал на вопросы. Резюмируя, В.В. [Соболев] сказал, что работа не в его вкусе, но это отнюдь не значит, что она плохая. Кажется — признали».

«В Тарту 2 часа докладывал на семинаре. Выслушали. Многие поняли. Похвалили» (1 июля 1980 г.).

Теперь снова вернемся к заседанию Ученого совета.

Н.Г. БОЧКАРЕВ: Я в данном случае представляю ГАИШ. Являюсь одним из авторов отзывов, о которых говорилось. Собственно, моя область интересов — это физика межзвездной среды и туманностей. Я являюсь председателем проблемной группы по проблемным вещам. Я ученик Каплана и Пикельнера и в этом плане занимаюсь физикой межзвездной среды. Так что соответствующая тематика была достаточно близка для меня.

134

Когда мне было предложено ознакомиться с этой работой, я был вынужден сделать это, и первое впечатление о работе было действительно очень положительное. Дело в том, что она охватывает практически все области исследуемой проблемы, очень широка, в ней делается огромное количество действительно новых выводов. Но когда я начал «влезать в кухню» этого дела, я убедился, что большинство выводов, если не все, основаны по существу на в высшей мере ненадежных данных, о чем говорил предыдущий товарищ из ленинградского университета.

Тут как-то в ответах на отзывы Г.С. Хромов говорил, что несколько преувеличены эмоции. Мое выступление здесь и все предыдущие бумаги, которые зачитывались, связаны не с эмоциями относительно личности Хромова, а исключительно с научной стороной дела.

Я не могу снова отвечать на все ответы, которые давал Хромов по отношению к нашим отзывам: это было бы слишком долго. Я бы хотел сказать о нескольких вещах. Например, по-видимому, после пионерских работ Виктора Амазасповича Амбарцумяна эволюционные вопросы стали одними из кардинальных вопросов современной астрофи-

Николай Геннадиевич Бочкарев

зики, и не вызывает сомнения, что эволюционные выводы о ядрах туманностей являются одними из важнейших выводов автора. Много здесь говорилось, что автор пересмотрел эволюцию и отсюда сделал новые выводы об эволюции туманностей. Ранее считалось, что эволюция идет вдоль горизонтальной части. Автор утверждает, что эволюция идет вертикально вниз.

В нашем отзыве отмечалось, что этот вывод связан с тем, что автор для ряда туманностей получил очень высокие светимости ядер методом Занстра. Я хочу еще раз подчеркнуть, что получено значение существенно выше эддингтоновского предела, причем превышение на порядок величины и по крайней мере на порядок величины для многих ядер.

136

Я напомним, что если световое давление станет в два раза больше, чем ускорение силы тяжести, то звезда разлетится во все стороны за то же время, за которое частица в поле тяжести упала с некоторого радиуса до центра, т.е. за динамическое время эволюции звезды, которое ввел Эддингтон и которое составляет время порядка часов. То есть, если бы эддингтоновская светимость была превышена в два раза, ядра разваливались бы за несколько часов. Вместе с тем, у автора превышение эддингтоновской светимости на порядок величины.

Диссертант говорил о том, что превышение эддингтоновской светимости может быть, но чтобы при этом не было развала звезды, это превышение должно быть на миллионные тысячные доли. Таким образом, даже если попытаемся анализировать причины, то совершенно ясно, что где-то кроется ошибка.

Если уберем верхнюю часть светимости (она примерно на полтора порядка превышает обычно используемое значение), то дальше останется некоторая область точек, которая никак не противоречит предыдущим данным. По крайней мере, это весьма важный вывод, как подчеркивали все оппоненты, и от автора диссертации в данном случае требуются по меньшей мере обоснования. На том материале, который есть, его нельзя обосновать.

Дальше я буду говорить несколько слов о некоторых других мелких замечаниях. Например, меня удивляет ответ диссертанта по отношению к отзыву Гринина о том, что преобразования планеты в планетарной туманности надо учитывать, настолько там могут быть разные условия, что условия образования джинсовской теории определяются законом Ньютона и распределением движения вещества. Собственно говоря, в данном случае это настолько общий закон природы, что он одинаково работает и там, и там. Но Гринин четко показал, что в данном случае автор проявил элементарную некомпетентность.

Диссертант бросил обвинение в адрес нашего отзыва о том, что невозможно обнаружить изменение светимости звезд на одну сотую звездной величины, и сказал, что это говорит о некомпетентности авторов отзыва. Я замечу, что отзыв подписан доктором наук Черепащуком, являющимся известным специалистом, который работает с точностями такого порядка. Более того, если даже не ходить далеко, а пойти в стеклянную библиотеку ГАИШ, там имеются фотографические наблюдения с эпохой в 80 лет, где сфотографированы ядра многих планетарных туманностей с разностью времени в 80 лет. Соответствующая работа была проделана у нас и не было обнаружено столь быстрых эволюций. Таким образом, тем более автору надо было попытаться поставить какие-то наблюдения в подтверждение этих вещей, а иначе нельзя говорить так быстро об эволюции ядер и столь серьезно.

Говорилось о том, что одним из существенных моментов является то, что автор разделил водородную и гелиевую температуры. Здесь тоже можно дать много нареканий как со стороны того, что автор не показал, что если для водорода туманность прозрачна, то она не прозрачна для соответствующих фотонов. Там были поставлены вопросы насчет пыли. Кроме того, я могу отметить, что если гелиевую температуру автор использовал 50–60 точек, кстати, уже ранее использованных другими авторами, для ярких планетарных туманностей, то массив для водородных температур состоял из тех же туманностей, плюс еще 80 туманностей низкой по-

верхностной яркости, относительно которой он получил не опубликованные до сих пор данные американцев о яркости соответствующих ядер. Дело в том, что это протяженные туманности на более поздней стадии эволюции, где ядра должны быть ниже. Никаких линий гелия там не было и нет уже давно. И ясно, что по ним следовало получить меньшие температуры ядер, а они дают половину в общее число исследованных объектов. Автор, естественно, такие вопросы не обсуждает в диссертации.

138 Собственно, можно остановиться на нескольких других вопросах. Не раз поднимался вопрос о шкале расстояний. Я хочу привести картинку на том же графике, что демонстрировал диссертант. Я возьму его предыдущие данные, где приведена 60%-ная вероятность интервала допустимых значений, просто у нас некоторые мальчики, любители статистики, на соответствующем графике построили диапазон допустимых значений. Вот соответствующая картинка. Здесь видно, что диапазон допустимого предела на 60%-ном уровне точности — один порядок величины. Поэтому говорить о том, что идет уточнение шкалы расстояния в полтора-два раза, по имеющимся данным нельзя. Это связано с тем, что астрофизические данные — это очень важная вещь, и надо заложить просто новый ряд наблюдений этого момента, поскольку там действительно вещи кардинальные. Но на сегодняшний день точность не такова, чтобы можно было говорить о новой шкале расстояний.

То же самое можно сказать о градиенте плотностей, о котором сегодня много раз говорилось. Автор отказался после длительной дискуссии от того, что плотность 10 в пятой является средневзвешенной по массе, как написано в диссертации. В этом плане автор, слава богу, отказался от своих притязаний. У него получается перепад плотностей в 40 раз. Он утверждает, что это в одной и той же туманности, хотя в докладе прозвучало, что самую плотную величину получал для избранных наиболее плотных туманностей. И фактически говорить о том, что есть градиент в 40 раз у одной туманности, не приходится. Тем более

в устной дискуссии автор согласился, что градиента в 40 раз не может быть.

Более того, видно, что тот материал, которым пользовался автор, он, кстати, не исследовал точность в своих результатах; там тоже разброс точек столь велик, что в допустимом интервале тонет весь градиент плотностей.

Здесь есть несколько картинок. Часть из них опубликована в диссертации. Здесь, во всяком случае, видно, что автор провел соответствующие кривые на глаз, хотя у нас в ГАИШ (я выступаю не только от своего имени, но и от имени широкого коллектива гаишевцев) проводился пересчет нормальным методом наименьших квадратов статистических закономерностей и не подтверждается даже принятый наклон кривых автора.

И последнее. Я хотел сделать, может быть, несколько замечаний по исследованию, о котором сегодня много раз говорилось. Поскольку выводы очень кардинальные, действительно, надо было всесторонне рассмотреть эти проблемы. В данном случае, как выяснилось сегодня из вопросов, градиент рассматривался на том основании, что при числе объектов порядка 30–50 перепад плотностей в два сектора составлял несколько единиц. А как известно, статистика дает ошибку тоже ± 5 –6 планетарных туманностей. Тем самым имеется некая ненадежность локального градиента. А в отзыве Парийского, который сегодня прозвучал как-то вскользь, было сказано, что имеются современные астрономические наблюдения как в окрестностях Солнца, так и в центре Галактики, где 10 килопарсек и где в центре сосредоточена основная часть туманности. Если предположить, что все наблюдаемые радиисточники являются планетарными туманностями, то отсюда следует, что их число не может превышать 10. Таким образом, есть более надежные на сегодняшний день методы. Они реально сработали и показывают, что оценка, о которой сегодня говорилось, ни в какие ворота не лезет, и рано делать далеко идущие выводы о рекуррентности.

Еще мелкое замечание о звездной кинематике. Автор много уделил этому внимания и настаивает на этих вещах.

Можно заметить одну простую вещь, которую заметили у нас специалисты по звездной кинематике Павловская, Каримова и другие. Когда автор вычислял дисперсионные скорости по Z -координате, он брал только лучевые скорости, и, зная галактические координаты туманности, брал соответствующую проекцию лучевой скорости, в то же время, помимо лучевой скорости туманности, есть собственное движение туманности. Более того, есть работы Дейча и других, об этих величинах, на которые диссертант ссылается. И вместе с тем он забыл учесть, что есть вторая дополнительная компонента лучевых скоростей, и на этих выводах он говорит о скорости кинематики и о том, что в результате кинематика соответствует объектам какого-то типа. В данном случае речь идет о том, что упущена большая составляющая, которая в два раза изменит результат.

140

Пожалуй, я не буду злоупотреблять вниманием присутствующих, и на этом кончу, хотя на этом не исчерпывается весь список замечаний, которые можно было говорить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Гавриил Сергеевич. Вы имеете возможность ответить на замечания, прозвучавшие в выступлении.

Чтобы полностью ответить на замечания, мне пришлось бы заново сделать доклад. К тому же число замечаний увеличилось с тех пор, как я уехал из ГАИШ. Я отвечаю на два замечания.

Первое. Я говорил Вам и могу показать это с цифрами в руках, что максимальные светимости ядер планетарных туманностей получаются одинаковыми у меня, у Ситона и у О'Делла. Одинаковыми! Я могу дать ссылку библиографическую относительно того, что происходит с эддингтоновским пределом. Я уже говорил, что здесь никаких противоречий нет. Получается так, что «Ситону и О'Деллу — можно, а мне — нельзя».

Что касается этой картинки, действительно, хорошо известно, что галактические градиенты определяются очень

плохо. Я уже пытался показать, что если строго считать все стандартные отклонения, считать их максимальными ошибками и дальше по известным формулам математической обработки строго учитывать, любой результат потонет в этих ошибках, как и те результаты, которые дают традиционные значения. Статистика всех моих результатов, может быть, не лучше, но и не хуже всех других.

Выступили 6 человек, из них двое по два раза: Т.А. Агемян и Н.Г. Бочкарев. Последний фактически с содокладом, характеризующим работу отрицательно. В этой связи интересно замечание Агемяна на одно из высказываний Бочкарева.

Доктор физ.-мат. наук Т.А. Агемян: «Я хочу сказать, что предложение [Бочкарева] рассматривать кроме лучевых скоростей еще и собственные движения неправильное, потому что лучевые скорости на таком расстоянии определяются весьма точно, а собственное движение — с большими ошибками. Поэтому предложение, высказанное Н.Г. Бочкаревым, совершенно неправильное». *Отсюда можно сделать вывод, что Бочкарев не является истиной в последней инстанции, как он с большим напором пытается себя представить.*

141

Доктор физ.-мат. наук
В.К. Абалакин

Я хочу высказать удивление, что работы, опубликованные Г.С. Хромовым лет 7 назад, только сейчас, когда у нас 1981 год, подверглись столь тщательной проверке, такому скрупулезному анализу. Видимо, это можно было сделать раньше? Вероятно, это обнаружилось не сегодня?

Канд. физ.-мат. наук
Н.Г. Бочкарев

Я прощу извинения за излишнюю настойчивость, но я хочу сказать несколько слов. Только что было брошено обвинение, что работы, опубликованные много лет назад, не вызывали столь оживленной дискуссии как сейчас.

Во-первых, у меня с собой есть несколько отрицательных отзывов на статьи автора, которые сейчас вошли в эту диссертацию, датированные 1978 годом, когда их посылали в ГАИШ из «Астрономического журнала», что были отрицательные отзывы. После чего автор перестал публиковаться в «Астрономическом журнале» и стал отсылать статьи в «Астрофизику» [*Ну, а в «Астрофизике», получается, сидели несведущие в астрофизике люди.*]. Так что говорить о том, что мы раньше просто не смотрели на работы, а теперь на них взглянули из каких-то соображений, не приходится.

Кроме того, когда речь идет о научной статье, и в ней ставятся дискуссионные вопросы, это часто полезно, поскольку стимулирует новые наблюдения.

142 Лет 7–8 назад я занимался собственными работами, а не занимался другими. А сейчас, волей судеб, меня заставили заниматься этим, и я, как человек въедливый, стал смотреть на работу Хромова с разных сторон.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Гавриил Сергеевич, хотите ли Вы что-нибудь сказать?

Г.С. Хромов

Я воздерживаюсь от ответа.

Заключение Специализированного совета по диссертации Г.С. Хромова

Наиболее важными и новыми результатами диссертации Г.С. Хромова, полученными на основе собственных исследований, в том числе наблюдений, являются:

1. Комплексное физическое описание планетарной туманности с учетом ее пространственной структуры, градиентов плотности вещества и внутренней динамики, с объяснением механизма расширения туманности под действием внутреннего давления в горячей газе.

2. Выявление временных изменений различных наблюдаемых характеристик планетарных туманностей и, на этой основе, построение схемы эволюции планетарной туманности, с указанием пределов эволюционного изменения основных физических параметров типичного объекта этого класса.

3. Выявление синхронных временных изменений температур, радиусов и спектральных свойств центральных звезд — ядер планетарных туманностей. Построение на этой основе новой эмпирической эволюционной схемы для ядер.

4. Формулирование итогового, обобщающего комплексного описания эволюционирующей системы «планетарная туманность—ядро» как основы для дальнейших теоретических и наблюдательных исследований.

5. Выдвижение гипотезы о том, что звезды — предшественники планетарных туманностей относятся к старой фракции молодого галактического населения 1-го типа и являются относительно более многочисленными объектами, чем считалось ранее.

Научные результаты диссертанта являются обобщением эмпирических и теоретических данных о планетарных туманностях и их ядрах.

Основные положения и выводы диссертации достаточно надежно подкреплены комплексным анализом всех разнообразных наблюдательных данных о планетарных туманностях и их ядрах, накопленных за последние 50 лет их изучения.

Результаты диссертации имеют значение для постановки дальнейших наблюдательных исследований планетарных туманностей и их ядер, теоретических обобщений эмпирических данных, исследования физических свойств планетарных и других эмиссионных туманностей, теории поздних стадий звездной эволюции.

Материалы диссертации могут использоваться в работе ГАИШ МГУ, Астрономического совета АН СССР, КраО АН СССР, ГАО АН УССР, ИАФА АН Эст. ССР и др. советских астрономических учреждений. Они заслуживают публикации в виде специальной монографии.

Результаты голосования: роздано бюллетеней — 16, в урне оказалось — 15, за — 8, против — 5, недействительных — 2.

В срыве защиты ГС винит почти всех: «Пулковские старцы были ужасны». Он пишет, что «большинство из них ничего не понимало, и что результат голосования был предрешен заранее». Винит академика Михайлова, «которому было нетрудно подговорить совсем уж неразумных астрометристов. Плохо вел себя Соболев, кот. не осмелился выступить за меня в преддверии академических выборов» (01 янв. 1982 г.). Зачем же надо было защищаться в совете, где «результат голосования был предрешен заранее». И «у меня ни на миг не возникало и уверенности, что все обойдется...». Я знаю несколько случаев, когда люди не защищались в своих «родных» организациях, если чувствовали сопротивление. ГС же сначала прорывался в «родном» ГАИШе, а затем пошел к «пулковским старцам», которые, как он считал, ничего не понимали в его работе. Ведь диссертация, похоже, была совсем неплохая, раз ее одобрили такие уникальные в своей научной деятельности и принципиальности оппоненты.

144

Апофеозом всего: «Услышав результаты голосования, я сумел улыбнуться, и дальше — не расставаться с улыбкой. Вообще я сумел повести себя во всем этом деле с таким блеском и достоинством, что об этом, несомненно, будут ходить легенды» (01 янв. 1982 г.). Легенд нет, а вот случай такой защиты, пожалуй, уникальный и оказался достоин, чтобы я о нем рассказал спустя почти сорок лет, включив в главу о ГАИШ.

«Объявление голосования было встречено глухим ропотом, после чего 70 чел. стали медленно расходиться».

Не без злорадства ГС записал: «Любопытно, что В.А. Амн [Амбарцумян], кажется, ничуть не сомневался, что все обойдется, и оплеуха, которую он получил, может быть, ещё более оглушительна» и «не без злобного удовольствия передал Аксенову описание ситуации, призвав его озаботиться

собственным, директорским престижем» (01 янв. 1982 г.).
Ну каково?

В день защиты случайно был свидетелем такой сцены. Я пил чай с небесными механиками, как это обычно делал, когда мне срочно по учебным делам был нужен Евгений Петрович, а к нему трудно было пробиться. Вошла Г.А. Старикова, тогдашний секретарь партгруппы звездной астрономии и астрометрии, сама звездный астроном, звонит телефон, и подошедшая Соня Вашковьяк сообщает всем новость, что Гаврилу провалили. Радостная Старикова тут же умчалась сообщать своим эту новость. ЕП был недоволен Соней, о чем ей и сказал, что надо было подождать с известием. Пусть бы информация пришла по другим каналам.

Академику В.А. Амбарцумяну

29.XII.81. 145

Глубокоуважаемый Виктор Амазаспович!

Посылаю Вам копии «заключений» о моей злополучной работе, изготовленные в ГАИШ стараниями целого коллектива, чуть ли не из 15 человек.

Прилагаю также свой ответ на первоначальное заключение; извините, что копия — очень бледная. Мои комментарии к обвинениям, содержащимся в заключении Бочкарева и Черепашука, сделаны прямо в копии этого документа, в скобках.

Перечитывая все эти произведения, я до сих пор не могу избавиться от чувства глубокого изумления. Мне приходится спорить с людьми, либо просто малограмотными и не понимающими, что такое наука вообще, и астрофизика — в частности, либо с бессовестными и упрямыми тупицами, либо, наконец, с глухими.

Для полноты картины, изложу историю появления этих «заключений» на свет божий:

В мае 1980 г. я положил готовую диссертацию на стол Е.П. Аксенову. Он направил ее в наш внутренний «совет» по

астрофизике, председателем которого является Э.А. Дибай. Тот ужасно перепугался, стал объяснять, что разбирается только во внегалактической астрономии, и что работу нужно рассматривать на совете по звездной астрономии. В итоге возник беспрецедентный в истории ГАИШ компромисс: обсуждать работу на совместном заседании сразу 2-х советов. Накануне этого заседания Дибай вообще исчез.

На этом первом обсуждении в июне 1980 г. я оказался в роли обвиняемого, которого лишали слова, едва он только пытался возражать. И уж во всяком случае — никакие мои соображения во внимание не принимались — ни в одном пункте!

Этот спектакль длился 3,5 часа, а тон ему с самого начала задал В. Мороз, объявивший, что он ничего не понял из «основных положений», а потому диссертация написана в противоречии с инструкцией ВАК и вообще — плохая.

146 Далее особенно усердствовали Есипов, Павловская, Костякова, Шаров, Каримова, Холопов и некоторые молодые люди, увлеченные общей обстановкой скандала и безнаказанности. За меня пытались вступить только Мартынов и Псковский, но крайне нерешительно и робко, Черепашук, кажется, отсутствовал, хотя и упомянут в протоколе.

Поскольку заседание постановило, что я должен что-то переработать, я потребовал заключение в письменном виде, ибо в общем гвалте так и не смог понять, что именно. Так родилось заключение объединенного заседания советов, копию которого я прилагаю.

Я внимательно ознакомился с ним и написал свой ответ на конкретную критику, копию которого прилагаю. Я передал этот ответ Е.П. Аксенову в августе 1980 г., и [он] там пролежал без движения до, примерно, февраля 1981 г.

Тогда я настоял, чтобы если не Аксенов, то Псковский, как его заместитель, показали мой ответ нашим «звездным астрономам» и выяснили их позицию. Это было, наконец, сделано, но Шаров, Костякова и Павловская заявили, что я все равно во всем неправ, ничего не исправил и «не переработал». Я предложил встретиться с ними в присутствии

Псковского и обсудить разногласия. Они отказались (думаю, что из трусости), потребовав, чтобы я вновь выступал на заседании их совета.

Не желая опять оказаться в роли мальчика для битья, я отказался и потребовал у Аксенова, чтобы мне выдали официальное заключение — пусть отрицательное — чтобы я мог действовать далее на свой страх и риск.

Аксенов, однако, решил попытаться — из престижных соображений — хоть как-то изменить склочный и мелочный характер «заключения». Он поручил Дибая разобраться в сути разногласий. Дибай снова увильнул, свалив это дело на Черепашуку. Тот, в свою очередь, ссылаясь на занятость, поручил все уже известному Вам Бочкареву. Ну а тот принялся проверять все мои формулы, сравнивая их со своей библией — вторым изданием «Межзвездной среды» Каплана и Пикельнера.

Бочкарев, как и все другие, отнюдь не удосужился прочитать диссертацию (он — тоже очень занятый мужчина). Он никогда не занимался планетарными туманностями, да и вообще — настоящей астрофизикой, однако числится сейчас в ГАИШе чуть ли не главным теоретиком в области классической астрофизики и «духовным наследником незабвенного С.Б. Пикельнера». К тому же, Масевич в свое время произвела его в руководители рабочей группы Астросовета по межзвездной среде.

У Бочкарева «возникли сомнения», которые я честно попытался развеять в нескольких разговорах, не обращая внимания на то, что это ничтожество беседовало со мной как профессор с проштрафившимся студентом. При этом, вдобавок, он еще врал и передергивал. Беседы эти, конечно, не дали никакого положительного результата. Зато Бочкарев «все объяснил» Черепашуку, который — по его собственному признанию — лично удосужился только перелистать главу об эволюции ядер (да и той как следует не понял). Далее, спасая собственный престиж или из каких-то других соображений, Черепашук принялся повторять, что во всем согласен с Бочкаревым.

У меня, да и у других, сочувствующих мне, включая Аксенова, не было сомнений, что и Бочкарев, и Черепащук кем-то «подготовлены». Я попытался откровенно поговорить с Черепащук, услышав в ответ, в частности, что «для астрономии — большая честь, что ей занялся такой титан, как Я.Б. Зельдович». В остальном он, как будто бы, все понял, но буквально через неделю все-таки появилась подписанная им и Бочкаревым бумажка, копию которой Вы тоже увидите и которая прозвучала на защите. Бумажку эту у них, кстати сказать, никто не требовал: сами написали и распространили.

В итоге мое положение еще ухудшилось, и я решительно потребовал у Аксенова выдачи мне любого отзыва.

148 Аксенов совершенно не пожелал вникнуть в дело сам, как, казалось бы, высший научный авторитет в институте, зато долго колебался, не пострадает ли престиж института, если они меня выпустят с таким заключением. Мне пришлось привести к нему Е.А. Гребенщикова, как члена экспертного совета ВАК, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки. Ругательное «заключение» я получил. Остальное — Вам известно.

Самое грустное во всей этой истории — поразительная и быстрая деградация этического и научного уровня в астрофизических и звездно-астрономических подразделениях ГАИШ. Классическая астрофизика в Москве выродилась, так же как и звездная астрономия. Все это, увы, плоды многолетней бездеятельности Д.Я. Мартынова и неудачной деятельности Б.В. Кукаркина при многолетней же разрушительной работе И.С. Шкловского и Я.Б. Зельдовича.

Нужны крупные перестановки, реформы, поиски новых научных лидеров и пр. Е.П. Аксенов это понимает, но настолько нерешителен и медлителен, что только усложняет обстановку. Будь моя воля, я бы просто временно закрыл подготовку в МГУ как астрофизиков, так и звездных астрономов — до формирования новых направлений и появления новых лидеров.

Судите сами: сейчас Аксенов добился объединения кафедр астрофизики и звездной астрономии. Это — правильно

со всех точек зрения. Но заведующим кафедрой остается своеобразный Д.Я. Мартынов, единственным штатным и.о. профессора и его неизбежным преемником — Э.А. Дибай, основным «звездником» — П.Г. Куликовский. Перечислять остальных — просто бессмысленно.

На кафедре есть совместители: Я.Б. Зельдович, И.С. Шкловский, В. Курт и В. Мороз. Разные курсы читают практически кто придется — от Бочкарева до Костяковой, так же обстоит дело и с руководством аспирантами. Чему эти люди могут научить и в каком ключе проходит это обучение — достаточно ясно.

Не менее насущной проблемой является ликвидация так наз. «отдела радиоастрономии», давно изжившего себя и, практически, бесхозного, ибо И.С. Шкловский там только числится, но не руководит. Именно этот отдел и формальный заместитель Шкловского — некий В. Есипов являются основными источниками склок и всевозможного разложения в современном ГАИШ. Тронуть все это Аксенов не решается, не будучи уверен в поддержке Ректора.

Было бы очень полезно рассказать все это А.А. Логунову, но меня он, естественно, не послушает. Если ему, для собственных целей, нужны хорошие отношения с Я.Б. Зельдовичем, то пусть бы он и открыл для него, вкупе со Шкловским, кафедру релятивистской астрофизики, но не в нашем несчастном Астрономическом отделении, а в недрах Физического факультета, где и порядки, и разнообразный контроль — в том числе партийный — гораздо строже, чем у нас. А мы бы, глядишь, постепенно, за несколько лет, сумели прийти в себя, перестроить и упорядочить структуру, подобрать и воспитать новых людей, вспомнить о том, что в основе астрономии — наблюдения, а не эквилибристика с формулами...

Искренне Ваш

Г.С. Хромов

На следующем документе карандашом: ВАК отменил защиту и её итоги

**Председателю Высшей аттестационной комиссии при
Совете Министров СССР
профессору В.Г. Кириллову-Угрюмову**

Глубокоуважаемый Виктор Григорьевич

Я — профессиональный астроном, специализирующийся в области астрофизики (физика туманностей). В 1959 г. окончил Астрономическое отделение МГУ, в 1965 г. — аспирантуру при Физическом факультете университета и тогда же успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Некоторые вопросы физики планетарных туманностей». Сейчас являюсь автором более 45 научных публикаций в ведущих отечественных и зарубежных изданиях, не считая работ на научно-популярные и научно-организационные темы.

150

Проработав несколько лет в Государственном астрономическом институте им. П.К. Штернберга, я в 1972 г. перешел с должности старшего научного сотрудника этого института в Астрономический совет АН СССР. Там я занял должность зав. сектором с возложением обязанностей заместителя председателя по научно-координационной работе.

Моя деятельность на этом посту с 1972 по 1977 гг. проходила довольно успешно; во всяком случае, за этот срок я получил несколько благодарностей от руководства и ни разу не встретился с какой-либо отчетливой критикой в свой адрес.

В 1972 г. я был на короткий срок командирован в США, где должен был выполнить довольно ответственное поручение в международной комиссии по космической топонимике, а затем — принять участие в международном симпозиуме по планетарным туманностям в Корнельском университете. Я был членом научного оргкомитета этого симпозиума и его сопредседателем. Моя поездка прошла вполне успешно и без каких-либо осложнений. Однако, как это выяснилось позд-

нее, я, несомненно, попал в поле зрения если не спецслужб США, то тамошних сионистских организаций.

Так или иначе, через пару месяцев после моего возвращения, в августе 1977 г., Советский Союз посетил один весьма известный в астрофизических кругах профессор Корнельского университета, некий Э. Солпитер. Проведя здесь около недели, он накануне отъезда оставил личную записку на имя чл.-корр. АН СССР И.С. Шкловского, в которой я клеветнически, бездоказательно и нелепо обвинялся в том, что выступал с антисемитскими проповедями перед студентами Корнельского университета и, в личной беседе с ним, поносил известных Вам И.С. Шкловского и Я.Б. Зельдовича.

Эта записка — в копиях и переводе — быстро приобрела широкое распространение в кругах московских физиков и астрономов. Сам я случайно узнал о ней чуть ли не месяц спустя, когда заглазный скандал вокруг моей персоны близился к апогею.

Здесь не место излагать подробности его дальнейшего развития. К тому же, будучи жертвой этого неправдоподобного дела, я успел привыкнуть к тому, что мои собственные оценки и описания не принимаются всерьез. Сошлюсь поэтому на акад. В.А. Амбарцумяна, который был свидетелем и отчасти — участником дальнейшего, и который мог бы подтвердить истинность изложенного в этом письме.

Поскольку вся эта история носила слишком уж неприличный характер, в Академии наук постарались замять ее. Открытая травля, развернувшаяся против меня, в результате приобрела более изощренные формы. Так или иначе, в начале 1979 г. я был вынужден уйти из Астрономического совета и вернулся в Государственный астрономический институт им. П.К. Штернберга, где и работаю в настоящее время в должности старшего научного сотрудника.

Расставшись с административными обязанностями, я занялся исключительно собственной научной работой, подводя итоги 20-летнему изучению планетарных туманностей. В результате, в начале 1981 г., я написал и представил диссертацию на соискание ученой степени доктора физико-ма-

тематических наук на тему «Планетарные туманности, физика и эволюция».

По мере того, как становилось известным, что я успешно работаю и готовлю диссертацию, обстановка вокруг меня вновь начала накаляться. Каким-то образом, до сих пор для меня непонятным, на меня стали коситься самые различные люди, с которыми я привык считать себя в добрых отношениях. Про меня начали распространяться нелепые слухи, опровергнуть которые не удавалось ни мне самому, ни администрации института и т.п.

152 Всё это имело результатом то, что обсуждение моей работы на внутреннем семинаре в ГАИШ в июне 1980 г. приобрело откровенно обструкционистский характер. Тон ему задало первое же выступление — сотрудника ИКИ АН СССР д.ф-м.н. В.И. Мороза. Отнюдь не будучи специалистом в физике туманностей, он однако решился категорически заявить, что моя работа — неудачна и не может быть представлена в качестве диссертации.

Трехчасовое обсуждение закончилось требованием переработать диссертацию. Однако я был лишен возможности сделать это по той простой причине, что в предъявленном мне пространном списке замечаний содержались либо просто научные нелепости, либо указания на опечатки (их я, конечно, исправил). Добавлю, что все мои критики, с которыми я сумел позднее переговорить, в конце концов признавались, что работу они не читали и в лучшем случае ограничились просмотром небольших ее частей.

Мне следует пояснить, что планетарные туманности — общеизвестная, но довольно сложная и обширная проблема из области классической астрофизики. Ими много занимались у нас в 1930–60-х гг., и очень интенсивно занимаются сейчас за рубежом; ежегодно на эту тему публикуется около сотни работ. Кадры отечественных специалистов, однако, сейчас сильно поредели. С уходом в отставку проф. Б.А. Воронцова-Вельяминова в ГАИШ практически не осталось признанных специалистов — даже в смежных областях астрофизики. Понятным образом, в такой обстановке любая

недобросовестность — сознательная или невольная — способна критически повлиять на оценку любой научной работы, вне зависимости от ее истинного уровня.

По прошествии года я воспользовался правом выйти на защиту при отрицательном отзыве собственного учреждения, хотя, как видите, — не сразу и не без колебаний. Защита моей диссертации была организована в единственном ученом совете, где я мог рассчитывать на объективное к себе отношение — в специализированном совете при Главной астрономической обсерватории АН СССР в Ленинграде.

К сожалению, однако, в этом совете преобладали лица, научные специализации которых фактически были очень далеки от темы моей работы.

Защита проходила 18 декабря 1981 г. в Пулковско. На нее специально прибыл из ГАИШ младший научный сотрудник к.ф.-м.н. Н.Г. Бочкарев; как это выяснилось позднее — в счет отгулов и на частные средства. Приехав за день до защиты, он посетил основные астрономические учреждения Ленинграда, возбуждая против меня общественное мнение, и даже пытался оказывать давление на моих оппонентов и членов совета.

Н.Г. Бочкарев привез и представил в ходе защиты два специально составленных отзыва: один — подписанный 10 сотрудниками ГАИШ в лице самого Бочкарева, докторов наук А.С. Шарова, Е.Б. Костяковой и А.М. Черепашука, трех старших и одного младшего научного сотрудника — кандидатов наук и двух младших научных сотрудников без ученой степени. Другой отзыв был подписан д.ф.-м.н. А.М. Черепашуком и опять-таки Н.Г. Бочкаревым. Замечу, что среди всех этих лиц только двое имеют научные работы, посвященные планетарным туманностям, в чем нетрудно убедиться.

Усилиями Н.Г. Бочкарева на защиту явилось какое-то неизвестное лицо, записывавшее ход всего заседания на магнитофон; выступавшие фотографировались. Сам Бочкарев дважды брал слово для длительных выступлений, на которые я был вынужден подробно отвечать. В итоге защита затянулась на 5 часов без перерыва, что, несомненно, утомило мно-

гих немолодых членов совета. Некоторые из них покинули заседание до голосования.

Все четыре официальных отзыва — оппонентов (акад. В.А. Амбарцумяна, чл.-корр. АН СССР А.А. Боярчука и проф. В.Г. Горбачкого), а также — головной организации (Института физики и астрофизики АН Эст. ССР) были безоговорочно положительными. Со стороны членов совета было задано три–четыре малозначительных вопроса и не прозвучало ни одного критического выступления. Однако при голосовании я «не добрал» голосов (8 — «за», 5 — «против», 2 — воздержавшихся и один бюллетень — пропал). Впоследствии по собственной инициативе руководство специализированного совета ГАО АН СССР обратилось в Высшую аттестационную комиссию с просьбой отменить результаты защиты, кажется, ссылаясь на формальное нарушение — уход части членов совета до голосования и невыполнение подсчета голосов при утверждении протокола счетной комиссии. ВАК согласился с этой просьбой и теоретически я, вероятно, могу повторить защиту.

154

Однако за истекшее время мое положение отнюдь не улучшилось. Только лишь известие об отмене результатов моей защиты вызвало очередную вспышку недоброжелательства в мой адрес и закулисную активность, чтобы парализовать возможные дальнейшие действия с моей стороны.

Не вдаваясь в объяснение причин, я могу заявить с определенностью, что сейчас в СССР нет ни одного специализированного ученого совета, где я мог бы рассчитывать на беспристрастную и квалифицированную оценку моей работы. Добавлю лишь, что это мнение не является случайным и выработано и проверено достаточно многочисленными переговорами и консультациями. Сопоставив упомянутую мною дату защиты со временем написания этого письма, нетрудно убедиться, что оно едва ли может считаться импульсивной реакцией обиженного человека.

Как для профессионального ученого для меня небезразлично формальное признание моей научной квалификации. Представляется к тому же совершенно нелепым, чтобы кле-

**ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ
КОМИССИЯ**

при Совете Министров
СССР

(ВАК СССР)

103064 ГСП, Москва, К-64,
Мечников пер., 56.

19.01.1974
07.08.2007-49

Председателю специализированного совета Д 002.92.01 при Главной астрономической обсерватории АН СССР

члену-корреспонденту АН СССР
В.А.Крату

ВАК СССР разрешает повторно провести защиту диссертации т.Хромова Г.С. и указывает на необходимость неукоснительного соблюдения требований Положения о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий и Инструкции о порядке проведения заседаний специализированных советов о процедуре защиты диссертаций.

Зам. главного ученого
секретаря

Вавилов
Р.В.Давыдов

Тип. «Гудок». Зак. 1842-76.

Разрешение ВАК на повторную защиту докторской диссертации
Г.С. Хромова

ветническое вмешательство зарубежного проходимца от науки могло оказать на него решающее влияние.

Поэтому я не вижу иного выхода, кроме как просить Вас дать указание, чтобы в порядке исключения моя работа была рассмотрена на основании письменных отзывов непосредственно на заседании экспертного совета ВАК по общей физике и астрономии.

Извините за странную просьбу и длинное письмо.

С глубоким уважением

Г.С. Хромов

Приложение: автореферат диссертации Г.С. Хромова «Планетарные туманности. Физика и эволюция».

Хромов Гавриил Сергеевич кандидат физ.-мат.наук, старший научный сотрудник, вице-президент Всесоюзного астрономо-геодезического общества, член Международного астрономического союза.

Защита диссертации была отменена. Она возвращена в совет, и ВАК разрешает повторную защиту диссертации. Гавриила Сергеевича, видимо, поразмыслив, к вопросу защиты более не возвращает. На мой, уже в 2000-х годах, вопрос о повторной защите он заявляет, что делать этого не будет. Это дело он для себя снял с повестки.

Вот выводы, которые сделал сам ГС: «Подводя итоги, можно, вероятно, сказать, что, парадоксальным образом, мой престиж только вырос:

Признано, что завалили не работу, а меня лично, из соображений, от науки далеких. Кстати, едва ли какая-нибудь другая диссертация в истории сов. астрономии подвергалась такой подробной и злобной критике. А от моей в результате сохранилось все основное!

Я, наконец, имею 4 отзыва о работе от почтенных людей, и — все положительные.

Мои бойцовские качества проявились во всем блеске, и я полностью сохранил лицо. Что для меня важнее многого прочего.

Уважение к пулковскому совету уже и вовсе рухнуло.

Многие поняли, что игра — серьезнее, чем казалась».

Далее ГС понесло: «И я, кажется, становлюсь столь же популярной и противоречивой фигурой в общественном мнении астрономов, как и сам В.А.А. [Амбарцумян].

Вспоминаю, что я же сам искусил судьбу. Как-то, много лет назад, на вершине астросоветовской карьеры, лежа на своем диване, я, вечером, с тоской подумал, что очень уж все скучно: сейчас то, потом, как по рельсам, очередное — степени, звания. И все уже ясно и, вроде бы, гладко...

Ну, зато теперь мне уже есть о чем писать в мемуарах! Я, видимо, сумел доказать и другим, и себе, что я — личность. Реакция очевидна: одни тянутся ко мне, другие боятся и сплетничают. Ну, а уж коли ты претендуешь на то, что ты — личность, то и не жди ни легкой жизни, ни снисхождения. Тому в историю... Да я и не жду, и даже не очень-то ропщу: сам притягиваю «молнии», собственной лысой башкой».

Как-то я услышал такое высказывание: «студент в историю не попадет, он в нее влипнет». Похоже на смысл патетики от ГС, не правда ли?

Помня о своем поражении, когда его заставили докладывать диссертацию на совместном заседании двух советов, астрофизики и звездной астрономии, ГС пишет: «Я придумал и отдал Е.П. [Аксенову] и Ю.П. [Псковскому] проекты состава двух внутренних советов — с разделением астрофизики от звездной астрономии, внегалакт. астрономии и космологии. Еще придумал, как заставить АН [АН СССР] работать на народное хозяйство без структурных изменений — хотя бы на первых порах» (22 июня 1982 г.).

Некоторые обстоятельства ухода Аксенова

ГС пишет о большой инертности Е.П. Аксенова при принятии решений, считая, что он всё долго решал, возможно, как и все мы, ожидая, что само собой рассосется. Мое мнение другое — ЕП был не старшим научным сотрудником по договору, как ГС [безответственным на тот момент, да и далее], а директором крупного астрономического института. Он хорошо обдумывал свои решения, и зачастую они были неожиданны и привлекательны. Мне это в ЕП очень нравилось. В общем, я его любил и как мог помогал в учебной и организационной работе [ЕП был одновременно заведующим астрономическим отделением физического факультета МГУ, а я — его заместителем].

158

Но в то же время я злился на ситуацию и на себя из-за пробуксовки на одном месте, в одной должности. Даже получив лабораторию, которая была крайне необходима Отделению, я все еще оставался её руководителем на общественных началах, впрочем, это тогда широко практиковалось. Мой руководитель А.П. Гуляев много лет тоже был руководителем рабочей группы меридианной астрометрии и тоже на общественных началах. Я же, не чувствуя перспективы карьерного роста, выполняя на общественных же началах работу зам. заведующего астрономическим отделением и к тому же после нашего выступления с А.В. Бугаевским против ухода ЕП из директоров [а он все же ушел], легко принял предложение Инны Сергеевны Щербиной-Самойловой о переходе в ВИНТИ на должность зав. отделом. Перспективы в ГАИШ я не видел, на факультете тоже особых надежд роста не было. Как любил говорить Е.Н. Федосеев, проработавший всю жизнь в отделе Службы времени ГАИШ, мы попали в «потерянное поколение». Кстати, Евгений Николаевич за 4 года до Коли Бочкарева прошел факультет тоже на одни пятерки. Выходя из этого отступления в повествовании, продолжу. Состояние моей научной работы меня также не удовлетворяло — много, почти все время уходило на выполнение обязанностей зама. Наука шла урывками, в основном летом, когда я летал на Майданакс-

Заведующий отделом Службы времени ГАИШ Е.Н. Федосеев

кую обсерваторию для установки, наладки и наблюдений в высокогорье на меридианном круге Репсольда. Так продолжалось несколько лет. А тут еще пришел новый директор и он же зав. астрономическим отделением. В общем, с 29 апреля 1988 г. я уже работал в ВИНТИ. Ушел же из ВИНТИ 1 мая 2012 г. — прошло 24 года, и я вернулся в МГУ на родной физический факультет. Жалею только о том, что после ухода из ГАИШ ни разу не встретился с Евгением Петровичем. Впрочем, в ГАИШе я бывал только для чтения осеннего курса лекций по сферической астрономии на первом курсе, а ЕП часто болел. Да и не ожидал я, что он так рано уйдет. И Евгений Петрович Аксенов, и Вилен Валентинович Нестеров «сожгли себя до срока». Такая вот злая судьба.

160

Дневники ГС помогли мне узнать некоторые вещи, которые прошли мимо меня или которым я не придавал должного значения по причине молодости, отсутствия интереса к скрытой жизни Института, да и моя «кочка зрения» была невысока. Я и не знал, что уже в 1981 г. после четырех лет директорства ЕП собрался уйти с этой должности. Он планировал принять на штатной основе заведование кафедрой небесной механики, астрометрии и гравиметрии. Этой кафедрой ЕП нештатно и руководил после ухода Г.Н. Дубошина в консультанты в 1979 г. На самом деле уйти из директоров ему удалось только в 1986 г., через 5 лет, но все время шли слухи, которые обходили меня как-то стороной. Меня, но не ГС, который взялся «вершить» дела, по-прежнему считая себя не менее как «руководителем советской астрономии». Вот запись ГС: ему сказали про «слух, будто Аксенов в конце января–начале февраля собирается подать в отставку с директорского поста. Это тоже правдоподобно: я вспоминаю некоторые положительные высказывания А. во время юбилейных выпивок [ГАИШ отмечал 150-летие Московской обсерватории и 50-летие своего образования]. Слух — тревожный, ибо если вовремя не принять мер, то Институт останется беззащитным» (07.01.1982 г.). Понять ГС можно, ведь он недавно пришел в ГАИШ после скандального

ухода из Астросовета и сопровождавшего переход явного сопротивления астрофизиков и звездников. ГС после разговора с Гребениковым и получения некоторых сведений о личной жизни ЕП характеризует его так: «Ведь умный же и приличный парень» (01.07.1982 г.). Далее он действует в стиле Саши Бугаевского, т.е. немедленно, прогнозируемо и «по государственному». «Я написал ему [Амбарцумяну] письмо, 2/3 которого посвящено ГАИШевским делам. Слухи об уходе Е.П. достигли Крыма. ... Прошу В.А. вмешаться и поговорить с Логуновым о замене Е.П. если кем, то Гребениковым. Право же, положение серьезное» (07.02.1982 г.).

Вот снова: «В ГАИШе новости: грядет 10% сокращение. Аксенов должен уволить 26 человек. Его это, видно, сокрушило окончательно. Увел меня в свой кабинет и заявил, что намерен подать в отставку. Просил уговорить Гребеникова занять его место и просил устроить встречу между ним и им у меня. ... Слава богу, что Е.П. понимает, что бросать директорский пост на произвол судьбы сейчас очень опасно, ибо может возникнуть какой-нибудь очень уж «странный» кандидат — при двурушнически-легкомысленном поведении Логунова [вот так!]» (12 окт. 1982 г.).

И, следом: «Историческая встреча двух директоров состоялась [все-таки ЕП, видимо, всерьез рассматривал свой уход] и прошла успешно. Я, кажется, хорошо помогал Аксенову, ибо (м.б. это была и игра) Е.А. [Гребеников] сильно упирался, вслух мечтая о должности зав. кафедрой и писании книг. Я же говорил со страстью и свойственной мне убедительностью. ... Тот же [Аксенов] очень четко сказал, что если не будет перспектив, то 1.1.83 он подаст ректору заявление об отставке. Договорились, что Е.А. начнет думать о своей замене, и что в ноябре созовем ещё одну встречу для взаимной информации и обсуждения дел. О сокращении А-в [Аксенов] говорит легко и спокойно. Он его явно не боится. Институт же потихоньку начинает кипятиваться» (31 окт. 1982 г.).

И снова: «Вчера у меня вновь были Аксенов и Гребеников — по просьбе А. ... Говорили о многом, в т.ч. о том, что Логунов теперь, вероятно, уйдет, если не в АН, то вместо

Славского в Минобщемаш. Договорились, что Е.П. может действовать, не раскрывая договоренности с Е.А. Тому явно и хочется, и колется. Он страстно хочет стать чл.-корр.(ом) по математике и боится, что растеряет позиции в случае перехода в ГАИШ» (17 нояб. 1982 г.).

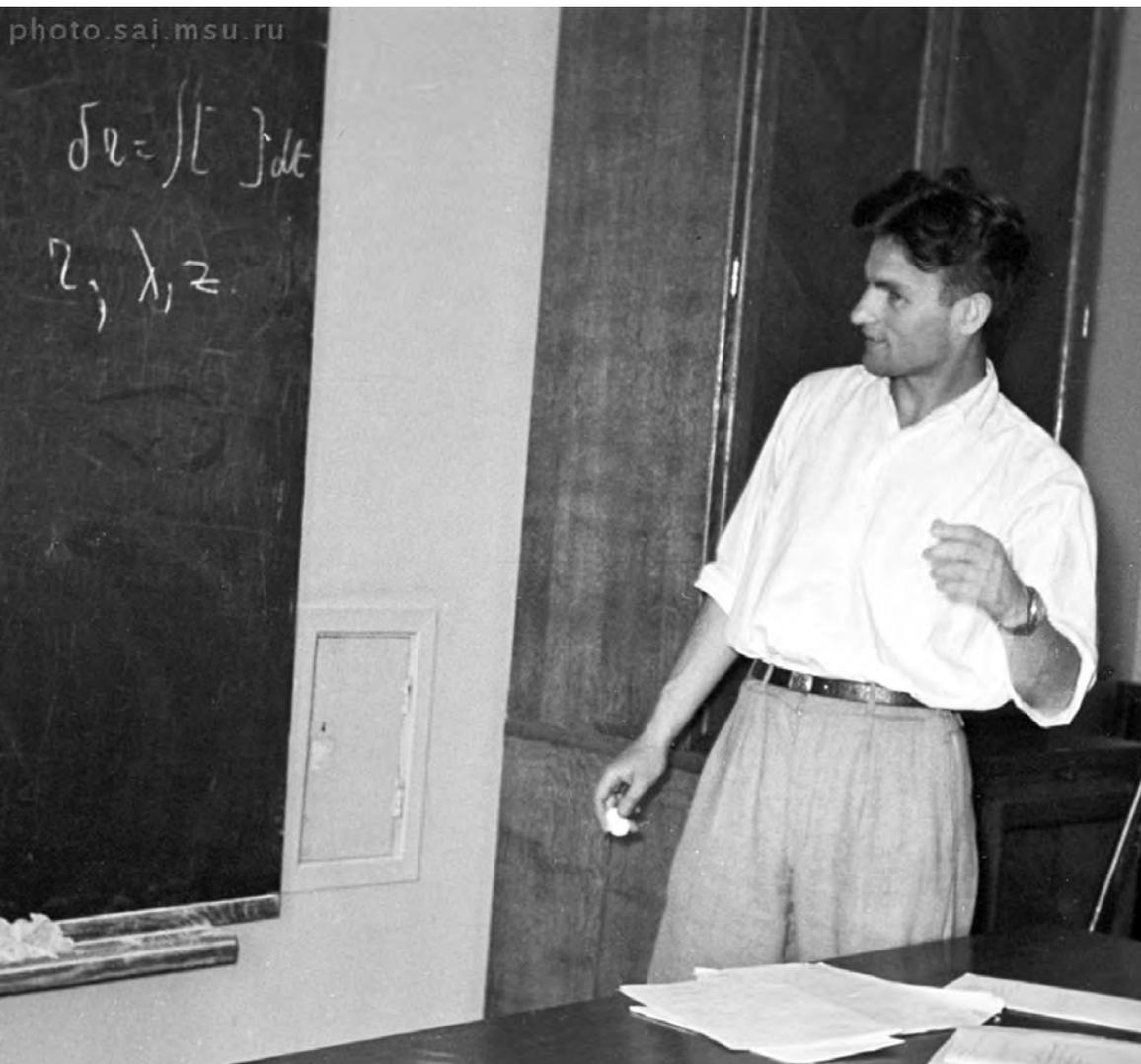
Опять запись «беспокоящегося» ГС: «Отдал Аксенову свою записку насчет организации лаборатории спектрофотометрии. Посмотрим, что будет. Аксенов вновь стал поговаривать о замене себя Гребениковым. Но ведь надо что-то делать? Вечером коротко говорил с Е.А. Гребениковым. Ему вдруг позвонил ректор [академик Логунов] и несмело предложил заменить больного Аксенова. Пока не вполне ясно — с чьей подачи — самого Е.П. или моей через Лёвшина—проректора Садовниченко. ... Взять в ГАИШ своих людей ректор сам ему предложил. ... Сам Е.А. явно чувствует некое облегчение, что Рубикон перейден» (21 нояб. 1984 г.).

162

«Зашел ко мне Е.А. Гребеников. По его словам, Аксенов подал-таки заявление о переводе в зав. кафедрой. Гр-ва вызывал проректор и уже отчетливо предложил перейти в ГАИШ. Очевидно, что и ректору это кажется полезным. В связи с этим, я коротко рассказал Е.А. о структуре ГАИШа и взглядах (моих) на нее и кадровую сторону У него есть идея вновь перевести институт под Мех-мат. И, вероятно, разумная в современной обстановке идея» (04 апр. 1985 г.). Насколько я помню, эта идея владела всеми гаишевскими небесными механиками, точнее, теми из них, кто кончал мехмат, т.е. старшим поколением. Эту же идею, как выяснилось, поддерживал и ГС, будучи астрофизиком. Правда, как мы видим, его запись датирована 1985 годом, когда он уже был вытеснен из астрофизики и занялся координатно-временным обеспечением, т.е. астрометрией.

Мотивировалось это несколькими тезисами.

Пребывание астрономического отделения на физическом факультете не привело к повышению уровня астрофизических исследований в ГАИШ, за исключением единственного направления, относящегося к теоретической физике (релятивистская астрофизика и космология).

Евгений Александрович Гребеников

Одним из результатов явился хронический недостаток студентов на всех специальностях, кроме астрофизики.

Взаимодействия между физиками и астрономами в форме систематического научного сотрудничества, на что можно было бы надеяться, не возникло.

Это пытались подтвердить и числом докторов наук, окончивших мехмат и физфак по астрономической специальности в период 1937–1964 гг. На самом деле выборка была некорректна. Во-первых, первые выпускники физфака окончили его в 1962 году, а во-вторых, были ошибки в подсчетах — не все доктора были учтены. Меня это заинтересовало, и я провел подсчет по десятилетию до перехода и десятилетию после. К тому же, как раз мой год заканчивал в 1971 году физфак, т.е. мы были юбилейным годом.

164 Получилось, что на мехмате было подготовлено 35% будущих докторов по небесной механике, астрометрии и гравиметрии, а на физфаке только 18%. Таким образом, подтверждается тезис, что переход на физфак в 2 раза ослабил подготовку специалистов высокого класса по указанным трем специальностям. Вот так!

Я, как закончивший физический факультет и работающий сейчас на физфаке, считающий факультет своим родным домом (если, конечно, не сталкиваться с администрацией), никогда не был сторонником возврата на мехмат. А, к тому же, сейчас на меня Университет навевает ностальгию по юности, проведенной на физическом факультете, а я был не только студентом, но и аспирантом. Я смотрю на окна общежития в Главном здании и вычисляю, в каких комнатах я жил все эти годы учебы, где жили мои друзья. Мне нравится мало изменившаяся внешность здания университета, всё та же строгость и монументальность. У меня не вызывают отторжения и новые здания за Ломоносовским проспектом: библиотека, новые факультеты, общежитие, выстроенные в стиле старых корпусов факультетов университета, Медицинский научно-образовательный центр, где мне приходится бывать. Часто захожу в ГАИШ, который тоже считаю своим родным домом: в нем я

не только учился, но и более 10 лет работал; здесь преподавал, занимался научной работой. Вспоминаю сотрудников, с которыми работал. Не буду перечислять, я знал почти весь ГИАИШ того времени. Видимо, здесь, в МГУ, и закончится моя трудовая деятельность.

Ничуть не смущаясь разницей в положении, в ответственности, ГС пишет «будущему» директору: «Оставил Е.А. [Гребеникову] кое-какие наброски насчет преобразования ГИАИШа» (19 июня 1985 г.).

Вообще с Евгением Александровичем события по назначению его на руководство чем-нибудь начинались и кончались одинаково. Как будто его рок преследовал. «С Гребениковым беседовал А-н [Амбарцумян]. Уговаривал его ехать директором в ГАО. Е.А. ответил уклончиво, но мне сказал, что не поедет. Боярчука перестали обсуждать, тем более, что А.Б.С. [Северный], когда на ОНСА Зверев, в простоте душевной, заикнулся об этом, взвыл, что Б-к будет директором КраО» (19 дек. 1982 г.).

До этого «мы с ГС» описали ситуацию с директорством в ГИАИШ, параллельно обсуждалось назначение ЕА директором ГАО АН СССР (Пулково) или вот: «И.И. Канаев выяснил у Минина, что будто бы Амбар и Соболев считают, что Гребеникова надо назначить в ИТА, и что Отделение готово пойти на это, дабы умаслить почтенного Амбара перед отставкой» (11 сент. 1987 г.). Тоже не случилось: «Тот же иудушка Соболев, по информации от Боярчука через Юру Шах-на [Шахбазяна], в Ленинградском обкоме заявил, что имеет не менее 3-х местных кандидатур на пост директора ИТА. Все — ленинградцы и выпускники ЛГУ» (01 окт. 1987 г.).

Интересная подробность в записях ГС: «Гребеников сумел как-то очень неудачно выступить на партактиве МГУ. Сильно и малоубедительно против своего ненавистного Садовниченко. По словам Лёвшина, он, тем самым, совершенно закрыл себе путь в ГИАИШ» (23 нояб. 1985 г.).

Этим или тем, что он небесный механик, как и Е.П. Аксенов, но директором ГИАИШ Евгений Александрович не стал.

Слабые слухи о возможности такого назначения по ГАИШ ходили, не удивлюсь, если утечка произошла от ГС. Он ведь считал себя «кукловодом», хотел написать «серым кардиналом», но нет, таким он себя не видел — слишком мелко. ГС хотел быть на виду. Этим они были похожи с Сашей Бугаевским. Задумают что-то и тут же несут по всем свою «гениальную придумку». Таких людей полезно иметь — они «стреляют по площадям», не сосредотачиваясь на сиюминутном, хотя это и служит отправной точкой, и иногда иницируют выработку правильного неожиданного решения.

Евгений Петрович ушел с поста директора в 1986 году, заблаговременно позаботившись о двух своих учениках — Н. Емельянове и И. Герасимове. Время, как видим, было. Мне о себе заботиться пришлось самому.

166

Хоть Гаврила Сергеевич и считал себя сильным человеком, но от себя ведь не скроешь, что ситуация, во многом надуманная, действует на нервы. Ну и, отсюда, конечно, эти интеллигентские стенания: «я очень устал», «мне надо бы отдохнуть», «меня никто не понимает», «я не мог иначе». Впрочем, как истинный интеллигент во втором поколении, ГС быстро успокоился, ведь «жизнь берет свое», и занялся своим привычным делом — борьбой, в то время борьбой за себя в ГАИШ. И здесь опять под выдуманным лозунгом, «спасу Шамаева», когда помощи от него я не просил и не ждал, и, если бы знал о его усилиях, то попросил бы этого не делать. Скорее, она была во вред. Но я и не знал. «Глуповатый день. Дважды заходил в ГАИШ в намерении поговорить с Е.И. Москаленко как секретарем партбюро насчет лаборатории Шамаева. „Начальство“ было все время занято, и до меня дошла очередь только в 6-м часу. Говорили в присутствии Чепуровой, которая, впрочем, почти все время молчала. Ну а Москаленко ёрзал, увиливал, ссылаясь на то, что это „не его вопросы“ и, в общем, вел себя как ожидаемо. Я сравнил его поведение с поведением секретаря ученого. А не партийного. Толку большего и не ждал, но м.б. хоть задумается. Бедный Шамаев перетрусил и вообще не явился, хотя и обещал. М.б. я вообще зря для него стараюсь? Скорее всего...» (18 дек. 1986 г.).

Перед аттестацией 1986 г. ГС возвышенно пишет, что отметили юбилей М.В. Ломоносова. О работе в моей лаборатории, куда он попал, чтобы избежать сокращения в ГАИШ, ГС пишет своеобразно. Неожиданно выясняется, что он не сразу согласился перейти в неё. Думал. «Стараюсь, чтобы хоть Шамаев чувствовал себя увереннее...». Оказывается, он всеми силами помогал мне. Вот уж не подумал бы, а проблем с ГС было много. Я совсем неплохо к нему долгое время, да, пожалуй, и всю жизнь относился, законно считая, что хватит его добивать: «Шамаев с Чепуровой все-таки добились для меня премии» (01 мая 1986 г.). Далее он констатирует: «Тем временем его [М.В. Ломоносова] современные последователи — куда как более трухлявы. В. Шамаев, к примеру, разочарованный и пришибленный удрал в Среднюю Азию на Майданак. Думаю, что если бы не я, он совсем сложил бы лапки» (21 нояб. 1986 г.). Даже в таком контексте, быть последователем Михаила Васильевича лестно. Пожалуй, все-таки ГС перегнул.

Далее он пишет о работе аттестационной комиссии ГАИШ, где обсуждалось его дело: «Я держался, держался, но в конце разозлился, поблагодарив любезных коллег за любезность, которую обещал им вовек не забыть, и ушел, шарахнув смаху директорской дверью, не дослушав т.о. высокого вердикта. ... Хорош был Шамаев, который дрался как лев». Тут же ГС добавляет: «Но, конечно, боролся он и за себя, т.к. я все же основной сотрудник в его ненавистной всем лаборатории» (25 нояб. 1986 г.). Далее ГС констатирует: «В общем „решено“ меня выгонять за полной ненужностью» (29 нояб. 1986 г.). Этим он как бы подчеркивает, что администрация искала причину его уволить и нашла, отсюда и «решено». Не сомневаюсь, что так оно и было — его решили убрать. ГС идет в газету, в министерство, действует через Научно-Технический Совет МГУ. «Думаю, что все это приносит свои плоды. Во всяком случае, я постараюсь, чтобы это было так — во всяком случае, ради Володи Шамаева, да и вообще — ради сохранения в ГАИШе хоть какой-то астрометрии» (29 нояб. 1986 г.).

При этом ГС написал в партком физфака о своем деле, и там организовали комиссию. «Сегодня был довольно нерв-

ный день, начавшийся с беседы в Парткоме Физического факультета. Беседу я провел на 4 или даже немного лучше, не дав таки вывести себя из равновесия. Хотя, надо сказать, комиссия, во всяком случае, 2 из 4-х её членов, были явно настроены против меня. В том числе небезызвестный Брагинский, который выступал точь-в-точь как Грищук. Вероятно, поговорил с ним предварительно. ... Обругал мою злосчастную записку к схеме КВО, которую ему поспешили подсунуть. И, наконец, [члены комиссии] дружно посоветовали мне больше уважать других и меньше задирать нос, что ж, оно полезно конечно, если только не думать о том, кто советует» (23 дек. 1986 г.). «Боюсь только, что у Физфаковских профессоров опустятся руки перед грандиозностью и многоплановостью моей „проблемы“. Что ж — сами довели до её возникновения» (25 дек. 1986 г.). Этим оптимистическим заявлением ГС заканчивает дневник 1986 года.

168

В следующем году — не соответствующая действительности запись: «За это время произошли ещё события. Во-первых, отчаявшийся В. Шамаев вместе с тоже доведенным Бугаевским отправились в Минвуз и говорили там с Рыжонковым и кем-то ещё. В результате было отложено утверждение Черепашука на коллегии Минвуза, а оба героя удостоились вызова к мрачному Садовничему. Володя куда-то исчез. Не знаю, ходил ли Бугаевский. Я предложил ему через Чепурову в одиночку не ходить» (21 марта 1987 г.). Из этого фрагмента видно, насколько я советовался с ГС в это время и какова была его роль в моих делах.

На самом деле, конечно, все было не так, и поход в Минвуз замыслил Саша Бугаевский, он был любитель неожиданных ходов и решений. Иду я в свою 22-ю комнату на первом этаже ГАИШа, где мы сидели с Подобедом и Куликовым. Перед дверьми меня ждет Саша и говорит: «Я решил ехать в Минвуз по поводу назначения Черепашука. Давай поедем вместе, больше надежды, что нас услышат». А я был в очень расстроенных чувствах, что ЕП уходит, притом, что он ничего не говорил, и для меня приказ о его уходе был совсем неожиданным.

Вернее, я с ним сразу, узнав про новость, поговорил, и он сказал:

— Володя, я так решил, потому что здоровье не позволяет. Я ему говорю:

— Евгений Петрович, надо бросить курить, вы же курите непрерывно, гулять, и все будет хорошо.

На что он сказал, что ничего уже не изменить, и Врио надо понимать правильно. Оно всегда дается перед назначением. По наивности я попытался ему доказать, что перед назначением пишут и.о., на что он посмеялся.

— Все будет в порядке.

Я пытаюсь выяснить:

— Но зав. астрономическим отделением то Вы остаетесь?

Он ответил, что «теперь Черепащук будет и зав. астрономическим отделением». Так вот, попытаться предотвратить уход Аксенова и было тем стимулом, по которому я «вошел в долю».

Сама фигура А.М. Черепащука в моем случае не была никакой причиной, просто я не хотел ухода ЕП. Минвуз по нашему заявлению действительно отложил назначение нового директора и вернул дело в МГУ, и им занимался Садовничий. Никуда я не исчезал, как пишет ГС. Мне сообщили, что такого-то числа меня с Бугаевским просит прийти первый проректор В.А. Садовничий. Мы пришли, почти сразу нас приняли, и мы по очереди изложили свою точку зрения. Садовничий сказал, что он давно уже видел, что ЕП болен и знал о его желании уйти. Был выбран не варяг, а сотрудник института. С парткомом факультета согласовали, но теперь он попросит организовать собрание коллектива и послушать, что скажут сотрудники. Далее из дневника ГС: «Говорил с В. Шамаевым [„нашел“ таки меня] о его визите к Садовничему. Вроде бы беседа была спокойной. Тот удивлялся и сокрушался, что ему никто ничего не сказал раньше. Напротив, дескать, Амбарцумян был „за“ и те, кого он назвал как „ленинградская школа“».

Собрание (неверно, что партактив, как пишет ГС) состоялось, выступил Бугаевский [по ГС «было сбивчивое и неудачное выступление Бугаевского»], затем я привел какие-то

факты, что не надо уходить ЕП. Помню, что на выступление Глушневой, в котором она говорила, что нам нужен молодой директор, я возразил: Аксенову немного за 50, а Черепашуку почти 50. И какова же цена аргумента Глушневой? ГС мое выступление в дневнике записал так: «Отличное по форме, но, конечно, тоже безрезультатно — выступление Шамаева. ... „Коллектив“ ГАИШ отчетливо заявил, что собою прेमного доволен, что проблемы если и есть, — то незначительные и, самое главное, „пусть только никто и ничего у нас не меняет!!!“». По смыслу-то понятно, что ГС хотел сказать, но непосвященному может показаться, что коллектив высказался за Аксенова.

170 Далее ГС суммирует: «Не сомневаюсь, что останься Череп[ашук] директором ещё какое-то время, то неизбежно будет: (а) взрыв внутренних склок в масштабе всего института и (б) грянет какая-нибудь шумная история с воровством в Алма-Ате или на Майданаке» (05 апр. 1987 г.). Первое, условно можно сказать, было перед перевыборами АМ, да и спустя несколько лет ко мне подходили, говоря «как же ты был прав», а я, в общем-то, к тому времени уже считал, что раз Аксенов не остался, то АМ совсем неплохой вариант. Впоследствии я даже искренне поздравил его с избранием в академики. Второго же не случилось, у меня нет сведений, почему он так написал. Может, В.М. Чепурова что-то знает. Меня это не интересовало, да и сейчас не интересует. «Ещё родилась идея у Бугаевского — перетащить Пресню из ГАИШа. Куда? Я подсказал ему, что в ВАГО-ГУГК. ... я верю в интрижные способности Бугаевского — в то, что он действительно способен спровоцировать такой переход» (05 апр. 1987 г.). Сам ГС-стратег два раза пытался попасть на прием к Садовничему, но ничего у него не получилось. «Вообще в ГАИШе какой-то суетливый проходной двор. В коридорах беготня, как в торговых рядах. Ну их к чёрту. Ведь возобладает же когда-нибудь здравый смысл, честность и наука?» (18 дек. 1986 г.). Опять никчемная пафосность, но она как визитка Гаврилы Сергеевича. Без нее он был бы менее интересен как объект исследования.

По мне, так ГАИШ совсем не тот, каким его представляет в своих дневниках ГС. Пожалуй, и аттестация им его директоров совсем не соответствует моим представлениям. Правда, Д.Я. Мартынова я хорошо знал только как заведующего кафедрой, но с Е.П. Аксеновым тесно сотрудничал и высоко его ценю. Умный, надежный и порядочный человек. Коллектив тоже не так уж плох, как в его записях. Во всяком случае, он же здесь успешно защитил свою кандидатскую диссертацию, был ученым секретарем, а далее его понесло. Ведь именно его, Гаврилу Сергеевича, при втором его приходе держали в ГАИШе 7 лет, как он сам пишет. Ему дали направление на защиту диссертации в ГАО АН СССР. И сам он отнесся к своей защите недостаточно серьезно, отсюда и неудача. Своих непримиримых врагов он создал сам: и в Астросовете, и среди академиков, и в ГАИШ. И вовсе не все поголовно дураки и психи, раз не желают разделять его взгляды и стоять на его позиции. Сам же он пишет, что Аксенов выполнил данные ему обещания, скажу больше, получил большую головную боль в результате этого и, может быть, ГС сыграл немалую негативную роль в усугублении его болезни. Пришел директором ЕП с большими планами по улучшению работы Института, повышению его престижа в стране и за рубежом. Так, на ученом совете в самом начале его директорства он говорил о необходимости улучшения имиджа ГАИШа, начиная с изменения обложек «Трудов» и «Сообщений» ГАИШ, повышения качества их наполнения, необходимости пристройки к зданию, строительства новых обсерваторий и постройки большого телескопа, закупки большой ЭВМ, новых инструментов и приборов. Одним из последних усилий было поручение мне руководства комиссией по разработке планов дальнейшего развития вычислительных мощностей ГАИШ. Комиссия обратила внимание руководства на необходимость оснащения ГАИШ не только большой ЭВМ, но и только-только появившимися персональными ЭВМ. Многим тогда еще трудно было представить, что всего через пять лет появятся ПК у каждого на рабочем столе и даже дома.

В общем, планам Е.П. Аксенова противодействовали 4 фактора. Во-первых, оппозиция, недовольная тем, что директор не из их среды астрофизиков и звездников; во-вторых, ГС своим существованием; в-третьих, внешний фактор, заключавшийся в скоропостижной смерти ректора МГУ Р.В. Хохлова, с которым у ЕП были хорошие отношения, и, в четвертых, болезнь. А вообще-то я не могу припомнить, чтобы руководство ГАИШ не выполняло своих гласных или негласных договоренностей. Наверное, они были, но вовсе не системно, как в чиновничьей среде. И не вина администрации, что непомерные амбиции ГС не были удовлетворены. Он сам с запоздавшим прозрением пишет: «Ну ведь ясно же, что в ГАИШе я — изгой. Что я сам противопоставил себя Институту в его современном виде и бытующей там системе ценностей...». Но далее тут же оправдывает себя: «поступить иначе я не мог, ибо затхлую астрономическую атмосферу с её мелкотравчатостью и анекдотическими авторитетами выносить решительно не могу» (02 дек. 1986 г.). Немного позднее: «В начале 70-х гг. на меня обрушилось какое-то проклятье [как я понимаю, после ознакомления с делами в Астросовете, ведь ГС туда пришел в 1972 году], в результате чего я заинтересовался тем, что можно было бы назвать наведением порядка в нашей астрономии. Господи, сколько же несчастий и обид навлекло на меня это, невинное, казалось бы, пристрастие! И только за прямолинейный и бескорыстный патриотизм. ... Зато теперь с мрачным юмором и удовлетворением могу гордиться сбывшимися пророчествами. Эдакая астрономическая Кассандра с лысиной...» (14 февр. 1987 г.). Все-таки ГС в очередной раз гиперболизировал события и свое участие в них, хотя разбередил он астрономическое сообщество довольно сильно.

«Лысая астрономическая Кассандра» уже через декаду [см. предыдущую запись от 14 февр. 1987 г.] пишет о том, что ходят слухи о смещении стариков с административных постов и с удовольствием констатирует: «Вероятно, должна будет уйти масса народа, в т.ч. мои любимцы — Прохоров [вице-президент Академии], Мустель, Мадам [Масевич].

Ну и, конечно, страшно подумать, Амбарцумян с Северным» (26 февр. 1987 г.). И действительно, но по низам, смещение прошло. Таким образом, я пришел в ВИНТИ, куда меня пригласила Инна Сергеевна, которой к тому времени исполнилось 65 лет, и тогдашний, только что утвержденный директор ВИНТИ П.В. Нестеров потребовал от руководителей подразделений выполнения приказа Президиума АН СССР.

А Гаврила Сергеевич перешел к И. Петухову и занялся деятельностью, далекой от астрономии — металловедением, организацией морской экспедиции на Черное море, писанием бумаг.

Что же в результате? На время отставив свою спокойную жизнь, ГАИШ со вторым приходом Гаврилы Сергеевича прошел через новое испытание. Боясь возрождения Хромова, коллектив звездников и астрофизиков объединился и начал выступать как единое целое. Этому объединению способствовал и уход лидеров Б.В. Кукаркина, а также В.А. Воронцова-Вельяминова, уход Д.Я. Мартынова с поста директора и приход молодого и тогда активного Е.П. Аксенова. И, хотя целью борьбы был выбран (да особенно и выбирать не пришлось) Гаврила Сергеевич, но на самом деле была еще одна, не объявляемая цель, директор. Директор из небесных механиков, не астрофизик и не звездник. Евгений Петрович Аксенов был назначен директором в 1976 году, сменив 70-летнего Д.Я. Мартынова. Молодой, 42 года, мощный, красивый, умный, лауреат Госпремии, казалось, он пришел на десятилетия. Это-то и не устраивало противников. Одни боялись усиления трех других специальностей ГАИШ, другие — отправки на пенсию, третьи — конца вольности, а молодые хотели удовлетворить свои амбиции. Все ошибались, ЕП не был сторонником революционного пути развития, свои шаги он тщательно продумывал, как выяснилось в дальнейшем. Продумывать-то продумывал, но в самом начале пути сделал две кадровые ошибки: взял Гаврилу Сергеевича и назначил своим заместителем по административно-финансовой деятельности Ю.В. Боброва, бывшего до этого, ка-

жется, инженером в отделе гравиметрии. Инженером-то инженером, но с амбициями Гаврилы Сергеевича, когда тот пришел в Астросовет. Амбициями, конечно, своего уровня, но большими. Скажу только, что письмо за его освобождение от должности подписали все руководители научных подразделений ГАИШ. Больше о нем говорить не буду, но свою негативную роль в проблемах Евгения Петровича с коллективом он сыграл. Причем, в отличие от ГС, со всем коллективом. Его ненавидели даже гравиметристы. Чего уж говорить об остальных.

174

Можно ли отнести к проблемам Евгения Петровича назначение заведующим Краснопресненской обсерватории Александра Владимировича Бугаевского, бог весть. Он-то проявлял кипучую деятельность по возрождению этой обсерватории и, в отличие от первых двух персонажей, имел положительные результаты. Производился архитектурный ремонт обсерватории, было отменено уже состоявшееся решение о сносе части ее построек, произведено какое-никакое, но расселение жителей, проживающих на территории обсерватории. АВ был проблемой, но проблемой второго порядка. Проблемой второго же порядка, возможно, был и я.

Таким образом, героями второго события, о котором говорится в аннотации к книге, послужили Г.С. Хромов и Ю.В. Бобров. Кризис не рассосался сам собой, хотя и мог бы, если бы не попытка Гаврилы Сергеевича защитить докторскую диссертацию. С защитой он бы приобрел другой вес, а вкупе с его ролью в ВАГО и оставшимися непомерными амбициями он мог создавать серьезную опасность, как считали звездники и астрофизики. Надо сказать, что основания у них были.

Как мы видим, с помощью «Минимально необходимого воздействия» в виде срыва защиты диссертации было предотвращено «Изменение реальности», пользуясь терминологией того же романа Айзека Азимова. В 1986 году Е.П. Аксенов ушел с поста директора и в должность вступил А.М. Черепашук, проработавший на этом месте до 2017 года.

НЕФОРМАТ, ИЛИ ПРЕДВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ

175

Продолжение, если хотите, «исповеди ГС» об описываемых мною событиях в Астросовете и ГАИШ. Мы подошли к кампании по выборам в народные депутаты СССР. Гаврила Сергеевич пишет эту «исповедь» не для себя — для нас, и поэтому хочет выглядеть вполне спокойным и значительным. Ведь он провел анализ предыдущей ситуации, предыдущих событий и теперь описывает новую страницу своей жизни. Она тоже значительна, как и предыдущие, а может быть и более. Ведь это событие — «Хождение во власть» изменило судьбы многих людей в нашей стране, например, А. Собчака, название книги которого я привел в виде названия этого события. Сказалось оно и на ГАИШе, да и на всей астрономической общественности. Гаврила Сергеевич сумел консолидировать ее, и теперь почти всю, и сильно завести. Конечно, это фрагмент истории, и еще какой фрагмент.

Вот как он это описывает

Сейчас я занимаюсь прикладной наукой и совсем о том не жалею. В конце концов надоедает десятилетиями иметь дело с одними абстракциями. Я даже на какое-то время с обле-

чением забыл и о моих бывших коллегах, и обо всей этой неправдоподобной истории, некогда начавшейся в Астрономическом совете.

В прошлые годы у меня порою возникал соблазн предать ее огласке. Хотя бы для того, чтобы подобное не могли учинить с кем-нибудь еще. Но тогда это было невозможно сделать чисто физически: журналисты, даже довольно смелые, бледнели, слушая меня. Примерно так же реагировали и мои американские коллеги, когда я рассказывал им, кем и почему считаю Солпитера. Позднее я стал думать, что кругом и так достаточно неблагоприятно, чтобы умножать их. Наивность моя заслуживает насмешки, ибо зло, не получившее отпора, только нагнетает и самоутверждается. В этом я смог вскоре убедиться.

176 В январе уже этого, 1989 года, меня выдвинули кандидатом в народные депутаты от научных обществ и ассоциаций АН СССР. И суэта вокруг моего имени возобновилась с новой силой, да еще с какой! Целые делегации сотрудников ГАИШ, вдохновляемые самим директором института Черепашуком, бегали за мною по всем агитационным собраниям. Даже сопровождали в поездке в Ленинград (конечно, за счет Института). Телеграммы за подписями руководства ГАИШ рассылались десятками. Было изготовлено и распространялось совместными усилиями деятелей из ГАИШ, Института космических исследований и Астрономического совета некое письмо, выставлявшее меня в уничижительном виде и как ученого, и как человека, и уж конечно, как кандидата в народные депутаты.

Снова — набор разнузданного вранья и снова — знакомый почерк — все делалось с курьезной таинственностью, так чтобы не узнал ни я, ни кто другой из могущих сообщить мне. Достоинно особого внимания многозначительное утверждение, содержавшееся в этом письме, — о том, что мое заведомо некомпетентное вмешательство в государственные дела способно подорвать, ни много ни мало, обороноспособность СССР.

В результате энергичнейшей деятельности всесоюзного размаха собрали под письмом около сотни подписей сотруд-

В избирательной комиссии по выборам народных депутатов СССР от научных обществ и ассоциаций при АН СССР

Избирательная комиссия рассмотрела протокол конференции научных обществ и ассоциаций при АН СССР о выдвижении кандидатов в народные депутаты СССР и заявления выдвинутых кандидатов в депута-

ты о согласии баллотироваться от научных обществ и ассоциаций при АН СССР. Кандидатами в народные депутаты СССР зарегистрированы:

Бехтерева Наталья Петровна, директор Научно-исследователь-

ского института экспериментальной медицины АМН СССР, член президиума Всесоюзного физиологического общества имени И. П. Павлова, г. Ленинград.

Воронцов Николай Николаевич, доктор биологических наук,

главный научный сотрудник Института биологии развития АН СССР имени Н. К. Кольцова, вице-президент Всесоюзного териологического общества, г. Москва.

Газенко Олег Георгиевич, академик, советник при дирекции Института медико-биологических проблем Минздрава СССР, президент Всесоюзного физиологического общества имени И. П. Павлова, г. Москва.

Заславская Татьяна Ивановна, академик, директор Всесоюзного центра изучения общественного мнения, президент Совет-

ской социологической ассоциации, г. Москва.

Котляков Владимир Михайлович, член-корреспондент АН СССР, директор Института географии АН СССР, вице-президент Географического общества СССР, г. Москва.

Кузнецов Лев Александрович, старший преподаватель кафедры ботаники Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена, председатель секции Всесоюзного ботанического общества, г. Ленинград.

Лавров Сергей Борисович, доктор географических наук, заведующий кафедрой экономической географии Ленинградского государственного университета, вице-президент Географического общества СССР, г. Ленинград.

Ломов Борис Федорович, академик, директор Института психологии АН СССР, член президиума Общества психологов СССР, г. Москва.

Хромов Гавриил Сергеевич, кандидат физико-математиче-

ских наук, старший научный сотрудник Института проблем материаловедения АН УССР, вице-президент Всесоюзного астрономо-геодезического общества, г. Москва.

Шахназаров Георгий Хосроевич, член-корреспондент АН СССР, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, президент Советской ассоциации политических наук, г. Москва.

Шумный Владимир Константинович, член-корреспондент АН СССР, директор Института цитологии и генетики СО АН СССР,

вице-президент Всесоюзного общества генетиков и селекционеров имени Н. И. Вавилова, г. Новосибирск.

Яблоков Алексей Владимирович, член-корреспондент АН СССР, заведующий лабораторией Института биологии развития АН СССР имени Н. К. Кольцова, член президиума Всесоюзного териологического общества, г. Москва.

Яшин Александр Леонидович, академик, советник президиума АН СССР, член Географического общества СССР, г. Москва.

ников разных астрономических учреждений. Кстати, с большинством из них я не знаком, либо не имел никаких дел. Зачем бы им понадобилось ополчаться на меня?

**Список лиц, подписавших письмо против избрания
Г.С. Хромова в народные депутаты СССР**

Астрономический совет АН СССР:

Масевич А.Г., Тутуков А.В., Стрельницкий В.С., Чугай Н.Н., Ерпылев Н.П., Памятных А.А., Пискунов А.Э., Юнгельсон Л.Р., Птицын Д.А., Фридман А.М., Хохлова В.Л.

Астрофизический институт АН Каз. ССР:

Харитонов А.В., Аксенов А.И., Карягина З.В., Вильковский Э.Я.

ГАО АН СССР:

178 Гнедин Ю.Н.

ГАИШ:

Мартынов Д.Я., Ефремов Ю.Н., Шаров А.С., Щеглов П.В., Бочкарев Н.Г., Черепашук А.М., Псковский Ю.П., Курильчик В.Н., Глушнева И.Н., Грищук Л.П., Лозинская Т.А., Шакура Н.И., Ларионов М.Г., Бондаренко Л.Н., Есипов В.Ф., Шеффер Е.К., Костякова Е.Б., Ситник Г.Ф., Гиндилис Л.М., Емельянов Н.В., Павловская Е.Д., Лютый В.М., Засов А.В., Корнилов В.Г., Цицин Ф.А., Макарова Е.А., Расторгуев А.С., Горшков А.Г., Москаленко Е.И., Теребиж В.Ю.

ИЗМИРАН СССР:

Лившиц М.А., Обридко В.Н., Могилевский Э.И., Гуляев Р.А., Иошпа Б., Жугжда Ю.Д., Мигулин В.В.

Институт космических исследований АН СССР:

Курт В.Г., Кардашев Н.С., Марочник Л.С., Слыш В.И., Бурдюжа В.В., Усов В.В., Новиков И.Д., Лукаш В.Н., Комберг Б.В., Ксанфомалити Л.В., Мороз В.И., Мошкин Б.Н.,

Краснопольский В.А., Василько В.И., Вальтц И.Е., Попов М.В., Полнарев А.Г., Мухин Л.М., Шоломицкий Г.Б., Бисноватый-Коган Г.С.

ИФЗ АН СССР:
Парийский Н.Н.

ИТЭФ ГКАЭ:
Имшеник В.С.

ИПГ Госкомгидромета:
Казачевская Т.В.

ИФ АН Аз.ССР:
Амнуэль П.П.

Крымская астрофизическая обсерватория АН СССР:
Щербаков А.Г., Ефимов Ю.С., Гершберг Р.Е., Шаховской Н.М., Гринин В.П., Скульский М.Ю., Владимирский Б.М., Косовичев А.Г., Гопасюк С.И., Чуваев К.К., Степанов А.В.

179

Казанский госуниверситет:
Сахибуллин Н.А.

Ленинградский госуниверситет:
Иванов В.В., Гаген-Торн В.А., Холшевников К.В., Горбацкий В.Г., Агемян Т.А.

ЛГПИ им. Герцена:
Чернин А.Д.

Лен. филиал САО АН СССР:
Херсонский В.К.

Радиоастрономическая лаборатория АН Латв. ССР:
Шмелд И.К.

Ростовский госуниверситет:
Сучков А.А.

САО АН СССР:

Парийский Ю.Н., Караченцев И.Д., Бескин Г.М., Пустильник Л.А., Афанасьев В.А., Шаповалова А.И., Балинская И.С., Пустильник С.А., Сильченко О.К., Липовецкий В.А., Ченцов Е.Л., Костюк И.П., Дубрович В.К.

Тартуский госуниверситет:
Эргма Э.В.

Физико-технический институт АН СССР:
Варшалович Д.А.

180 *Гаврила Сергеевич тщательно впоследствии выверил этот список и в конце подписался:*
Верно: Г.С. Хромов

Экземпляры письма с подписями предназначались для Центральной избирательной комиссии. Уверяю читателей, что мои «доброжелатели», не колеблясь, послали бы его [письмо] куда угодно, лишь бы убрать меня со сцены. К счастью, в нашем государстве исчезли учреждения, коллекционирующие клеветнические доносы, а то — не сносить бы мне головы, хотя бы за угрозу обороноспособности. Вот скажи этим людям, несомненно, мнящим себя и ревнителями демократии и гласности, и антисталинистами, и прочее, что они действуют в стиле презреннейшего политического стукачества 1930-х годов — так, глядишь, еще и обидятся...

Но и всего этого оказалось мало. Меня к тому же принялись шантажировать намеками на некий таинственный грех, совершенный мною в годы работы в Астрономическом совете. Дескать — а мы знаем о тебе такое, такое... Ну и конечно — пустили дежурный слух о моей принадлежности к объединению «Память».

Этот очередной разгул клеветы и низости и побудил меня, наконец, взяться за перо. Да и времена изменились, и у подобных мне появились некоторые возможности защищаться. Скрывать же мне решительно нечего.

В начале этого письма я просил оценивать изложенную мной историю прежде всего с моральной точки зрения, адресуясь особо к ревнителям прав человека и прочим высоким идеалам из нашей академической среды. Полагаю, что уже нет необходимости обстоятельно доказывать, что эта среда — во всяком случае, та ее часть, с которой имел дело автор, пребывает в состоянии нравственной деградации? На всех уровнях — от наших лихих академиков и до рядового сотрудника какого-нибудь института. В повседневной научной жизни это проявляется в бесчисленных несправедливостях и обидах, интригах и склоках. Склоках, порою безвыходных, многолетних, раздирающих научные коллективы и питаемых чаще всего групповщиной, амбициозным стремлением к научному монополизму, а то и примитивным стяжательством.

Рассказанная мною история проливает свет и на наиболее эффективную механику выживания из нашей академической науки особенно неугодных или неудобных лиц. Ее непременной принадлежностью являются три стандартных этапа. Сначала изобретается слух, определяющий объект будущей травли в качестве «антисемита». Затем этот слух распространяется среди потенциальных единомышленников и, обязательно, в тайне от жертвы, чтобы та не успела прибегнуть к самозащите, пока вокруг нее еще только нагнетается истерия. Наконец, в травлю вовлекается возможно более широкий круг лиц, чаще всего и не подозревающих об истинной причине и целях кампании. При их вербовке используются всевозможные приемы — от примитивного наговора до прозрачного шантажа. После этого склока принимает самоподдерживающийся характер, ибо единожды напакотивший ближнему своему начинает бояться мести, или даже просто оправдываться перед собственной совестью, и уже сам вербует себе новых союзников.

Куда тут оперному Дону Базилио с его дилетантскими рассуждениями о действии клеветы! И скольких из нашей многострадальной интеллигенции спровадили таким образом за решетку и на тот свет высококонравственные коллеги?

Эта примитивная, в сущности, схема срабатывает, прежде всего, из-за низкого в среднем уровня руководителей наших научных организаций. Редко когда эти люди обладают умением или смелостью останавливать конфликты, а порою и сами их провоцируют. Но заслуживает внимания и вся наша научная среда.

182 Наш рядовой ученый, в общем-то, представляет собою угнетенное человеческое существо, достойное всяческого сочувствия. Многоэтажная своекорыстная научно-бюрократическая номенклатура давно подавила его своей феодальной властью и оттерла от определения судеб собственной науки. Принадлежа к одиозной и многократно разоблачавшейся общественной «прослойке», он привык ощущать себя политически бесправным. Он действительно бесправен и беззащитен юридически — в силу особенностей организации нашей науки и несовершенства трудового законодательства. Его материальное положение давно перестало вызывать зависть и становится все хуже. Он потерял уверенность в завтрашнем дне — под грозные разговоры о переводе науки на хозрасчет и грядущих сокращениях. Он плохо оснащен для научных занятий и часто понимает, что из-за этого вынужден заниматься наукой второго, если не третьего сорта.

Он, наконец, подавлен своим же ближайшим начальством и собственной средой, от отношения которых прямо зависят его скромная карьера, достаток и скудные привилегии. Признаем, что оставаться высококонравственной, независимой личностью в эдаких жизненных обстоятельствах действительно нелегко.

Существование ученых в этих, в общем-то, антигуманных условиях сформировало у нас новый социальный тип. Я назвал бы его «люмпен-интеллектуалом», не решаясь употребить в таком контексте обязывающий термин «интеллигент».

Характерные свойства внутреннего облика люмпен-интеллектуала вытекают из перечисленных особенностей его профессионального и общественного бытия. Среди них я особенно отметил бы гражданскую инфантильность, порожденную бесконечно длащимся зависимым состоянием, и предрасположенность к истеричности, вообще нередкую у образованных людей. К этому следует добавить неудовлетворенность, даже озлобленность — пусть и оправданную, но сочетающуюся со вполне обывательской примитивностью в анализе общественных и экономических явлений. Отсюда — склонность к персонификации зла, к сосредоточению недоброжелательного внимания на личностях или группах, которым почему-либо приписывается ответственность за упущения или грядущие угрозы, а не на объективных явлениях и процессах.

Совокупность таких качеств делает люмпен-интеллектуалов чуть ли не идеальным объектом для политического манипулирования. Сравнительно недавно мы видели пример такого рода в образе предвыборного скандала в Академии наук, едва ли так уж стихийно родившегося в недрах академических институтов. Вероятно, это не последний случай, когда наша научная среда окажется, не сознавая того, орудием в руках честолюбивых и легкомысленных лидеров.

Наши ученые и наука срочно нуждаются в помощи со стороны общества. Работников науки надо раскрепостить, освободив их от гнета бюрократившейся научно-номенклатурной пирамиды. Им надо вернуть самоуважение — подлинное, взамен ущербного, вымученного в протесте против угнетенного и приниженного существования. Им надо вернуть доверие и уважение общества, не могущего долее оставаться равнодушным к своему интеллектуальному капиталу, к своему знанию.

Ну, а что касается рассказанной мною истории, то вывод здесь очевиден. Злу необходима темнота. И потому — света! Больше света!

Г.С. Хромов

Это последний фрагмент из обращения Гаврилы Сергеевича к научной общественности под заголовком «И такое бывает...».

Так написал об этом событии Гаврила Сергеевич, а так запомнил этот сюжет я.

Помню, как прибежал в ГАИШ взбудораженный Э.В. Кононович, сразу с собрания Президиума ВАГО, и сообщил, что Гаврилу Сергеевича выдвинули кандидатом в народные депутаты СССР. Происходило это в начале 1989 года. М.С. Горбачев собирался окончательно порвать с прошлым и солидно укрепить свои позиции. Как теперь стало ясно, он выпустил джина из бутылки.

184 Кампания началась. Общественные организации тоже могли выдвинуть своих кандидатов, и сонм таких организаций при Академии наук СССР ретиво взялся за это дело. Занялось этим и ВАГО при основной движущей силе — Гавриле Сергеевиче. По отделениям разослали информационное письмо и довольно оперативно получили 17 кандидатур. После длительного обсуждения на Президиуме в списке осталось шестеро: Кононович, Машимов, Абалакин, Яцкив, Хромов, Земцев. После тайного голосования были выбраны: Машимов (геодезист), Абалакин, Земцев (геодезист), Хромов [двое от астрономов и двое от геодезистов]. Всего голосовавших 19 человек — президиум ВАГО. Так двинулась вперед эта эпопея.

Вспоминается, что ГС в январе в начале предвыборной кампании не откликнулся на приглашение А.И. Еремеевой поприсутствовать на сессии памяти Фесенкова. А следовало бы пойти, в преддверии выборов в народные депутаты. Читая, как команда Собчака организовывала выдвижение и агитацию за него, можно сказать, что ГС наплевательски отнесся к своей предвыборной кампании. Впрочем, как всегда, он обвинил в безынициативности других. Все-таки, в конце концов, он признает, что его вина в этом большая. Он приводит свидетельство того, как обругал его один генерал, в круге которого он крутился со своей новой работой.

Он грубо, по-военному сказал ему, что он: «Сунулся, как *****, в выборную кутерьму, не обзаведясь мощной командой. Правильно обругал, в общем-то» (13 апр. 1989 г.). Похоже, что ГС не смог оценить необходимость активной борьбы, наличия команды, и полагался только на себя. Зато «дал (тщеславный) самому себе зарок: если пройду выборы до конца, то брошу курить» (16 янв. 1989 г.).

19 января — конференция выборщиков. «Сегодня — изнурительный «судный день», проведенный на конференции Ассоциации научных обществ АН СССР в Институте философии на Волхонке» (19 янв. 1989 г.). Было изготовлено и роздано по обществам 50 экз. предвыборной программы ГС. Всего выборщиков было — 270, на конференции присутствовали 220 из них и 55 кандидатов в народные депутаты от всех обществ. Собрание решило пофамильно просмотреть весь список кандидатов с целью поиска «причин для отвода и самоотводов, а потом уже всех проголосовать — без выступлений представителей делегаций и, тем более, — кандидатов». Как пишет ГС, «кое-кто вспомнил меня по выступлениям при собрании Ассоциации». Надо сказать, что именно усилиями ГС количество мест для Ассоциации было увеличено до десяти, как мне потом сказала секретарь избирательной комиссии Татьяна Ивановна Дмитриева. Она очень сожалела, что его-то и прокатили, неблагодарные. Пять человек от географического общества попросили отвод, кандидата от Палестинского общества Ершова забаллотировали. Были попытки включить в состав кандидатов, не избранных в АН СССР: Яншина, Сахарова, Сагдеева. Посмотрели закон, оказалось, что выбирать можно только членов обществ. Остался только Яншин: «Из всех «граждан мира» таковым, после долгих выяснений, оказался только Яншин, который, вроде бы, член географического общества». В списке осталось 50 кандидатур, и было проведено голосование. Проходной балл был 149 голосов. Их набрали 13 кандидатов, в т.ч. и ГС. «Все же трудно предположить, что я из них самый худший», — записывает ГС в свой дневник. «Я оказался действительно единственным, кто выступил с программой. ... Это наверное дало

мне штук 20 дополнительных голосов» (19 янв. 1989 г.). Характерно, что ГС не оценил роль своего предвыборного штаба, в котором активно ему помогал секретарь ВАГО Н.Н. Спасский. Он встречался с другими обществами и «агитировал» голосовать за ГС. В доверенные лица входили, по моему, 4 человека: Гребеников, Спасский, Чепурова и я. При этом интересно, что даже перед своим дневником ГС лукавит. ГС пишет: «Телефонные разговоры ... с Шамаевым, который предложил свои услуги в дальнейшей избирательной кампании». На самом деле он сам предложил мне стать его доверенным лицом. Я и знать не знал, что существуют такие люди, но поучаствовать в этой кампании мне было интересно, и я согласился. Кажется, на следующий день ГС уже дал мне мандат. Мандат не сохранился, а жаль.

186

Список кандидатов опубликовали «Известия», и ГС осознавал, что теперь на него хлынет поток компромата. В какой-то мере он был готов к этому. Пожалуй, именно в эту выборную кампанию началась эра активного поиска «грязного белья». Вот его запись: «...поёживаюсь, представляя, сколько и каких «ласковых» слов произносится или в ближайшее время будет произнесено в мой адрес. Господи! Но ведь я действительно за всю свою жизнь никому не причинил вреда. За что же меня гонят? А впрочем, м.б. это просто мнительность ...» (27 янв. 1989 г.). ГС и не представлял ещё, что начнется, и гордо записывал в дневник: «Но все же, если не такие как я — то кто же? Помогите мне, Русский Бог!» (31 янв. 1989 г.). Но не будь он таким, каким был, не было бы этой книги, не было бы и полярных взглядов на него и его деятельность в астрономическом мире. Его знали все!

Вот Гаврила Сергеевич пишет о своих ощущениях: «Судя по всему, в ГАИШе бушует форменная истерика в связи с моим выдвижением. Кажется, основным (явным) инициатором является ... Саша Шаров. ... Похоже, что мои бывшие коллеги [в ГАИШе] убедили себя (или их кто-то убедил), что став «начальником», я немедленно разгоню ГАИШ ... Мне бы злорадствовать, но я огорчен и растерян этой вспышкой

ВЫБОРЫ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР
ОТ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ И АССОЦИАЦИЙ
ПРИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

... как с козла молока ...

Кандидат в народные депутаты СССР

ХРОМОВ

Гавриил Сергеевич

Гаврила-краходила,

Гарилла и т.д.

и т.п.

Козёл бородастый!!!

ненависти со стороны людей, которым я не сделал, да и не собирался делать ничего плохого. ... Я их не боюсь и готов к открытому бою ... Только вот решатся ли на него мои „доброжелатели“?» (13 февр. 1989 г.). Еще как решились — до одурения. По-моему, числа 16 февраля целое заседание ученого совета ГАИШ было посвящено единственному вопросу: «что же делать с этим Гаврилой?». Вот так пишет об этом сам ГС со слов кого-то из присутствовавших: «Почтенное собрание более часа радостно перемывало мои кости: я и ученый никудышный, и ВАГО развалил, и вообще противный. Последний тезис обрек в удобоприемлемые слова не кто иной, как сам Мартынов, сообщивший, что дело даже не в ничтожности моих научных заслуг, а в том, что я отношусь к людям с „брезгливым высокомерием“» (22 февр. 1989 г.).

188

В общем-то, в высказывании Дмитрия Яковлевича нет ничего удивительного. Я замечал в пожилых людях занимательную черту, заключающуюся в старании везде высказаться. Видимо, они считают, что надо обязательно показать себя, и делают это самым неудачным образом. То они вспоминают старое время, то думают, что никто не вспомнил тривиальнейшую на самом деле вещь, то их замкнет на каком-нибудь случае и всякий раз они об этом говорят и, конечно, надоедают поучениями. В научной среде они обычно вылезают на ученом совете. Помню, в ВИНТИ профессор В.В. Бондарь, спросив у меня какую-то вещь, скажем, сколько документов отдел отразил в прошлом году, тут же выкладывал свое суждение перед уставшей от него аудиторией. Таким же под конец жизни стал и Д.Я. Мартынов. Так, на каком-то заседании астрономического отделения обсуждался вопрос гибели студента 6-го курса при восхождении на Эльбрус, да еще и во время производственной практики, т.е. в учебное время. ДЯМа, будучи зав. кафедрой астрофизики и звездной астрономии, студент которой погиб, пустился в разглагольствование о том, как это здорово совершить восхождение на гору, а закончил словами: «Молодцы, ребята. Жаль только товарища потеряли». Помнится, мы с Геннадием Ивановичем Ширминым просто онемели от

этого ответа декану В.С. Фурсову, который требовал принятия мер, чтобы такое больше не повторялось.

Я помню Дмитрия Яковлевича совсем не чопорным профессором, а очень даже живым человеком, со всеми его достоинствами и недостатками. Он не забронзовел, когда был директором и, будучи зав. кафедрой, всегда адекватно реагировал на ситуацию, в том числе и спуская ее на тормозах. Ну и конечно, радел за свою астрофизику. В конце службы в армии, уже перед демобилизацией, я готовился к общему экзамену по специальности и прочитал его «Курс общей астрофизики». Очень понравился раздел о тесных двойных звездных системах. Написан четко, понятно, хорошим языком. Говорю при встрече Коле Бочкареву:

— Отлично написано, другие разделы не такие понятные, — а он отвечает:

— Так это же его любимая тема. В ней он прекрасно разбирается, и отсюда такое вдохновение.

Вот так. Писать надо о том, что хорошо знаешь, а не заниматься компиляцией. Будем стараться.

Вспоминается эпизод, рассказанный мне Инной Сергеевной Щербиной-Самойловой.

— Прилетели мы с Дмитрием Яковлевичем в Самарканд, поселились в гостинице. Раннее утро, пошли в буфет позавтракать. Заказали там творожок, сметанку, яичницу.

Дмитрий Яковлевич спрашивает:

— Что выпьем? — говорю:

— Пожалуй, немного коньяку. Впереди еще целый день.

Дмитрий Яковлевич, обращаясь к буфетчице, говорит:

— Инне Сергеевне 50 грамм коньячку, а мне сто.

Подумал немного:

— Пожалуй, мне двести, чтобы к этому не возвращаться.

Живой был человек, Дмитрий Яковлевич, как я уже сейчас, достигнув его возраста, определяю своих сверстников. Светятся глаза — значит, живой, нет в них жизни — ну что ж, значит, нет.

Тем временем ГАИШ составил тенденциозное письмо [на самом деле, не красящее его составителей], направленное

против ГС, и разослал его по «заинтересованным» лицам и организациям. ГС с сожалением, но в своем духе пишет: «Кажется, что не подписал только умный Вилен, трусливый Подобед, ... Слава Шевченко. А вот Коля Блинов — подписал: ему ведь надо защититься. Эх! [что-то Блинова в списке, который у ГС, я не увидел и, вообще, там из ГАИШ только астрофизики и звездники, да еще небесный механик Коля Емельянов]» (22 февр. 1989 г.). «Сегодня заходил В. Шамаев. Внимательно расспросил и выслушал. Поговорили. Володя — верный союзник и что может — сделает, зная, впрочем, что и я в долгу не останусь» (22 февр. 1989 г.). Вот так! «В долгу» ГС не остался, стоит только почитать его дневник.

190

Начались встречи с кандидатами в депутаты. По крайней мере, на двух я был. Первое в Географическом обществе, человек 250–300 присутствующих. Запомнилось истерическое выступление Липаевой о том, что ГС высокомерен-высокомерен и поэтому его отовсюду выгоняют-выгоняют. Запомнилось оно тем, что осталось непонятным, чем ее, старшего лаборанта, ГС достал, когда он, по-моему, даже не знал, кто такая эта Липаева. Затем блестяще выступил Гребеников, сравнив гаишевскую деятельность против ГС с письмами первой жены второй, нынешней. Бронштэн сообщил, что он разочаровался в ГС, как в руководителе Астросовета, которым он и не был. Бочкарев затянул свою песню об ошибках в формулах диссертации, но был согнан криками «регламент».

Далее была встреча в Ленинграде тоже в Географическом обществе. По рассказам ГС, из 13 было 10 кандидатов, а от ГАИШа и астрономов «команда» под водительством Бочкарева (Щеглов, Кононович и Сева Иванов из ЛГУ). Со стороны ГС Чепурова, Сочилина, Канаев. Коля пытался получить внеочередное выступление в самом начале, но председательствующий отказал. Тогда он использовал другую заготовку — ходил по выбранным людям и заставлял читать сочиненное в ГАИШе письмо. Собрание продолжалось не менее пяти часов. Но Коля был неутомим, впрочем, как и сейчас.

Гавриил Сергеевич!

Вам, конечно, известно, что за время
работы в Агросовете и ГАИШ
вы воссоздали против себя
абсолютное большинство агроно-
мов Москвы презрительно-высоко-
мерным отношением к людям.

Дальность дистанции - это суще-
ские люди.

Как это случилось согласуется
с вашим презрением к людям.

30.3.1989

Литяева Н.А.
(ГАИШ)

Гавриил Сергеевич!

Каковы основные достижения
Вашей работы на посту Вице-президента
Всероссийского агрономо-технологического общества?

Бочкарев Н.

Н. Бочкарев
с.н.с. ГАИШ

Потом было собрание-встреча в Московском планетарии, на котором я был и даже выступил. Тут гаишевская команда была в усиленном составе: Черепашук, Щеглов, Бочкарев, Бронштэн, Ефремов, Засов, Курт, Левитан, конечно Кононович и опять же Липаева. Где-то все же ГС с ней, похоже, пересекался. Не безответная ли любовь это? Неожиданно со стороны ГС пришли Багров и Рябчикова из Астросовета. Они принесли письмо в защиту ГС от Астросовета — порядка 40 подписей. Выступил я, охарактеризовав ГС и с наказом ему как будущему депутату.

На этом встречи с кандидатами закончились, и еще только 20 марта мы, доверенные лица, присутствовали при составлении сводки писем, пришедших на кандидатов. Письма против были у всех мало-мальски известных кандидатов: Заславская, Бехтерева, Яншин, Ломов, Яблоков, Хромов. Вообще-то никакой серьезной роли, похоже, они не сыграли.

192 Общее собрание с выборщиками состоялось 22 марта в Доме ученых. Было их 240 из 405, продолжалось оно целый день. Из интересного. Невероятную активность проявило Российское палестинское общество в лице его зам. председателя Е.С. Евсеева. Он умно и, пожалуй, бесцеремонно «цеплялся» к каждому выступающему кандидату. ГС выступил блестяще, начав с рассказа о письме «астрономической общественности» за 113-ю подписями, чем выбил почву изпод Бочкарева, назвав его клеветником. Затем он блестяще ответил на вопросы. Они, т.е. вопросы, ведь были известны. Ничего нового «команда» не придумала. Плюс для нее, что она не привела Липаеву с ее истерикой по поводу ГС. Ответ на вопрос, почему он отказался придти в ГАИШ, вообще вызвал бурные аплодисменты. В общем, по моему мнению, ГС выступил лучше всех, даже Евсеев его похвалил, сказав, что он единственный, кто достоин быть депутатом. Коля Бочкарев, как заведенный, ходил по залу с письмом и ждал, когда очередная жертва его прочитает.

На следующий день было голосование. ГС в депутаты не попал. В результате раздумий мы с ГС пришли к выводу, что

Директор ГАИШ А.М. Черепашук поздравляет доцента
Э.В. Кононовича с 75-летием, 2006 г.

среди обществ образовалось два блока: Общественники, прошедшие Шахназарова и Заславскую, и Экологи, объединившие многочисленные мелкие биологические общественные организации. ВАГО же оказалось в одиночестве, если не считать РПО и выборщиков, нарушивших «понятия» и проголосовавших за лучших. Мне было удивительно, что ГС не выбрали. Он смотрелся на самом деле лучше всех, его программа была четкой и понятной. Никаких невыполнимых обещаний он не давал, его оппозиция по существу ему не помешала, а скорее, помогла, глупо компрометируя себя одними и теми же претензиями и нудными выступлениями. «Они ничего не поняли и ничему не научились», — кажется, эти слова приписываются чуть ли не Наполеону.

194

А цеплявшийся к каждому кандидату в депутаты Евгений Семенович Евсеев, как я позже узнал, был сбит [убит?] на Московской кольцевой автодороге 16 февраля 1990 г. Был он выпускником МГИМО, кандидатом наук, специалистом по Ближнему Востоку, неистовым борцом против сионизма. Из интересных фактов: он переводил на арабский язык Н.С. Хрущева во время его посещения Асуанской плотины. На его смерть откликнулся журнал «Наш современник».

В избирательной кампании, но в народные депутаты РСФСР, участвовал, и удачно, еще один мне известный астроном, доцент из Казанского университета Перуанский Сергей Серафимович (почему я его запомнил — он астрометрист, и мы с ним встречались на конференции, проходившей на Байкале). Но Сергею Серафимовичу вздумалось еще и выдвинуть себя в председатели парламента. Вот как характеризует это ГС: «Затем анекдотическое выступление какого-то малахольного ученого недоумка из Казани. Настолько анекдотическое, что его засыпали вопросами типа: а много у вас в Казани ещё таких, и что он думает о состоянии своего здоровья в преддверии такого поста. В конце заседания он тоже снял свою кандидатуру» (28 мая 1990 г.).

Гаврила Сергеевич после неудачи с выборами довольно быстро пришел в себя, к моему удивлению: «Конечно, все, что ни делается — все к лучшему. Я подозреваю, что депу-

татство убило бы меня, заставив резко изменить образ жизни и, буквально, — вывернуть наизнанку — ввиду неподъемного обилия проблем, отсутствия обеспечения для работы и её методов — да при условии моей болезненной совестливости и чувства ответственности. Боюсь, что избранные последним не страдают — судя по тому, что они позволили «накидать» себе в качестве наказа. ... Интересно, что они будут отвечать через год, если удастся потянуть их к ответу. [Никто ни за что не ответил. ГС зря боялся] ... Вечером 30-го вернулся со Спасским в Москву [С Пленума ЦС ВАГО в Калинин, сейчас г. Тверь]. Сегодня он позвонил, что забрал в избирательной комиссии мое «досье» на 72 листах. Завтра поеду в подробностях изучать список нашей астрономической мафии, чтобы опубликовать его к сведению простодушных коллег» (03 апр. 1989 г.).

В Академии в первый заход сумели на 20 мандатов избрать только 8 человек. Довольно быстро стало известно, что академическими выборами руководил так называемый демократический комитет. Демократическая общественность быстрее подготовилась к новым условиям жизни в стране. Она же наломала немало дров, и быстренько из её рядов были выдавлены действительно честные люди. «Революция сожрала своих детей». По результатам выборов ГС подготовил письмо «К советской астрономической общественности». «Абалакин с интересом и матюками прочел список [подписантов] при моем письме и разрешил Канаеву вывесить его на доске объявлений под стеклом. «Подписали — так и *** с ними», — был приговор Кузьмича» (25 апр. 1989 г.).

На этом эпопея с выборами еще не закончилась. «Успел поучаствовать в заполнении нашего злополучного места в числе народных депутатов [после ухода Воронцова в министры]. Уровень выборщиков продолжает падать, опустившись ныне уже до уровня экзальтированных биолого-экологических дам — публики вполне безмозглой и кухонной. ... Выступил коротко и удачно, как всегда. Собрал 50% голосов. В итоге выбрали одного кандидата (с перевесом в 3 голоса) — ну и, конечно, био-эколога с бородой» (22 февр. 1990 г.).

После этого ГС участвовал от «Отечества» в избирательной кампании в Моссовет. Набрал 19 голосов. Выборы по его округу были признаны недействительными. Меня он просил расклеить его листовки. Сколько мог — сделал.

«Сейчас приготовился вечером улетать в Новосибирск, на съезд ВАГО» (18 сент. 1990 г.). «Гнетущее меня тупое, люмпенское недоброжелательство московской «делегации», приехавшей явно только за тем, чтобы помешать мне стать президентом [ВАГО]. Нелепый Бочкарев со своей рекламой „Астрономического общества“» (30 сент. 1990 г.). Помню, помню тогдашние разговоры в ГАИШе о необходимости уничтожения ВАГО. Вот до чего доводит борьба с ГС на полное уничтожение.

196

В очередной и последний раз Гаврила Сергеевич всколыхнул астрономическую среду, и теперь уже не локально, а всю. Посмотрите на список учреждений, научные сотрудники которых подписали ставшее уже «притчей во языцех» письмо. И количество этих сотрудников. Это не доли и даже не несколько процентов из общего числа, среди них более 60 докторов наук. В общем, поучаствовали, как в защите «демократических ценностей» в августе 1991 года. Гордятся ли сейчас они этим?

Как итог, ГС констатирует в конце 1991 года: «ВС СССР собрался, но не набрал кворума, т.к. три республики отозвали (на каком-то законном основании?) своих депутатов. Поговорили, посудили, и решили провести 17-го свое последнее, уже прощальное заседание, а затем — ликвидироваться. Ах, хорошо все же, что судьба избавила меня от личного участия в этом позорище» (12 дек. 1991 г.).

Тут, по моему, Гаврила Сергеевич лукавит, да и докторская диссертация, как в случае карьеры в Астросовете, здесь не требовалась. Он бы развернулся, показал свою мощь. Это подтверждается всей его последующей четвертьвековой деятельностью. Не было только возможности, которую дал бы ему пост народного депутата.

ОБ АСТРОНОМАХ И НЕ ТОЛЬКО

197

По всем дневникам Гаврилы Сергеевича рассыпано много воспоминаний об известных и малоизвестных астрономах. Они разные. Один и тот же человек может вначале очаровать ГС, а потом «заслужить» от него неодобрительный комментарий. Увидите сами. Интересны эти комментарии как факты, пусть и в изложении ГС, но факты-то остаются. Одно и то же событие можно интерпретировать по-разному, на одних и тех же людей можно смотреть по-разному — это придает окраску событиям, фактам и людям. Из черно-белого мира мы переходим в мир с оттенками или даже в цветной мир.

Многих из астрономов, которых характеризует Гаврила Сергеевич, я знаю, бывает, что не согласен с его комментариями. Иногда вношу уже свои комментарии и привожу свое мнение и свои факты. Это жизнь. Тем не менее, эта глава напомнит нам о многих, стряхнет пыль с забытых и, может быть, побудит Вас к публикации уже своих воспоминаний.

Итак, начнем.

Гаврила Сергеевич в командировке на Южной станции ГАИШ. Пытается проводить наблюдения. Погода не очень.

«Дибай завтра летит в Москву на защиту Шварцмана, очередного юного гения, возросшего при Я.Б. Зельдовиче» (02 нояб. 1971 г.). Привожу здесь этот фрагмент, т.к. он имеет продолжение в «Мартирологе».

Далее следует фрагмент записи того же дня, из которого видно, что ГС переходил в Астросовет в тайне от Мартынова, но ведь это не утаишь: «Д.Я. [Мартынов] поймал ее [Лидию Васильевну Рыхлову, в то время жену ГС] по дороге в ГАИШ и расколол насчет моих планов перехода в АС [Астросовет]. Меня это встревожило... [после звонка АВ]».

198 Продолжается обычная жизнь командировочного на Южной станции ГАИШ: «Был у Дибая на обеде. Спасибо ему. Очень заботливо — он и Юля — накормили». ... «Вечером неожиданно был приглашен к Володе Гринину. Там был Маслачков и его очень бойкая (и не без претензий) жена. Говорили до 02^h о многом, начав с рассуждений о Зельдовичевом хедере, а кончив, как обычно, экономикой и политикой. Было нетрудно и мило. Нетрудно, потому что самый умный — Володя — молчал все больше». ... «Да, кстати. Со слов Володи. На какой-то звездноастрономической пьянке в КрАО Б.В. Кукаркин читал Блока, начав с «Она пела в церковном хоре» и кончив «Скифами». Читал, говорят, ужасно, что и не удивительно, при полном, как мне кажется, отсутствии вкуса. По поводу зачтения «Скифов» заявил, что у него на то — законные основания, ибо его фамилия была некогда «Кукарский». Это уже 3-й вариант его происхождения (Кукар-хан и фон — что-то) — естественно, что в зависимости от конъюнктуры. Видимо, «и рад бы не соврать, но не могу». [Репетилов, «Горе от ума»]» (07 нояб. 1971 г.). Интересно, что это же тот самый В. Гринин, что прислал отрицательный отзыв на докторскую диссертацию ГС. Здесь он еще «самый умный», а позднее, в 1981 году — «пришел хамский и глупый отзыв от В. Гринина». Это в главе о защите диссертации.

Приехав с наблюдений, Гаврила Сергеевич пишет: «С изумлением узнал о моем переводе в отдел «звездной астрофизики» под руку директора [Д.Я. Мартынова]. На-

верное, на того произвела впечатление та решительность, с которой Воронцов от меня открещивался. Пошел объясняться с ним [Воронцовым-Вельяминовым], пытаюсь сказать, что это-де не моя инициатива. В ответ выслушал массу колкостей — нудеж завистливого, ревнивого, но вечно неуверенного в себе старика [в то время В-В всего 67 лет]. Думаю, что в душе он ликовал по поводу порки, что устроил мне, не подозревая, как мало мне стоило бы смешать его с навозом и повергнуть в истерику. Сдержался, ибо, хотя В-В не храм Афины, а я не Герострат, слава его убийцы меня мало прельщала».

Далее под этой же датой следует запись: «Банкет в «России» устраивали 5 небесно-механических лауреатов Гос. премии. Было 120 чел. и довольно стандартно. Подобед весь вечер и после, по дороге домой, пошло ныл о том, что не наелся, и что «кто так делает». ... Блистал Н.П. Грушинский. Его стремление вылезть на глаза начальству (вроде Седова [академика]) было просто ужасно. Он и танцевал под хорошее пение лауреатов, пил и тосты говорил, и даже сам пел в трио с Гребениковым и кем-то еще. Зрелище было ужасное. Он только-что не выглядывал из бутылки на столе президиума» (05 дек. 1971 г.).

«В Академии жизнь кипит. Было «очаровательное» заседание Президиума по астрономии с докладом Я.Б.З. [Зельдовича] про пульсары или (и) «черные дыры». После доклада будто бы Келдыш с тоской спросил, а нельзя ли открыть хоть одну советскую черную дыру. Тут выскочил Шкловский и заявил, что нельзя, что все плохо — и на земле, и вверху, что все виноваты. Кто-то произнес слово «Астросовет», и немедленно последовала реплика И.С. о том, что эта организация ничего не делает. Тут же под горячую руку создается комиссия, в которой Сагдеев председатель и куда входят Северный, Гинзбург и Кардашев. Немного потрудившись, комиссия выдала какое-то нереально-половинчатое решение. Ну конечно: Северному беспомощный Астросовет выгоднее дельного, а двум другим — до лампочки и тот, и другой, ибо урвать что-нибудь для себя здесь не светит» (05 дек. 1971 г.).

Здесь уже видно, что ГС чувствует себя в Астросовете и защищает его.

200 «Перед отлетом [из Душанбе] ... 3 часа у О.В. Добровольского. Захламленная квартира и ненормальная жена. Видно, был страшно рад свежему человеку. Стал вспоминать молодость. Он был одним из 3 или 4-х Пулковских аспирантов призыва 37 года... Разоренная обсерватория, вытщенный из отставки директор Белявский, которому врачи запретили волноваться. Из-за этого он делал паузы в разговоре, считая до 20. Несмотря на это, сразу же выгнал, видимо, людей, которых считал опасными: Огородникова, кажется, Эйгенсона и зам. дира по АХО — партдеятеля. Попытался выгнать своего зама — Дейча, но неудачно — во время командировки. Позднее, в 41 г., получил крупную сумму на эвакуацию обсерватории — уехал с семьей, а деньги сдал в банк. Доводить дело в спешке и неразберихе пришлось Дейчу. Много погибло, а его [Белявского], наконец, выперли». ... «На работе — сметы Симпозиума нет, как и не было. А.Г. ничего не сделала. И ускакала в очередную за границу — на КОСПАР. Озлился я страшно. ... Мы с работягой Б.Н. [Журавлевым] вынуждены были довести все до ума сами. Вернулась Лидия [из Бразилии]. Мрачно слушал болтовню. ... Тем более, что я узнал, что А.Г. тут же убывает в отпуск и вернется к самому симпозиуму. ... Попался им [в Бразилии], в частности, небезызвестный Постнов, загубивший по подлости и слабости немало душ во время пулковского разгрома. Вообще русских — много. И в большинстве — тянутся на родину» (24.07.1974).

Опять отпуск на Южной станции ГАИШ: «Интересный разговор с В.Ю. Теребижем — очень симпатичным, внушительным и ершистым. Наверное, это — один из самых серьезных молодых астрономов, которых я знаю. Жаль одного: никакой целостности в политических оценках, только вполне типичная интеллигентская каша, одобренная какой-то странной математической формалистикой типа применения теории вероятности к взаимоотношениям между людьми. У него очень милая жена — Саша. Дважды был у

него в гостях — пил чай» (22 февр. 1979 г.). И вот, спустя годы: «... на Южной станции единодушно свергли ставшего ненавистным Теребижа. Кажется, его место занимает Женя Колотилов. Приятно знать, ибо это вновь открывает мне дорогу на станцию» (15 июня 1992 г.).

Наконец, Гаврила Сергеевич снова появляется в ГАИШ в виде сотрудника и, пожалуй, единственная положительная запись о Евгении Петровиче [если не так, то вы это мое замечание не увидите]: «Аксенов пунктуальнейше сдержал все обещания и принял меня в обход общего запрета зачислений — специально ходил к Тернову [проректор МГУ] за разрешением» (28 марта 1979 г.). И как же ГС отблагодарил его? Отблагодарил в своем духе: «ГАИШ, конечно, не столько гавань, сколько болото [и это при директорстве ЕП]. Е.П.А. [Аксенов], кажется, захотел стать чл.-корром и от этого во внешних делах стал еще медлительнее» (15 янв. 1980 г.). В этот же день ГС записывает: «Был 75-летний, по-домашнему проведенный юбилей Дубошина [25 дек. 1904 – 20 окт. 1986 гг.]» (15 янв. 1980 г.). Большого в этот раз Георгий Николаевич в дневниковых записях не удостоился.

Бывали в дневниках и другие положительные записи: «Две защиты в ГАИШ. Произвел впечатление мальчик — Сурдин, выбившийся из-под Шкловского. Великолепная манера докладывать и хорошо построенная эмпирико-теоретическая работа по шаровым скоплениям» (17 янв. 1980 г.). Помню, что В.А. Ковалевский, зав. аспирантурой в те годы, как-то увидев, спрашивает меня — «в чем дело с руководством Шкловского аспирантом?». Оказывается, Владимир Леонидович в беседе с аспирантом В. Сурдиным узнал, что он [Сурдин] «разочарован» исполнением ИС своих обязанностей по руководству. Он взял от Володи объяснение, в котором сообщено, что его научный руководитель И.С. Шкловский совсем им не занимается. Я передал это Д.Я. Мартынову, зав. кафедрой астрофизики и звездной астрономии в то время. Дмитрию Яковлевичу это пришлось не по вкусу, и он имел неприятную беседу с ИС, который получил очередной минус

от него. В дальнейшем, видимо, все с руководством наладилось, т.к. в Википедии Володя сообщает, что его научным руководителем был И.С. Шкловский.

202 Поскольку я привожу интересные данные об астрономах не только из дневников ГС, то вот фрагмент из Сергея Достовалова о своей подруге детства и юности Тане Лозинской. Они вместе росли, а затем и какое-то время вместе работали в ГАИШе. Рассказ «ГАИШ, Венера 4» — «ГАИШ был лучшей и самой интересной моей работой на первую треть жизни. В назначенный день [первый день работы] я поднимался по скрипучей дубовой лестнице на второй этаж и, подходя к двери, услышал жуткий гвалт за дверью, войдя, я с немалым удивлением увидел раскрасневшуюся, с блестящими глазами Татьяну Лозинскую, все ржали, как лошади. Татьяна не удивилась, она считала, что я зашел к ней, а я пришел работать!». И далее: «Татьяна Лозинская под руководством Коли Кардашева занималась «линией 21 см» — излучением межзвездного водорода при запрещенных переходах сверхтонкого расщепления. По этому излучению можно определить распределение водорода в межзвездной среде, так американцами были обнаружены спиральные рукава в Галактике, определены ее размеры. Работала Татьяна упорно, анализировала зарубежные статьи, но безрезультатно: собственного радиотелескопа для этой задачи в СССР не было, и своих сколько-нибудь ценных данных получить было невозможно.

Ева Михайловна [Фейгельсон, закончила мехмат МГУ по астрономическому отделению в 1939 году], мать Татьяны, тогда уже доктор наук, была возмущена отсутствием карьерного роста у прилежной дочки, она встретила Шкловским и устроила ему сцену. На следующий день Шкловский вызвал все ближайшее окружение и спросил, есть ли у кого-нибудь готовая тема на выходе. У Пети Щеглова была практически готовая работа для аспиранта, он наблюдал планетарные туманности с помощью чрезвычайно узких интерференционных фильтров, позволявших исследовать распределение лучевых скоростей межзвездного газа. Татьяна

была моментально переориентирована на туманности к не-удовольствию Кардашева». <http://www.dostovalov.ru/Ch9.html> (Дата обращения 22 окт. 2018 г.).

Привожу это опять же в качестве курьеза и как пример расширения «горизонта событий прошлого». Впоследствии Татьяна Александровна защитила докторскую диссертацию. Тема же кандидатской диссертации, о которой идет речь у Сергея Борисовича Достовалова, — «Интерферометрические и спектрофотометрические исследования некоторых тонковолокнистых туманностей». Похоже ли это на описанное в рассказе, не мне судить. Я не астрофизик.

Недавно я встретил Татьяну Александровну в ГАИШе. Ранее, в 80-е гг., она была слегка полноватой, на мой взгляд. А сейчас выглядит как стройная молодая девушка. В теннисе о полноватых девушках, которые вдруг приобрели отличную фигуру, говорят, подсушилась. Это требует от них значительных усилий и специальной диеты. Спортивную форму терять нельзя. Вот и Татьяна Александровна сумела получить такую фигуру, «подсушиться».

В общем же, на заметку тем, кому интересно неформальное, заинтересованное описание с точки зрения астронома первых шагов в освоении ближнего космического пространства в нашей стране — мне нравится книга А.А. Гурштейна «Московский астроном на заре космического века» http://az.lib.ru/comment/g/gurshtejn_a_a/text_2012_moskovskiy_astronom и воспоминания в Интернете С.Б. Достовалова «Семейные танцы у старого зеркала» с вышеназванным и другими рассказами <http://www.dostovalov.ru/memoirs.html>. Я и книгу Александра Ароновича, и воспоминания Сергея Борисовича прочитал не отрываясь. Авторы обладают талантом занимательно изложить события. Впрочем, об Александре Ароновиче это не новость, а о Сергее Достовалове я узнал случайно. Одна моя знакомая тайно ему симпатизировала еще в то, давнее время, и как-то, уже сегодня, спросила меня, не знаю ли я Сережу Достовалова. Я задумался и сказал, что не помню, но решил поискать в Интернете, чтобы сделать ей приятное. Тут-то я и наткнулся на «Сайт Лип-

ских, Ляпидевских и Достоваловых». Там много фотографий, и я вспоминаю, что видел его в ГАИШ, когда был аспирантом и сидел вместе с Женей Федосеевым и Мастером в 23-й комнате. Сергей приходил к Мастеру, Игорю Николаевичу Макарову, уникальному специалисту по радиотехнике. Туда же приходили Сережа Овчинников, Витя Назаренко, Хайдар Таджидинов, Боря Михайлов, Сергей Иванов, Миша Малышев, Рита Карева, Оля Соловьева, Лидия Васильевна Рыхлова. Помногу людей собиралось в этой небольшой комнате пеналом. Где-то сейчас обитают Боря и Миша? Виктора, Хайдара, Риты, Сережи Иванова уже нет. Так же, как и Игоря Николаевича.

204

Характеристики друзей в дневниках ГС со временем меняются в худшую сторону: «Заезжал И. Канаев. Обрюзг, бросив курить, и становится слегка однообразным» (20 окт. 1981 г.). После того, как Иван Иванович стал зам. директора Пулковской обсерватории, ГС его снова стал приближать.

«От Л. [Л.В. Рыхлова] узнал, что Коле Блинову не дали отзыва на его диссертацию по РСДБ [докторскую]. А он взял, и забрал её назад. Полагаю, что поступил честно, ибо диссертация наверняка компилятивная и слабая: нет иного материала и предмета. Вот только что это за приступ правдолюбия у Матвеевко и Кардашева? Нет ли здесь чего иного, скажем, связанного с заявкой на Ленинскую премию?» (27 окт. 1981 г.). Этот случай дал таки Николаю Сергеевичу проблемы со здоровьем. Впоследствии диссертацию он защитил, и по той же теме. А ГС еще не подозревал, что ему предстоит при попытке защиты своей диссертации и после, хотя отчаянную борьбу, думаю, уже представлял.

Но вот «благодарность» ЕП за всё: «Ю.П.П. [Псковский] сказал, что [Я.Б.] Зельдович побежал с Аксеновым к Логунову, и они [Логунов с Зельдовичем] велели бедняге Е.П. открыть в ГАИШе «теоретический отдел». Из кого? Для чего? Наша рохля, конечно, тут же согласилась» (21 окт. 1981 г.).

Гаврила Сергеевич, оказывается, принимал участие в подготовке к празднованию 150-летия Московской обсервато-

Отдел релятивистской астрофизики Я.Б. Зельдовича в ГАИШ.
Слева направо: Л.П. Гришук, М.В. Сажин, В.М. Липунов, Я.Б.,
Н.И. Шакура, А.Н. Петров (в кресле), С.Г. Симаков, С.М. Копейкин

рии и 50-летия ГАИШ. Я помню лишь активных участников Сашу Бугаевского и Юру Ворошилова. Первый написал о Московской обсерватории две статьи в «Историко-астрономические исследования» и вообще был крайне деятельным участником торжества. Юра занимал скромную должность секретаря Штаба по подготовке юбилея, и сразу после этого Евгений Петрович произвел его из лаборантов в младшие научные сотрудники. Юра прекрасно проявился как организатор и активный работник с нестандартным мышлением. Что касается ГС, то он, оказывается: «Придумал кое-какие варианты и собрался было изложить их Аксенову по телефону. Не тут-то было, этот дундук так не может — и вот надо завтра к нему являться для „обсуждения“» (02 нояб. 1981 г.). Занимался ГС поселением в гостиницу, но вот как он сам считал: «Была юбилейная конференция. Она прошла без сучка и задоринки, в чем заслуга моя и Ворошилова, оказавшегося дельным парнем». И обида: «Моей рожи не оказалось ни на одном стенде — будто меня вообще не было и нет в ГАИШе. Зато сплетни про меня пошли тут же: из-за меня-де фотографию Пикельнера поместили на 2-х стендах, а не на 3-х, как надо бы. ... И прочее» (01 янв. 1982 г.). Эта запись от 1 января как подведение итогов декабря, т.к. с 27 ноября он ничего не писал, ситуация с защитой всё затмила. Юра Ворошилов действительно показал себя — именно он сумел пробить юбилейный конверт Почты СССР и два штемпеля гашения по случаю «150-летия Московской обсерватории», что нам казалось невероятным. Помню казус, который случился с этими штемпелями (см. фото конвертов на стр. 490). Они лежали на столе в канцелярии, и каждый мог проштемпелевать конверт с изображением ГАИШ на фоне МГУ. Через несколько дней к себе в 25-ю комнату, где я тоже сидел (перевели из 23-й) с Виленом Валентиновичем Нестеровым, Натальей Николаевной Кабаевой и Еленой Александровной Туровой, приходит Альберт Петрович Гуляев и говорит расстроенным голосом, что кто-то затер штемпели, и похоже — наждачной бумагой. А надо сказать, что Альберт Петрович был большой филателист, да и нумизмат. Он

даже за несколько лет до этого события отвел меня в филателистическое общество, куда я благополучно и вступил.

На это я и говорю:

— Альберт Петрович, так это же здорово. Значит, количество конвертов с такими штемпелями теперь ограничено. Они резко взлетят в цене среди филателистов, которые интересуются конвертами со штемпелями.

От такого неожиданного толкования он задумался и сказал:

— Все равно не ожидал такого от гаишевцев.

На этом с конференцией покончим, хотя нет, ГС еще попишет на эту тему, но тогда и вернемся. А теперь дальше по дневникам и людям.

Пленум ЦС ВАГО в Минске. «Короткая беседа — за столом с Д.Я. Мартыновым. Очень он поглупел за последние несколько лет. Именно — поглупел, сохранив самоуверенность и многословие. Вот от чего — боже упаси в старости!» (02 марта 1982 г.). А ведь еще в 1980 г. ГС просил Мартынова представить на специализированном совете по астрофизике ГАИШ его диссертацию. И тогда ничего, не поглупел ДЯМа.

207

Сам ГС по-прежнему считает, что пользуется авторитетом как бывало: «Звонил Ю.А.Ш. [Шахбазян]. Хочет посоветоваться, чем бы ему со своим отделом заняться. Боярчук — вторую неделю в Москве, но, естественно, не звонит. Я тоже. Надоело. Слабак он все же оказался на проверку» (02 марта 1982 г.).

«Горбачкий рассказал, что Соболев ... вспомнил, как Домбровский предупреждал его, что «этим», т.е. Иванову, Аракелянцу, Дибая и мне, никак нельзя давать власть. По выражению Соболева «природа распорядилась ...» (17 нояб. 1983 г.). Этот разговор состоялся во время похорон Дибая.

Далее опять Гаврила Сергеевич со своими записями о себе великом. «Вечером у нас Подобед и Яцкив. Лидия испекла пирог. Подобед сломал стул. ... Поговорили об Аксенове, возмущался проволочками с докладом по совещаниям. В.В. [Подобед] считает, что это — характерологическая осо-

бенность, которую он называет «мужицким мышлением». И что всерьез А. недееспособен. Боюсь, что это действительно так. Боже мой, что же у нас вокруг делается!!!», восклицает стратег ГС, думая о судьбах нашей астрономии (17 янв. 1980 г.).

208 «Ярослав Степ[анович Яцкив] давеча изучал мой документ [с анализом работы ГКНТ]. Пришел в изумление и признался, что он бы сроду не смог такое сочинить. Патон [Борис Евгеньевич Патон, президент Национальной академии наук Украины, которую возглавляет до сих пор. 27 ноября 2018 г. ему исполнилось 100 лет], оказывается, изготовил разрушительную бумагу с предложением закрыть ГКНТ. Видимо не только я не понимаю, зачем он нужен» (22 янв. 1980 г.). ГС всегда мнил себя государственным человеком. Вот еще пример: «Набрел на удачную идею: передать Пулково в Госстандарт, сделав из нее аналог Naval Obs. или Nautical Alm. Идея понравилась и Кускову, и Подобеду, и мне. Я многое здесь не додумал, но пока мне кажется, что я был бы готов и сам броситься в такую амбразуру» (26 февр. 1980 г.).

«Завтра едем с В.Д. К-вым [Кусковым] в Госстандарт разговаривать по поводу судьбы ГАО АН СССР и постановления по КВО» (19 мая 1982 г.). Или «Меня прочат чуть ли не в председатели комитета по геодинاميке. Хи-хи, мои академические друзья» (29 апр. 1980 г.).

«Только что набросал доклад для Соболева. Предельно с моей точки зрения разумный и сдержанный, но и широкий. Иначе, как известно, не могу» (24 апр. 1982 г.).

«Говорил по телефону с И.С. Щ-С [Щербиной-Самойловой]. В т.ч. — об обалдевшем Соболеве, воспылавшем нежностью к Ольге Длужневской. И.С. ее терпеть не может» (8 июня 1982 г.).

Гаврила Сергеевич всё ещё продолжает считать себя столпом советской астрономии, вот уж чего у него не отнять, так это самоуверенности. В конце апреля 1982 г. ГС был в КраО на СПАКе, все не нравилось: «Соболев, видимо, совершенно обалдел — не знает, как вести себя в новом качестве «вели-

кого» ученого и потому предпочитает вовсе ни с кем не встречаться и прятаться. ... Мороз вертелся вокруг академиков и даже с угодливой улыбкой подносил венерианские пейзажики Соболеву и Северному. Навязался со своим докладом на ученый совет. В общем, жаждет попасть в члены-корреспонденты. Понятно, но гнусенько. Тем более, что ни особым шармом, ни политесами Васечка, как известно, не наделен. ... Уезжая, я мельком простился с ним [Боярчуком], а с Соболевым вообще не прощался: искать мне его что ли? (03 мая 1982 г.).

Написав в «Итоги науки и техники» ВИНТИ обзор на 7 п.л., говорят, неплохой, ГС пишет: «Вместе с Сашей Овчинниковым отвез в ГАИШ два пуда бумаг по приборам, телескопам и обсерваториям. Ребята накинулись на них с интересом. А мне и приятно» (24 июня 1982 г.). Обратите внимание на объем, ГС всегда перерабатывал горы материала и страшно гордился этим.

«Съездил в Ростов и вернулся. ... Холод, грязь, неустроенность и бескормица, вернее — очень дорогая кормежка в гостинице — просто не по карману в прямом смысле слова. Гостиница, правда, была приличная, и мы довольно мирно существовали там с Ю.Н. Ефремовым. Я ближе сошелся с ним, и тем доволен.

Юра — грамотный и преданный науке человек. Основной недостаток — некоторая детскость. Впрочем, этот недуг излечивается воздействиями. ... И я деятельно разъяснял ему всякие очевидные для меня вещи. Льщу себя надеждою, что преуспел. ... У братьев-астрономов [из Ростовского гос. ун-та] — обычные переувлечения теорией, бедность во всех прочих отношениях, нераспорядительность и провинциальность. ... Им несколько помогает то, что Ю.А. Жданов [ректор Ростовского гос. ун-та], видимо, искренне почитает астрономию. Именно он перетащил Марочника [Леонида Самойловича] из Душанбе и даже лично добыл для него 4-комнатную (!) квартиру, мотивируя это необходимостью ... поднимать интеллектуальный уровень города Ростова. ... В общем, Марочнику удалось обменять квартиру в Ростове

на Москву. И вот он здесь [в ИКИ]. Возрадуемся» (19 дек. 1982 г.).

«В.К. Абалакин отказался идти в ГАО директором, что я и предполагал. Не дурак же он, в самом деле!» (16 янв. 1983 г.). Еще раз о «прогнозисте» Гавриле Сергеевиче: в этом же году Виктор Кузьмич Абалакин стал директором ГАО АН СССР и пробыл им 17 лет, что и подтверждается следующей записью. И вдруг: «... до отъезда [в Крым] имел долгий разговор с В.К. Абалакиным, во время коего убедился, что он не понял, за что взялся [быть директором ГАО]. Его убедили, что достаточно выгнать трех злодеев (Будникова, Кириллова и ... Витинского), и все станет на свои места, расцветет и разблагоухается. Я настырно объяснял, что цвести нечему, что нужна генеральная чистка с закрытием обсерватории и подбором сотрудников по новой. Упирали на необходимость в идеологии, под которой подразумевал проблему КВЧ. Для бедного В.К. большая часть сказанного мною была вполне нова. Ушел он от меня явно расстроенный. Правда, по дошедшим до меня слухам, он все же [не только] настоял на изгнании трех злодеев, но и сумел возродить идею генеральной чистки» (30 мая 1983 г.).

«Сегодня — 22 [20]-я годовщина со дня убийства Дж. Ф. Кеннеди. Я отчетливо помню этот день 64-го [1963-го] года, пасмурный и темный. Утром я должен был заехать в «Украину» за Ф. Хойлом и привезти его в ГАИШ, к Шкловскому для выступления. Я, сбиваясь, сказал Хойлу, что Кеннеди is killed. Он пораженно переспросил: «massacred or killed»? Я пояснил. В машине молчали. В ГАИШе, в кабинете И.С. начался базар между им, Гинзбургом и Яшкой [Я.Б. Зельдович] за право разговаривать с Хойлом и рассказывать ему о своих великих результатах. Крупный и громогласный Гинзбург быстренько оттер от доски маленького Яшку. Глаза у того стали больше очков от ярости, и он прошипел, что «лезут тут всякие со своими результатами». ... После доклада Х. [Хойла] Вилен [Нестеров] сказал, что убедился в ничтожестве наших местечковых гениев» (22 нояб. 1983 г.). «Прошелся по магазинам: единственный улов —

книжечка И. Шкловского [«Эшелон»]. Но её-то мне и впрямь надо иметь; моя же молодость все же» (18 июля 1991 г.). «Стал было читать книжечку посмертных рассказов И. Шкловского «Эшелон», изданную Л. Марочником за подписью Кардашева и своей. Ясно, что все сделал именно Марочник, а наглец К. подписался. При этом ирония в том, что Марочник никогда не был учеником Шкловского. Его где-то подобрал и пригнул С.Б. Пикельнер (ещё в Сибири, где, естественно «способному» ***** разве можно жить?). Роль Шкловского, скорее всего, состояла в устройстве Марочника в ИКИ. Во втором же рассказе — совершенно неприличные дифирамбы покойника любимому ученику Кардашеву. Поскольку у этого наглеца нет и не было ни совести, ни, тем более, — скромности, то все дифирамбы аккуратно воспроизведены. Почитал, и как снова окунулся в астрономическое болото со всей гаммой его разнопородных обитателей, среди коих, конечно, преобладают исключительно талантливые и всесторонне хорошие *****. Вроде как в знаменитых мемуарах Эренбурга. Талантливый и независимый Шкловский! И он попал под этот вырожденческий кагально-местечковый гнёт среды!» (23 июля 1991 г.). Я уже приводил фрагменты из «Эшелона» по ходу книги и, конечно, читал ее и не один раз. Великолепное произведение с тонко подмеченными чертами научной среды и ее обитателей. Написана без оглядки на авторитеты и интересно. Удивительна история с выходом книги «Вселенная, жизнь, разум», которой мы, студенты, тоже зачитывались, или с его приключениями в Париже. Прямо противоположная история там же, в Париже, произошла с Колей Бочкаревым. Кажется, он сам мне это и рассказывал. Колю послали на месяц и выдали соответственно командировочные на месяц, но по каким-то, исчезнувшим из моей памяти, событиям, его вернули через две недели. Коля же, не будь дураком или по каким-то другим соображениям, успел истратить все деньги и, возвратясь, долго отбивался от бухгалтерии Минвуза. Кажется, пронесло. По нему не скажешь, но Коля умеет быть убедительным и, как я уже писал, не признает поражений.

Александр Алексеевич Боярчук

Но, к сожалению, он ничего подобного воспоминаниям Иосифа Самуиловича не написал. А ведь было бы интересно почитать про его рецензирование диссертации ГС, выслушать его интерпретацию самого процесса защиты, узнать, зачем он гонялся за ГС во время предвыборной кампании, как в пику Гавриле организовывалось Астрономическое общество. Встречал я Колю и на Майданаке, да и вообще он изъездил полмира.

— Где воспоминания, Коля? Ведь ты много и многих видел, говорил, оппонировал, выступал и, наверняка, помнишь.

Но вернемся к заметкам ГС об астрономах. Постоянно размышляя о своей неудачной судьбе, ГС, разбирая архив своего отца, пишет: «Папе повезло попасть под опеку явно незаурядного человека [А.И. Асиназия], тонкого, культурного и, несомненно, с большим даром спланировать вокруг себя способную молодежь во имя позитивного дела. Какой контраст с моей судьбой! В которой был тоже тонкий и талантливый, но совершенно разрушительный, все убивающий вокруг себя и все развращающий тоже ***** — Иосиф Шкловский ... Или это эпоха иная? Очень вероятно, что именно так» (13 янв. 1992 г.). Вот и опять сравнение себя с отцом, и опять не в свою пользу. И опять виноват другой. На днях встретил на автобусной остановке возле ГАИШа Валентину Михайловну Чепурову. Я, естественно, заговорил о ГС, хотел уточнить, был ли он председателем Месткома ГАИШ, как промелькнуло в его дневниках. Она не помнит, но говорит, что членом Месткома был [был зам. председателя]. И, перейдя к воспоминаниям, она сказала, что неоднократно предлагала ему вступить в партию. Гаврила Сергеевич всякий раз гордо отказывался, как выяснилось, в пику отцу, который был старым членом партии. Позднее, уже в Астросовете, он опомнился и подал заявление, но уже было поздно — начался конфликт с Масевич. Об этом я уже писал.

«Грустные мысли насчет А. Боярчука и его эволюции в направлении от хорошего парня черт-те к чему. Какая-то граж-

данская и нравственная деградация при внешнем благополучии и успехе. Тем более, что, глядишь, академиком станет, перестав быть не только гражданином, но даже — человеком. Кому и зачем нужен такой академик?! А ведь будет путаться под ногами и всему мешать, преследуя какие-то жалкенькие собственные цели. Крупным там уже не бывать» (12 дек. 1984 г.). И это после того, как Александр Алексеевич был оппонентом на его докторской диссертации и получил свою порцию негатива от провала. Но нет, опять Гаврила Сергеевич продолжает с пристрастием судить других, в том числе и близкого когда-то друга, Сашу Боярчука. «Но Саша Боярчук в образе президента МАС — это все же слишком большое насилие над здравым смыслом и социальной справедливостью...» (16 авг. 1991 г.). В этом качестве от СССР ГС, видимо, видел только себя.

214 «Оказывается, друг — Саша Боярчук сумел в последнее время „дорости“ до члена Президиума АН! При полной бездеятельности и возмутительной лени!»

ГС постоянно следил за жизнью и деятельностью Академии. Его идея-фикс была превратить ее в клуб ученых, как на Западе, лишив собственности и субсидирования из бюджета, а академиков — привилегий. «Недели 2 назад благополучно, но совершенно непонятно образовалась РАН, тут же объединившаяся с АН СССР. Подробности не ясны. Устава нет. Денег тоже. ... Президентом стал какой-то Осипов из Сибири. С ним соревновался неутомимый Велихов, но собрал только около 15% голосов. За него истерически агитировал Финкельштейн, но, явно, не помогло. Почти все вице-президенты старые. И даже Боярчук уцелел в качестве члена Президиума (нужен же там астроном?). Кажется, вытурили Прохорова из академиков-секретарей. Что будет дальше с этим уже *n*-тысячным кагалом научных бонз — совершенно не ясно. Тем более, что они не пошли ни на какие уступки собственной научной общественности. ... У меня — недобрые мысли в адрес Боярчука. По сути, он занял моё место. Я не завидую. Но почему же он так сволочно повел себя со мною?! Ведь я был всегда очень хорош по отношению

к нему, да и искренне его любил. М.б. чувствует эта «кошка», чье мясо она схрумкала?» (30 дек. 1991 г.).

«К моему вящему удивлению — получил открытку элегического содержания от Боярчуков. Ответил, конечно» (02 янв. 1992 г.). «По его словам [Канаева], Боярчук выглядит испуганным и подавленным. Лидия пересказала встречу с В. Соболевым на общем собрании, где она была „от ответственности“. В.В. подсел к ней и заявил, что ему пора, видимо, помирать, т.к. ему все это не нравится. Она — верная ученица Масевич — дала ему мандаринку, а тот — утешился и помирать отложил ...» (04 янв. 1992 г.).

Как я убедился, ГС не всегда правильно описывает информацию, рассказанную ему или достигшую его. Поэтому его дневники — это его личное мнение, через фильтр его отношения к человеку. Вот очередной пример: «Да, еще со слов Шамаева. На Президиуме Академии слушали отчет ВИНТИ. И стали крыть журнал, как совершенно ненужный (академикам). Вторым [в прениях] высочил ... Саша Боярчук и понёс по кочкам им же возглавляемый РЖАстр, утверждая, что он — бяка, а вот Astronomy and Astrophysics Abstracts — вот это да! Вот это то, что нам нужно! Потрясающая деградация этой, с позволения сказать, личности. Ведь он же явно хотел заработать себе очки у „влиятельных академиков“ ... Подлец и хриstopродавец» (13 марта 1992 г.). Это событие, не отчета ВИНТИ, а выступление директора Петра Владимировича Нестерова, действительно имело место в связи с тем, что он был вынужден подать в отставку по соображениям, далеким от его конкретной деятельности на посту директора. Его место понадобилось другому. Я тогда был председателем Месткома ВИНТИ и был против этого ухода. Ситуация полностью аналогичная той, что случилась в ГАИШе при уходе Аксенова. Дело было решенное, но я, святая простота, по-прежнему считал, что что-то можно сделать, объяснить, и выступил на Президиуме в защиту Нестерова. Даже не от коллектива, таких полномочий у меня не было, а от себя. И для меня, действительно, было неожиданно и непонятно выступление Боярчука. Ведь он был на-

Ярослав Степанович Яцкив

шим главным редактором. Мы с Инной Сергеевной Щербиной-Самойловой в начале моей работы в отделе астрономии ездили к нему незадолго до этого события и просили стать главным редактором после ухода Сагдеева. Он согласился. Работой мы его не заваливали, лишь раз в год я приезжал к нему для подписания плана изданий на будущий год. Правда, работал он на общественных началах, как и Сагдеев, кажется. Роальд Зиннурович Сагдеев был главным редактором РЖ-Астра до меня — при Инне Сергеевне.

Точно так же повел себя и другой астрономический академик, Н.С. Кардашев, при моем докладе о положении с выпусками по физике и астрономии Реферативного журнала ВИНТИ. Состоялось это на заседании Президиума Отделения физики и астрономии РАН уже в 2011 г. Николай Семенович «выскочил» с заявлением, что он не пользуется РЖ «Астрономия», а использует базу данных ADS/NASA. О том, что там не отражаются русскоязычные публикации, он и не думал. Кому она нужна, эта «серая литература». Поневоле сделаешь вывод, что наши астрономические академики живут в другой вселенной. В отличие, кстати, от физиков, которые с интересом выслушали доклад, задали много вопросов и сделали массу предложений по улучшению работы Реферативного Журнала.

Гаврила Сергеевич, если на чем замкнется, то возвращается и возвращается к этой теме: «Забавное сравнение Боярчука с виноградной улиткой, которая осторожно высовывает из себя глаза и, первым делом, внимательно оглядывается. ... А здорово я когда-то предсказал, что в лице Б-ка мы получим противоестественный гибрид Мустеля с Северным. Так оно и вышло. Гибрид, конечно, оказался непригодным ни для чего, кроме устройства собственных делишек, к тому же — мелких. И — полностью лишенным сколько-нибудь высоких человеческих качеств, прежде всего — совести. Ну, да черт с ним. Перегорело» (26 дек. 2004 г.). Не очень-то, видимо, «перегорело».

«Со слов Гребеникова: Я. Яцкива избрали украинским академиком. Ну и отлично! Не зря писали поддержки

[от ВАГО]» (04 апр. 1985 г.). В записи через полтора месяца, обиженно ругая Колесника, которому, как он считает, помог с прохождением диссертации через ВАК, ГС перекидывается на Яцкива: «Впрочем, многим ли лучше теперешний Яцкив, у которого никак не находится на меня времени и внимания?» (25 мая 1986 г.). И вдруг: «В среду вечером неожиданно объявился и зашел ко мне Я.С. Яцкив. Договариваясь по телефону накануне, он со смехом сказал, что наслышан о моем недовольстве им и хочет узнать, т[ак] сказать, из первоисточника. ... Все же он — человек порядочный, даже во 2-м приближении. Провинциальность — есть. Некоторый недостаток культуры — тоже. Определенная деморализация в стиле «все равно ничего не сделаешь» тоже отчетливо проглядывает. ... Я весьма решительно «продраил» его за это» (03 июня 1986 г.). Замечаете, старший поговорил с младшим. В этом весь Гаврила Сергеевич. Другей (людей) он видит только в белом или черном цвете, и почти всегда белый цвет переходил в черный. Исключением, может быть, как раз был Ярослав Степанович Яцкив, но и он бывал обруган, помните: «Я весьма решительно «продраил» его за это».

«Кстати, в качестве подарка съезду ВАГО 9 апреля выперли на пенсию Кутузова. Мир праху его. Вреда этот недоученный генерал успел принести больше, чем нужно. Вынес самые грустные впечатления от Абалакина. Он решительно не годится ни на что серьезное. Недостаток воли при полном сумбуре в башке и кипении эмоций. И притом — растерянность в боевых ситуациях, сочетающаяся с необузданностью в выражениях. Вертопрах, одним словом» (01 мая 1986 г.).

«Со слов Канаева — от Боярчука — грустная история о Мустеле: Боярчук сказал ему [Мустелю], что он теперь может не ходить в АС ежедневно. Тот перепугался и именно так и стал ходить [т.е. ежедневно]. Однажды — вызвал машину и назвал шоферу свой старый, 30-летней давности адрес в Марьиной роще. Тот привез, куда сказано. Э.Р. ничего, конечно вокруг не узнал и велел шоферу довезти его до ближайшего метро. Тот довез. Он вошел в метро, но с непривычки и от толкотни вовсе обалдел, вышел на какой-то

станции и сел на лавочку в ближайшем сквере. Там и просидел всю — благо июльскую — ночь. Утром какие-то сердобольные теткы его заметили. Он встал, но запутался в своих нескладных ногах и упал. Вызвали «скорую», и только тогда, обнаружив у него партбилет, разобрались, кто он и что. Теперь Боярчук приказал провожать Э.Р. до дверей и ждать, когда ему откроют. Все это грустно и не заслуживает злорадства, если не знать, что ещё год назад эта бездарная развалина считалась руководителем нашей несуразной науки» (11 сент. 1987 г.).

«Канаев был на совещании в ГАИШ, созванном для осуществления прогресса проекта «Ломоносов». ... Уровень жалок. Достаточно сказать, что творцом оптической системы с 1-метровым термостатированным при азотной температуре телескопом (!) оказался Саня Овчинников. А Вилен представил расчет экономического эффекта на 3 млрд. руб., возникающего как экономия 25000 лет наблюдений на меридианном круге» (21 марта 1988 г.)

219

Продолжение вот такое: «И.И. Канаев ... выступил на совещании по астрометрическому спутнику, буквально «размазав по стенке» этого дурачка Вилену. Тот, как человек совершенно беспринципный, принялся доказывать необходимость «Ломоносова», всячески (и глупо) пороча наземную астрометрию. Поскольку делал он это нагло и малограмотно, то дал повод И.И. заявить, что он занимается сознательной подтасовкой фактов, чтобы ввести в заблуждение промышленность. Обвинение, вообще говоря, — ужасное, но Вилен проглотил его молча и только потом, в неявной форме, пригрозил Канаеву, что если тот вылезет с докторской диссертацией, то ... Идиот и наглец. Коля Блинов, уже насмерть поссорившийся с Виленом, ходит по сему поводу именинником. Все это происходило в присутствии чуть ли не самого Бабакина [тут ГС что-то путает, главный конструктор КБ Лавочкина Г.Н. Бабакин умер в 1971 году], который насторожился и заявил о необходимости устроить всесоюзное совещание, попросив Ивана Ивановича посоветовать, кого на него вызвать» (29 окт. 1988 г.).

«В.В. Подобед упал на Ленинском проспекте и сломал себе шейку бедра. Сейчас в больнице» (21 марта 1988 г.). Всего два предложения. Констатация факта. А ведь именно это послужило началом конца Владимира Владимировича. Накануне мне надо было поехать по этой же линии метро из ГАИШа на проспект Мира. Сел на 111-й автобус, доехал до площади Гагарина и направился к северному входу метро «Ленинский проспект». Не тут то было, он закрыт и надо обходить по Ленинскому проспекту к южному входу. Вся территория по прямой была обнесена забором — что-то строили. Уже не помню что, но смотрю, некоторые, преимущественно молодые люди, направляются к забору, там оказалась дырка. Через нее по стройке с ее буераками, ругаясь, все-таки добрался до входа в метро. На следующий день слышу, что ВВ сломал шейку бедра, когда поехал к лежавшей в больнице Маргарите Петровне — Маргоше, как он ее называл и которую нежно любил — жене. Спрашиваю:

220 — Где больница? — Оказалось, по этой линии метро — желтой.

— Я знаю, говорю, — где он сломал себе кости.

Владимир Владимирович тоже решил сократить себе дорогу. Но мне было 40 лет, а ему — 70. Маргарита Петровна вскоре умерла после серьезной болезни, а Владимир Владимирович так и не восстановил свою подвижность. Ему даже специальное кресло сделали в конференц-зале ГАИШ. Впрочем, этот сильный человек так и не смог пережить кончину любимой жены и вскоре скончался сам. Мы с ним много разговаривали о жизни — сидели в 22-й комнате на первом этаже ГАИШ, нашим соседом был Константин Алексеевич Куликов (дядя Костя).

Помню, обсуждали смерть, кажется, Я.Б. Зельдовича.

— Вот и он уже ушел, и мне пора, — говорит ВВ.

— Нет, — говорю, — Владимир Владимирович, слишком рано он ушел. Академики живут не менее 85, а некоторые, и их немало, и больше. А вообще-то до 80-ти еще зрелость, — и привожу ему в пример Константина Алексеевича, Воронцова-Вельяминова, кого-то еще.

В.В. Подобед и Ю.И. Продан, 1954 г.

— Так что торопиться не надо, — говорю.

Он со мной согласился и повеселел, но, к сожалению, не поддержал своим примером и умер в 73 года.

222 На пленуме ЦС ВАГО в Горьком произошла неприятность, которую ГС описывает так: «Двое молодых армян, в т.ч. протежируемый мной Айрапетян (другого сопляка не знаю) заявили к Буланже, потребовав, чтобы я не имел отношения к армянскому отделению ВАГО, как «враг армянского народа». Это, насколько удалось понять, — реакция на мое откровенное письмо к Ю. Шахбазяну о всех ихних националистических добычах. Ш-н, вероятно, страшно обиделся и, думаю, многим показывал, если не все письмо, то выдержки из него. Во всяком случае, до «руководства» Бюраканской обсерватории оно дошло. И, конечно, провинциальные и узколобые националисты усмотрели в нем ни много ни мало как «оскорбление армянского народа». ... Сожалею об этом, но мои отношения с Ш-ном прерываются и, боюсь, что необратимо» (24 апр. 1988 г.).

«Звонила А. Еремеева, приглашая в ГАИШ на 3-х дневную сессию памяти Фесенкова. Поблагодарил, но не пойду. Я с Фесенковым практически не имел дела, а тех, кто там будет выступать, слушать мне решительно неинтересно (если не более)» (16 янв. 1989 г.).

«Лёня Грищук, по слухам, обретается в США, где получил на год высокую должность ... ассистента. А ведь пока тут был — к нему и на козе не подъехать было от величия. В традиционно беззаботном ГАИШе ожидают сокращения» (16 дек. 1990 г.).

«Съездил в ВАГО — просили прочесть проект адреса к 80-летию Буланже. Боюсь, что старик, которого я помню ещё бодрым — даже шустрым, полным энергии 60-летним человеком, долго не протянет. Жена говорит, что он потерял интерес ко всему, а это скверный признак» (31 июля 1991 г.). «Поздно вернулся из ВАГО: отмечали 80-летний юбилей Ю.Д. Буланже. Сначала в Планетарии, где было человек 70, затем в узком кругу, у нас в подвале. В общем, было довольно мило, и

все разошлись довольные и даже немножко подвыпившие» (20 авг. 1991 г.). «Проводил, вместо Буланже, заседание Президиума [ВАГО]. Бедный Ю.Д. надолго слег с обширным инфарктом, и в своем 80-летнем возрасте, ох, едва ли вернется хоть к какой-то активной деятельности. ... Поздравили с 60-летием (ох) Э.В. Кононовича. Безмятежному Эдику более 50 лет на вид и не дашь» (14 нояб. 1991 г.). «В субботу заходил к Ю.Д. Буланже — поговорить и подписать тот же договор с ЦНИИМАШ. „Дед“ очень уж сдал, еле ходит из-за артрита и слабости. Связал его с целительницей Еленой Владимировной [лечила самого ГС и его жену Нонну Борисовну]. М.б. сможет его поддержать как-то? Грустное и страшное зрелище: ведь я так хорошо помню его молодым, налитым силой и энергией, элегантным международным джентльменом, которому, пожалуй, сильно завидовал...» (27 июля 1994 г.).

«Вдруг позвонил мне ... Ярослав Яцкив — тоном таким, что будто вчера расстались. Пригласил поучаствовать в научно-ведческом семинаре, за который он «ответственен» в тамошнем Президиуме. Я говорил с ним без особого воодушевления и обещал переговорить с собственным начальством: когда и если отпустит» (27 окт. 2004 г.). ГС и не приходило в голову, что, может, человек просто хотел помочь ему из лучших побуждений. Яцкив ведь, как и я, наверное, не знал, что ГС уже пристроился и в каких кругах вращается [в то время он уже нашел ходы в Министерство науки и образования].

«Мне звонил И. Канаев, и мы с ним довольно долго говорили о судьбе Пулкова» (08 нояб. 2004 г.). По-моему, в это время в ГАО директором был уже Степанов. Хорошо, есть Википедия, действительно: 2000–2015 гг. В общем, справки получать стало быстро, и технологический прогресс так просто не остановить, но все-таки раньше было побольше времени подумать и помечтать и, как ни странно, пообщаться.

«С разгону сделал несколько мелких дел. В том числе написал по e-mail(y) большое письмо Канаеву — насчет вероятной судьбы Пулкова и с советами, как этого избежать, превратив его в «научно-образовательный комплекс» (мод-

ный термин) и Гос. научный центр» (27 окт. 2004 г.). И далее: «Не удалось, либо плохо старались. ... Больше я и не попытаюсь как-нибудь помогать своим бывшим астрономическим „братьям“» (26 дек. 2004 г.).

«В ГАО отметили 75-летие В.К. Абалакина. С. Смирнов было насел на меня, чтобы я прислал поздравление от МАГО. С этой же целью натравил на меня по телефону какого-то газетчика. Я, признаюсь, был не в духе и ответил, что уже лет 10 я этого Абалакина не видел, что он мотался по заграницам с лекциями о «преступлениях советской власти», и что у меня нет для него сейчас никаких теплых слов. ... М.б. и невежливо я поступил, но уж точно — со всей искренностью. Бездельники и трепачи все же похвал не заслуживают, даже на 75-летие...» (22 авг. 2005 г.).

224

«В Ленинграде на 76-м году умер от инсульта композитор Андрей Петров. Я когда-то провел вечер в его обществе почему-то у В. Нестерова, еще на его старой квартире». (17 февр. 2006 г.). Провел потому, что Вилен зачем-то пригласил ГС.

«В Польше на 85-м году умер Станислав Лем. А ведь я когда-то познакомился с ним, благодаря Шкловскому, и имел удовольствие провести в его обществе вечер, в конце которого отвез его на такси в гостиницу. Удивительно, как в этом невидном львовском еврее гнезился ум такой мощи и такой смелости и силы воображения! Непостижимо! Если среди фантастов есть великие писатели, то это — именно он; остальные за ним. Да упокоится с миром в выбранной вселенной. ... Никогда не грешил русофобией и неплохо говорил по-русски. Был совершенно чужд сионизма, и соплеменники, кроме Стругацких, не особенно его жаловали. Диссидентщиной он тоже не занимался [В ПНР Лем симпатизировал диссидентскому движению, примыкал к организации оппозиционных интеллектуалов Польское независимое соглашение. (Википедия)]. Многоязычный тираж его книг добрался до 27 млн! [более 30 млн.]» (27 марта 2006 г.).

«И еще одну неожиданную для себя вещь я сделал в прошлую пятницу: отдал ксерокопию письма Э. Солпитера,

переломившего мою жизнь в 1977 г., ***** из астросоветско-гаишевских «звездников». ... Тем более, что уже 40 лет прошло, и многие участники уже на том свете, а уцелевшую шалупонь — не жалко. ... Бочкарева, которого буквально наравили на меня ... кто-то трахнул в собственном подъезде по головёнке и отобрал все доллары, полученные им в банке в качестве дохода от какого-то «общественно-международного деяния». ... Бог есть!» (12 апр. 2006 г.).

«Доступно, как говаривал В.В. Подобед»

«Отослал поздравление в Шотландию, где я состою почетным членом Астрономического общества г. Данди. Получил в ответ восторженную благодарность. Приятно — тем более, что это единственная в мире организация, где я не только почетный член, но еще и «пожизненный». Память 1968 г. [В то время ГС еще работал в ГАИШе]» (15 сент. 2006 г.).

Видимо, в плохом настроении ГС делает такую запись: «С отвращением пишу рефераты для РЖ. И никак, ну никак не могу заставить себя встать в 6 утра и отправиться в институт глазных болезней. Сопли и слюни по поводу 100-летия акад. Лихачева: уж такой он был сахарный, сдобный и интеллигентный! Такой авторитетный и совестливый! А я-то вспоминаю отзывы о нем, как о человеке совершенно неуправляемом, эгоистичном и бесцеремонном в достижении материальных целей — типа выколачивания из Академии квартиры для дочери или «Волги» для ее тогдашнего муженька Зелитинкевича, вскоре севшего за торговлю золотишком из микросхем (70-е годы). Все странные какие-то у нас вместилища «совести науки...» (28 нояб. 2006 г.). Про это же ГС пишет еще в 1979 г., когда, видимо, «дело» гремело: «Подробности по делу Зелитинкевича. Ему — зять — академик [академик Д.С. Лихачев] подарил «Волгу». Тот загнал её на Кавказе за 30 тыс. и по ложной справке о гибели машины собрался покупать новую. За то и попался официально. Но вокруг него происходит что-то несравненно более серьезное. ... Оказывается, проходимцы открыли «метод» добычи золота из каких-то научных приборов, которые списывали на сотни тысяч» (24 июня 1979 г.).

«С Гагариным я не встречался, а вот с Королевым, за месяц до его гибели, «пересекался» в Евпатории. Я вышел вечером на ночной сеанс из гостиницы и прошел мимо группы незнакомых людей, сидевших на лавочке у подъезда. Поздоровался, и мне вежливо ответили, включая, как я потом понял, С.П. А на следующее утро я завтракал, сидя за соседним столом от него с небольшой свитой. «Знать бы ранее, кого сторониться, а кому была улыбка причастьем» [А. Галич «Уходят друзья»]. Да ведь и люди были противоречивые — вполне дети эпохи. Евпаторийские офицеры панически боялись Королева, ожидая от него грубостей и разносов» (12 апр. 2006 г.).

В. Шамаев вывел меня на сайт с астрофизиками с недавней конференции «Астрономия и общество». Я посмотрел и искренне ужаснулся. Лысины, седые головы, морщинистые лица людей, которых я помню только молодыми.

226

Не похожий на себя Боярчук. Страшный, с обвисшими щеками и не то пигментными пятнами, не то бородавками когда-то такой шустренький Игорь Новиков, и прочее, и прочее подобное. Усиливает эффект, очевидно, почти полное отсутствие не то что молодых, а и людей среднего возраста. А в моей памяти — собрания астрономов, где седые старики были исключением, редкостью, как эдакие аксакалы, коих не может быть много.

Кстати, Черепашук вместе с Фридманом и Варшаловичем получили Гос. премию за «исследование черных дыр». За что именно — так и осталось непонятным, тем более, что сам Череп[ашук] этими самыми черными дырами никогда не занимался! ... А я думаю, что премию ... дали для того, чтобы забаллотировать натиск Сюняева. Уж этого-то никто не любит, а премия за «черные дыры» как бы блокирует все направления релятивистской астрофизики [Госпремию Сюняев и Шакура получили в 2017 году]» (22 июня 2009 г.). А вот про «почти полное отсутствие не то что молодых, а и людей среднего возраста», Володя Якименко, приехавший на конференцию Астрономического общества в конце октября 2018 года, говорил мне, что он выступил с речью о том

же и вопрошал, как и ГС, «Смотрите, когда мы были молодыми, то за 70 лет были разве что Воронцов-Вельяминов, Куликов и Щиголов, а сейчас — вот мы все за семьдесят лет. Что-то надо делать, иначе некому будет оставить нашу науку». И ведь не сильно сгустил краски. Почти все — либо за 70, либо приближаются к этому возрасту. Приведу-ка я его фото с Новодевичьего монастыря (с. 501), где Володя бывает почти в каждый приезд. Он рядом с могилой академика В.И. Арнольда, а неподалеку и могила В.А. Гинзбурга (с. 503).

«В. Шамаев рассказал мне о собрании ГАИШевцев, посвященном памяти Б.В. Кукаркина, которое почему-то было в Звенигороде. И меня там поминали. Ю. Ефремов за то, что я, дескать, разогнал какие-то полезные звездникам комиссии Астросовета (чего я, конечно, не делал). Вера Архипова умудрилась повесить на меня какие-то структурные реформы в ГАИШе, в результате которых, опять же, пострадали звездники. Я тогда, оказывается, «захватил власть» в ГАИШе. Ну, Ефремов-то инфантильный дурак, но Вера-то — просто подлая и злобная баба» (05 дек. 2009 г.). Убей, не помню, чтобы я ему это рассказывал. Я и сам-то с интересом это прочитал, как новость для меня. И почему в Звенигороде?

227

«Я встречал двух человек, которые с теплотой вспоминали о Войне. Первый — мой парусный тренер и учитель Дм. Дм. Костровский, «Дим-димыч». Он говорил: «хорошо было: поят, кормят, стрелять дают». И второй — его человеческая противоположность В.В. Подобед, вспоминавший именно о ясности отношений, со столь четким делением на черное и белое» (05 дек. 2009 г.).

«Вчера вдруг позвонила Мила Матвеевко — сообщить мне о 80-летию Леонида Ивановича. Тот все еще ведет активную деятельность и продолжает выяснять отношения с этим паразитом (в прямом смысле слова) Колей Кардашевым. Какая вообще-то сука...» (21 дек. 2009 г.).

«За эти дни померли — оба за 85 лет — писатель Бакланов и малый композитор, скорее — мелодист И. Шварц» (21 дек. 2009 г.).

Жалко обоих ушедших, но мне [ВШ] ближе Исаак Иосифович. С какой же любовью о нем вспоминает режиссер Сергей Соловьев, к фильмам которого композитор И.И. Шварц писал музыку!

«Милка Бондаренко приглашала на встречу с Ильей Хасановым, приехавшим из Ленинграда и возжелавшим пообщаться с соучениками после 50-летнего перерыва. Я, конечно, не пошел. Но потом мне вдруг позвонила... Люся Панова! Слава богу, что я, хотя и по ошибке, назвал ее «Люся» (думал, что Вайткуне). Поговорили минут 10, после того, как не виделись лет 30 назад. Во мне ли дело — с этими разрывами прежних связей, или не только во мне? Наверное, все же «не только». Скорее это — свойство моего поколения, в сущности которого я не хочу копать» (18 июня 2012 г.). Мне думается, что все-таки это свойство ГС. На физфаке существует «Клуб выпускников факультета», обычно каждые 5 лет курсы встречаются, отмечая очередную пятилетку окончания факультета. Существует также и «Клуб выпускников мехмата МГУ», и мехматяне также встречаются. ГС закончил в 1959 году и скорее попадает в этот мехматовский клуб. И никакое «свойство моего поколения» тут не работает. Я об этом уже писал, повернулась бы судьба по-другому, и был бы Гаврила Сергеевич активным организатором и предводителем этих встреч. И осуждал бы отсутствующих, нежелающих общаться с коллективом: «ведь мы же одна семья» или «студенческая дружба не забывается».

Воспоминания ДЯМа: «М.А. Брежнев (зам. Министра МОМ) вдруг запрашивает нас — какого еще «Рабби Леви» газета «Известия» поместила в центре кадра, изображающего поверхность Луны (наш снимок)? С помощью Н.Б. Лавровой (наш библиограф) я дал ему справку и успокоил, кажется, тем, что Рабби Леви жил в 13–14 веках, наименование [кратеру] дал Риччиоли в 17 в., и о Леви есть положительная статья в „Философской энциклопедии“. И „советские астрономы“ не виноваты».

Та же тема, но с другой стороны:

«И.А. Яковлев, член редакции «Успехов физических наук», рассказывал мне [Мартынову] обстоятельства ухода Я.Б. Зельдовича из редакции УФН. Там долгое время проходила статья некоего Тяпкина по основам Специальной Теории Относительности. Много рецензий, автор послушно выправлял текст. Настала пора решить ее печатать. А незадолго появилось в печати предисловие Тяпкина к какой-то книжке по Т.О. [теории относительности], в котором он приписывал открытие Т.О. Пуанкаре и Лоренцу, а Эйнштейна — де выпятили евреи. Я.Б. Зельдович потребовал вышеупомянутую статью Тяпкина не печатать. Редколлегия с перевесом в один голос (в том числе Э.В. Шпольский, В.Л. Гинзбург) с ним не согласилась. Я.Б. Зельдович вышел из редакции» [А.А. Тяпкин «Выражение общих свойств физических процессов в пространственно-временной метрике специальной теории относительности». Успехи физических наук. 1972. Том 106. 617–659].

Из ГС: «Я вспоминаю, с какой энергией Зельдович вступал в обсуждение любых вопросов, связанных с защитой реальных или мнимых интересов ученых еврейской национальности — на любых уровнях от директора ГАИШ и до Президента АН СССР, и где бы ни имело место «ущемление» — в Москве, Ленинграде, Киеве или Зеленчуке. Очевидно, что окружение платило ему за это преданностью — достаточно вспомнить, какую серию скандалов несоразмерных причине вызвал отказ в публикации 7-го или 8-го издания его популярной книги по математике».

229

«Официальное заявление ТАСС с признанием, от имени Президиума ВС СССР, ошибкой введение войск в ЧССР в 1968 г. Хорошо бы спросить у Г.И. Герасимова, в чем же заключались мои незрелые высказывания в Лондоне в 1969 г.? Теперь ведь ему самому приходится это повторять...» (04 дек. 1989 г.). А дело заключалось в том, что в самом конце 1960-х гг. ГС вдруг не стали пускать за границу. Он позднее выяснил, что донос на него написал Г.И. Герасимов, в то время политический обозреватель Агентства печати «Новости» — они дружили семьями.

М.С. Яров-Яровой, 1959 г.

И вот еще об одном астрономе, но в воспоминаниях О.Б. Длужневской. Мне это показалось интересным, т.к. профессор, доктор физ.-мат. наук М.С. Яров-Яровой был колоритный небесный механик со своеобразным характером.

Яров-Яровой и так и не сбывшаяся повышенная стипендия

Училась я в Университете, как и в школе, без троек, но и отличницей не была, хотя, конечно, хотелось, глядя на Игоря, Колю, Славика и других. Экзаменов в сессию у нас всегда было по максимуму — пять, а в исключительных случаях через ректорат «выхлопывали» и шестой, если курсы заканчивались в этом семестре. Мы ведь учились сразу на двух факультетах: математические курсы слушали на мех-мате, а физические — на физфаке, да еще посещали лекции и спецкурсы по астрономии в ГАИШе.

В связи с ограничениями по количеству экзаменов в сессию нам иногда приходилось сдавать предмет, который мы слушали, как, например, физику, в течение трех лет от общей до атомной физики. Этот предмет читал нам замечательный лектор — профессор Млодзиевский. Я помню, как на первом курсе свои лекции он иллюстрировал потрясающими и очень красивыми опытами. Ну, например, в течение всей лекции в большом стеклянном сосуде, легко подогреваемом снизу, поочередно «всплывали и тонули» две нерастворимые друг в друге красивые разноцветные жидкости. Иногда он нас «баловал» взрывами или электрическими разрядами. Но это так, к слову пришлось, про Млодзиевского. Сейчас речь пойдет не о физике, а о небесной механике.

Учились мы уже на четвертом курсе. Пришла зимняя сессия. Я успешно сдала зачеты и, к большому собственному изумлению, по всем четырем первым экзаменам получила пятерки. Оставался последний — небесная механика, и забрезжила долгожданная повышенная стипендия. Я стала усиленно готовиться. Пришла на экзамен, как мне казалось, подготовленной, и с надеждой получить «5». Взяла билет, продумала ответы и

стала выбирать экзаменатора. Было три варианта: наш лектор, профессор Дубошин, маленького роста, почти карлик, в толстых очках и очень похожий на муху, говорили, что строгий, но справедливый. Второй вариант — Борис Михайлович Щиголев, тоже профессор, он у нас вел практические занятия. По-видимому — хохол, добрейшей души человек, всегда улыбался, всем помогал, и иногда даже пересчитывал за нас на практикумах орбиты комет. Третий вариант — Михаил Яров-Яровой, молодой, лет тридцати, кандидат наук. Он иногда замещал на занятиях Бориса Михайловича и в течение всего времени, улыбаясь, не сводил с меня глаз.

232

Я прикинула ситуацию и решила идти к Ярову — не зря же он на меня все смотрел? Не поставит же он симпатичной студентке четверку после четырех пятерок? Села, начала бойко отвечать, посыпались вопросы. Тут у меня начались сбои. Чувствую, наверное, уже пятерку не поставит. Я тогда решилась и прямо спросила: «Ведь, наверное, пять не поставите?» «Не поставлю», — говорит. Я подумала, сессия еще не кончилась, это последний экзамен, успею пересдать и пойду к Щиголеву, он бы так не поступил..., а завтра день рождения, придет домой вся группа, надо готовиться.

«Как Вы думаете, — говорю я Ярову, — на тройку я знаю?» «Знаете», — говорит этот изверг. «Тогда поставьте мне тройку без ответов на другие вопросы, — я буду пересдавать!» (с четверки пересдавать не разрешалось, а с тройки — можно, чтобы стипендию не потерять). Он совершенно равнодушно взял мою зачетку и после всех пятерок вклеил мне тройку — единственный за все время учебы в Университете!

В очень мерзком настроении пошла я домой готовиться к приему гостей на следующий день. Потом — праздник, веселье, впереди — каникулы и мысль: «Ну, буду готовиться, сидеть, корпеть, а сдам на «4» — какой смысл?» И не пошла пересдавать, так и осталась с тройкой по небесной механике...

Но с тех пор, как увижу Мишу Ярова-Ярового, вспоминаю эту тройку... не нравится он мне, какой-то нескладный...

Вот так заканчиваются воспоминания ОБ об этом эпизоде.

Профессор Георгий Николаевич Дубошин написал несколько хороших учебников по небесной механике, был полиглот, что редкость в то время закрытых границ. Читал лекции четко, все выводил и никогда не ошибался, опять же по свидетельству Володи Якименко. Володя учился у него и студентом, и в заочной аспирантуре. Небесных механиков в нашей группе было двое, второй был Володя Тарасов. С ним мы жили на четвертом–пятом курсах в одной комнате. Был он парень спокойный и даже флегматичный с виду. Внутри же у него горели страсти, но наружу почти не выходили. Он, как и я, не ругался, хорошо учился и пошел на небесную механику сознательно. Формулы ему нравились. Как и меня с Володей Якименко, Колей Нестеровым и Валерой Семеновым, его тоже забрали в армию после окончания. Двухгодичником. Мы попали под этот закон, как кур в ощи́п. Закон действовал с прошлого 1970 года, и никаких послаблений военкомат не давал, если ты закончил военную кафедру. Плюс был только в том, что служили мы офицерами — лейтенантами с зарплатой, и по тем временам неплохой — 210 рублей. На службе я, например, проводил 8 часов, если не в смене, а в смене — 12. Отслужив, некоторые из нас потянулись в аспирантуру. Нам на физфаке разрешили сдавать экзамены сразу после окончания службы. Вышли мы в феврале, а поступали в апреле, как и студенты-очники после окончания 6 курса. Это было хорошо, т.к. нас как бы считали своими, да и еще отдавшими свой долг Родине. Некоторые этим вовсе пользовались, например, ходили на экзамены в военной форме, якобы не успев даже стать гражданскими и съездить домой переодеться. Маленькая хитрость, помогавшая только на экзамене по марксизму-ленинизму. Так вот, Володя [Якименко] пришел на свою кафедру небесной механики, и его «принял» к себе Георгий Николаевич Дубошин. Володя учился в заочной аспирантуре, а преподавал в Тюменском гос. ун-те и пользовался каждой возможностью приехать в Москву. А приехав, сразу садился за работу и списывал своим аккуратным кругленьким почерком прорву бумаги. Каждый листок был аккуратно заполнен формулами

небесной механики. Потом он с сожалением рассказывал, что как руководитель диссертации Георгий Николаевич его расстроил. Самому мне вспоминается такой курьезный эпизод. Володя приехал на курсы повышения квалификации и все 3 или 4 месяца писал главу диссертации. Но потом на кафедре произошел казус. Георгий Николаевич, просмотрев его записи, вдруг заявил, что это не он сам сделал. И не считал. Так произошло один раз, другой. У Володи — железного человека, примера устойчивого характера, прошедшего обучение на физфаке у Сан Саныча Шишкина, отслужившего двухгодичником в армии — стали трястись руки при одном упоминании Дубошина. А достать до печенок Георгий Николаевич умел, да и авторитет у него был непререкаемый.

Я Володе говорю:

— Старик, что ты так волнуешься? Не бывает, чтобы такого труженика, как ты, отчислили, да еще и из аспирантуры. Держись спокойнее.

234 Но Георгий Николаевич, внушив себе, что Володя каким-то образом все списывает, начал вести дело к отчислению. Ужас. На Володю было страшно смотреть. Спас его Е.П. Аксенов — позволил закончить аспирантуру, предложив заняться разработкой некоторых частных приложений теории движения ИСЗ. Володя быстро всё сделал, и аспирантура закончилась успешно. Нечто подобное случилось и у Володи Тарасова. Он почему-то не стал поступать в аспирантуру ГАИШа, а предпочел аспирантуру Академии наук в ИПМ. Они с Якименкой там проходили производственную практику. Но там отношения были другими. Никто, в том числе и руководитель, за ним не следил, над темой диссертации тоже особенно не заморачивались, считали, что защита — дело самого аспиранта. Володя вышел из аспирантуры ни с чем. Сейчас он живет в США, работает программистом. Эти сведения у меня десятилетней давности. Наверное, сейчас он уже не работает. Мы с ним пообщались в Одноклассниках, но вскоре после этого я закрыл свой профиль.

В этой главе я еще раз хотел бы вспомнить Александра Владимировича Бугаевского. Помните эпизод с астрографом

на Краснопресненской обсерватории, который так ярко описал Иосиф Соломонович, но который был менее красочен в жизни. Так вот, Саша, когда хотел понравиться, становился просто неотразим. А еще он обладал чудовищной энергией, которую Гаврила Сергеевич характеризовал как «интрижные способности». Недавно я прочел книгу Петра Авена «Время Березовского» и увидел в БаБе Сашу. Просто один к одному. И тот же приход в православие, и то же обаяние и умение нравиться. И тот, и другой сделали на этом карьеру, не считаясь ни с какими правилами. Например, Березовский стал казаком, когда понадобилось выбраться в ГосДуму. Так же легко становился своим и Саша Бугаевский — теперь Александр Владимирович, без шуток. В том эпизоде с астрографом Саша научил меня пить слегка разбавленный спирт, поджигая его в рюмке. Научил, но больше в жизни мне эта приобретенная способность как-то не понадобилась. А вот другой замечательный «подвиг», совершенный Сашей. Когда он узнал, что в Гидрометцентр приезжает Юрий Сенкевич снимать сюжет для телепередачи «Клуб путешествий», то сумел уболтать его и привести в Обсерваторию. А здесь Сашу уже было не остановить. Он и ходил по заснеженному и действительно прелестному двору, демонстрируя себя в богатой шубе, и рассказывал об истории обсерватории и участии П.К. Штернберга в революции, и о проводимой ГАИШем реставрации обсерватории, конечно, под Сашиным руководством, и т.д. и т.п. Сенкевич не знал, как остановить этот непрерывный поток красноречия, а местами и словоблудия. Передача заканчивалась словами Ю. Сенкевича: «Вот как далеко можно зайти, начав разговор о погоде».

235

Отвлекаясь, скажу, что еще подобными способностями очаровывать обладал Борис Олегович Михайлов, Боря, мой в то время друг в ГАИШе. Его мне удалось на короткое время оставить вместо себя заместителем заведующего Астрономическим отделением при Анатолии Михайловиче Черепашуке.

Среди массы других эпизодов около- и астрономической жизни есть и такой. Недавно моя знакомая еще со времени

учебы на физическом факультете, Люда Рой рассказала, что сокурсник Гаврилы Сергеевича и О.Б. Длужневской — Иванов Юрий Иванович — работает с Людой на кафедре высшей математики Калужского филиала МГТУ им. Н.Э. Баумана. Узнав об этом, я, конечно, попытался через Люду получить информацию о ГС и других известных мне его сокурсниках, но Юрий Иванович, пообещав, до сих пор не выполнил свое обещание — написать о них.

Сделал последнюю попытку разговорить Юрия Ивановича и послал Люде список с сокурсниками ЮИ, о ком хотел бы что-нибудь узнать. Неожиданно получил мгновенный ответ. Вот что он рассказал:

— Игорь Новиков учился очень хорошо, был моден в одежде и спортивен. Курсовые писал сразу на двух кафедрах — на кафедре астрофизики и кафедре звездной астрономии, выбирал. Занимался легкой атлетикой и бегал дистанцию в 800 м за 2:30, — сам ЮИ тоже был специалистом на этой дистанции и утверждает, что его лучший результат был 2:02. По его словам, лучший результат в МГУ принадлежал тогда студенту с физфака и был равен 1 минуте 57 секундам. Сейчас результат ЮИ соответствует кандидату в мастера спорта, а 1:57 — мастеру спорта. Удивительно. Для конца 50-х годов, даже трудно поверить. Может, память подводит. Игорь Дмитриевич Новиков уже в 2000-е гг. приезжал в Калугу, они с ЮИ встречались.

— Ольга Длужневская училась хорошо и была активисткой в Студенческом совете.

— Боря Вайман еще со школы был знаком с Таней Лозинской, и неудивительно, что они рано поженились.

Интересно ЮИ рассказал о Мише Поспергелисе:

— Миша хорошо учился на кафедре небесной механики, его рекомендовали в аспирантуру, и он поставил условие — «только на кафедру астрофизики», взяли.

Михаил Михайлович Поспергелис в 1960-е годы был хорошо известен в ГАИШ. Занимался он тогда Луной, но известен был не только этим, а что даже в жуткие морозы ходил практически раздетым. Прямо перед глазами стоит картина:

В центре: И.С. Шкловский и Р.С. Ирошников на субботнике
в ГАИШ

мы, студенты, бежим зимой с факультета в ГАИШ, а на встречу — идущий Миша, невысокий, мускулистый, без шапки и в распахнутой легкой куртке, и еще удивляли огромные ботинки. Не удивлюсь, а впрочем, такие слухи ходили, что он готовился в то время в космонавты. Эта идея, как мне говорила Инна Сергеевна Щербина-Самойлова, привлекала и еще одного выпускника ГАИШ, Рудольфа Алексеевича Гуляева, который позднее работал в ИЗМИРАНе и сотрудничал с ВИНТИ по солнечной тематике. Тоже известный курс, из которого вышло много известных в ГАИШе и в астрономии людей, включая отмеченного мной в этой книге Вилена Валентиновича Нестерова.

238

Помнит Юрий Иванович и о Ростиславе Савиче Ирошникове. Недоумевает, почему его держали младшим научным сотрудником в ГАИШе, хотя он и защитил докторскую диссертацию. В книге об этом есть на стр. 260. «Хвост» неблагонадежности был за ним. В 1985 году ЮИ встретил его на набережной близ метро «Новокузнецкая».

— Ростик сказал мне «Здравствуй» и пошел дальше.

Заканчиваю краткий пересказ воспоминаний Юрия Николаевича Иванова рассказом, что Гаврила Сергеевич Хромов был спортивен, занимался фехтованием и парусным спортом, последним совместно с В.Г. Куртом. О парусном спорте, так же как и о теннисе, он в дневниках ничего не пишет. Единственное упоминание есть, что встретил, проходя по Главному зданию МГУ, своего тренера по парусному спорту [на стр. 227: «мой парусный тренер и учитель Дм. Дм. Костровский, «Дим-димыч»»]. И всё.

Учился ГС, по словам ЮИ, средне.

Сейчас Юрий Иванович занят преподавательской работой. В таком солидном возрасте. Вот такая история. Все мы через одного—двух—трех со всеми знакомы.

«МАРТИРОЛОГ» Г.С. ХРОМОВА

В предыдущей главе было отмечено, что в дневниках Гаврилы Сергеевича много внимания уделяется характеристикам астрономов. Так и в этой — приводится довольно много свидетельств, комментариев, последних слов об умерших коллегах. Она перекликается с предыдущей главой — люди одни и те же, и характеристики в том же духе, только уже на кончину коллеги. Как всегда, ГС сгущает краски, на мой взгляд, но это его личный взгляд на человека и его деятельность. В основном на деятельность в астрономии, но и не без личностной характеристики.

Список умерших астрономов в дневниках Гаврилы Сергеевича начинается с Виктора Витольдовича Виткевича: «29-го января [1972 г.] умер долго болевший В.В. Виткевич. ... После того, как при деятельном участии Шкловского ... его провалили в члены-корреспонденты, он дружески подошел к И.С., сказав ему, что зря это тот так нервничает, и что все равно, рано или поздно его изберут. А в 67-м мы, случайно встретившись, гуляли с ним по Праге, обсуждая, как отобрать у академиков стипендии. Всё же это был второй после Хайкина отец нашей радиоастрономии. И.С. и Коля [Кардашев]

считали, что его не следует пускать в академики, дабы он не забрал все деньги. Интересно, как бы они сами поступили, если бы могли до сих денег добраться? Боюсь, что другим мало перепало бы» (31 янв. 1972 г.).

«Мои записки превращаются в мартиролог. 12–13 марта [12 марта] умер Василий Григорьевич Фесенков на 84-м году жизни. Хоронили его из ГАИШа — с нашего знаменитого стола в конференц-зале. Народу собралось много во главе с астрономическим начальством. Прибыл, наверно вместо Арцимовича, Сагдеев. В толпе я заметил возникшего на время академика Шулейкина. Смерть Фесенкова, конечно, никого особенно не потрясла, т.к. на протяжении уже многих лет почтенный старец не принимал решительно никакого участия в общественной жизни.

240

Его длинная и в общем-то спокойная жизнь была вполне благополучной и достойной. Так, ни революция, ни страшные 30-е годы не принесли ему вреда. Более того, будучи академиком с 1935-го года, он тем самым поднялся на уровень научной элиты еще до моего рождения, и это, видимо, сильно облегчило ему в будущем жизнь. Правда, по слухам, Б.В. Кукаркину — тогда зам. пред. Астросовета — удалось таки довести старика до инфаркта разоблачениями идеалистической сущности его космогонии, но иные и этим не отделялись. Во всяком случае, память о Фесенкове не тянет за собой хвоста не только нечестных, но даже просто сомнительных дел.

Он прожил длинную, честную и деятельную жизнь, создав две обсерватории (ГАИШ и Астрономический институт АН Каз. ССР) и метеоритный комитет. Подлостей не совершал. В гении не лез. Так — мир праху его! ... Знаю я и то, что все, кто с ним работал — от Липского до Никольского — отзывались о нем с большим уважением и снисходительностью к его мелким недостаткам. Знаю, что когда-то он даже одергивал А.Б. Северного за постоянные нападки на Шкловского.

Знаю, со слов Козырева, в передаче Шкловского историю избрания В.Г. в академики: по всем параметрам в академики должен был тогда пройти директор ГАО и личность, несомненно, более яркая — Б.П. Герасимович (кажется, соученик

В.Г. по Харьковскому университету). Однако не любившая за что-то Герасимовича «группа пулковской молодежи»: Амбарцумян, Козырев, а м.б. кто-то еще — вознамерилась этому помешать. «Стали судорожно искать, какое бы бревно бросить под ноги Герасимовичу... И вспомнили, что в Москве имеется великолепное бревно такого рода — В.Г.». И как-то устроили. Тем самым в известной степени предопределив трагичную судьбу Герасимовича и, отчасти, многих из своей среды. Правда ли это — не знаю. Вообще «Пулковское дело» мне пока не ясно. Кое-что, но мало, я знаю, и когда-нибудь напишу об этом [не написал]» (12 апр. 1972 г.).

«Сегодня около полудня умер Соломон Борисович Пикельнер. Это — один из тех случаев, когда хочется посыпать голову пеплом и рвать на себе одежды. Какая нелепая насмешка судьбы: он так боялся за свое сердце, сидел на диетах и т.п., а умер от аппендицита! Три дня он ходил согнувшись и перемогался, и три дня никто не мог взять его за руку и отвести к врачу! Когда вечером стало уж совсем невмоготу, они, его домашние, ещё ждали утра. А утром стало уже поздно. Умер в больнице, кажется, во время операции. Умер один из наших грамотнейших теоретиков и честнейших людей. Наверное, единственный человек, который обрадуется этой смерти — будет В.А. Амбарцумян: он лишился наиболее сильного и беспощадного из своих научных противников. Д.Я. Мартынова эта смерть просто выбила из колеи. Пил успокоительное. Я познакомился с С.Б. примерно в 1958 г., когда слушал, а позднее сдавал ему курс космической электродинамики. Тогда он только что переехал из Крыма. Я пропустил 3 начальных лекции, и на экзамене он спохватился и отменил вопросы по этому материалу: «ведь Вы же не слушали этого...». Несмотря на разницу в возрасте в 17 лет и положении, между нами сразу же установились какие-то равноправные отношения, порою даже с оттенком старшинства с моей (?) стороны. Не то, чтобы мы дружили, но были скорее добрыми знакомыми и коллегами. Примерно такие отношения сохранились и до последнего времени, хотя в самые последние годы мы мало общались. С.Б. тоже ока-

зался, хоть и слегка, вовлеченным в национальную возню. Мне это не нравилось, хотя в нескольких случаях, имея такую возможность, я решительно за него заступался. С.Б. немного младше Шкловского и в эвакуации в Ашхабаде последний посвящал его в таинства теоретической астрофизики, одновременно гоня за пивом. Потом аспирантура и работа в послевоенном ГАИШ. ... Затем дружба и работа с Шайном, у которого С.Б. был едва ли не единственным учеником. Позднее он отплатил ему, написав превосходный биографический очерк Ш-на в «Историко-астр. исследования». ... Написать можно было бы ещё многое. Нелепая, несправедливая и преждевременная смерть хорошего ученого и доброго человека. И одного из очень немногих людей промежуточного поколения» (19 нояб. 1975 г.).

242

Позднее в дневниках Гавриила Сергеевич отмечает, что незадолго до его смерти он беседовал с Соломоном Борисовичем, и тот назвал своим самым талантливым учеником Мишу Лившица, что его почему-то удивило. Удивило так, что он оставил нам это свидетельство. Моисей Айзикович Лившиц умер 27 сентября 2017 года. За день до него, 26 сентября, умер Эдвард Владимирович Кононович.

«8 сентября [1977 г.] я уезжаю на симпозиум в Таллин. В конце симпозиума узнаю о смерти Кукаркина [15 сент. 1977 г.] и не могу сдержать слез (нервы) на банкете, где эта новость осталась достоянием 3–4 человек — решили не портить торжества. Представляю, как надо мною потешались». Эта запись не из дневников, а из папки «История ухода из Астрономического Совета 1977–1979 гг.». Только-только появилось письмо Солпитера и скандал начал разворачиваться. Об этом и говорит последняя фраза, т.к. сам ГС в то время ничего не знал, но увидел, что его начали сторониться. В книге этот фрагмент помещен в раздел «Хронология одной склоки».

Далее в дневниковых записях следует Самуил Аронович Каплан: «И опять как обухом: в воскресенье вечером погиб С.А. Каплан. Известно, что он был в Москве на неделе, потом в Ленинграде на защите. Затем, в субботу, гулял с

Соболевым по городу. В воскресенье в 17:20 уехал в Горький. В Бологом, на очень короткой остановке вышел и ... попал под поезд. Не верится. Какова судьба у этих двух соавторов — Мони [С.Б. Пикельнер] и С.А. И теперь уже не выяснить отношений и недоговоренного — после Таллина. Ну почему уходят лучшие, а остаются самые гнусные и оголтелые? После Таллина Горбацкий говорил с ним, передав, что я в обиде, что тот не сказал [о письме Солпитера]. С.А. покраснел и оправдывался тем, что дал слово. ... Потом мы встретились в ГАИШе в день защиты Носковой, в буфете. Он подошел и как-то неуверенно сказал, что он будет здесь на случай поговорить. Я потом искал, но не нашел его. Вот и поговорили. Еще одна ниточка оборвалась. Говорил со Щерб.-Самойловой и Соболевым. Оба грустные, а последний — просто убитый. Рассказал мне то, что я записал выше, сказав как-то беспомощно: — ведь я же его любил. ... Мы учились в одной школе. ... Ах Самуил Аронович! Ведь я знаю его уже 20 лет. Пусто как-то становится! [Позднее: «Вышел на 10-минутной остановке в Бологом. Замешкался на перроне, а поезд пошел до времени. Руки слабые — сорвался с поручней и полетел под вагон. Отрезало обе ноги, но когда доставили в больницу — был еще жив. Успел сказать про себя. И умер от потери крови. Всё!»] (12 июня 1978 г.).

243

«Да, опять смерть. Умер Федынский на пороге 70-летия. После операции аденомы через несколько часов. Мало я знал его, да и не сохранил о нем особо радостных воспоминаний. Но, мир праху его. Все же — один из старейших астрономов был. Хоронило его геодезическое ведомство» (21 июня 1978 г.).

«В субботу, оказывается, умер Келдыш в возрасте 67 лет. Был найден на даче за рулем собственной машины, но, к счастью, еще в гараже. Думаю, что многое изменится с этой смертью. Влияние его было велико, а по характеру он напоминал Северного. Именно с ним, кажется, связано окончательное обособление Академии от государства и превращение её в локальный рай для старичков и выходцев из-за черты

оседлости. Посмотрим, что и как теперь будет» (26 июня 1978 г.).

Краткая запись: «Сегодня хоронили Павла Ивановича Бакулина [тот самый, что Бакулин, Кононович, Мороз «Курс общей астрономии»]; 72 года ему было» (30 мая 1980 г.).

«Получил грустную открытку от жены Германа Герасимовича Ленгауэра. Он скончался 1 октября [1981 г.]. Вот и еще одним меньше — из тех, кто знал меня мальчиком. Вспомнилась и Клавдия Тихоновна. Г.Г. действительно, сам того не зная, много для меня сделал, и память о нем я сохраню до конца — своего собственного. Буду жив — запишу когда-нибудь, что помню. Вот они, люди того времени, вызывавшие у меня и уважение, и почтение, и интерес, и робкую радость самоутверждения молодого человека: Герман Герасимович, Клавдия Тихоновна, Надежда Николаевна, Всеволод Васильевич, Николай Иванович. ... Где они все теперь?» (21 окт. 1981 г.). На десятую годовщину смерти ГС написал хороший некролог (воспоминания) памяти Г.Г. Ленгауэра: «Одним махом написал вчера пятистраничный некролог по Г.Г. Ленгауэру. Получилось, вроде бы, достойно и в меру эмоционально. Писал и вспоминал свою ленинградскую жизнь начала 50-х» (13 авг. 1991 г.). «В Пулковое хвалят мой некролог Г.Г. Ленгауэра» (04 янв. 1992 г.). «Открытка от Р.С. Лимарь. Благодарит и хвалит за некролог Германа Герасимовича Ленгауэра, дружно забытого всеми другими. Приятно. И хочется думать, что зачтется мне это благое дело...» (06 янв. 1992 г.). Уже зачлось. Раз есть хоть один отклик. Позднее ГС написал свои воспоминания в «Астрономический календарь 1998» под названием «Вспоминая давно ушедшее...». С теплотой он вспоминает о своих учителях: Германе Герасимовиче Ленгауэре, Клавдии Тихоновне Стояновой и других. «Никогда больше меня не обучали именно основам астрономической культуры, владение которой, собственно говоря, и должно отличать профессионального астронома от всех прочих людей, населяющих Земной мир», — пишет он. Вообще у него получались хорошие строчки, когда он был

«в теме», и тому свидетельством вышеприведенные воспоминания.

«Сегодня от Псковского узнал о смерти О.А. Мельникова. Ему, оказывается, стало плохо еще в Симферополе. Я видел его в КрАО и обменялся обычными любезностями — не знал, что в последний раз. Он исправно сидел на всех заседаниях — молча. Выглядел очень полнокровным — с каким-то даже бурым лицом. Вот и результат. А было ему 70 лет» (13 мая 1982 г.).

«Сегодня утром погиб Кирилл Николаевич Тавастшерна. Через 2 недели после вожделенной защиты докторской диссертации. Возвращался из Москвы, с вокзала в служебной машине и как-то, в районе развилки Аэропорта, они столкнулись с автобусом. Бедный К.Н. Мне его искренне жаль. Он был хороший человек; я вполне понял это в Гренобле. За границей соотечественники виднее. И ведь на войне уцелел. Что за несчастье, и что за напасти на это несуразное Пулково! В ГАИШе вывесили портрет. Да, так она и проходит, мирская суета и слава. И что остается?» (24 июня 1982 г.).

245

«... как показало расследование, будто бы несчастный Тавастшерна погиб из-за того, что водитель, калымивший налево всю ночь, просто заснул за рулем ...» (30 мая 1983 г.).

«Вечером — зашел Я.С. Яцкив. Поговорили — мило, как всегда. От него узнал, что вчера или около того скончался в Ленинграде В.А. Крат. Почил этот сумасшедший дух. Мир праху!» (06 июня 1983 г.).

«На днях умер небезызвестный Лифшиц, который «... и Лифшиц» — соавтор Ландау. Сегодня вроде бы хоронили.

Аксенов вспоминал, что как-то во «Владилене» [стенная газета ГАИШ] Шкловский написал в какой-то заметке, что Ландау не любил астрономию. Прознавший о том Лифшиц написал Аксенону письмо, начинавшееся со слов «Я уезжаю...». Он требовал сатисфакции по возвращении, ибо память о Ландау священна, и никто не смеет посягать. Аксенов ответил ему, начав письмо «Я вернулся...». Это был маленький, суетливый *****. Был ли он хотя бы просто талантливым ученым — я не знаю.

Посмотрел в газету и увидел, что не того отпел. Умер его брат, И.М. Лифшиц, человек гораздо более основательный. Так всегда и бывает» (27 окт. 1982 г.).

Во «Владилене» был опубликован рассказ Шкловского, который позднее вошел в «Эшелон» под названием «Из истории развития радиоастрономии в СССР», и я приведу его фрагмент:

«Вернемся, однако, к событиям лета 1948 г., когда я погрузился в расчеты и прежде всего вычислил вероятность перехода, связанного с магнито-дипольным излучением в линии 21 см. Эти переходы происходят между компонентами сверхтонкой структуры атома водорода.

246 Результаты вычисления оказались удивительными: продолжительность жизни атома водорода в возбужденном состоянии (конечно, при отсутствии внешних возмущений) оказалась равной около 11 млн. лет, т.е. порядка времени эволюции достаточно массивных звезд. Ведь у оптических разрешенных линий, вроде H и K (ионизованного кальция), время жизни возбужденных атомов примерно 10^{-8} с, а у сильно запрещенных «небулярных» линий — порядка 1 часа. И все же, даже при такой чудовищно малой вероятности переходов, радиолиния водорода с длиной волны 21 см вполне может наблюдаться! Более того, как показали расчеты, кванты этой линии в межзвездной среде должны претерпевать заметное поглощение.

Помню то странное ощущение, которое испытал, когда мне стало ясно, что линия 21 см должна быть вполне наблюдаема (этот вывод был получен впервые).

Эти расчеты были опубликованы в 1949 г., после чего я приложил максимум усилий, чтобы линия 21 см была открыта экспериментально в нашей стране. Я не жалел слов, чтобы зажечь экспериментаторов энтузиазмом и направить свои усилия в этом направлении. На первых порах мне это удалось: С.Э. Хайкин, вполне оценив значение идеи Х. ван де Холста и проверив мои расчеты о наблюдаемости этой линии, направил меня к тогда еще незнакомому мне В.В. Виткевичу, бывшему в сравнительно недавнем про-

шлом офицером флота. Очень быстро Виктор Витольдович стал одним из ведущих наших радиоастрономов-экспериментаторов.

Это, безусловно, был очень талантливый, самобытный ученый, немало сделавший для отечественной радиоастрономии. В.В. Виткевич был волевой человек с сильным характером, умевший «гнуть свою линию». Его безвременная кончина — тяжелый удар для нашей науки.

Поначалу Виктор Витольдович горячо взялся за экспериментальную реализацию «проекта 21 см». Довольно скоро он разработал блок-схему по тем временам весьма оригинального приемника водородного монохроматического радиоизлучения Галактики. В этом приемнике, насколько мне известно, впервые в радиоастрономии был предложен метод частотной модуляции.

Короче говоря, я почувствовал определенное «шевеление» в направлении реализации проекта. И вдруг все изменилось — все работы по «проекту 21 см» были фактически прекращены. Это произошло в начале 1950 г. На мои неоднократные недоуменные вопросы В.В. Виткевич отвечал, что де «легко вам, теоретикам, рассуждать, каково нам, экспериментаторам... А почему, собственно говоря, я должен реализовывать твою идею? У меня и своих достаточно...».

Так тянулось почти полтора года. Я ломал себе голову, как бы убедить В.В. Виткевича продолжить работу. Часто мечтал о том, как будет выглядеть радиоастрономия, вооруженная методом исследования в водородной радиолнии 21 см. Помню, как в очередной раз, возвращаясь поездом в Москву осенью 1950 г. после окончания сезона работы в Крыму, я всю дорогу, лежа на верхней полке, грезил об этом.

Весной 1951 г. линия 21 см была обнаружена в радиоспектре Галактики сперва в США (Х. Юэном и Э. Парселлом), а через несколько недель независимо в Австралии и Голландии. Новая эра в астрономии началась. Однако мы имели реальную возможность первыми наблюдать эту знаменитую радиолнию. Все предпосылки для этого были налицо, что

непосредственно видно хотя бы из того, как спустя сравнительно короткое время, после открытия радиолинии 21 см за рубежом, группа радиоастрономов из ФИАН во главе с Б.М. Чихачевым и Р.А. Сороченко в 1954 г. изготовила соответствующую приемную аппаратуру и успешно провела первые наблюдения. Так в чем же дело? Истину я узнал только спустя почти два десятилетия после описанных событий. Эта печальная истина глубоко поучительна и заслуживает того, чтобы о ней сказать пару слов, хотя бы в «назидание потомству».

248 Во время банкета по случаю защиты некоей докторской диссертации, где мы с В.В. Виткевичем были оппонентами, Виктор Витольдович усадил меня рядом с собой на диван и сказал: «Помнишь это дело с 21 см? Хочешь знать правду, почему я прекратил тогда работу?» И он поведал мне поразительную историю. Дело в том, что изредка Виктор Витольдович бывал на квартире Л.Д. Ландау (их жены состоят в родстве). В этом высокоинтеллектуальном доме Виктор Витольдович обычно скромно помалкивал. Но однажды он рассказал авторитетнейшему академику про «проект 21 см» и спросил мнение Л.Д. Ландау.

Академик сказал тогда В.В. Виткевичу буквально следующее: «Подумаешь — вычислить вероятность магнито-дипольного излучения! Соответствующие формулы есть в моей книге, и такие вычисления может выполнить любой студент. Но откуда Шкловский взял плотность водорода в межзвездной среде? Это же чистая патология».

Такой «рецензии» для В.В. Виткевича оказалось вполне достаточно. Все работы по «проекту 21 см» были немедленно прекращены — велик был авторитет Ландау... В.В. Виткевич, пожалуй, виноват в том, что не сообщил мне об «отзыве» Ландау. Но, конечно, главная причина такого печального поворота событий — это схоластический дух слепого преклонения перед авторитетами, довольно часто наблюдаемый в мире науки. По-видимому, Л.Д. Ландау потом осознал свою ошибку, потому что всегда обращался ко мне в обычно не свойственной ему весьма уважительной манере».

Далее снова Гаврила Сергеевич: «Зашел в ГАИШ и узнал грустную новость: умер Гена Никольский. ... Слов нет как жалко. Это был один из немногих людей, кого я мог бы назвать другом. Хотя в прошлом мы часто вздорили, и последнее время виделись редко. Но он всегда улыбался мне навстречу и тащил в укромное место — поговорить. Последний (знать бы) раз мы виделись и почти не расставались несколько дней на СПАКе в Телави. А когда и как познакомились — уж и не вспомню. Кажется — году в 59–60-м, на основе увлечения горными лыжами. Катались на Лен. горах. ... В науке был скромн, доброжелателен (ВАК) и честен. Занимался экспериментом. «Коронграф Никольского». Работал с французами и нашими космонавтами. Был притесняем и обираем нашей ***** братией — вроде Курта или Могилевского. В общем трудовая, нелегкая и небезрадостная жизнь живого и жизнелюбивого человека. Прощай, Генка» (20 дек. 1982 г.).

«В пятницу 21-го позвонила мне Т. Лозинская и сказала, что неожиданно умер Марат Арсенович Аракелян. ... Его вытащили оппонентом на какую-то дурацкую защиту в ГАИШ. Он приехал во вторник или среду и остановился у друга — Мороза. ... Почувствовал себя плохо. Ирина Глушнева [жена Мороза] свела его в нашу поликлинику. Сняли кардиограмму и предложили госпитализировать. Отказался. На след. день опять плохо, но все же потащился в ГАИШ, хотя его и отговаривали. Прочел отзыв. Сел и стал держаться за сердце. ... Достали машину и отвезли в нашу поликлинику. Сняли кардиограмму; вроде бы ничего особенного. А он свалился со стула и тут же умер. ... В двух шагах от меня, даже не знавшего, что он — в Москве. ... И всего-то в 52 года» (02 февр. 1983 г.).

«Очередная грустная новость: недавно скоропостижно скончался Виктор Алексеевич Ефанов. Он вообще-то давно чувствовал себя скверно; даже пить перестал, да и выглядел плохо. Собрался в Италию, но накануне отъезда плохо себя почувствовал. Помощь вызывать не стали, чтобы не сорвать поездку (!). Жена — она врач — сделала ему укол. Он встал

зачем-то, упал и тут же умер. Это в 52 года. Пусто становится. И ведь уходят молодые, в сущности, мужчины. Правда, пил он очень много, как и Марат [Аракелян]» (05 июля 1983 г.).

«Сейчас — только одно: вчера, т.е. 12 ноября 83 г. умер Эрнст Апушевич Дибай. ... За последний год это уже пятый (!) из друзей и коллег, кого я теряю. И всем было слегка за 50 лет.

Правда, боль умереннее из-за того, что на самом деле тот Дибай, которого я знал и любил, с которым связаны чудесные и светлые воспоминания о молодости, умер для меня уже много лет назад — ещё в начале 70-х годов. А в последние годы это уже был человек, мне совершенно неизвестный и по большей части — непонятный. Бойтесь, люди, перемены характера: не к добру это, и чаще всего — косвенные свидетельства недуга. ... А в конце октября отлетела ещё одна смятенная душа: умер в Одессе старый Владимир Петрович Цесевич» (13 нояб. 1983 г.).

И снова, возвращаясь к смерти Дибая: «... хоронили беднягу Э.А. Дибая. Началось в ГАИШе. Было много народу, речи. ... Было много народу из ИКИ и Астросовета. Приехали Горбацкий и Канаев. Я постоял в карауле. Поехали в крематорий — все тот же Донской. ... Потом — к Дибаям на поминки. ... Юля [жена Дибая] всё допрашивала меня, не в обиде ли я на Э.А. и почему он меня вспоминал, как я пришел, а дома никого нет — перед смертью, уже в бреду» (17 нояб. 1983 г.).

«Скончался С.К. Всехсвятский. Мир его неугомной душе» (31 окт. 1984 г.).

«От Л.Н. Радловой узнал, что в начале октября в Л-де [Ленинграде] скоропостижно умер Игорь Александрович Сытинский, сын Надежды Николаевны. Ещё одна ниточка к молодости оборвалась. Мы ведь познакомились в Ейске на затмении 1954 года. Я был буквально поражен его устными рассказами, генезис которых мне и до сего неизвестен. Только на днях, в какой-то связи вспоминал об этом. Потом мы подружались. Помню гусарские пирушки у него

и хлебосольного Вс. Вас. Шаронова. Игорь неоднократно бывал, и даже жил у меня в комнате. Затем наши пути разошлись, и последний раз он сам позвонил мне лет 5 назад, чтобы известить о смерти Надежды Николаевны (если не 10). Работал в ЛГУ. И было ему около 55 лет. ... эх» (02 дек. 1984 г.).

«Умер И.С. Шкловский. Вернее, формально еще живет, с субботы на искусственном дыхании, без сознания и с погибшим мозгом. ... Вот и кончилась эта сумбурная и крайне напряженная жизнь. На 69-м году, до времени. Здоровье у него было и впрямь железное. Жил бы да жил ещё, но бог распорядился иначе. Значительную часть своих недюжинных способностей этот человек направил на разрушение, совершенно не умея создавать. Он всю жизнь мстил этому неблагодарному и несовершенному с его точки зрения миру, никак не желавшему признать все его таланты и достоинства. В разрушении нашего маленького астрономического мира он, надо признать, — преуспел. Для меня И.С. остается одним из наиболее ярких воспоминаний молодости, когда лет 7 подряд мы были очень, удивительно, почти идеально дружны. Я много вынес из этой эпохи конца 50-х — начала 60-х годов, эпохи интересной и бурной. Затем наши пути как-то очень быстро разошлись. В этом, несомненно, помогли все эти ..., алчно сплотившиеся около него, поддакивающие всем опрометчивым глупостям и пытавшиеся «насосываться» с его помощью. Меня оттерли, скорее всего, как конкурента, как-то (до сих пор не знаю — как) оболгав. А там много не требовалось. Ну а потом он сам стал пакостить мне и, вероятно, испортил мне жизнь более, чем кто-либо другой, включая Масевич. ... Фактически для меня он умер 10–15 лет назад. Странно или примечательно, что перессорившись со всем миром, исходя злостью, он перестал работать, а только писал и переиздавал довольно поверхностные научно-популярные книги. Наиболее плодотворный этап его научной деятельности совпал со временем нашей дружбы. Случайно ли? ... Итак: Пикельнер, Каплан, Шкловский. Вся ***** элита советской астрофизики, все люди, которых я знал в моло-

дости. Где она, эта молодость. Ни из кого я не сделал себе бога! (27 февр. 1985 г.).

«И.С. Шкловский скончался вчера. Просил Э.В. Кононовича, от которого узнал — бросить от меня в могилу горсть земли» (04 марта 1985 г.). «Это извещение [в газетах] появилось в «Известиях» и «Веч. Москве» 5 марта 85 г. Какая насмешка судьбы! 5 марта — день смерти И.В. Сталина, который некогда отмечался Шкловским с каким-то боязливым злорадством. А день 5.III.53 вообще, кажется, был едва ли не самым счастливейшим днем его жизни. Знал бы он... Его хоронили 6 марта из ИКИ. ... Демонстративно и звучно убивался Курт. ... Мир этой смятенной, себе в обузу, душе. Не злорадствую об умершем. Впрочем, можно сказать, что я его и не знал. Мой бывший друг Шкловский был все же другим — блестящим и веселым человеком, а не изошедшим злобой сионистом. Не могу избавиться от м.б. незаслуженно лестной мысли, что я был в его окружении единственным благородным человеком. ... Я все же пытался хоть как-то противостоять худшим эгоцентрическим и субъективистским чертам его натуры. ... Вообще-то И.С. умер вовремя. Он достиг всего, чего ему удалось бы достичь, а работать в науке уже фактически перестал...» (21 марта 1985 г.).

252

Констатация: «Смерть Б.Е. Маркаряна» (14 окт. 1985 г.).

О К.А. Игнатове — знакомом из неастрономической среды, но, как немногие, оставившем след в памяти и, как он пишет, в поведении Гаврилы Сергеевича: «Константин Александрович некогда сыграл огромную роль в моем юношеском становлении. Во всяком случае, навыки джентльменства в моем характере и поведении, некоторая подчеркнутая мужественность (столь сейчас не модная) это — от него. При всем том — почти ничего в интеллектуальной сфере» (18 нояб. 1985 г.).

«Пару дней провел с И.И. Канаевым. Он сообщил мне грустную новость о том, что перед Новым годом скончался Баграт Константинович Иоселиани. ... Я хорошо к нему относился, сознавал, конечно, все его недостатки, выработанные за жизнь, проведенную в лабиринтах МОПа. В послед-

ний раз видел его на «телескопном» совещании в Симферополе. Он, правда, к тому времени уже сильно сдал — и физически, и умственно. Ну, да будь земля ему пухом...» (24 февр. 1986 г.). В этом отрывке весь ГС с его непомерным тщеславием и самолюбованием: «он сообщил мне» вместо, казалось бы, «я от него узнал», «сознавал все его недостатки», но снисходил до «хорошего отношения», оценил, что «сильно сдал умственно».

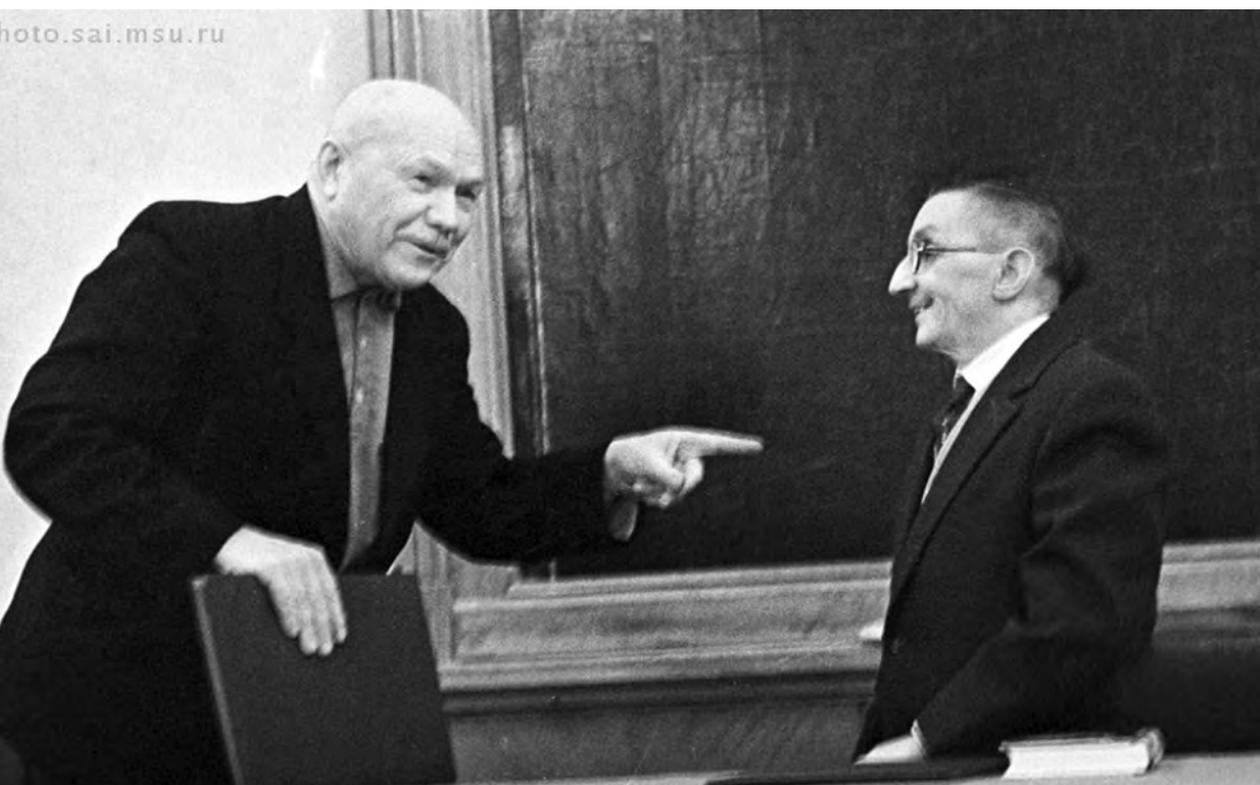
«Скончался Ал-др Ал-дрович Орлов. Сегодня хоронили. Кажется — от инфаркта (я узнал случайно по телефону, когда все было кончено). Он, бедняга, уже давно был плох. Ещё летом я видел, как он сидел перед внутренними воротами ГАИШ. Подошел, спросил. Он ответил «нога болит»: наверное, побоялся показаться слабым. И вот... Говорят, что приходил Аксенов — весь серый, и сразу же ушел» (26 февр. 1986 г.).

«В газетах объявление: скончался «солнечник» Влад. Евгениевич Степанов» (31 авг. 1986 г.). Его сын, Александр Владимирович, впоследствии был директором Пулковской обсерватории (2000—2015 гг.), член-корр. РАН.

«Сегодня около 22 час. умер у себя дома Г.Н. Дубошин» (20 окт. 1986 г.). «В 14 час. гражданская панихида по Г.Н. Дубошину. Ездил в крематорий, где-то в Никольском. Народу было немного, всего человек 30—40. Кроме родственников — только небесные механики. ... Вернулись и пошли на немногочисленные поминки. Выступали ученики. Аксенов — мрачный и плохо выглядевший — не поехал, а вернулся сразу к себе домой» (23 окт. 1986 г.).

«Умер украинский Е.П. Федоров [астроном, чл.-корр. АН УССР], о чем не знал никто в Москве — так [же] как в Ленинграде не было известно о смерти Г.Н. Дубошина» (29 нояб. 1986 г.).

«Терез сообщил мне о скоропостижной смерти А.Б. Серверного [04 апр. 1987 г.]. Ему ведь было только 74 года [73 года], но очень уж он одряхлел. Подробности узнал из письма Можжерина. По его словам: «Ещё в пятницу был на работе, вечером вёл по телефону долгий разговор с ново-

К.А. Куликов и Г.Н. Дубошин, 1964 г.

явленным начальником, а утром в субботу скончался от обширного кровоизлияния в мозг. Завтра похороны в Москве. ... Последний раз я видел А.Б. и говорил с ним прошлым летом. Покойник был неприятен и даже, скорее всего, плохим человеком. Но, конечно, — личностью на нашем небогатом горизонте» (14 апр. 1987 г.).

«Ну, а ещё — умер на 85-м году Константин Алексеевич Куликов. Целая ГАИШевская эпоха, сопровождаемая развитием стяжательства, мещанской осторожности и изоляционизма и, в конце концов — культом удобных потребностей. Будут хоронить и, над гробом, конечно, примутся вопить о том, что К.А. когда-то спас ГАИШ от разгрома в 37–38 гг. Это так и было, но мои славные коллеги вынесли отсюда единственную заповедь о том, что, боже упаси, все дерьмо и помои нужно тщательно хранить дома до полного высыхания на месте. Ими и дышат» (27 июля 1987 г.).

Последние годы мы с ним [Куликовым] и В.В. Подобедом сидели втроем в 22-й комнате ГАИШ на первом этаже. «Дядя Костя» приходил нечасто, сидел, копался в столе, открывал-закрывал сейф, что-то забирая оттуда. Он был формально моим руководителем по диссертации совместно с А.П. Гуляевым. Также давал мне рекомендацию при вступлении в КПСС в 1978 году. Двумя другими были Е.П. Аксенов и Г.Н. Ширмин. К сожалению, застал я его уже в преклонном возрасте, но Альберт Петрович, да и Владимир Владимирович Подобед и Вилен Валентинович [Нестеров] много о нем, его семье рассказывали. Последний, в основном, прибаутки.

«Две недели назад, будучи в отпуске, утонул в Ахтубе молодой Таубер. Я когда-то устроил его в ГАИШ, к астрометристам, где он прижился и даже недавно защитил диссертацию. Парень был хороший и скромный. Ему, кажется, и 40 не было» (08 авг. 1987 г.). Сорока-то ему точно не было. Витя Таубер — мой ровесник, долгое время был старшим лаборантом, но потом, незадолго до смерти, защитил диссертацию и стал младшим научным сотрудником.

Он заочно закончил МИИГАиК, и это накладывало некоторый отпечаток на его поведение, хотя был он из профессорской семьи. Как-то ощущалась некоторая настороженность, скрытая неуверенность и постоянное ожидание подвоха. Ничего подобного, конечно, со стороны сотрудников не было и в помине. Он, как и Б.А. Головки, помогал мне в некоторых экспериментах — у него были хорошие руки, да и мозги. Во всяком случае, со своей диссертацией он разобрался самостоятельно. Руководителем у него тоже был Альберт Петрович. Витя Таубер имел несколько своеобразных привычек. Например, он курил только папиросы «Беломор», носил бороду, типа той, что теперь носит вся молодежь, подражая кавказцам, и очень любил свою жену и детей. К сожалению, он был гипертоник, даже освобожденный в связи с этим от армии. Это и послужило причиной его смерти: утонул в отпуске во время плавания по реке в очень жаркий день. Я в это время был со студентами на практике в Крыму. Похоронен Витя на Ваганьковском кладбище неподалеку от могилы отца Гавриила Сергеевича, да и позднее ГС сам там был захоронен.

256

«В понедельник — новость. Скоропостижно, за письменным столом скончался ветеран нашей околоастрономической полублюбовительской среды Михаил Михайлович Дагаев. ... Мы с Н.Н. Спасским уговорили поехать туда Гребеникова. Он, душка, поехал. Говорит, что собралось человек 50, но никто не позаботился об организации гражданской панихиды. ... Вот и цена верных друзей типа Бронштэна, который «ничего не знал» и был ни при чем — как и обычно в нестандартных публичных ситуациях. ... Дагаев немало нам крови попортил во время драки с Бронштэном [ВАГО долго судилось с Бронштэном из-за растрат]. Со всем российским, да еще казацким энтузиазмом он бросился защищать друга детства» (13 авг. 1987 г.).

«Прошел слух (впервые от Л.Ф. Матвеевко), что в САО покончил самоубийством знаменитый Викторий Фавлович Шварцман. Со Шварцманом я познакомился ещё тогда, когда был уч. секретарем ГАИШ, а он — начинающим аспи-

рантом. Сначала был парень как парень — даже симпатичный. Но, пройдя хваленую школу Я.Б.З. [Я.Б. Зельдовича], сделался за 2 года невыносимым самовлюбленным и занудливым наглецом. ... З. устроил теоретика в САО, где тот со страшным шумом и рекламой занялся небезызвестным проектом «Мания» — временной спектроскопией жиденьких звездных квантов. Все это длилось лет 5, за которые было истрачено, наверное, несколько сотен тысяч, если не более. И, естественно, — ничего не вышло, как и должно быть, когда за самый сложный эксперимент берутся невежды. В какой-то момент сам З. сказал публично своему чаду, что из него не вышло ни теоретика, ни наблюдателя. Особенно после того, как от него сбежала жена. Во всяком случае, он даже яичницу жарил, не расставаясь с *Astrophys. J.* И вот — мрачный финал» (01 сент. 1987 г.).

«Выяснилось со Шварцманом: он повесился буквально от разбитого сердца. С наукой ничего не вышло, да и с Зельдовичем рассорился. Для чего же, в самом деле, тогда и жить. Повесился. Не пожалев даже собственной матери, которой оставил письмо» (11 сент. 1987 г.).

257

«Ну, и самая главная новость из нашего хлева: 2.XII скоропостижно умер сам Я.Б. Зельдович. Я так и думал, что он умрет скоропостижно. Так и было. Подростостей пока не знаю. Подозреваю, что надорвался если не на очередной девке, то на предвыборной кампании в Академии. Господи, сколько рыб-лоцманов осталось теперь без обер-акулы. И, ох, — накануне академических выборов!» (23 нояб. 1987 г.).

«В ГАИШе на ученом совете умер П.Н. Холопов. А до того — в возрасте 77 лет и в состоянии полного маразма — Э.Р. Мустель» (24 апр. 1988 г.).

«Завтра в ГАИШе хоронят Марата Сагитова. Подумал и решил, что не пойду. Видит бог, я не мелочен, великодушен и отходчив. Но я уже решительно устал прощать неспровоцированную недоброжелательность людей, которым не причинил никакого вреда. Да и единения с ГАИШевской публикой — даже в горе мне не требуется» (17 нояб. 1988 г.).

«9-го или 10-го скончался Б.Ю. Левин. После инсульта, случившегося с ним 7 лет назад, он был очень плох, почти маловменяем, хотя продолжал числиться в действующих и, в т.ч., — членом редакционных коллегий» (13 апр. 1989 г.).

По этому случаю я который раз вижу, что к записям Гаврилы Сергеевича надо относиться настороженно. Я видел Бориса Юльевича, когда приходил к Лидии Николаевне Радловой, его жене. Он был вполне вменяем, но безволен. Несколько раз в неделю приходила к нему массажистка, молодая, красивая девушка. По-мужски он уже на нее не реагировал, т. е. вялым голосом просил сделать все побыстрее. Зато, когда беседовали о моей, отосланной в «Письма» статье, опубликованной потом неведомым мне образом в «Астрономическом журнале», то живо комментировал этот непонятный ему кульбит — «не может быть». Думаю, что здесь не обошлось без В.В. Нестерова, который был в редколлегии «Писем».

258

Коля, сын, сделал ему из алюминиевых трубок нечто вроде турника, чтобы он мог тренировать руки и мышцы живота и спины. Борис Юльевич не хотел. Видимо, в результате инсульта был поврежден в мозгу центр воли. Гаврила Сергеевич пишет, что БЮ «числился». В действительности не числился, а был главным редактором «Писем в АЖ» и, как В.А. Гинзбург в УФН, реально работал. Даже дал мне на рецензию одну астрометрическую статью ребят с Николаевской обсерватории. Потом у одного из них, Федорова, я был оппонентом на кандидатской диссертации в Пулковском совете. Недавно он написал мне, спрашивая, нет ли у меня его диссертации, которая полагается каждому оппоненту. Собирается защищать докторскую.

«22 октября скончался в возрасте 83-х лет Д.Я. Мартынов. ... На похороны не пошел. ... Бедный Д.Я. был из тех, при ком крутятся своеобразные люди, ласковые к любому, если он полезен. Ну а перестав им быть ... Димочка Курт поставил в заслугу Д.Я., коего при жизни он многократно крыл на все корки, то, что тот спас его, гениального Димочку, для науки, избавив от распределения на Камчатку» (15 нояб. 1989 г.).

А ведь когда-то ДЯ хотел завещать Гавриле Сергеевичу свои дневники: «Меня как бы считают за своего. Чай — вдвоем с Д.Я.; обычные разговоры. „А хотите, я завещаю Вам свои дневники?“ Хочу». [Подробнее стр. 453].

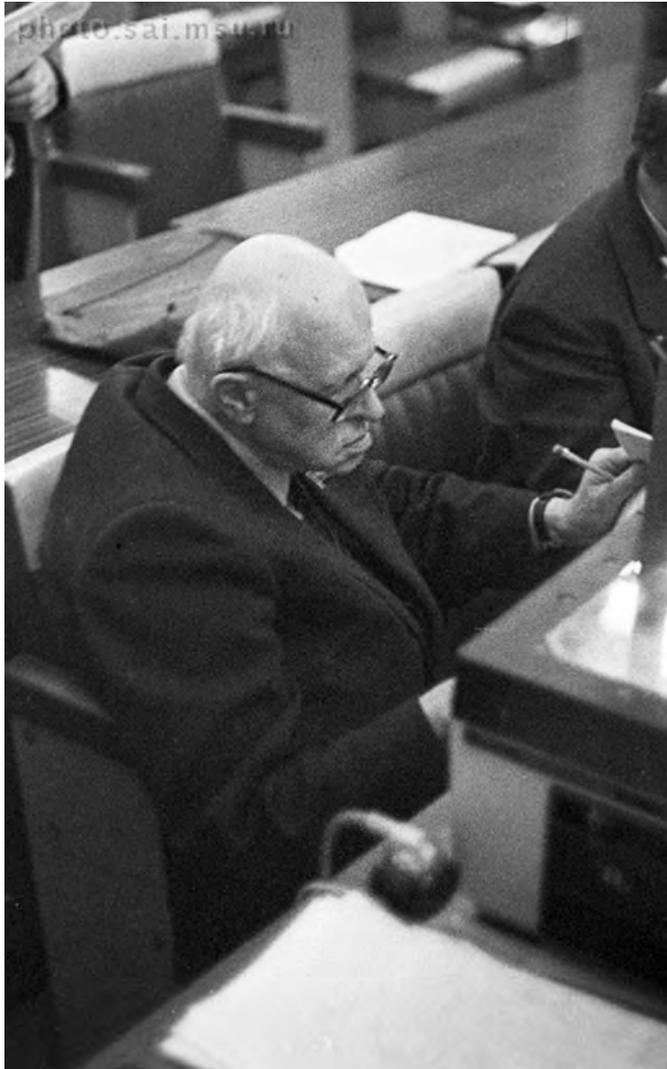
«Вчера, т.е. 14-го, около 23 часов скоростижно и в собственной постели (хотя и в одиночестве) скончался А.Д. Сахаров. ... Я помню, как в фойе ГАИШа в 1968 г. осенью, вернувшись в совершенно расстроенных чувствах из Англии (чешские события), я сообщил ему со слов В. Робертса, что кто-то из наших академиков опубликовал за рубежом что-то вроде отповеди на его «Размышления» о будущем человечества. Я ожидал любого ответа, кроме того, что услышал: «Что ж, в плане общей игры это интересно». Игра. Игра! Игра с правительством страны за влияние на общественное мнение. Свое? Об этом не было и речи. Значит — мировое? Чтобы все знали, что есть в СССР такой гениальный ум. ... Именно в это время тон публицистических эссе А.Д. стал приобретать откровенно антисоветский, антипатриотический характер, полностью ориентированный на западное общество. Пораженный, я спросил Я.Б. Зельдовича, дружившего (по его словам) с А.Д., что такое с ним происходит? «Он сошел с ума», — ответил Я.Б. Это было, кажется, зимой 1968 или 1969 г. Потом А.Д. втянул массу людей, включая И.С. Шкловского, в подписания коллективных посланий в защиту диссидентов, среди коих была черт-те какая шушера или психопаты, вроде Кронида Любарского. Многим это дорого обошлось. ... Кстати, академическая легенда гласит, что именно он на общем собрании заблокировал исключение Лысенко из Академии, испугав собратьев по привилегиям созданием прецедента, способного далеко их всех завести [я не нашел в Интернете подтверждения этому факту]. Он не отказался от академических привилегий, хотя, живя в Горьком, сильно ругал Академию за то, что она его не защищает. ... Он не произнес ни слова о бедственном положении нашей науки» (15 дек. 1989 г.). [Свидетельство того, что АД не отказался от привилегий, в Интернете есть]: «Когда его вернули из горьковской ссылки, академик при-

шел в „кормушку“ за разрешением получать паек. Добрая директриса сказала, что никакого разрешения ему не требуется и что теперь он должен отъедаться» <https://igor-piterskiy.livejournal.com/90386.html> от 08 окт. 2016 г. (Дата обращения 01.11.2018).

«В Бюллетене МАС с ужасом увидел, что 12.V.89 умер Лаури Лууд. Я ведь любил этого толстого и очень порядочного эстонца и, к тому же, — умного и доброго человека. Что с ним стало? Почему? Горько и грустно. Ещё частичка прошлого отмерла» (14 янв. 1990 г.).

260 «Полторы недели назад, оказывается, умерла в возрасте 78 лет «астро-мама» — Наталья Борисовна Григорьева. Сегодня в ГАИШе отмечали 9 дней. Когда-то, в студенчестве близкие (и даже — очень) отношения ослабли с повзрослением. А позже почему-то она стала относиться ко мне просто плохо. Почему? Не знаю. Зато сохранилась дружба Н.Б. с Петькой Щегловым. Этого уже, вроде бы, достаточно для объяснения. Мир праху её! Трудную жизнь прожила эта женщина, потеряв в самой молодости мужа — Флорю. Война, эвакуация с маленьким сыном на руках. Работа — для заработка — даже санитаркой в морге (в Свердловске). Квартирная неустроенность в Москве. И — сравнительно благополучная старость при сыне, ставшем заметным историком. Да упокой, Господи, её мятежную некогда душу!» (30 апр. 1991 г.).

«И ещё одна грустная новость (позвонила Чепурова): умер от инфаркта Ростик Ирошников. Ему было всего 53 или 54 года, но он, помнится, ещё студентом был слабого здоровья — что-то неладное было с кровью, вроде не очень выраженной гемофилии. Да и характер — такой, что не способствует долголетию: возбудимость в сочетании с недоброжелательством и завистливостью. Когда-то я спасал его от изгнания из ВАКСМ и аспирантуры — за глупую драку с арабом в очереди в столовую и затем — выступления на злосчастном диспуте «Цинизм и проблемы общественных идеалов» на физ-факе. Отплатил он мне, конечно же, недоброжелательством — особенно после моего «взлета» в Аст-

А.Д. Сахаров на Объединенном астрофизическом семинаре (ОАС) в ГАИШ, декабрь 1990 г.

росовет. Последний раз я общался с ним в метро «Новокузнецкая» лет 15 назад — и это было очень зло и грубо с его стороны. Потом я слышал, что он сошелся с Виленом Нестеровым, поучавшим его жизненным истинам. Не удивился бы, что В. [Вилен] научил его и выпивать... В общем, мир праху его. Это, кажется, первый из нашей недружной, расплзшейся группы» (27 июня 1991 г.).

Вот и еще одна разгадка истории: почему Ростик, как его все звали, будучи доктором физ.-мат. наук оставался в ГАИШе младшим научным сотрудником.

Но, надо сказать, что я, много раз выпивавший в компании Вилен Валентиновича, вплоть до того, что он требовал называть его просто «Вилен», ни разу не видел выпивавшего Ростислава Савича. Он часто заходил к Вилену Валентиновичу, но всегда это был просто трёп без каких-либо возлияний. Да и трудно винить кого-то за это — «научил выпивать». Во-первых, когда мы учились, то были уже не школьные мальчики. А во-вторых, научить мог любой, да и просто обстановка. Помню, что я сам в первый раз выпил на отдыхе в спортивном лагере МГУ «Джемете». Странно было бы, будучи в Анапе, не выпить сухого домашнего вина, или в таком же лагере в Пицунде. Как сейчас помню, абхазское сухое вино «Псоу» за 1 руб. 80 коп. или грузинское «Саэро» за 1-05. Денег было мало, и в основном пили второе или 200 г портвейна с конфеткой перед танцами. Быстро раскрепощало. Сойтись, хорошо знать друг друга они могли совсем по другому поводу: у них была одна общая черта, которая могла сблизать — оба на своих курсах, а разница между ними два года, были самыми младшими, почти на 2 года моложе сверстников. Нестеров закончил мехмат в 1957, а Ростик в 1959 г.

А вот другая запись ГС: «Вилен Н. [Нестеров] уже фактически спился. Что же, всю жизнь живет для себя и своего кармана...» (05 июня 1991 г.). Откуда у ГС такое мнение? Нестеров жил независимым, ни под кого не подлаживался и уж никогда не думал о «своем кармане», по моему мнению, скорее, был вызывающе бескорыстным. Я впервые встретил

Вилена Валентиновича в 1967–1968 гг., когда делал курсовую работу по астрометрии, собирался так же сделать и у Владислава Владимировича Шевченко по Луне, но из-за недостатка времени сосредоточился все-таки на работе с Нестеровым. До сих пор перед В.В. Шевченко чувствую неудобство, хотя мы и в хороших отношениях. Был с ним в командировке в Дубровнике на конференции и еще раз убедился в его замечательных человеческих качествах. Не зря он много лет был председателем Месткома ГАИШ. Так вот, работа с Вилен Валентиновичем была своеобразной, он дал мне на прочтение монографию Вуларда «Теория вращения Земли» и статью японца Секигучи. Книга тяжелая для восприятия на 3-м курсе, да и статья тоже. [Сценарий перевода этой книги описан Александром Ароновичем Гурштейном: «Пытался заниматься переводами. Вместе с В.В. Нестеровым мы переводили для издательства «Наука» книгу «Теория вращения Земли вокруг центра масс» американца Э. Вуларда. Лентяй Виля свою порцию не перевел. Пришлось мне пахать за двоих. Опять — большая трата времени при очень низкой оплате. Книга вышла в 1963 г. под редакцией В.В. Подобеда»].

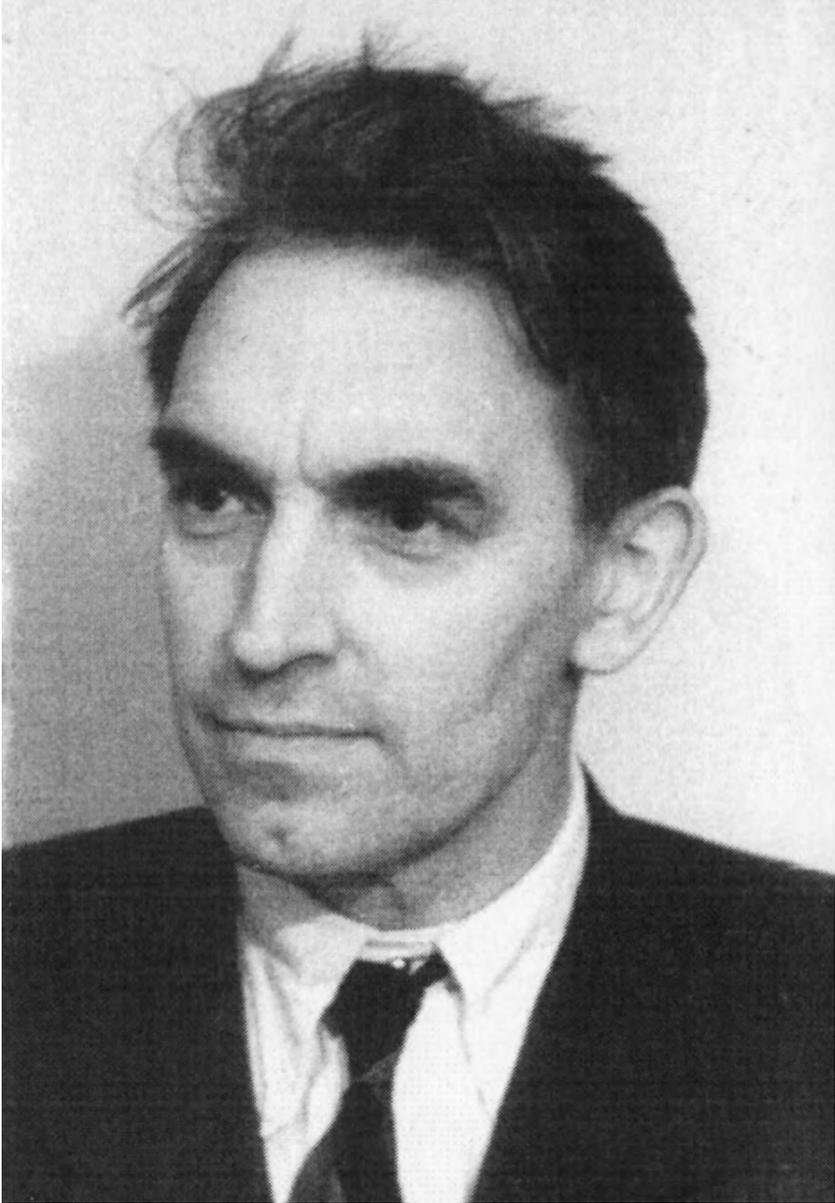
263

После этой выдачи литературы мы только один раз встретились с Вилен Валентиновичем перед защитой и потом уже на защите. Т.е. руководителем он был не занудным, считал, что студент сам должен выпутываться. Поставил он мне пятерку. Видимо, что-то я всё-таки сделал. Далее, производственную практику и всю дальнейшую астрометрическую жизнь я провел с Альбертом Петровичем Гуляевым. Он же был моим руководителем в аспирантуре и, вместе с дядей Костей, — моей диссертации. Умер Альберт Петрович в 1998 г. в возрасте 70 лет. Умер от простой простуды, которую по обыкновению не лечил, а когда зять вызвал скорую, то было уже поздно. Я уже 10 лет как работал в ВИНТИ, у меня в отделе работала его дочь Оля, и мы по-прежнему часто встречались. Он участвовал в редактировании «Астрономического календаря», который тогда выпускался нашим издательством. А еще мы с ним издали каталог звезд на эпоху

2000 года для любителей астрономии и Карты звездного неба и активно обдумывали дальнейшие планы совместной деятельности.

Альберт Петрович был знаменитейшим астрометристом своего времени, избыточно скромным, что мешало ему превратиться в Митрофана Степановича Зверева. Скорее, я его сравнил бы с пулковчанином Андреем Антоновичем Немиро, который тоже старался быть в тени. Последний раз я видел АП накануне смерти в больнице. Он меня узнал — «Владимир Григорьевич, и вы здесь», а я кроме обычных слов ему сказал: «Альберт Петрович, у нас так много дел — надо поскорее выйти отсюда». Сейчас мне столько же лет, и я с грустью думаю — как рано он ушел. Я с теплотой его вспоминаю, как, впрочем, и В.В. Нестерова, В.В. Подобеда, Е.П. Аксенова. О смерти Альберта Петровича у ГС ничего нет. Это прошло мимо него.

264 Еще одним классическим астрометристом был М.С. Зверев, работавший в ГАИШ в 1930-х — начале 50-х гг., а затем перешедший в Пулково. Вот что пишет о нем ГС: «Утром пришла телеграмма: скончался Митрофан Степанович Зверев, в возрасте 88 лет. Жалко его — поэта астрономии и пианиста и, кажется, просто доброго человека. Несколько лет назад он потерял жену — тихую и очень милую и уютную старушку: я, помню, обедал у них году в 83–84-м, если не раньше. Это [имеется в виду смерть жены] сильно подтолкнуло М.С. к могиле, явно ускорив и без того далеко зашедший склероз. В общем — мир праху его! Это один из очень немногих астрономических стариков, не сделавших мне лично ничего плохого» (20 нояб. 1991 г.). Через день ГС пишет: «Разговаривал с И. Канаевым. Оказывается бедный Митрофан Степанович отравился газом в собственной квартире из-за неисправного водогрея в ванной! ... На похороны собралось удивительно мало народа. Все заняты своими делами и бедами, а умерший и, значит, бесполезный — никому не нужен...» (22 нояб. 1991 г.). Скорее всего, дело не в черствости, а в том, что МС пережил свое время. Это удел почти всех, умерших гораздо позже своего окружения.

Митрофан Степанович Зверев

Чл.-корр. АН СССР Митрофан Степанович был астрометристом, в 1945–1950-х гг. зам. директора ГАИШ, затем он перешел в Пулково, где стал зам. директора ГАО АН СССР и читал лекции в ЛГУ. Я его впервые встретил в 1968 году, когда нас с моим одноклассником Валерой Семеновым послали на учебную практику в ГАО АН СССР. Его к радиоастрономам, а меня к астрометристам. Митрофан Степанович сначала пригласил меня на свои наблюдения на меридианном круге, а затем нас с Валерой на ужин. Там он показал на книжные полки с РЖ «Астрономия» и с горечью сказал, что редакция изменила формат, и ему некуда теперь его ставить. Я и не думал, что в течение 25 лет буду работать вместе с одноклассницей Аней Седякиной в этом журнале, как и в нескольких других, выпускаемых отделом астрономии ВИНТИ.

266

Позднее, в 1970–1980-х гг., я часто общался с Митрофаном Степановичем в ГАИШ, и он стал оппонентом моей кандидатской диссертации. Помню и неприятный для меня эпизод на астрометрической конференции в Пулково. Кажется, в 1986-м году. Я делал доклад и, к тому времени привыкший читать лекции по сферической астрономии с рисунками мелом на доске, так же нарисовал систему инструмента (меридианного круга) по прямому восхождению. Конечно же, она была схематичной. Митрофан Степанович эмоционально выразил свое негативное отношение к такой форме подачи материала. Надо было сделать плакат. Расстроенный, я не стал делать второй доклад по меридианным наблюдениям на Майданаке. Конечно, зря, Митрофан Степанович был прав, надо было тщательнее готовиться.

Еще приведу один эпизод из 80-х годов. Как я уже говорил, МС часто приходил в ГАИШ, когда бывал в Москве. Ему всегда было интересно познакомиться с работами астрометров «на месте». Принимавший его мой руководитель Альберт Петрович Гуляев сказал:

– Что-то у Вас, Митрофан Степанович, какой-то диссонанс в одежде: в костюме и кроссовках Адидас? — на что тот ответил:

– А знаете, я заметил, что это очень удобно.

Мы посмеялись, а теперь моя любимая обувь тоже кроссовки. И вправду, очень удобно, да и, видимо, так же считает Мик Джаггер из Rolling Stones. Группа, которую я люблю.

«Встретил в автобусе Н. Бахвалова и узнал от него о смерти Влад. Влад. Подобеда. Будто бы во время операции по поводу предстательной железы. Завтра или через день будто бы будут хоронить. Жаль. Вот ещё один когда-то близкий мне до печенок человек. Но, хоть и было много хорошего, я не смог простить предательства. Все это и все эти спутники моей молодости уже умерли в моей душе. И давно. Я не виноват ни перед кем из них, видит Бог. Я был и мог бы быть для любого из них хорошим другом, если бы они сами от меня не отвернулись — из трусости, из карьеризма ли, не знаю... Все это уже оплакано мною и снова рыдать не буду. Да сбудется воля Бога. Я познакомился с Влад. Влад., когда он еще носил бороду и был заместителем у директора — Куркаркина. Мы с Б. Вайнманом решили сфотографировать на АФР-1 комету Аренда–Роланда. Кажется, не могли найти фотопластинки и каким-то образом оказались в окрестностях директорского кабинета. В.В. узнал, в чем дело, и тут же выдал нам из своего стола коробку “Agfa Astroplatten”. За это я и до сих пор благодарен ему» (13 янв. 1992 г.).

267

«Оказывается, на днях умерла Е.П. Павловская, „в честь“ которой я когда-то назвал кису» (16 марта 1992 г.).

«Узнал от В. Шамаева, что 29.04 в ГАИШ похоронили Вилю Нестерова. Надо бы о нем что-то написать, да ведь и есть что, но не хочется, грустно и противоречиво. Вот я и тянул... Да и сейчас не буду записывать. Позднее» (01 мая 2000 г.).

Так и не написал. Может, и хорошо сделал.

«Но когда же меня оставят своим вниманием эти жалкие астрономы? Вот уже 15 лет я никого из них не вижу, ни с кем не общаюсь, а они всё перемывают мои кости. Вот ведь полойная яма! И любопытно, какими путями хоть что-то из

этой среды доходит до Ивана? Разве что он что-то услышал, пойдя зачем-то на похороны Нестерова? Недобрым человеком был покойник, и из гроба сумел напомнить мне об этом» (запись от 30 сентября 2000 г.). И это при том, что ВВ много делал ему хорошего: встреча с композитором Петровым [224 с.], помощь в изготовлении памятника для отца «Спасибо и Вилену» (4 июня 1980 г.), как сквозь зубы благодарит он, и др., например: «Был 4-го на вечере у астрометристов. Как всегда — неплохо. Пошел допивать к Вилену [не близкий конец — на юго-запад Москвы]. Досидели до 3-го часа. Виля все объяснял мне, как надо себя вести, а то на меня все обижаются. Я слушал и иногда возражал. Думаю, что в Вилиных разговорах было больше выдумки. Расстались, впрочем, хорошо» (10 нояб. 1981 г.).

«Вилен Нестеров успешно доложил о своем гигантском труде на семинаре у Гребеникова. Я там был и радовался за него» (30 июня 1983 г.).

268

«В четверг блестяще защитился Вилен — как того и следовало ожидать. Я поздравил его до и после, но на самом «акте» не был» (03 июня 1984 г.). Вот так! И как же понять записи после смерти Вилена Валентиновича? А так: прошло время, и вся злость, вызванная неудачами, вылезла наружу. Все хорошее забылось, осталось только, что у Вили было все в порядке. Он защитил докторскую, стал зав. отделом астрометрии, получил Ломоносовскую премию, занимался космическим проектом — спутником «Ломоносов» МГУ, жена не ушла, на работе и в ГАИШе уважают. И при этом он остался независимым человеком.

Конечно же, Иван Гаврилович не ходил на похороны и узнал о них от меня. «Моему сыну страшно хотелось бы видеть меня униженным и изничтоженным. ... Он собирает и уличающе цитирует мне всякие астрономические сплетни обо мне (даже мое невольное отсутствие на похоронах В. Нестерова мне вышло в строку). Он уличает меня в том, что по причине своего ужасного характера я загубил собственную жизнь, и что теперь только тем и занимаюсь, что пытаюсь отомстить своим бывшим коллегам, и все пишу и пишу на них

кляузы» (30 сент. 2000 г.). Сам же ГС тоже ревностно следит за сыном и ханжески «сочувствует» ему в провалах. «Иван мой так и не смог справиться с [переводом] гуманитарным текстом; сказываются и недостаточные знания литературного английского языка и недостаток общей культуры. По сему поводу Иван устроил мне истерику. С целью оправдать свою неспособность. Я, естественно, расстроился. Но что ещё я могу сделать с 39-летним недотепой? Видит Бог — пытался!» (06 нояб. 2001 г.).

До этого ему очень не нравилось, что я привлек ИГ к переводу статей в журнале «Аэрокосмический курьер», и там он пришелся ко двору и хорошим знанием английского языка, и поведением. Скажу сразу, что ни разу он не подвел редакцию ни по качеству перевода, ни по редактированию чужих текстов, ни по обязательности. Всё выполнялось четко и в срок. И при этом ИГ совсем неплохо зарабатывал, что тоже бесило ГС. Так он пишет: «По словам В. Шамаева, мой Иван купил превосходный и дорогой цветной (!) принтер. Черт его знает, зачем он ему? Но, похоже, это — голубая мечта детства: он ведь давно-давно интересовался технологией печати. Зачем?» (28 авг. 2000 г.). Принтер и правда был хорош — топовая модель Hewlett-Packard. Иван Гаврилович долго им забавлялся. В то время по совместной работе в журнале я часто к нему заходил. Но это уже другая история.

Или вот: «Иван мой, оказывается, ездил с Шамаевым в оптический магазин в Лыткарино и купил себе ... микроскоп. Он заявил, что «всегда хотел» его иметь. Да, вспоминаю, что в конце 70-х он действительно говорил что-то в этом роде. [ГС вспоминает... но если бы он посмотрел свои записи, то увидел бы, что «парень буквально бредит собственным ... микроскопом. ... Я обещал ему помочь, при условии, что заработает деньги на микроскоп самолично» (26 нояб. 1984 г.)]. И вот сбылась мечта. Что только он с ним делает?» (24 дек. 2000 г.). Еще одна подобная запись, которая показывает, как ревниво ГС относился и к моим отношениям с ИГ, и к его жизни: «Разогнавшийся на покупки Иван, с подначки все того же друга — Шамаева, осуществил голубую мечту.

Купил, потратив все деньги, 2 акустические колонки высотой по 1,5 м и выходной мощностью 90 Вт! Пыхтя, затащил их к себе, и вот — наслаждается безукоризненной акустикой» (19 дек. 2009 г.).

270 В 2000-м году ГС еще не знал, что я привез ИГ персональный компьютер и начал учить работе на нем. Это нужно было для журнальной работы по переводу, т.к. мы много времени тратили на встречи и передачу материала. Компьютер же и интернет-соединение, которое мы установили в квартире, позволили пользоваться электронной почтой. Работу на компьютере ИГ, в отличие от отца, освоил очень быстро, а дальше пошло и пошло. Он постоянно пользуется Интернетом, ищет нужную информацию, в общем, кругозор его резко расширяется, а в это время ГС «В понедельник попрошу Ивана перегнать ему [Шамаеву] это [очередной опус] по электронной почте». И ни слова о гордости за сына, так быстро освоившего компьютер. Зато: «Иван разломал свой компьютер — дважды; второй раз уже после того, как его привел в порядок В.Г.Ш. И сейчас сидит — набирает на моем ПК свой очередной перевод для „Аэрокосмического курьера“ — с таким видом, что это я ему что-то должен» (10 февр. 2002 г.). «Крик души» ГС о собственном сыне: «Как, в самом деле, не будучи святым, можно любить монстра?» (07 сент. 2003 г.).

Получая за переводы приличные деньги, ИГ стал интересоваться музыкой, сначала переписывал и покупал рок-альбомы, а затем перешел к классике. Мы оба купили хорошие аудиосистемы, и он с удовольствием слушает классику на хорошей акустике, подвигая и меня покупать только фирменные диски. У него это получается. А ГС не понимает: зачем я его учил. Он ругает в дневниках ЛВ [Рыхлову] за то, что она испортила ему сына, и никак не желает признать свои просчеты в воспитании. А вот пассаж уже о второй жене: «А ведь я рассчитывал хоть на какую-то её помощь. Тоже никак не могу привыкнуть и примириться с этим поведением эгоистичного подростка, и в 66 лет способного устойчиво думать только о себе» (07 сент. 2003 г.).

Я уже писал, что вместе с рукописью книги о научном потенциале Российской Федерации Гаврилы Сергеевич составил свое жизнеописание для Миндели «чтобы впечатлялся». Видимо, в этих же целях он свое жизнеописание «дал прочесть и Ивану, который до того, кажется, выверился на меня за то, что я посмел редактировать его английские тексты. Он прочел и почему-то спросил, зачем и для кого я это написал? Я ответил, что для начальства» (16 февр. 2000 г.). Дал почитать, чтобы и ИГ «впечатлился» — не впечатлился. Не получается это никак. ГС потерял сына и виноват только сам. Хорошо, что он не «воспитывал» свою крымскую дочь, Наташу. Видел её только один-два раза в году, когда приезжал на отдых в Крым. Да и там они встречались мельком, ведь он «отдыхал». Поэтому дочка выросла без поучений «папочки», закончила мединститут и стала детским врачом. Кажется, сейчас она в Германии со своим другом. Лет-то ей около 30. В очередной раз об Иване: «Какой контраст с моей же Натальей!» (28 февр. 2002 г.). И «Всякие грустные и уже привычные мысли о странной судьбе моей семьи и о том, что жена и сын причинили мне больше горя, чем кто-либо иной на этом свете. Навязчивое и безответное „За что?!“» (05 авг. 2002 г.).

271

Вот, например, что вспоминает ГС о П.В. Щеглове, когда узнал от меня о его смерти и с которым в 1958–1966 гг. был довольно близок в окружении Шкловского: «Петр Щеглов где-то и как-то наступил на гвоздь. В результате у него — наследственного диабетика — образовалась ... гангрена. Ногу отняли выше колена, и ... он пребывал в тяжелом состоянии. ... Что делает жизнь ... А Петька всегда так боялся заразы. ... Последний раз я виделся с ним лет 5 назад. ... Помню, что я протянул ему руку, которую он, чуть поколебавшись, пожал. И это — всё. И, как оказалось, — навсегда» (23 дек. 2001 г.).

Продолжим «матиролог» Гаврилы Сергеевича: «Вчера в РЖ увидел некролог Фреда Хойла, умершего, оказывается, в прошлом мае в возрасте 86 лет. А я до этого [т.е. совсем не-

давно] — не без удивления и даже с раздражением обрабатывал для РЖ штук 20 его публикаций. ... Ф. Хойл странным образом сопровождал меня всю жизнь — с момента первого знакомства с ним, когда он единственный раз приезжал в Москву в 1964 г., осенью, а я помогал его принимать. Потом он ни разу не откликнулся на мои письма и однажды (в Каире, в 1975 г.) я, в разговоре с добряком МакРеем, обругал Ф. сукиным сыном, о чем вспоминаю со стыдом: молодой еще был...» (15 февр. 2002 г.).

272 А вот о своем руководителе по диссертации: «позвонила мне вдруг ... О.Д. Докучаева. С удивительным приглашением на сидение по поводу 100-летия Б.А. Воронцова-Вельяминова. Тем более, что какие-то родственники его из-за границы прибыли. Я вежливо поговорил и лаконично отказался: «я не приду». Оля явно лишилась дара речи, и дежурное «до свиданья» я говорил в наглухо замолчавшую трубку. Странные люди. Сначала устроили мне незаслуженную обструкцию. Потом — не вспоминать обо мне 20 лет. И потом — вдруг пригласить на междусобойчик, посвященный памяти человека, с которым я никогда не был близок, и который мне тихонько пакостил! И о чем мне говорить с людьми, к которым я 20 лет назад лишился всякого уважения? И которые решительно не интересны мне ни как ученые, ни как люди. Этот странный пустяк, однако, всколыхнул муть со дна моей души, и несколько дней я рефлексировал, диспутируя с прошлым» (25 февр. 2004 г.).

«Сказали мне, что недавно умер Вася Мороз и, говорят, от рака печени. Не могу назвать его своим учителем, как не был им даже Шкловский. Но он был автором той обстановки и среды, где я смог с интересом позаниматься экспериментом — до тех пор, пока я мог мириться с несовершенствами этой обстановки и уродливостью среды, с набором алкоголиков и психопатичных полуевреев. Мой последний разговор с Василием (о болометрах и о том, что надо бы и о других подумать; последнее было воспринято им, как признак непостижимого и жуткого коварства с моей стороны: ***** он и есть *****!) состоялся еще в Астросовете, лет 30 назад.

А дальше — шекспировское «Молчание». Помню еще, как поймал гнусенькую улыбку Васи, когда он пробежал мимо меня, нервно ходившего в ожидании вызова на аттестационную комиссию в ГАИШе, решение которой было predetermined. Злобенький и изувеченный трудной юностью был человек, малоспособный именно к науке, по-еврейски настырный и «деловой». Пусть покоится в мире. Что было — то было, и спасибо ему за то, что я сумел взять от него помимо его же намерений. Плохого я ему никогда не желал и не делал. Я даже простил ему, когда именно он перехватил заказанный мной и оплаченный Академией болометр Лоу — ж-жуткую экзотику для конца 1970-х гг., так что, в любом случае мы с ним „квиты“» (24 июля 2004 г.).

«Неожиданно, 6-го декабря, умер Эрик Васильевич Дюжев [военпред, с которым ГС познакомился в поезде в Киев]. На похороны в морг ЦКБ я малодушно не пошел, но в большой грусти просидел до утра. ... Очень жаль мне уютного бородатого Эрика» (15 дек. 2004 г.). Это характерно для ГС — находить себе оправдание, при этом именно выпендренно, с надрывом. Здесь же он приводит строчки из поэта И. Голубничего: «И сновиденья не спасают от страшных мыслей на заре ...», и заключает: «... это уж точно обо мне».

«И еще одна грустная вещь. Перед Н. Годом умер В.Г. Горбачкий — на 85-м году жизни [Видный ленинградский астроном, оппонент на докторской диссертации ГС. Еще один, кого ГС потащил в свою авантюру, не думая о последствиях для него]. Я как раз вспоминал о нем и о нашем разрыве в одну из тех ночей. Вспоминал, надо сказать, с садистским сознанием своей правоты. Ну, вот и все. Уже никому ничего доказывать. Молчание. Да и помнил ли он сам об этой странной истории почти 20-летней давности? Мир праху. И.И. [Канаев] обещал поклониться ему от меня» (06 янв. 2005 г.).

«И.И. [Канаев] сказал, что в 87 лет преставилась Зденка Михайлова. Мир этому тощему праху. Много неприятностей доставила мне когда-то эта женушка старика Михайлова. За что?» (25 авг. 2006 г.).

«14-го в Ленинграде умерла от инфаркта в 77 лет Алла Семеновна Сочилина. Сегодня ее хоронят в Пулковое. Мир праху. Мятущаяся душа, измученная нелегкой жизнью, осложненной долгой болезнью матери...» (19 июня 2007 г.).

«Третьего дня похоронили Аллу Генриховну Масевич. Она не дожидла несколько месяцев до 90-летия, пережив всех своих „друзей“. Аминь!» (10 мая 2008 г.).

«Умер на 94-м году жизни Виталий Лазаревич Гинзбург. Наши либералы уже зачислили этого крайне осторожного в гражданских делах человека в «общественные деятели» и «правозащитники». Попутно объявили его «великим ученым», каковым он заведомо не был, а был просто очень хорошим физиком-теоретиком 2-го или даже 3-го ряда. Хоронить будут аж на Новодевичьем: так нужны ныне свои «великие». Уместно воскликнуть «Бедный Йорик, где теперь твои шутки?». Шуток, впрочем, не было, а вот тщеславия было, что называется, навалом. И еще — темперамента, плюс, впрочем, некоторая культура поведения — в отличие, скажем, от Шкловского» (09 нояб. 2009 г.).

274

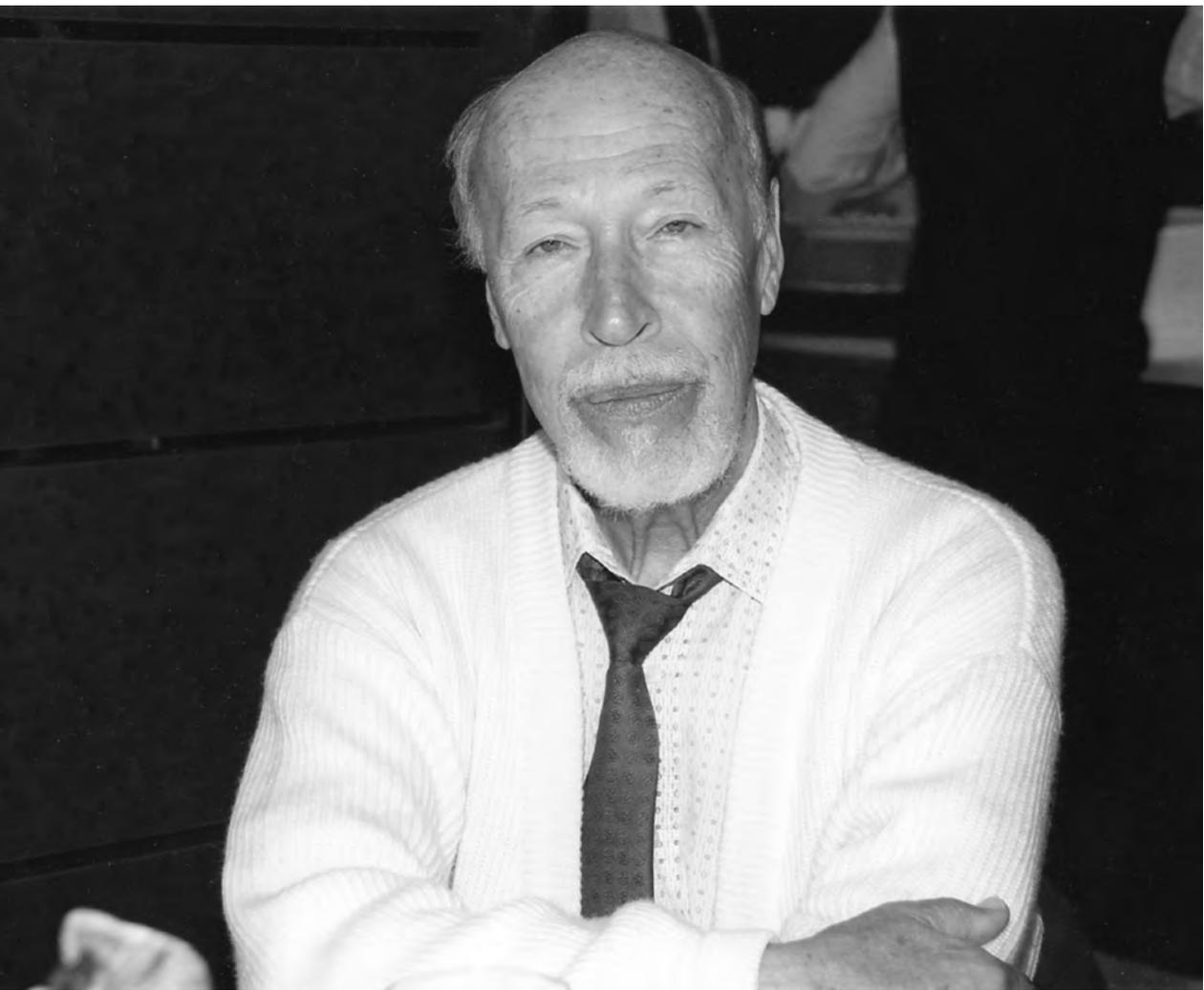
«Умер в возрасте 83 лет космонавт Феокистов. Он и в советские времена не был особенно заметен (не военный, даже не член КПСС). А последние годы вообще исчез из поля зрения» (23 нояб. 2009 г.). Тут тоже ГС не во всем прав. Константин Петрович Феокистов был, на мой взгляд, достаточно хорошо известен. И тем, что был первым гражданским среди космонавтов, и ученым — доктором наук. Посмотрел в Википедии, и оказалось, что первым гражданским не только у нас, а вообще в мире. Вторым гражданским астронавтом был Нейл Армстронг. И с 1998 года К.П. Феокистов был старейшим из живущих наших космонавтов.

ВОТ И ВСЁ...

Статья в «Космическом дайджесте»

Эту статью в журнал я написал по случаю смерти Гаврилы Сергеевича, по просьбе Владимира Михайловича Шахпаронова, который был другом ГС, соседом по зоне «М» МГУ и руководил панихидой. 275

7 января 2014 г. на 77-м году жизни скончался Гавриил Сергеевич Хромов, известный астроном, исследователь и популяризатор науки, в последнем качестве много времени посвящавший как организационной, так и текущей работе с астрономами-любителями. В 1965–1972 гг. он был Ученым секретарем и старшим научным сотрудником Государственного астрономического ин-та им. П.К. Штернберга при МГУ (ГАИШ МГУ), в 1972–1979 гг. — заместителем председателя Астрономического совета АН СССР, в 1979–1986 гг. — ст. н. с. ГАИШ, в 1987–1992 гг. — заместителем директора по научной части украинского академического «Института новых физических прикладных проблем», где возглавлял отдел координатно-временного обеспечения, с 1998 по 2003-й гг. — заведующим отделом астрономии Всероссийского ин-та научной и технической информации РАН

Гаврила Сергеевич в 2000-е годы

(ВИНИТИ), с 2003 по 2014 гг. — ведущим научным сотрудником Института проблем развития науки РАН. Параллельно он с 1970-х гг. и до последнего часа был сначала вице-президентом Всесоюзного астрономо-геодезического общества, а затем, после его реорганизации в 1990-е гг. — президентом Межрегиональной общественной организации «Астрономо-геодезическое объединение». Г.С. Хромов с 1951 г. был членом ВАГО–АГО, более 60 лет.

Гавриил Сергеевич Хромов родился 12 июля 1937 года в семье создателя отечественной школы синоптической метеорологии, профессора Московского университета, одного из организаторов Бюро погоды СССР (ныне Гидрометцентр РФ) С.П. Хромова. Именем его отца назван корабль «Профессор Хромов». В 1959 г. он закончил механико-математический факультет МГУ по специальности астрономия и был принят на работу в Государственный астрономический ин-т им. П.К. Штернберга при МГУ. В 1962 г. поступил в аспирантуру физического факультета МГУ. В 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию под руководством Б.А. Воронцова-Вельяминова, известного советского астронома, члена-корреспондента АПН СССР, автора известнейшего учебника по астрономии для средних школ, по которому десятки лет учились поколения советских школьников. Выдающийся ученый, специалист по внегалактической астрономии Б.А. Воронцов-Вельяминов был также большим популяризатором астрономии. Его неоднократно переиздававшиеся «Очерки о Вселенной» привели в астрономию многих известнейших ученых. Б.А. Воронцов-Вельяминов высоко ценил работу Г.С. Хромова и, по свидетельству бывшего директора ГАИШ Д.Я. Мартынова, считал возможным допустить ее к защите как докторскую. И только формальные причины помешали этому. Вскоре после защиты в 1965 г. Г.С. Хромов стал Ученым секретарем ГАИШ, сменив на этом посту В.В. Нестерова, продолжая одновременно теоретические и наблюдательные исследования планетарных туманностей. Гавриил Хромов удачно сочетал в себе способности теоретика и экспериментатора. Одним из первых в мире он выполнил фото-

метрический обзор планетарных туманностей в ближней инфракрасной области спектра, сконструировав для этого специальный фотометр. Тогда же он был избран членом Международного астрономического союза.

В 1972 г. Гавриил Сергеевич Хромов был приглашен на работу в Астросовет АН СССР в должности зам. председателя — чл.-корр. АН СССР Э.В. Мустеля. По свидетельству многих, в том числе и моих тогдашних руководителей — В.В. Подобеда и А.П. Гуляева, — работал он много и успешно, развивал международные связи, координировал деятельность астрономических учреждений СССР, разрабатывал программы развития космической геодезии в нашей стране. Впоследствии он написал хорошую, объемистую работу по космической геодезии. К сожалению, произошло это после распада СССР, и книга не была опубликована. Гавриил Сергеевич много и плодотворно работал не только в области исследования планетарных туманностей, но и в других областях, включая наукометрию, которая его всегда интересовала.

Гавриил Сергеевич в течение длительного времени состоял членом двух комиссий МАС, а также был членом Астрономического совета АН СССР, членом совета по подготовке астрономических кадров и членом Головного совета по астрономии Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР.

Знал я Гавриила Сергеевича с конца 1960-х гг. будучи студентом старших курсов физического факультета МГУ. Он часто заглядывал к нам — астрометристам. У него среди них было много друзей: В.В. Нестеров, В.В. Подобед, А.П. Гуляев, Ю.И. Продан, Н.С. Блинов и др., да еще привлекало его и то, что у нас работали научными сотрудниками красивые астрометристки Л.В. Рыхлова и О.Д. Соловьёва. Они были остры на язычок, но, по правде сказать, доставалось от этого обычно Е.Н. Федосееву. Позже Евгений Николаевич стал ведущим сотрудником Службы времени ГАИШ, прекрасным наблюдателем на пассажном инструменте и фотографической зенитной трубе. В те годы у Г.С. и его жены

Л.В. Рыхловой родился сын — Иван, с которым я тоже давно дружен.

Позднее (1979 г.), когда Г.С. перешел из Астросовета снова в ГАИШ, мы с ним, небесными механиками В.М. Чепуровой и С.А. Гасановым, астрометристом Д.Н. Пономаревым работали в одной лаборатории — лаборатории астрономического практикума. Помню, что я попросил его подготовить описания для двух астрофотографических задач летней практики студентов-астрометристов. Этими безукоризненно составленными описаниями мы пользовались потом много лет. Наверное, их и сейчас еще можно найти в библиотеке на Южной базе ГАИШ в Крыму. О первой практике, которую провел Г.С. в Крыму, потом, спустя годы, мне с удовольствием рассказывала наша бывшая студентка Оля Старцева. В эти же годы Г.С. Хромов завершил работу над докторской диссертацией «Планетарные туманности (физика и эволюция)». Сразу же по ее результатам он написал монографию «Планетарные туманности: физика, эволюция, космогония», которая вышла в 1985 г. в издательстве «Наука». Это была первая в своем роде попытка обобщения и изложения огромного и разнообразного массива фактических данных и теоретических представлений о планетарных туманностях и их центральных звездах.

С тех пор мы с Гавриилом Сергеевичем много лет работали вместе, и меня всегда поражала его удивительная работоспособность, увлеченность поставленными перед ним задачами или задачами, которые он сам перед собой ставил. Вспоминаю годы работы его во Всероссийском институте научной и технической информации (ВИНИТИ) зав. отделом астрономии. Это было его второе возвращение в Академию наук. Он умело руководил коллективом на протяжении длительного времени, и коллектив обожал его. Заведенный им порядок работы с документами, статьями, а особенно внимательность к нештатным референтам поддерживаются коллективом до сих пор. Гавриил Сергеевич вместе с требовательностью умел создавать и дружелюбную обстановку. Помню, как на его 70-летие, когда он уже перешел на работу

в Институт проблем развития науки РАН, мы приехали к нему домой и от имени руководства ВИНТИ вручили ему Поздравительный адрес. Коллектив его помнил.

280 В годы работы в ВИНТИ он выпустил книгу «Наука, которую мы теряем» (1995 г.), где, как всегда объективно, разложил по полочкам прошлое и текущее состояние нашей науки. «Мы теряем мощную фундаментальную науку, огромную по объему и, возможно, первенствующую в мире по квалификации и интеллектуальному уровню своих работников», — писал он. Вот комментарий Ю.И. Мухина, известного российского общественного деятеля: «Г.С. Хромов написал очень толковую книгу „Наука, которую мы теряем“. Написал очень точно и правдиво». Книга актуальна до сих пор и, изданная тиражом в 5000 экземпляров, быстро разошлась. Г.С. всегда был неравнодушен к судьбам науки и положению научных работников. Об этом он много писал еще в советские времена в газете «Известия» и других печатных изданиях. Жалко, что к мнению специалистов у нас и тогда, да и сейчас не прислушиваются. Ярким примером этого может служить состояние Российской академии наук в наше время.

С середины 1990-х гг. Г.С. занимается вопросами науковедения и истории науки и техники, поэтому был закономерен его переход в 2003 г. в Институт проблем развития науки РАН. Как он сам говорил, «это место, в котором мне комфортно, и я занимаюсь весьма полезным делом». Гавриил Сергеевич любил работать ночами. Как сейчас вижу его за столом с листами бумаги, заполненными его почерком, и, обязательно, черной авторучкой. Он всегда сначала писал ручкой, редактировал тоже по рукописи и лишь потом печатал текст на печатной машинке, а в 2000-е гг. уже на компьютере. Персональный компьютер он освоил, правда, с трудом, в первой половине 2000-х гг. Время от времени он присылал мне по e-mail свои труды на общественно-политические и профессиональные темы. Его друзья их знают. В числе ближайших друзей он часто упоминал Володю Шахпаронова, которого знал, похоже, с детства. Уже после его смерти мы

с Владимиром Михайловичем познакомились. Он работает на физическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова.

Большое внимание Гавриил Сергеевич на протяжении всей своей жизни уделял работе во Всесоюзном астрономо-геодезическом обществе, был его 1-м вице-президентом и сумел сохранить Общество в бурные 1990-е гг., когда от общественных организаций требовали постоянной перерегистрации и когда многие из них были закрыты. «Астрономо-геодезическое объединение», как оно стало называться, существует и в настоящее время все в том же помещении на Садово-Кудринской, 24. Этот адрес хорошо известен многим поколениям астрономов. Слово «всесоюзное», равно как и «всероссийское», чиновники потребовали убрать, т.к. боялись, что Общество будет участвовать в политической борьбе. Кстати, в 1989 г. при активнейшем участии Гавриила Сергеевича были «выбиты» 10 мест для общественных организаций при АН СССР на будущем Съезде народных депутатов СССР. К сожалению, распри среди астрономов, а также ведомственные интересы других организаций помешали его избранию в народные депутаты. Я хорошо помню эти выборы, т.к. участвовал в них как доверенное лицо Гавриила Сергеевича. Его предвыборная речь выгодно отличалась своей четкой постановкой задач и реальными путями их реализации от невнятных рассуждений других кандидатов. Пожалуй, на собрании было два ярких «трибуна» — Гавриил Сергеевич со своей предвыборной программой и великолепно исполненными ответами на вопросы и представитель от Российского Палестинского общества, его зам. Председателя Евгений Семенович Евсеев — колоритнейшая фигура. ГС не выбрали, а ЕС и не избирался, но считал своим долгом отобрать достойных кандидатов. Помню, как секретарь собрания сказала мне: «как же это случилось, Хромов так много сделал для выделения такого большого количества мест, а именно его и „прокатили“». Она ему симпатизировала, да это и немудрено, Гавриил Сергеевич всю жизнь поляризовал окружающих его людей. С ним либо соглашались и активно поддерживали, дружили, либо, скажем мягко, ак-

тивно ему противодействовали. Но сам он, не будучи коммунистом, до конца жизни оставался патриотом нашей страны и нашей науки, равнодушным и активным их солдатом. Видимо, поэтому определенной части научных работников, в среде которых он и существовал, это не нравилось. Они, не обладая активной позицией, испытывали и испытывают боязнь реформ, смены образа жизни, а начальствующий состав — еще и потери привилегий.

282 Гавриил Сергеевич перевел с английского на русский язык (полностью или частично) или отредактировал около десятка книг. Наверное, мало кому известно, что именно Г.С. перевел научно-фантастический роман Ф. Хойла и Дж. Эллиота «Андромеда» (1966 г.), входящий в популярную серию «Зарубежная фантастика» издательства «Мир». Предисловие к книге под шапкой «Вместо предисловия» написал И.С. Шкловский, обращающий внимание читателей на то, что «один из его авторов, Фред Хойл, — всемирно известный астрофизик-теоретик, автор многих выдающихся трудов в самых различных областях этой увлекательной науки. Особенно велики заслуги члена Королевского общества профессора Хойла в области космогонии — науки о происхождении и развитии планет, звезд, галактик». Мы ею зачитывались и не знали, что это подарок нам от Гавриила Сергеевича.

Когда была основана серия книг «Библиотека любителя астрономии» (1979 г.), Г.С. Хромов стал председателем её редколлегии. В период 1979–1993 гг. было выпущено 12 книг.

В течение 5 лет (1997–2001 гг.), пока мне довелось выпускать «Астрономический календарь», Гавриил Сергеевич вместе с А.П. Гуляевым были неформальными членами его редколлегии и научными редакторами. На выпуск 1997 г. именно Г.С. получил грант от Российского фонда фундаментальных исследований, что оказало существенную, если не решающую помощь в выходе АК 1997. В АК 1998 он написал статью «Вспоминая давно ушедшее...» о своих первых шагах в астрономии: «мой интерес к астрономии воплотился в жгучую потребность в телескопе, который, по моим тогдашним представлениям, должен был немедленно открыть моему

взору некий новый, хотя и постоянно присутствующий где-то совсем рядом мир». С теплотой он вспоминает о своих учителях Германе Герасимовиче Ленгауэре, Клавдии Тихоновне Стояновой и других. И, как он пишет, «... никогда больше меня не обучали именно основам астрономической культуры, владение которой, собственно говоря, и должно отличать профессионального астронома от всех прочих людей, населяющих Земной мир».

Любимым местом отдыха Гавриила Сергеевича был Крым, а точнее, поселок Кацивели, близ которого находится 22-м радиотелескоп, установленный в 1967 г. и принадлежащий теперь Крымской астрофизической обсерватории (КрАО). На протяжении длительного времени ездил он туда практически каждую осень. Оттуда же совершал наезды в г. Севастополь и в поселок Научный, где рядом с КрАО находится Южная станция ГАИШ, ныне Крымская лаборатория ГАИШ МГУ. В Кацивели мы с ним несколько раз пересекались, вели длительные беседы, ходили вместе в г. Симеиз и по его окрестностям, и это было очень интересно. Он много знал об этих местах. Чувствовал себя там как дома. Помню, как в 1990 году он повел меня на древнее захоронение, которое годом-двумя раньше вместе с симеизскими энтузиастами-краеведами отстоял от уничтожения. На этом месте Академия наук собиралась построить большой гараж и подсобные помещения для строящегося недалеко от п. Кацивели здания своей огромной гостиницы. Кстати, до сих пор это здание не достроено, хотя в горе, на которой стоит её остов, еще в советское время успели сделать выход к морю прямо из здания гостиницы. Пустой темный тоннель используется теперь отдыхающими как отхожее место. Водил он меня и на местное кладбище, где похоронен академик Григорий Абрамович Шайн, руководитель Симеизской обсерватории в 1925–1945 гг. и организатор и директор КрАО. Там же похоронен и мой однокурсник Николай Семенович Нестеров, бывший заведующий лабораторией РТ-22. Какое же славное было это время, и Коля Нестеров был еще жив и чрезвычайно активен.

И, конечно, нельзя не упомянуть о спортивной стороне жизни Гавриила Сергеевича. Такое впечатление, что он всю жизнь был спортивным человеком, и именно это помогало ему так много трудиться. Он жил в главном здании МГУ в зоне М, рядом Ленинские горы с их крутыми склонами, трамплинами, лыжными трассами. Как-то я поинтересовался, зачем ему горные лыжи, он удивился — «не только вы учите своего сына катанию на них, и мы были горнолыжниками». И тут же предложил взять их для сына «на вырост». С сожалением я отказался, т.к. на деревянных лыжах теперь не катаются, и сын бы меня не понял. Пришлось покупать современные, и не один раз. Также Гавриил Сергеевич занимался парусным спортом, но особенно преуспел в фехтовании на саблях. Он входил в сборную МГУ по этому виду спорта, был ее капитаном и, кажется, имел звание мастера спорта.

284

[В дневниках Гаврилы Сергеевича нет никаких воспоминаний о том, что он занимался теннисом. Но мой друг и однокурсник Володя Якименко утверждает, что он часто видел ГС, отрабатывающего удары перед стенкой, что возле известной многим 8-й столовой МГУ. Как я ни старался его сбить с толку, говоря, что сам ГС об этом не пишет, и он обознался, Володя стоит на своем. Остается подумать, что ГС не достиг в теннисе успехов и не счел нужным об этих тренировках писать. То же самое можно сказать и о занятиях им в парусной секции МГУ (см. стр. 227 и фото на стр. 485). Все-таки он был самолюбивым человеком и не умел, да и не желал проигрывать].

Гавриил Сергеевич Хромов прожил свою жизнь ярко, бескомпромиссно, плодотворно, оставив после себя большое научное наследие. Даже резкая потеря зрения в последние годы не смогла остановить его деятельную натуру, он продолжал писать. Во всём ему помогала Нонна Борисовна, его вторая жена. Она была ему верным спутником на протяжении последних 35 лет и своей энергией, оптимизмом и любовью внесла в его жизнь определенное умиротворение, в то же время освободив от бытовых забот. Он платил ей преданностью. Это был прекрасный союз.

Гавриил Сергеевич Хромов скончался на Рождество 7 января 2014 года, с печалью повторяю эту дату. Он был яркой, неординарной личностью, и его уход уносит с собой не только потерю нами многого того, чего он не успел воплотить в печатные знаки, байты информации, вербальные послания, но и массы огромного удовольствия от общения с ним — прекрасным человеком и собеседником. Светлая ему память.

P.S.

Книги, написанные или переведенные Г.С. Хромовым:

Астрофизика высоких энергий. Trevor C. Weekes, Г.С. Хромов, В.Г. Курт. М.: Мир, 1972. — 244 с.

Discovery of our galaxy. Charles Allen Whitney, П.С. Гуров, Г.С. Хромов. М.: Мир, 1975. — 235 с.

Планетарные туманности. Г.С. Хромов. Серия: Космонавтика, астрономия М.: Знание, 1975, — 64 с. В брошюре популярно излагаются современные представления о необычных объектах нашей Галактики — планетарных туманностях. Приводятся краткая история их наблюдений и развитие наших представлений об этих объектах. Обсуждается значение планетарных туманностей с точки зрения строения и эволюции звезд.

Приемники излучения в наземной астрономии. Г.С. Хромов. М.: ВИНТИ, 1982. — 88 с. Рассмотрены физические принципы действия, устройство и свойства приемников излучения различных типов, применяемых в современных астрономических наблюдениях в оптическом диапазоне длин волн (фотопластинка, фотоэлектронный умножитель, электронно-оптический преобразователь, электронная камера, приемные телевизионные трубки, высокочувствительные твердотельные преобразователи).

Планетарные туманности: физика, эволюция, космогония. Г.С. Хромов. М.: Изд-во «Наука», Глав. ред. физико-математической лит-ры, 1985. — 296 с.

Наука, которую мы теряем. Г.С. Хромов. М.: Космосинформ, 1995, — 104 с. — ISBN 5-900242-13-7.

- 286 Научно-технический потенциал России, в 2 ч. Л.Э. Миндели, Г.С. Хромов. М.: Центр исследований и статистики науки, 2003. — ISBN 978-5-91294-044-6.
- Управление государственным сектором науки. Зарубежный опыт = Governance of public research. Toward better practices: сокращ. излож. [подгот. Г.С. Хромов]. М.: ЦИСН, 2004. — 80 с. — ISBN 5-7602-0157-3.
- Состояние и эволюция научно-технических систем в промышленно развитых странах. Л.Э. Миндели, Г.С. Хромов. М.: ИПРАН РАН, 2008. — 206 с. — ISBN 978-5-91294-014-9.
- Научно-технический потенциал России: в 2 ч. Л.Э. Миндели, Г.С. Хромов. М.: Ин-т проблем развития науки РАН, 2011. — ISBN 978-5-91294-044-6. Ч. 1. 2011. — 288 с. — ISBN 978-5-91294-045-3.
- Научно-технический потенциал России: в 2 ч. Л.Э. Миндели, Г.С. Хромов. — М.: Ин-т проблем развития науки РАН, 2011. — ISBN 978-5-91294-044-6. Ч. 2. 2012. — 280 с. — ISBN 978-5-91294-049-1.
- Научно-технические системы промышленно развитых стран в начале мирового экономического кризиса: 2007–2009. Л.Э. Миндели, Г.С. Хромов. М.: ИПРАН РАН, 2012. — 183 с. — ISBN 978-5-91294-052-1.

На сайте ИПРАН приведены не публиковавшиеся ранее работы Г.С. Хромова:

- Хромов Г.С. «Высокая наука и высокая политика». 23 с.
- Хромов Г.С. «Глобализация» (Попытка историософского анализа)». 53 с.
- Хромов Г.С. «Инновации и вокруг них». 77 с.
- Хромов Г.С. «О соревнующейся Америке». 47 с.

Книги и статьи Г.С. Хромова таят в себе глубокое, неподдельно живое содержание, которое привлекает благодарных ему читателей. Смерть остановила его разнообразную деятельность, но есть уверенность, что она будет продолжена в разных областях его последователями.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОФИЦИАЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО о присвоении имени малой планеты

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

на основании решения от 5 марта 2015 года
Комитета по наименованию малых планет

Международного Астрономического Союза
настоящим свидетельствует,

что малая планета,
зарегистрированная в международном каталоге малых планет
под № 372578 и имеющая предварительное обозначение 2009 UB92,
получила имя

ХРОМОВ

в честь

Гавриила Сергеевича Хромова

Имя планеты заносится в международное научное издание
«Эфемериды малых планет», выпускаемое по поручению
Международного Астрономического Союза

Институтом прикладной астрономии Российской академии наук,
возглавляющим в России работы
по изучению и каталогизации малых планет Солнечной системы

IAU official message

(372578) Khromov = 2009 UB92

Discovered 2009 Oct. 24 by T. V. Kryachko at Zelenchukovskaya Stn.

Gavriil Sergeevich Khromov (1937–2014) was a Russian astronomer and organizer of science. From 1970 to 1991 he was Vice President of the All-Union Astronomical-Geodetic Society of the USSR, while from 1991 to 2014 he was President of the Interregional Astronomical-Geodetic Association.

Minor Planet Circular № 93068, 2015 Mar. 5.

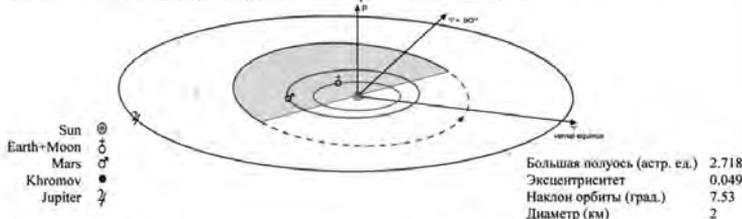
Официальное сообщение МАС

(372578) Khromov = 2009 UB92

Малая планета (372578) Khromov открыта 24 октября 2009 г. Т. В. Крячко на Зеленчукской станции.

Гавриил Сергеевич Хромов (1937–2014) — российский астроном, исследователь и популяризатор науки. С 1970 по 1991 год — вице-президент Всесоюзного астрономо-геодезического общества при АН СССР, с 1991 по 2014 год — президент Астрономо-геодезического объединения.

Minor Planet Circular № 93068, 2015 Mar. 5.

Вице-президент РАН
академик

Ж. Н. Алферов

Директор ИПА РАН
канд. физ.-мат. наук

Д. В. Иванов

Санкт-Петербург
5 февраля 2018 г.

5 марта 2015 года в честь Гавриила Сергеевича Хромова малой планете, открытой 29 октября 2009 года Т.В. Крячко в станции Зеленчукская, присвоено наименование «372578 Khrpomov».

288 Вот так я написал о Гавриле Сергеевиче в «Космическом дайджесте», нарушив свой же принцип, которого стараюсь придерживаться: «О мертвых либо ничего, либо правду». Впервые я, кажется, прочел об этом в воспоминаниях о 1700-м семинаре В.А. Гинзбурга [Семинар. М.: Физматлит. 2006. С. 42]. Вроде бы так он считал почти всю жизнь, но в сильно пожилом возрасте возвратился к классической формулировке. Мне кажется, лучше всего это выразил Э. Лимонов в «Книге мертвых»: «Когда обиженно утверждают под предлогом святости мертвых банальное «о мертвых — ничего или только хорошее» — это продолжение во времени обычного, пошлого обывательского конформизма и ханжества. О мертвых надо говорить плохое, иначе, не осудив их, мы не разберемся с живыми ... Быть мертвым — куда более естественное состояние. Поэтому — какие тут церемонии могут быть, мертвых жалеть не надо. Какие были — такие были. Они имели время, всё, какое возможно. Если не доделали чего-то ... ну, разведем руками».

Этой своей книгой, которую вы читаете, думаю, я вернулся к своему принципу.

КЕМ ЖЕ БЫЛ ГС

«И кудри мои вились...»

289

Свои дневники Гаврила Сергеевич подробно вел с 1972 года. Возможно, под влиянием Д.Я. Мартынова, при директорстве которого он был пять лет ученым секретарем — и неплохим, упорядочив дела после В.В. Нестерова. Я слышал неоднократно от моего руководителя, А.П. Гуляева, что «Виля не особенно усердствовал в этом деле». Архив ГС — это 33 общие тетради дневников в 96 листов каждая, из которых две формата А4. Кроме того, 4 папки, полные документов и обозначенные: «История ухода из Астрономического Совета 1977–1979 гг.», «Глупая эпопея с защитой докторской диссертации 1980–1981 гг.», «История гонений», «Избирательная кампания 1989 г. по выборам депутатов последнего Верх. Совета СССР и Моссовета. Какая глупость ввязаться, и слава Богу, что безрезультатно!». Это не считая огромного количества чернови-ков, которые он писал при работе над книгами. А писал он всегда от руки и затем перепечатывал, и лишь в последнее

время для окончательного редактирования набирал текст на компьютере. В общем, в этом плане он был большой труженик и изводил огромное количество бумаги. В конце дневниковых записей 1989 г. ГС пишет: «Вот и очередной год жизни — и длинный, и короткий — спрессовался в очередную тетрадку. Это нужно мне, пока я живой. Но и кому попадете вы, эти листы, когда меня не станет? „... кому развеживающий плед, и тонкая трость с борзой, кому — серебряный мой браслет, осыпанный бирюзой...?“».

290 Попали они ко мне, в противном случае были бы уничтожены. Кто бы стал разбираться в этих рукописных «хрониках», как он сам однажды в самом начале назвал свои записи? Мелкий, хоть и довольно разборчивый почерк, и огромный объем. Я сначала просто хотел прочитать места, связанные со мной и его впечатлениями о некоторых известных мне людях и событиях, а потом увлекся и стал читать всё подряд. Кто-то скажет — и хорошо бы, будь они уничтожены, но этого не произошло, и был нажат спусковой крючок, и в результате получилась книга. И, надеюсь, не книга дневников, а книга воспоминаний с выдержками суждений из дневников, моих вставок, врезок, подобранных фотографий, позволивших ему сообщить нам своё мнение, свой взгляд. А мне — свой. В какой-то мере — действительно хроника. Его мнение небезынтересно, а зачастую и шокирующее. Но не более, чем высказывается о тех же людях и том же времени Елена Боннэр в книге «Сахаров. „Кефир надо греть“. История любви, рассказанная Еленой Боннэр Юрию Росту». [Юрий Рост. М.: Бослен. 2018. 288 с.]

Например, о Шкловском (с. 22):

ЮРИЙ РОСТ Образ его [Сахарова] строили?

ЕЛЕНА БОННЭР Насчет образа. У меня в то время был единственный знакомый академик, это Иосиф Шкловский, дальний мой родственник.

ЮРИЙ РОСТ Это тот, который космосом занимался?

ЕЛЕНА БОННЭР Да, или, вернее, даже свойственник, долгая история. Но я была с ним хорошо знакома и других академиков не знала. Единственно, что я знала просто зара-

нее, что Сахаров явно не похож на Иосифа. На этого хохмача, трепача и бабника — вот в этом я была уверена. Хотя Иосиф при этих трех качествах был очень талантливый и очень обаятельный человек. Ты его знаешь?

ЮРИЙ РОСТ Да, я его знал, конечно.

Или о Зельдовиче (с. 97):

ЕЛЕНА БОННЭР Мы были в Цахкадзоре. Я познакомилась с Марковым, с Фаддеевым, физиками, они чего-то много с Андреем там решали, и с Зельдовичем, который не мог пропустить ни одну женщину, ему совершенно плевать — молодая ли, старая ли. Там был такой погребок, и вечером все ходили туда вино пить и танцевать. Андрей — ни вино, ни танцевать. А я была еще дама способная, не на вино, но на танцы. И Зельдович говорил такие слова и комплименты, что я ему сказала: Яков Борисович, я четыре года в армии отгрохала, и я это все слышала по сто раз на дню. Вот то, что называется офицерский лексикон. Я это терпеть ненавижу, я по горло сыта этим. Как в песне — «на всю оставшуюся жизнь».

Вот так.

Весь архив передала мне после его смерти Нонна Борисовна Хромова, вторая жена Гаврилы Сергеевича. Передала потому, что ГС, как я уже написал, дважды работал в моем подразделении — сначала в лаборатории астрономического практикума в ГАИШ, а затем в отделении научной информации по физике и астрономии ВИНТИ. Ну и потому, наверное, что она видела мое заинтересованное к нему отношение: я написал посмертно о нем две большие статьи: в «Землю и Вселенную» и, по просьбе Владимира Михайловича Шахпаронова, в «Космический дайджест». Нонна Борисовна, естественно, видела, что мы с ним часто встречались (как выяснилось, правда, из дневников, я „напрашивался“ к нему в гости или на аудиенцию) у него дома на Ленинских горах, где он жил в корпусе «М» Главного здания МГУ им. М.В. Ломоносова, перезванивались, в общем, «временами довольно

часто общались». Мы, теперь с ней, продолжили общение и общаемся до настоящего времени, и эти отношения, пожалуй, даже ближе, чем с Гаврилой Сергеевичем. Все-таки он со мной чувствовал себя, видимо, как с С.Б. Пикельнером — «между нами сразу же установились какие-то равноправные отношения, порою даже с оттенком старшинства с моей (?) стороны», помните эту поразившую и неприятно удивившую меня запись в заметках о смерти Соломона Борисовича? Вот так же он рассматривал, наверное, и наши отношения.

292

Конечно, мне было интересно, как он наши встречи, отношения, этапы совместной работы описывал в своих дневниках. Вот они-то, дневники, и нарисовали мне другого Гавриила Сергеевича. Того, каким он был, а не хотел казаться, выходя «на люди». Неожиданно для меня выяснилось, что себя он видел человеком большого масштаба, очень большого, стратегом государственного, если не мирового уровня. Он, как и Сахаров, оказывается, пытался перестроить страну, ввести новые правила, наладить другую жизнь. Только пьедестал у него был не мирового уровня, а небольшой — астрономический мирок да несколько чиновников, с которыми он взаимодействовал. Впрочем, в качестве трибуны он также пытался использовать СМИ, но, как правило, безрезультатно.

«Днем — тяжкие раздумья о том, как жить дальше — и с Иваном [сыном], и в советской астрономии. Какие горы надо перевернуть и как простить!» (01 авг. 1978 г.).

Гаврила Сергеевич для себя создал мир, в котором чувствовал себя комфортно. Он был непоколебимо уверен почти всю жизнь, что все стоят в очереди, чтобы с ним повидаться, мнение его все очень хотят услышать, поговорить с ним считают за честь или счастье, как кому нравится. Вот, к примеру: «Чепурова с Петровской напросились в гости „на Канаева“. Пришлось принять» (21 мая 1980 г.). «Вечером напросились в гости Чепурова с Шамаевым. Симпатично поболтали до 0:30» (04 нояб. 1987 г.). И вы думаете, что это «напросились» потому, что ему приходилось заботиться о том, чем бы накормить, напоить, убажить? Ничего подоб-

ного, у Хромовых никогда не давали даже чашки чаю. Только беседа, преимущественно длинные монологи ГС с непрерывным курением, которым только в последнее время я активно препятствовал. Помню лишь один раз, когда ГС предложил чашечку кофе. И это за все 30 лет отношений. Может быть, он кого-то и угощал, но сомневаюсь, разве что ты сам всё принес. Или Гаврила Сергеевич всех проходящих делил по рангу? В таком случае, мы с Валентиной Михайловной Чепуровой были в самом низу. А ходил я к нему, потому что мы часто общались с Иваном Гавриловичем в конце 90-х и начале 2000-х. До этого были общие дела по ВАГО, а потом и по АГО. Еще я часто заходил, когда выпускал «Астрономический календарь», да и так поболтать, но не часто. Его монологи часто выслушивать было невозможно, но изредка было занятно.

Еще примеры «напросившихся»: «Затем звонили: Вениаминов, Щербина-С. [Щербина-Самойлова], Журавлев, Буланже, who else?» (30 апр. 1980 г.). «Напросился на аудиенцию Ю. Глушков» (06 сент. 1985 г.). «Валом пошли визитеры. Одновременно в Москве — Горбацкий, Колесник, Яцкив. Звонил из Москвы же — Терез. ... Хорошо поговорил с Варакиным. С Ярославом говорил по телефону. По первому заходу слегка продраил его за то, что он связался с двумя жуликами» (23 дек. 1985 г.). «Сказал Гребеникову, что собираюсь в МК [МГК КПСС]. Просится поговорить» (15 авг. 1986 г.).

Всем-то он нужен, все-то хотят с ним посоветоваться, получить его напутственное слово. И, в то же время как бы надрывно, жалея себя, не истраченного: «Живу я внешне благополучно, но — без дела, которое считаю для себя достойным, с женой, которая меня разлюбила, с сыном, которому я безразличен, с матерью, которая меня никогда не понимала, и с деградировавшими друзьями молодости. Внутренний итог! И я же еще плох в глазах собственной жены, за то, что убиваю себя работой. Добавим к тому ставшую уже привычной враждебность в окружении. Где взять силы?» (4 мая 1980 г.). И это в 42-то года.

Но все продолжается: «4-го, в субботу, принимал у себя Германа Сергеевича Суворова — секретаря Пресненского райкома КПРФ. Посидели, мило поговорили и немного выпили. По его просьбе написал информационную записку о Московском планетарии. ... Познакомил его с Земцевым [председателем ВАГО], чтобы они могли взаимодействовать напрямую (кажется, в пятницу, 10-го)» (13 авг. 2001 г.). «Заодно пообщался с Лымарем: он давно меня зазывал...» (15 дек. 2000 г.), «Сегодня остался дома, чтобы поговорить с Ю.В. Данилиным [Данилин Юрий Валерьевич, зам. гл. редактора «Литературной газеты», работал в «Комсомольской правде», «Известиях», вел семинар во ВГИКе], пришедшим посоветоваться перед написанием срочной статьи о науке и о РАН. Беседовали часа 3: я подарил ему копию статьи о заметках Д.И. Менделеева об АН [Академии наук] и свою книжку [Хромов Г.С. «Наука, которую мы теряем»]. Было довольно мило. Поперебивали косточки и В. Гинзбургу, и Ж. Алферову» (03 нояб. 2004 г.). «Вчера закончил статью об экономической подоплеке военных авантюр США» (18 дек. 2000 г.) и т.д.

294

ГС очень гордился своей пятикомнатной квартирой в Главном здании МГУ и страшно боялся, что его сын, с которым он был в ужасных отношениях, может попытаться её разменять, о чем тот неоднократно заводил разговор. Позднее он пишет, что появились «слухи о кап. ремонте наших корпусов с отселением». А потом началась приватизация, при которой выяснилось, что квартира-то ведомственная. И затем: «Меня это пугает до потери самообладания [капитальный ремонт]. Прекрасная квартира — это то единственно серьезное, что у меня осталось. Почему на старости лет [а ведь ГС в то время всего 50 лет] я должен лишиться дома, в котором прожил чуть ли не всю жизнь?» (23 февр. 1988 г.). И, действительно, жил в этой квартире ГС с детства, потому что его отец Сергей Петрович Хромов был виднейшим метеорологом нашей страны и зав. кафедрой географического факультета МГУ. Здесь же, видимо, ГС проникся чувством собственной исключительности, находясь в профессорско-академической

среде. Среди его ближайших соседей были Георгий Николаевич Дубошин, заведующий кафедрой небесной механики и гравиметрии физического факультета МГУ, профессор физического факультета Л.В. Лёвшин, профессор химического факультета М.И. Шахпаронов, в соседнем корпусе жили директор ГАИШ Д.Я. Мартынов, заведующий кафедрой звездной астрономии и астрометрии Б.В. Кукаркин и многие, многие другие.

Кстати, для многих из них И.С. Шкловский дал уничижительные характеристики. В рассказе «Космогоническая поэма», например, есть такой фрагмент: «В химии банда Шахпаронов и К° громила «буржуазную» теорию резонанса и одного из её создателей Полинга, уже потом ставшего выдающимся борцом за дело мира».

Или в рассказе «Юбилейные арабески»: «В 1952 году к власти в Институте [ГАИШе] пришёл Борис Васильевич Кукаркин. Человек крайне беспринципный, он давно уже жаждал этой самой власти. Есть такая категория людей, помоему, чрезвычайно опасная. На моих глазах, за какие-нибудь год—два, Кукаркин разворачивался на 180°. Например, сразу же после войны он призывал нас, молодых астрономов, печататься только в англо-американских изданиях и тем утверждать и пропагандировать выдающиеся достижения отечественной науки. Спустя 2–3 года он с не меньшей яростью и во имя всё той же отечественной науки предавал анафеме тех жалких безродных космополитов, которые печатаются в иностранных изданиях. В нём было что-то от иезуита и очень много истерики. Его не любили и не уважали».

Д.Я. Мартынов тоже удостоился у Иосифа Самуиловича нелестной характеристики: «Наступила более чем 20-летняя эпоха «дямократии» (сотрудники прозвали нового директора Дямкой). Определяющим в его облике и поведении было то, что он с 25-летнего возраста (!) занимал руководящие посты — одно время был даже ректором третьего в стране университета — Казанского. По этой причине он был буквально пропитан ощущением своей значимости и вели-

чия, что совершенно вскружило его слабую голову. Это был воинственный до самозабвения бюрократ, досконально знающий своё чиновничье дело». На самом деле Д.Я. Мартынова в ГАИШе звали ДЯМой, а не Дямкой, как у ИС, впрочем, может быть, он и звал его так. О первом сокращении имени Дмитрия Яковлевича нам, студентам первого курса, сразу же поведала Наталья Борисовна Григорьева, бывшая тогда, да и позже доцентом кафедры астрофизики и читавшая на первом курсе «Общую астрономию» совместно с А.В. Засовым. Читала неважно, писала на доске плохим почерком и мгновенно стирала с доски только что написанные формулы. При этом, писала хаотически, не придерживаясь никакого порядка, то в одном конце доски, то в другом. Рассказывала, что придет в голову. Похоже, к лекциям она не очень готовилась. А вот Анатолий Владимирович блистал на этих лекциях, и мы все его любили. Как сейчас помню его комментарий к нам, если мы долго думали над решением задачи или при ответе на вопрос: «Что случилось? Ведь всё так просто. Вы должны бежать к доске, сшибая стулья, чтобы быть первыми».

Надо сказать, что и Иосиф Самуилович, и Гаврила Сергеевич, на мой взгляд, по поведению и склонности к резким высказываниям были довольно близки, и неслучайно, видимо, ГС был вначале его аспирантом. Разница только в том, что Иосиф Самуилович был интеллигентом в первом поколении, а Гаврила Сергеевич — во втором. Отсюда и резкость суждений первого независимо от окружения, и коррекция высказываний второго в некоторых случаях, когда обстановка «не позволяла».

Еще раз повторю, что сразу после смерти Гаврилы Сергеевича 7 января 2014 г. я написал о нем некролог в Электронном бюллетене «Космический дайджест» (март 2014, № 10 (62), с. 3–8), статью в журнал «Земля и Вселенная», сделал страничку в «Википедии» и совместно с новыми руководителями АГО инициировал присвоение новооткрытой малой планете его имени. Но главное, я проявил интерес к его ар-

хиву, с которым Нонна Борисовна не знала что делать. Мне же, повторюсь, хотелось получить ответы на свои вопросы, связанные с его неудачной судьбой, хотя сам он её таковой прилюдно не считал, хорохорился.

Гаврила Сергеевич так и не сумел объективно оценить свое поведение, поступки, заявления, адекватность отношения с окружающими, но это редко кому удается. Мы всегда переоцениваем свою бескорыстность и прозорливость, собственную значимость, а планка у него была высокая.

В дневниках он писал: «Очень хочется серьезной масштабной работы — с лишениями и самоотдачей, но такой, чтобы ее польза для всех не вызывала сомнений. Когда-то я так думал о своей работе в АС [Астросовете]. Но, на проверку, это оказалось если не [не] нужным, то мелким делом. И возврата на прежних условиях я не принял бы» (02 июня 1979 г.). Возврата-то никто и никогда ему бы и не предложил.

В 1981 году есть запись: «Мои терзания, без сомнения, вызваны отсутствием серьезного дела. Я долго искал такое — сначала в ГАИШе, потом в Академии. Я сильно и быстро рос и перерастал свою обстановку и возможности [даваемые этой обстановкой]. Разочарование перерастало в резкость и раздражение. ... Современная Академия, а тем более — Минвуз — это провинциальные, по сути дела, организации, находящиеся вдали от магистрали развития страны. Там можно неплохо жить, обладая «сонной натурой», но даже с фанатичной преданностью науке — жить уже трудно, ибо это приводит к столкновению с рутинной и призыву «играть всерьез». Амбиции — заметные, но отнюдь не беспредельные, вроде моих, — удовлетворить там невозможно. Ибо за это нужно платить слишком высокую цену угодничеством и лизанием старческих задов. Разве что невероятно повезет, что бывает редко.

Наша фундаментальная наука — помирает, и спасти её усилиями одиночек — нереальное дело. Созерцать агонию — тягостно и расточительно. Надо уходить! Я сделал за последние годы, видимо, только одну ошибку — пересидел в Астросовете. Надо было уходить быстро, а я слишком долго

пребывал в тумане иллюзий насчет конечной победы справедливости и дела» (06 янв. 1981 г.).

Через 20 лет: «Моя жизненная беда — стремление всегда «играть всерьез и по правилам». И я упорно делал это с самого перехода в Астросовет и до сего дня. И всегда оказывалось, что остальные-то только делают вид, что работают, а на деле гонят «туфту», и что правил, кроме меня, дурачка, никто и не думает соблюдать. Похоже, что отсюда — все мои жизненные изломы, от которых, кроме печального опыта, только и осталось, что спокойная совесть, одиночество и усталость» (запись от 12 марта 2000 г.). Или вот, прямо умиленное заключение: «Во мне почти нет ни эгоизма, ни властолюбия. Или даже упрямства. Но есть естественное для меня как воздух стремление „служить делу“ ... Я, скорее, Тарас Бульба в конфликте с Андреем» (18 апр. 2000 г.). Согласитесь, идеальный человек. А вот как сказала бы моя бабушка, Домна Михайловна Каштанова, — такого эгоиста еще надо поискать.

298

Или ранее. «Посмотрел у Шамаева недавно изданную „монографию“ по истории советской астрономии, якобы под редакцией покойного В.В. Соболева и его памяти посвященную, с его же туповатым предисловием. Перечитал и беззлбно чертыхнулся. В книге вообще отсутствует глава о физике туманностей и межзвездной среды, которую я когда-то писал по настоятельнейшим просьбам В.Г. Горбацкого. Целую главу и целый раздел астрономии выкинули — только чтобы ко мне не обращаться и не отыскав другого автора! Даже и не знаешь, как комментировать. Лучше всего — очередной раз послать все это и всех их ко всем чертям собачьим! Я уже давно перерос их инфантильный уровень. Ну, а потомки сами разберутся, коли захотят» (23 февр. 2000 г.). Вот и пытаемся разобраться, и разобраться потому, что человек-то он был неординарный, штучный человек. Много чего наделал, а вот что в осадке?

Время от времени у ГС прорывается: «Работается не очень, да и настроение мрачноватое: какая-то полная безнадега по всем направлениям» (28 февр. 2000 г.). Всё это свя-

зано, наверное, с началом болезней по старости. Уже примерно с шестидесяти лет ГС много и подробно пишет в дневниках о своих болячках: кардиология, ЖКБ, простуды, потеря зубов, урология, проктология, то, что сопровождает пожилого человека. В общем, ничего особенного, но на него сильно влияло и, конечно, постоянные записи о необходимости поменять режим работы. Ведь он любил работать ночью и спать до обеда. В общем, аристократ 19 века. Бывало, я заходил к ним утром за чем-то, предварительно договорившись, но без уточнения времени — «утром», а Нонна Борисовна говорила: «Гаврюша еще поживает».

Читая его публикации, рукописи, дневники, я подумал, что это прекрасный материал для описания ГАИШа, в котором я тоже был с 1965 по 1988 гг. [«И кровь прилиwała к коже, И кудри мои вились... Я тоже была, прохожий! Прохожий, остановись!». Марина Цветаева], да и позднее «не оставляя вниманием», часто заходил, считая ГАИШ чуть ли не родным домом. Также Гаврила Сергеевич подробно описывал Астросовет и ВИНТИ, где мы с ним вместе работали какое-то время и куда я его пригласил, чтобы покончить с его затянувшейся на 7 лет безработицей. Интересно, что в ГАИШе после Астросовета он также продержался 7 лет. Семь же лет он проработал и в Астросовете. Вообще, число 7 для ГС является магическим числом. Через 7 лет после первой женитьбы у него рождается сын, через 7 лет после второго брака он произвел и дочь. Правда, на стороне. Жизнь его тоже можно разделить на 7 периодов: детство—юность, ГАИШ (директор Д.Я. Мартынов), Астросовет (Мустель—Масевич), ГАИШ (Е.П. Аксенов), Институт новых физических и прикладных проблем АН Украины (И.П. Петухов), ВИНТИ (В. Шамаев), Институт проблем развития наук РАН (Л.Э. Миндели). И то, что можно считать монографиями, — у него тоже 7. Такое вот счастливое—несчастливое число.

Интересно, что И.С. Шкловский тоже обнаруживает числовую зависимость, а скорее описывает ее, в своем «Эшелоне» в рассказе «Юбилейные арабески», другой фрагмент

которого я уже цитировал ранее: «В нём [Кукаркине] было что-то от иезуита и очень много истерики. Его не любили и не уважали. Имел, например, глупость многократно хвататься, что может 17 раз подряд повторить известный подвиг Геракла — брехал, конечно. Вообще, число „17“ действовало на него почему-то гипнотически. Впрочем, человек он был не без способностей, астрономию любил, хотя систематического образования не получил, был самоучкой. Его свергли [из директоров ГАИШ] в 1956 году, причём и я приложил к этому делу свою руку. А зря! Вообще, никому не советую принимать участие в „пронунсиamento“, то бишь дворцовом перевороте. Всегда на смену приходит нечто гораздо худшее». Худшим для Иосифа Самуиловича оказался Д.Я. Мартынов.

300

Направлена моя книга на астрономическую среду, в которой ГС вращался, достиг успеха и подвергся остракизму (отторжению). Он всегда помнил об этой среде, несмотря на заявления о том, что всё это в глубоком прошлом и его не волнует. Действительно, по астрономии со времени своей неудачной защиты докторской диссертации и издания по ее материалам книги «Планетарные туманности» он ничего не написал. С характеристикой этой работы и самой книги ГС, как всегда, «скромен»: «Книга претерпела не менее 4-х редакций. В общем, какой бы она ни была, большего я сделать, вероятно, не могу. Но и то верно, что таких книг в нашей астрофизической литературе не было, и нет» (28 марта 1983 г.)

Размышлял и писал он теперь о развитии всей науки, о научно-промышленном потенциале страны, ее месте в мировой науке, о Российской академии и совершенствовании ее деятельности вплоть до изменения Устава. Интересно, что ГС откликался на всё, даже по вопросам, которыми никогда не занимался: «дописал заметку о глупостях предполагаемой реформы налогообложения. Завтра, если удастся, отвезу в „Известия“» (25 апр. 1989 г.). Приведу такие примеры: на первой стадии так — «Сегодня сдал блестящий с моей точки зрения и одним духом написанный документ об управлении

комплексными научно-техническими программами. Видно, я и впрямь чего-то стою. Бумага пошла Чубаренко и, возможно, — доберется до Байбакова [Председатель Госплана СССР] (06 сент. 1984 г.)». Или: «...за это время набросал схему организации нашей науки на общечеловеческих началах, без всякого „Олимпа“. Надо ещё составить к ней пояснительную записку» (05 марта 1988 г.). Но уже позднее вот так — «А я — молодец! Только что закончил рукопись книги о научно-техническом потенциале России. Поставил последнюю точку и написал слово „конец“. И как закончил! Последнее слово у меня „русский человек“, цитата из 2-го тома „Мертвых душ“ Гоголя. Ай да Хромов, ай да сукин сын! Год и 4 месяца работы. Стопка проработанных документов в мой рост. Папки конспектов и вычислений. ... Работа, к которой я шел, по сути дела, всю жизнь, в которую вложил весь свой опыт, знания и изломанную свою судьбу, весь свой литературный дар. Об издании почему-то не беспокоюсь. Такая работа, с такой пронзительной патриотичностью, найдет издателя» (19 янв. 2000 г.). «Это итог 20 последних лет, подведенный с использованием всего моего опыта и всех выстраданных мыслей. ... Приготовил дискету, а также — жизнеописание и список своих публикаций, который давно хотел передать Миндели, чтобы впечатлялся» (22 янв. 2000 г.). «Третьего дня закончил, наконец, свою рецензию на эту дурацкую «Стратегию 2020», вложив в нее все свои знания и всю ненависть к либеральному идиотизму [58 страниц машинописного текста] (25 февр. 2011 г.). «Я — в безделье и обычной депрессии после окончания очередной большой работы — рецензии на «Стратегию 2020». Ее, очевидно, надо «вешать» в Интернете. Завтра буду говорить об этом с Миндели» (01 марта 2011 г.). «Предложил Миндели продумать, что делать с этим явно удачным и своевременным моим документом» (08 марта 2011 г.). «Третьего дня зажмурился и отослал свои замечания о «Стратегии 2020» на сайт института М. Делягина» (14 марта 2011 г.). «Разговаривал с Миндели и по итогам этой беседы за 3 дня написал ему 12 стр. энергичного текста — о библиометрии, фундаментальной

науке, Академии и Высшей школе. Писал, не стесняясь в выражениях, о его любимой Академии и ее дурацкой «политике» в стиле «Давайте, суки, деньги и не лезьте в наши дела!» Подозреваю, что Л.Э. обиделся: я ведь покусился на святое для него. Но хоть, может быть, — задумается» (17 мая 2011 г.).

302 Это в 2011 г., а ведь ранее, 30 лет назад ГС был более критичен к себе. Встречались у него и «прозрения», когда он писал: «С оторопью убедился, как много бумаги по очень многим вопросам я исписал. И почти ничего конкретного из этих 6,5 лет самоотречения и „служения“ не вышло! Какой ужас! Очень все же дорого приходится расплачиваться за наивность и иллюзии. Правда, можно вспомнить, что система разваливалась буквально у меня на глазах, а я, не понимая этого, пытался лечить гангрену марганцовкой. Правда и то, что вот она сгнила совсем и развалилась совсем. И никому до этого нет дела. Н-и-к-о-м-у! А ты, Хромов, — дурак» (12 окт. 1982 г.). Но это было почти сразу после неудачи с диссертацией, видимо, накатило несвойственное ему самодовольство.

Позднее все вернулось „на круги своя“: «В Крыму я за неделю написал для „Коммуниста“ [влиятельный партийный журнал] отповедь на перепечатку глупой (вернее — тривиальной) статейки П.Л. Капицы о том, как надо развивать науку — с позиции матерого академика. Получилось 26 очень сильных и совершенно оригинальных страниц» (01 окт. 1987 г.). «... лёг вчера в 6:30 утра — на одном дыхании закончил проект „моего“ устава АН СССР. При всей якобы абсурдности этого дела — я, вероятно, единственный человек в СССР, кто взялся и решил на бумаге — последовательно — радикальную реформу АН СССР, да еще и облек её в форму Устава» (25 марта 1988 г.). Надо сказать, что это не совсем графомания, т.к. ГС предлагает запрет „гос. и партийным чиновникам баллотироваться в Академию“, что, кажется реализуется в наше время. И его скромный комментарий: «Даже горжусь немного этим — вполне логическим достижением» (25 марта 1988 г.).

Подвизался ГС теперь не только в «Комсомолке» и «Известиях», как в 1980-е гг., но и в Минвузе и впоследствии в Министерстве науки и образования, и считался там большим специалистом по научным вопросам. «В Минвузе показал свою Записку А.С. Цыбину. Тот читал её, как роман, и весьма внимательно. По ремаркам и резюме — несколько растерянному — было ясно, что мой „интеллектуальный“ размах превзошел то, к чему привыкли в Минвузе» (10 февр. 1986 г.). Что здесь можно сказать: либо чиновники, даже высшего уровня — это недоучившиеся «троечники», либо, что тоже имеет право на существование, самооценка у ГС была чрезвычайно высокой и превышала все разумные пределы. Не последнюю роль в этом сыграла и написанная им книга «Наука, которую мы теряем» — действительно, хорошая, с большой долей сожаления об утраченных нашей наукой позициях в мировом масштабе и нежелании нового руководства страны этим заниматься. Но — это публицистика, она ему удавалась. А вот такое: «Сочиняю положение о ГКНТ и, кажется, — получается. Тем более — по сравнению с тем интеллектуальным убожеством, которое они сами сотворили» (28 июня 1991 г.). «Закончил и передал Положение о ГКНТ. Завтра попытаюсь отдать в Совмин» (30 июня, вечер, 1981 г.). Вот так, и уважительное с большой буквы «Положение».

В процессе чтения архива ГС стал мне гораздо понятнее, думаю, что после прочтения этой книги он станет понятнее и другим, относившимся к нему как с пониманием и даже уважением, так и отвергающим его. А что меня поразило, повторяю, ГС оказался совсем не таким, каким я его себе представлял. Боже мой, и это после моих тридцати лет довольно тесного общения с ним. В общем, я решил написать книгу воспоминаний его и своих об этом времени 1965–2017 гг. Отсюда и такое название книги — «Астросовет. ГАИШ. Фрагменты истории». Такое название, возможно, перекликается с очень интересной книгой Т.К. Бреус «Институт» об Институте космических исследований (ИКИ), рассказами-воспоминаниями в Интернете С. Достовалова, прекраснейшими и, на мой взгляд, довольно искренними вос-

поминаниями Александра Ароновича Гурштейна «Московский астроном на заре космического века», охватившими много десятилетий жизни таких крупных астрономических учреждений, как фирма (Особое конструкторское бюро) С.П. Королева, МИИГАиК, ГАИШ, ИКИ. Материал о ГС и его студенчестве и деятельности в Астросовете я также нашел в книге Ольги Борисовны Длужневской «Искорки воспоминаний», которая училась с ним в одной группе на мехмате МГУ и всю жизнь проработала в Астросовете. Мнение об обстановке в Астросовете у них диаметрально противоположное: сотрудницы, сумевшей сделать карьеру в нем, обласканной А.Г. Масевич, и сотрудника, изгнанного из Астросовета той же Масевич, чего уж там говорить.

304

Разные люди, разные воспоминания, подчас об одном и том же, но какие же они молодцы, что свои воспоминания перенесли „на бумагу“! Кстати, в начале 2013 г., находясь под впечатлением от книги А.А. Гурштейна, я пытался подвигнуть Александра Ароновича на написание более подробных воспоминаний о ГАИШ, в которых, если бы он не возражал, собирался и сам поучаствовать. В замысле было нарисовать картину с двойной позиции — его, как зрелого персонажа, и моей, как неофита. Проект его заинтересовал. Но ответ был неопределенным. Сославшись на уже преклонный возраст и загруженность работой, АА отложил решение на год. Через год он к нему не вернулся, а жаль. Теперь проект неожиданно возобновился, но уже с ГС, в лице его дневников. Мы знали одних и тех же людей, были свидетелями одних и тех же событий, но с разных временных платформ. Разница та же, что и с АА — примерно десятилетие, а это много между 25 и 35 годами наших возрастов в 1970-е годы.

Некоторые личные соображения

Первый выезд ГС за границу состоялся 20 июня 1965 г., т.е. в 27 лет. Это он отмечает в своем дневнике, приложив страничку из отрывного календаря с этой датой. Я же в это

время заканчивал школу, сдавая последние экзамены, и готовился к поступлению в МГУ.

Комментарии по поводу людей у Гаврилы Сергеевича почти всегда резки и нелюбезны. За всю жизнь его перевоплощение не наступило. Он, пожалуй, кроме своего отца и первой жены — Лидии — никого не любил, да и отца скорее уважал и относился к нему с пиететом. Как ученик к большому ученому, которым Сергей Петрович и был. На него он хотел быть похожим, а втайне, даже для себя, и превзойти. И этот груз он пытался объяснить стремлением служить Отечеству: «постоянное соразмерение ситуации с тем, что я считал честью и благом Родины» или хотел «спеть лебединую песню на благо Отечества и во имя справедливости». А это-то, как он считал, ему и не давали сделать. Не он не добился [«я знаю, никакой моей вины»], а именно ему «не давали сделать».

Поэтому-то он постепенно превратился в мизантропа. Все его знакомые постепенно переходили в его понимании в ранг его врагов. Друзья и начальники становились в его дневниках бездарями, психами, дураками, рохлями и алкоголиками и т.д. Даже Евгений Петрович Аксенов, который, по дневникам ГС, «пунктуальнейше сдержал все обещания и принял меня [после ухода из Астросовета] в обход общего запрета зачислений [в ГАИШ] — специально ходил к Тернову [ректор МГУ] за разрешением».

Вот его запись из последующих событий, когда он уже был в позиции «не следящего за астрономической жизнью», за всеми этими Аллами, Вилями, Сашами, Колями, Рашидами, Иосифами и т.д.: «Кстати, тот [Мустель], по слухам, в последние месяцы гальванизировался — видимо, струхнул, что забудут и вытурят. Попытался поднять шум о необходимости пригласить в качестве Зам(а) Игоря Новикова. Естественно, что мадам [Масевич] все это истерически заблокировала, вынудив Мустеля извиниться. В ходе этого дела он забежал в Райком [партии] и произвел там такое мрачное впечатление, что тамошние деятели сами обрати-

лись в АН с требованием заменить маразматика» (01 мая 1986 г.).

306

Главная причина неудач ГС, по моему мнению, — это нежелание считаться с окружающими, с их мнением, убеждениями и взглядами. Такое и для рядового сотрудника проблема, а уж для руководителя — свидетельство о профессиональной непригодности к работе с людьми. Отсюда и недовольство им в Астросовете, куда, кстати, будучи начальником, из-за своего образа жизни ГС приходил к обеду; выплескивающаяся наружу неприязнь большей части астрофизиков и звездников в ГАИШе и мое раздражение исполнением им обязанностей заведующего отделом в ВИНТИ. В Астросовете он был вторым–третьим лицом [считал себя первым], в ГАИШе во втором пришествии, хоть и был всего лишь старшим научным сотрудником, но ощущал себя «старшим товарищем» для руководства. Да даже и с новым руководством Пулково [В.К. Абалакин и И.И. Канаев] он вел себя как представитель вышестоящего руководства. Вот пример: «написал по e-mail(y) большое письмо Канаеву — насчет вероятной судьбы Пулково и с советами, как этого избежать».

В ВИНТИ Гаврила Сергеевич был заведующим отделом астрономии, но, как и в других местах, позволял себе свободный график и приходил на работу в 15–15:30. Правда, в мое руководство отделением физики и астрономии ГС уже не лез и поучающих советов не давал. Хотя, вот такая запись есть: «Сидел дома и за три ночи написал для В. Шамаева 13 стр. с анализом работы ВИНТИ и моими соображениями об её улучшении. Вроде бы что-то любопытное получилось, когда я подошел к делу со стороны общей проблемы информационного обслуживания нашей теперешней науки. В понедельник попрошу Ивана перегнать ему это по электронной почте» (17 нояб. 2001 г.). В общем, ничего интересного по анализу работы ВИНТИ Гаврила Сергеевич не «сгенерировал» — всё вода, да и написать по существу не мог — не его тематика. Поэтому с большим сомнением я от-

ношусь и к его работе по координатно-временному обеспечению (КВО), и к запискам в Минвуз, Миннауку и даже в Совмин. Поэтому он и сетует, что ничего у него не получилось, хотя он и очень старался. «И что за судьба у меня такая? Все время я занимаюсь какими-то провальными делами. То — надорвался, спасая сгнивший Астросовет, то — петуховскую контору старался удержать на плаву [работа в Институте новых физических и прикладных проблем АН Украины]. Полудохлой морской экспедицией командовал [проведя несколько месяцев в Крыму в Севастополе, где был назначен руководителем морской экспедиции и изредка выезжая в Симферополь для встречи со своей третьей семьей]. При этом, однако, пишет: «Казалось, чего ерзать: живу в относительном комфорте, при полной свободе, ничего, вроде бы, над душой не висит, а несть мне покоя. А потом, глядишь, как завертит обычная городская жизнь, ещё буду вспоминать о своей каюте № 7 как о потерянном рае...» (17 дек. 1992 г.). «Сейчас вот работаю в полудохлом Реферативном журнале, делая не менее 1/4—1/5 каждого выпуска — в обстановке, когда даже начальнику — Шамаеву вроде бы все равно, что представляет собой РЖ» (26 апр. 2001 г.). Этот фрагмент показывает, как Гаврила Сергеевич был далек от отдела, которым руководил. В это время коллектив с упоеанием готовил свои четыре выпуска РЖ по безбумажной технологии, преодолевая сопротивление руководства. Наш отдел, единственный в ВИНТИ, удерживал свое наполнение и полностью перешел на новую электронную технологию подготовки. Базы данных так впечатлили меня в 1989 году во время работы в СП с Максвеллом, что возвращение к бумажной технологии я уже и не представлял.

В дневниках постоянный рефрен: «Вчера таскался в ВИНТИ за корректурой». «Пересилил себя и съездил в унылый ВИНТИ» (05 сент. 2006 г.). Придя на наш 12-й этаж, он сразу шел в буфет выпить чашечку кофе, затем на лестницу — покурить с девицами из отдела маркетинга. Вот и весь «рабочий день». Дальше, если я был на машине, то либо подвозил их с Аней Седякиной, Аню до Смоленской

площади, где она садилась в метро на свою прямую ветку, а ГС до МГУ, где он жил, либо мы садились в метро, и они с Аней ехали до Театральной, а я к себе в Коньково. При увольнении он все же себе позволил вольность, но в своем духе начальника, «проведя разговор» с С.П. Яшуковой [зам. директора ВИНТИ]: «Единственное четкое суждение о В.Г., «завещанное» мною, была рекомендация не давать ему власть, которой он не умеет пользоваться» (22 июля 2003 г.). Яшукова тут же рассказала мне об этом. Видимо, и я не оправдал его надежд, какие у него были при моем переходе в ВИНТИ: «Шамаев ушел из ГАИШа в ВИНТИ, где занял отдел И.С. Щ.-Самойловой, ушедшей в отставку. Это неплохо и для него, и для РЖ, который вообще-то гораздо важнее сейчас чем все эти „Астрон. Журналы“ и „Астрофизики“» (01 мая 1988 г.). «Служебный роман [ГС] с ВИНТИ продлился ровно 5 лет» (31 июля 2003 г.). Если считать интенсивную предварительную работу в качестве нештатника, то те же 7 лет — его фатальная цифра.

Правда, надо отдать должное, что реферировал он много и давал, по его словам, сказанным как-то в запале, «половину материала для РЖ „Астрономия“». Не столько, конечно, раньше он был более объективен, но достаточно много. Однако и тут ГС был недоволен, что Аня Седакина делала ему замечания, касающиеся небрежности в работе. Это его, как выяснилось из дневников, страшно злило: «Негодую на В.Г.Ш. с Анной — за бесконечные придирки, колкости, а при работе над журналом — за сущий моральный террор в стиле Аллочка Масевич: всё не то и не так. За все-то мои дурацкие старания. Я решил ... придать личным отношениям с „начальством“ — формальный характер. ... За годы, что я сотрудничаю с ВИНТИ — ни одного доброго слова о моей, в общем-то, честной и грамотной работе — зато масса „указивок“, ехидств (по поводу моего временного режима) и вплоть до откровенных грубостей и наглых подозрений в халтуре(!) со стороны ... Анны Седакиной. Придется делать выводы, хотя и не хочется, и моей добродушной натуре не отвечает» (06 апр. 2000 г.). Когда я

прочел эту запись, то для меня это было чем-то из ряда вон выходящим. Я к нему относился достаточно хорошо, Аня тоже. Инна Сергеевна Щербина-Самойлова, хорошо знавшая ГС, да и астрономическую среду, не скрою, предупреждала, что, возможно, я делаю ошибку, что ГС нигде и ни с кем не уживался. Но все мы почти всегда надеемся, что с нами-то этого не случится. Да что там, ведь мы помогаем ему в тяжелой ситуации семилетнего отсутствия постоянной работы. Как всегда, ИС была права. В чем-то и ГС был прав, АС сильно въедлива, но и я же брал его на должность заведующего отделом с оплатой и обязанностями заведующего отделом, а не референта у Ани. Но почему он в такой экспрессивной форме переносил это на общее отношение к себе — непонятно. Почему ГС воспринимал нашу работу, свою должность заведующего отделом, режим, наконец, как издевательство, кажется, ясно — дело, конечно, в неудовлетворенном тщеславии и желании быть выше всех. Когда ты особый случай и никакие правила на тебя не распространяются. Когда работа в Астросовете — это способ стать академиком и руководителем всей астрономии, когда работа в ГАИШе при Е.П. Аксенове — это написание собственной диссертации и (занятая им) позиция советника, без всяких других обязанностей, когда работа в институте украинской АН — это обсуждение с сотрудниками стиля руководства директора. Характерная запись: «Я сказал всем [сотрудникам], что мои двери для них открыты [после подачи заявления об увольнении]» (21 июля 1994 г.). Только что-то очередь к его дверям не выстроилась и записей в дневнике об их желании с ним встретиться нет.

И все больше недовольства работой по РЖ: «... дела по ВИНТИ, на которые у меня остается все меньше времени, а отсюда — необходимость переработок в ущерб „режиму“». (28 февр. 2003 г.). А режим-то ГС себе установил всегдашний: приходиться в ВИНТИ в 15 часов и уходить слегка после 18, а затем всю ночь «сидеть перед листом бумаги», непрерывно курить и писать записки о проблемах Академии и переустройстве науки в России или что-нибудь подобное. Или вот: «В

тот же день, когда я заскочил в Институт [ВИНИТИ] — очередная порция хамства от Шамаева. Парень явно не только хамеет, но и глупеет — судя по выдаваемым им текстам. ... Я очередной раз вышел из равновесия и стал подумывать о том, чтобы лишить Шамаева подчиненного в собственном лице. Буду думать, и присматриваться к предложениям и поведению Миндели» (11 апр. 2003 г.). Правда, он позволяет некоторую критику и себя: «Режим мой окончательно разболтался. Вчера заснул в 9-м часу [утра] и проснулся в 4-м (полудни!) ... соблазн ночного покоя и тишины наедине с листом бумаги всегда пересиливает тягу к нормальной жизни — в сущности, никому не нужной: кому какое дело до того, когда я ложусь и встаю?» (18 дек. 2000 г.). Однако последний фрагмент опять показывает, что «важно только то, что мне важно», а вы все «идите полем».

310

Позднее: «Неделя очень тяжела. В понедельник 3 декабря я начал «ходить на работу» в ВИНИТИ за полную зарплату. Кончился очередной 7-летний интервал [безработицы], начавшийся в 1994 г., когда я расплевался с Игорем Петуховым. ... 3 дня надо было вставать в 9 час. [утра], чтобы быть в Институте к 12-ти. И — до 18–19 часов. Все три дня ушли на передвижение мебели и расчистку умопомрачительных авгиевых конюшен, которые развели там бабы и Шамаев» (07 дек. 2001 г.). Еще через неделю: «трудная была неделя ... приходилось по морозу таскаться в ВИНИТИ».

В ноябре (7 ноября) 2018 г. Валентина Михайловна Чепурова отмечала свой юбилей. Дата была в августе, но это же мертвый месяц, так что дело происходило в ноябре. Перед этим я попросил дать фотографию для этой книги. Передавая фото, она, в ответ на моё, что мы «напрашивались» к ГС в гости, рассказала, что Гаврила Сергеевич, оказывается, будучи ученым секретарем ГАИШ, своеобразно поспособствовал ей в защите диссертации:

— Гарик говорит, я включил тебя в список представляющих диссертацию в совет в марте, а разговор был в декабре. Я судорожно начала готовить диссертацию. Надо было много чего посчитать, и тут мне помог Костя Куимов. Дал

Валентина Михайловна Чепурова

свои программы. Успела и, благодаря Гарику, защитилась в июне.

Володя Якименко рассказывал, что он присутствовал, будучи еще студентом, на заседании кафедры, когда Валентина Михайловна докладывалась. Говорил — она очень волновалась и даже выбежала, когда члены кафедры стали принимать решение.

312 Так что и добрые дела были у Гаврилы Сергеевича в начале его подъема по карьерной лестнице, а не только обиды на Шкловского, Щеглова, Кардашева, Есипова и т.д. При спуске же с нее добрые дела кончились, например, когда он уходил из ВИНТИ — «Единственное четкое суждение о В.Г. [Шамаеве], «завещанное» мною, была рекомендация не давать ему власть, которой он не умеет пользоваться». Началось это не с меня, а гораздо раньше. Помните: «Договорились с А.Г. и заменяем Ольгу [Длужневскую] на посту уч. секретаря. ... Ольга, видимо, обижена. А я изумляюсь, почему я так тянул с этим, ведь работать с ней серьезно было просто невозможно». Или вот, тут ставки гораздо выше: «По сути, он [Боярчук] занял моё место».

Надо сказать, что ГС — очередной знакомый, которого я в трудной его ситуации принимал на работу и от которого я получал неприятности и сожалел о своем поступке. На моем пути он такой был совсем не один. Скорее, тех, кто был благодарен за помощь, можно сосчитать на пальцах одной руки. Среди них недавно ушедший в «страну вечной охоты» Борис Мицюра. Очень интересный был человек. Окончил МАДИ, долгое время сопровождал звукооператором рок-группу «Ария», работал ст.н.с. в одном из институтов сельскохозяйственной академии, потом несколько лет провел на бирже труда, параллельно осваивая компьютер, торгуя видеокассетами с записями зарубежных фильмов, что было популярно в 1990-е гг. и собирая коллекцию музыкальных CD. Где-то в начале 2000-х гг. я, видя непростое финансовое положение, в котором он находится, предложил ему пойти ко мне на работу в Технологический отдел ВИНТИ. Он согласился и был очень полезен, взяв на себя работу по обслужи-

ванию наших ПК. Работа, сотрудники, обстановка ему очень нравились, и на очередном праздновании какой-то даты он сказал тост, в котором прозвучали слова, что «никогда в жизни мне не было так комфортно на работе». Из приведенных дневниковых записей видно, что ГС чувствовал себя совсем не так. Как и в других местах, он не пришелся ко двору руководству ВИНТИ, а точнее, его директору академику Ю.М. Арскому. То ли он узнал о его предыдущей работе в Астросовете, то ли не понравилось его поведение на между собойчиках, но с какого-то момента его перестали приглашать на предпраздничные собрания руководства Института, хотя, как и всегда, Гаврила Сергеевич вел себя галантно с присутствовавшими там женщинами.

Кстати, все обидные слова об Анне Николаевне Седакиной, как правило, несправедливы. Она пришла в отдел астрономии ВИНТИ сразу после окончания физфака МГУ в 1971 г. Кажется, по рекомендации Петра Григорьевича Куликовского. Он о ней позаботился. И до сих пор там работает, почти всю жизнь. За несколько лет она выросла в ведущего сотрудника РЖ «Астрономия» и вместе с этим журналом преодолела все пороги, кочки, буераки и топи нашего бурного времени. Началось всё с благополучного времени с Инной Сергеевной, уже бурного со мной и непонятного после меня с Ирой Розгачевой. Непонятного потому, что за 6 лет сменилось три директора. В ГАИШе, отметим, три директора сменились на протяжении 70 лет. Аня всё выдержала и продолжает выдерживать, поддерживая журнал. Он, в какой-то мере, стал смыслом её жизни. На таких людях держится информационное обеспечение астрономических исследований в нашей стране.

Анализируя при чтении дневников поведение Гаврилы Сергеевича, я вновь сделал для себя вывод, что он всегда ставил свои интересы выше интересов других. ГС всегда тащил за собой в свои «авантюры» людей, которые относились к нему хорошо, искренне старались ему помочь и даже не думали отказывать в его просьбах и стеснялись сказать, что он их подставляет. Так он попросил быть его доверенным лицом

при выборах в народные депутаты СССР В.М. Чепурову, которая работала в ГАИШ, несомненно, прекрасно понимая, что он портит ей отношения в институте. И таки испортил. Своего соседа по квартире на этаже профессора Лёвшина, члена парткома МГУ, он просит передать секретарю парткома физического ф-та Б.С. Ишханову, «... чтобы тот на сей раз не вздумал шутить со мной, как 1,5 года назад» (16 дек. 1986 г.).

314

Вот и с В.А. Амбарцумяном он «расправился», не сумев заставить того исполнять его «поручения» и вязываться в борьбу в ущерб себе: «Вообще, я наконец-то понял В.А.А. При всем его бесспорном уме, он отнюдь не государственный человек и не гражданин. Это — провинциал и хитрый староста армянской деревни, живущей в окружении могущественных соседей, с которыми приходится ладить. Ладить он научился, но все его интересы — целиком в деревне. Да и изощренность восточного интрижного ума шутит с ним скверные шутки. А еще более скверные — с теми, кто вынужден или решается ему довериться. Не обмануть он уже органически не может. ... Половина наших астрономических бед — последствия интрижной и в целом — бессмысленной деятельности Амбарцумяна. Можно же представить, что он сумел натворить в несчастной армянской Академии» (30 дек. 1984 г.). «Зная чудовищное честолюбие и хитрость этого страшного (нет, страшенького) человека, я усматриваю в сем жесте [присоединение к заявлению о „Восстановлении в Нагорно-Карабахской автономной области демократии и правопорядка“] какой-то своекорыстный умысел. Подозреваю, что великий человек стал ощущать себя не у дел на фоне новых армянских деятелей и решил напомнить о себе. Вот уж кому не верю — так это ему. Старый лицемер и политикан!» (16 сент. 1990 г.). В общем — «кто не с нами, тот против нас». А ведь Гаврила Сергеевич в 1970-х гг. не стеснялся использовать Виктора Амазасповича в своих целях. Вспомним хотя бы оппонирование его докторской диссертации или верно-подданические письма к нему, что лежат в папке «Глупая эпопея с защитой докторской диссертации 1980–1981 гг.»

и частично приводятся в подглаве «Версия по защите докторской».

Еще один подход по «утоплению», во всяком случае, причинению возможных неприятностей: «Позвонил И. Мельникову [зам. Г.А. Зюганова по КПРФ, живший, так же, как и ГС, в жилом корпусе МГУ] с предложением порекомендовать меня в советники их теневому министру науки, если таковой у них есть. Тот с энтузиазмом пообещал ... Договорился о встрече с работником Совмина и своим старым знакомым И.Б. Перепелкиным. Хочу прочесть ему лекцию об ученых и науке. Посмотрим, что выйдет» (14 мая 2001 г.). Позднее он к И. Мельникову возвращается, видимо, очень хотелось: «Да, ещё — заезжал в Думу и общался с А. Калининным. Там же встретился с И.И. Мельниковым. Обменялись поздравлениями [с Новым годом]. Тот сказал еще, что «теневого» министра науки они всё ещё не нашли (помнит, хороший человек, свое данное мне обещание свести меня с этим «министром») (29 дек. 2001 г.). Снова попытка втянуть в свои разборки других: «... поговорили с Вагановым о том, чтобы мою статью об Академии опубликовали целиком — в их июньском научном приложении [«Независимая газета»]. Только вот с псевдонимом не получается [соломки подстелить не удастся]: боятся газетчики брать на себя дополнительную ответственность. Придется мне проявить твердость и преодолеть страхи, испытываемые «коллегами», вроде трусоватого Миндели ...» (23 апр. 2001 г.). «Ну как с таким чмырём [Миндели] можно работать?» (26 янв. 2002 г.). Этот «чмырь» тоже, как и Е.П. Аксенов, и я, принял ГС на работу, на полставки. Ханжески ГС лжет даже себе, что редко встречается в его дневниках: «Начинаю тревожиться за Е.А. [Гребеникова]. Он последнее время очень плохо выглядит, что заметила и Наталья Хованова» (14 авг. 1984 г.). Или сетует на Гребеникова: «К сожалению, за этим следовал решительный отказ ехать в Подлипки. А он бы был там очень кстати. Да, ненадежен стал мой друг Е.А. Не поймешь, чего тут больше: характера или возраста...» (29 июля 1989 г.). «Хороший, конечно, парень Е.А., но все же по-южному не-

сколько суетливый в ущерб обязательности» (10 авг. 1989 г.). Умер ЕА в 2013 году в возрасте 81 года, спустя неделю в возрасте 76 лет, так и не узнав о смерти Евгения Александровича, умер «беспокоящийся» о нем Гаврила Сергеевич. С момента «беспокойства» прошло 30 лет.

И в противовес ГС демонстрирует злобность, не имея на то оснований, в отношении сумевших ему отказать: «Плохо вел себя [на защите ГС] Соболев, кот. не осмелился выступить за меня в преддверии академических выборов». И позднее: «По нашему отделению в академики избрали В.В. Соболева (вот кто использовал мои кости как ступеньку)» (01 янв. 1982 г.). Позднее: «Я отношусь к С. [Соболеву] без всякого уважения, считая его тупицей и иезуитом. Боюсь, что если он не согласится с моим взглядом на ситуацию полностью, я просто в лицо ему сообщу все, что о нем думаю» (08 марта 1982 г.). А вот как оценивает ГС А.А. Боярчука, своего оппонента на диссертации, который рискнул таким образом своей репутацией: «Боярчук — 2-ю неделю в Москве, но, естественно, не звонит. Я тоже. Надоело. Слабак он все же оказался на проверку» (02 марта 1982 г.).

ГС в своем «величии» не понимает, что он топит хороших людей. Напортив, походя, Е.П. Аксенову со своим переходом в ГАИШ и злополучной диссертацией, он продолжает дотапливать, рождая вот такие «проекты»: «Я придумал и отдал Е.П. [Аксенову] и Ю.П. [Псковскому] проекты состава двух внутренних советов — с разделением астрофизики от звездной астрономии, внегалакт. астрономии и космологии» (22 июня 1982 г.). Ну только этого им [ЕП и ЮП] сейчас не хватает, как продолжать конфронтацию с астрофизиками и звездниками, которые тоже закусили удила и недовольны, что директор небесный механик и, как им кажется, не уделяет достаточно времени астрофизике и звездной астрономии. Хотя лучше ЕП в ГАИШе в то время не было, а варяга ГАИШ никогда не хотел.

ГС не успокаивается и продолжает считать, что все друзья ему должны, несмотря на то, что он их раз за разом подставляет. Вот он обижается еще на одного своего оппонента по

диссертации: «В пятницу был у меня В.Г. Горбацкий. Говорили с ним часа 3 и осадок у меня остался не из радостных. Помочь мне в моих многосложных делах он никак не может. Не борец: десятилетия, проведенные при дворе В.В.С. [Соболева], сказываются. Теперь вот даже отказался редактировать книжку [Планетарные туманности]. Ссылка, конечно, на занятость, но я подозреваю, что дело здесь в боязни навлечь на себя гнев Соболева. Я ведь решительно вышел из моды, а Горбацкому с ним еще работать. ... Уговаривал меня найти общий язык в ГАИШе. А с кем? Этого он не понимает. Какие-то жалкие рассуждения насчет влияния Дибая с Черепащуком». И тут же ГС снова выражает свое недовольство третьим своим оппонентом по диссертации: «Сообщил [Горбацкий] мне, что Боярчук болтает, будто бы я помешал заключению какого-то договора между КрАО и кем-то ещё. Не знаю, о чем речь, но написал А.А. довольно резкое письмо с просьбой объясниться. Обидно. Что друг, вроде бы, а болтает за моей спиной невесть о чем. Да ведь этот трухляк не ответит, чтобы не нервничать» (13 июля 1982 г.). ГС опять «в белом» и по-прежнему делает попытку подставить Горбацкого и проявляет недовольство Боярчуком, только что вышедшим из инфаркта. Наплевать. «Отослал Горбацкому глупую и нагловатую записку, которую он прислал в ответ на мой вопрос: как мне к Вам теперь относиться. Эх, интеллигенты! Но сделал гадость, так хоть имей мужество признать это. Нет. Словесные выверты типа «сам дурак». В общем, отослал я ему эту бумажку, и обратного адреса на конверте не написал. Боюсь, что простить ему эту подлость уже не смогу. [И снова ханжески] Жаль. Ведь я любил его» (13 мая 1989 г.). «Что-то все время вспоминается В.Г. Горбацкий и история моего с ним разрыва. Эх, интеллигенция, интеллигенция!» (30 дек. 1993 г.).

Еще пример. Зная ГС и ситуацию вокруг него, В.В. Шевченко, зав. отделом Луны и планет ГАИШ, пытается тоже ему помочь: «Завтра вот — зовет В. Шевченко на банкет по случаю получения докторского диплома. Пойду, что ж...» (28 июня 1982 г.), делает он одолжение. И вот результат: «Во

вторник был на поразительно скучном банкете Шевченко. Тот сумел собрать невероятно разношерстную команду — от Лейкина и Гурштейна до Е.А. Сорокиной [зав. отделом кадров ГАИШ] и меня. Я был зол и скучал, и злился» (04 июля 1982 г.). Похоже, просто никто не хотел с ГС разговаривать на банкете. Уж Александр Аронович Гурштейн-то умеет со всеми дружить, исключая, правда, Сагдеева, которого он хорошо «обрисовал» в своих воспоминаниях.

318

Как и все эгоистичные люди, ГС любит жалеть себя, обвиняя в своих неудачах других — начальников, бывших друзей и даже близких: «Грустно, когда не с кем и словом перекинуться. Да и круг таких людей стал у меня очень уж ограничен» (05 марта 1982 г.). «Почему-то настырные мысли и воспоминания о Лидии. Вот уже 20 лет прошло, достаточно вроде бы благополучных, а рубец на сердце все болит. Что плохого я сделал этой женщине, буквально подобрав ее в полной безнадеге тогдашнего ГАИШа и введя в собственный упорядоченный мир? За что она поступила со мной так эгоистично и подло, бросив именно тогда, когда я нуждался в помощи? [И это в то время, когда ГС изменял ей и уже имел двух других претенденток в жены]. Пожертвовав собственным сыном ради призрака «престижа» и «успеха»? Не найдя для меня за 20 лет ни слова, ни минуты теплоты и участия?». «Бедная Лидия сильно постарела и подурнела: некрасивая, не идущая к ней прическа. Большой живот и бедра — прямо как у беременной при по-прежнему худощавом лице. В общем — и то, и совсем не то. Наверное, живи она со мною, я не допустил бы её до такого состояния. Впрочем, каждый выбирает себе жизнь по мерке» (30 июня 1989 г.). Что же тут непонятного? Он навсегда бы испортил жизнь и ЛВ. А так она осталась на работе, защитила докторскую диссертацию, создала новую семью с любящим ее мужем, а не воинствующим и озлобленным неудачником, по-прежнему в хороших отношениях с сыном.

Так же он поступил и со второй женой. Она переехала к нему в Москву, потеряв хорошую работу в Ленинграде, квартиру. И что в результате, оказалось, что он женился на

Владислав Владимирович Шевченко

ней в пику АВ. Свидетельством тому его измены с А.С. [крымская любовь] и рождение внебрачной дочери, уже будучи 7 лет во втором браке. Надо сказать, что он помогал этой третьей (или второй?) семье, и в Крыму о том, что он женился во второй раз, прекрасно знали, но в Москве он темнил, говоря при пересылке денег, что помогает «знакомым старичкам». Тут то же, описывая себя благородным человеком, ГС не находит впоследствии добрых слов и об этой женщине, с которой имел связь около 10 лет. Для него она стала ненормальной, «психушкой», которая не только не радуется его приездам к дочери и помощи в починке умывальника, а даже не хочет с ним разговаривать. А ведь еще в 1981 году у ГС есть запись: «Кстати А.С.С. написала мне с просьбой более не возникать в её окрестности. Да» (12 нояб. 1981 г.). А он возник. Да еще как: в 1987 г. у них родилась дочь Наташа. А женился он на НБ в 1981 г. Адюльтер, что ли. Но нет, ГС так не считает.

320

А вот: «Расстроенная Чепурова поведала, со ссылкой на какие-то интимные источники, что в домашнем кругу Аксенов сетовал, что как директор совершил две роковые ошибки: послушался Чепуровой и взял в замы Ю. Боброва. И ещё — взял меня. Бог уж с ним, даже если и так. Убогий он все же человек!» (11 дек. 1983 г.).

Прочтя это, я просто остолбенел. Вот она — благодарность. Но этим не кончилось, конечно: «Черепашука назначили врио директора с 1-го сентября. Аксенова с того же времени, с незаслуженной благодарностью, увольняют с директоров. Это крайне скверно и нелепо. Бедный ГАИШ! После 20 лет директорства малоодаренного и равнодушного Мартынова, 10 лет — рохли Аксенова. ... Сам герой [Черепашук] пока что радуется, не понимая, во что влип. ... Садовничий объявил мат ненавистному Гребеникову. ... Я быстро написал Амбарцумяну, с требованием [не просьбой] вмешаться. ... На след. неделе решил стучаться в Горком, я все же 1-й вице-президент ВАГО и могу действовать в этом качестве, заботясь не об МГУ, а об астрономии в целом» (08 авг. 1986 г.). Это и не только ГС сделал, надо отдать долж-

ное его упорству (сродни упорству Коли Бочкарева): «В понедельник я — таки попал в МГК и часа 2 беседовал с инструктором Арсением Борисовичем Плюсниним. Дал ему прочесть письмо, адресованное Ишханову, а затем заявление в Партком Физ. Ф-та. После этого убеждать его в анти-достоинствах Черепа[щука] уже не пришлось, и он стал при мне размышлять, что сделать...» (21 авг. 1986 г.). И сразу же: «Встреча с зам. министра Минвуза Ник. Серг. Егоровым. Говорили минут 25. И здесь мне удалось добиться какого-то результата. Во всяком случае, Егоров сам сказал, что институты вроде ГАИШ у Минвуза немного, и что к делу о директоре надо будет отнестись внимательно. Для начала он сам поговорит с Логуновым, а м.б. и с Садовничим» (25 авг. 1986 г.). «Звонок в МК Плюснину. Он одобрил мой визит к Егорову и сказал, что быстро с ним созвонится, чтобы действовать вместе» (26 авг. 1986 г.). И в это же время ГС уезжает в Крым, несмотря на важность «заряженного» им дела. Он должен отдохнуть, «устал»: «... Цыбин предложил, чтобы секция НТС поучаствовала в проблеме директора ГАИШ. Я поручил Чепуровой переговорить с зав. секцией проф. Каштановым, кот. хорошо знает Гребеникова» (03 сент. 1986 г.). Дело, следовательно, в надежных руках, а на самом деле брошено на самотёк. Параллельно: «И.П.П. [Петухов] ... говорит, что уже нашел для меня место на уровне Совмина» (03 сент. 1986 г.). Приехав, ГС сделал обзвон: «Плуснин честно признался мне по телефону, что аппарат МГК бессилён против Логунова, как вице-президента. ... Звонил и Егорову. Тот в курсе событий ... и заверил меня, „все мы будем тут думать“ — насчет ГАИШевских дел. Руководство НТС высказалось в пользу Гребеникова...» (17 окт. 1986 г.). Результат у ГС, как известно, оказался нулевым, но кипучая деятельность была проведена.

Совсем другой исход подобной ситуации описан Гурштейном в его книге. Случай с ним самим и академиком Р.З. Сагдеевым, директором ИКИ. Там даже не горком, райком КПСС сумел приструнить зарвавшегося руководителя, а тут МГК не смог, притом — ельцинский МГК. Дело все-таки в

том, что кандидат наук ГС никак не тянул по сравнению с доктором физ.-мат. наук А.А. Гурштейном. Последний тоже боролся в одиночестве с Сагдеевым и победил.

Вот и рассуждения ГС о второй жене НБ — тоже хороший штришок, характеризующий отношение: «Дал Нонне по ошибке старую сберкнижку № 4798, с которой (счетом) жил, почитай, всю сознательную жизнь. Там были какие-то крохи, и эта **** взяла и закрыла счет. Вроде бы пустяк, но я расстроился. Ведь там — на подшивках лицевых счетов — вся моя «финансовая история», наверное, с начала 1960-х годов» (19 марта 2001 г.). Про отношения с сыном Иваном он много пишет, но приводить это я не буду: и книга не об этом, и много гадости.

322

Никогда не «щадил» ГС академиков. «Господи, неужели неделя прошла? Незаметно — за истощающей работой. ... Писал ответ на буквально идиотическую и хамскую по академической наглости статью акад. Г. Осипова в «Независимой газете». Писал с муками, с бессонными ночами и трясением рук [заметим, что ночами он и так не спал, но понадобилась аффектация]. И, кажется, — не зря. Я написал на 0,5 печатного листа [12 страниц], кажется, лучшее, что я за долгие годы вообще писал об Академии. Хорошо бы в НГ не струсил и опубликовали в точности [опять тянет за собой вниз, в скандал]. От бедняги или дурака Г. Осипова мне пришлось, буквально, не оставить ничего». Далее ханжески: «Это меня не радует, ибо он считается «нашим» — человеком, в патриотических кругах уважаемым. Но ведь и глупости должен быть предел в среде патриотов» (31 марта 2001 г.). Или вот: «Кстати о трудах. Я — именинник, ибо закончил и подготовил к сдаче заказчикам в Госдуме давно задуманную статью с изложением мыслей Д.И. Менделеева об Академии. ... Даже Нонна впечатлилась тем, как удалось «размазать» Академию с академиками. Ну, да ведь это сам Дмитрий Иванович старался; мне оставалось добавить немногое ... Впрочем, и я тоже — молодец!» (08 июня 2003 г.). «Моя статья о Д.И. Менделееве и Академии идет «на ура» —

без всяких сокращений. Осенью выйдет в думском сборнике. Работа и впрямь получилась веселая и актуальная, т.к. что делать с РАН, никто не знает, а что делать что-то нужно — понимают все, кроме академиков. А тут сам Менделеев советует...» (26 июня 2003 г.). Чтобы уж закончить эту тему: «Был третьего дня в Госдуме, где Комитет по науке и образованию устраивал презентацию двухтомника, в котором я поучаствовал статьей о Менделееве и Академии. Милые там люди, но какие-то совершенно бесполезные ...» (22 нояб. 2003 г.).

Надо сказать, что ни о ком, пожалуй, в конце концов, ГС не отзывался хорошо. Все получали от него «своё». Продолжим: «Дважды заезжал в ВАГО, стойчески выдерживая разговоры с бестолковым Земцевым [президентом ВАГО]. ... Встречались с Миндели. ... По итогам этой беседы — задумал написать нечто вроде брошюры по проблеме научной реформы. Why not?» (17 апр. 2001 г.). И, чуть ранее: «Неожиданно получил предложение [от Миндели] перейти к нему в штат. Поблагодарил и отказался, сославшись на связанность обязательствами к ВИНТИ. И, наверное, правильно сделал: этот начальник способен затюкать такую мягкотелую особь как я» (25 янв. 2000 г.).

«11-го выступал, по просьбе Данилина [Данилин Юрий Валерьевич, см. стр. 294], перед его студентами во ВГИКе — насчет науки и ученых. Говорят, что — удачно, и студенты остались „в восторге“» (17 апр. 2001 г.). Можно представить себе, что услышали студенты.

Написав брошюру «Задачи научно-технической политики России» (никак не меньше), ГС записывает в дневник: «Похоже, что работа моя о задачах научной политики РФ произвела на Миндели впечатление — да такое, что тот даже соглашается с моим предложением опубликовать её в виде брошюрки для преподнесения новому начальству. ... Да ведь и то сказать: я написал беспрецедентный по логичности и беспощадности документ, где сумел сделать очерк всей неоглядной проблемы научной реформы. Кроме меня,

такой сейчас никто написать не способен. Странно, но факт. Но — где признание моих талантов, хи-хи?» (06 нояб. 2001 г.).

«Сегодня по приглашению А.В. Калинина ездил в Госдуму. Поговорили об „охране интеллектуальной собственности“ в научно-технической сфере. Заодно я дал ему скопировать свой недавний труд о задачах научно-технической политики...» (29 нояб. 2001 г.). На этом примере подготовки документа в Госдуме виден уровень их «советников». Любопытно, что ГС никогда не говорил мне о своей деятельности по участию в обсуждении проблем научно-технической политики страны. Надо понимать, «не моего ума дело». Как я знаю, в ВИНТИ этот вопрос тоже не обсуждался. Видимо, хватало советников типа ГС.

324

Гаврила Сергеевич был невероятно трудолюбив и плодовит, на грани, а скорее за гранью графоманства. Об этом можно судить по приведенным дальше выдержкам из дневников и по прочтении этих «выдающихся», по его определению, трудов: оставшихся рукописей, изданных монографий. «Только что, с немалым напряжением — до аритмии — написал для чиновников методический комментарий к „выполнению“ очередного букета дилетантских директив Совбеза совокупно с каким-то Гос. советом по науке. Получилось довольно удачно и могло бы принести определенную пользу, хотя бы в ликвидации неграмотности. Да ведь, глядишь, трусливый Миндели спрячет мой труд из опасений „как бы чего не вышло“. Ах, этот скорбный удел русских патриотов и реформаторов!» (04 авг. 2004 г.). И раньше: «И как трудно и опасно быть в нашей стране её же патриотом. Ведь, если вдуматься, — всю жизнь терплю...» (18 июля 1991 г.).

«Начал работать над докладом Правительства Президенту о науке — альтернативный вариант, написанный „как надо“. Посмотрим, что получится» (19 сент. 2004 г.). «Составил для доклада Правительства Президенту список „основных научных достижений“ и — удачно. Даже привередливая РАН его согласовала к явному удивлению Миндели. А потом

стал писать и свой вариант этого доклада, начиная с моего видения состояния и проблем нашего научно-технического комплекса на фоне мировых дел. Написал 28 стр. концентрированного текста и, неожиданно, непринужденно вышел на стратегию. Хотел бы продолжить. Только бы Миндели не перетрусил...» (28 сент. 2004 г.).

«Я уже успел получить сверхсрочное и сверхответственное задание от начальства. Пришел дядя из референтуры Президента с просьбой о помощи. Они должны были подготовить для него 20-страничный доклад к заседанию Совета по науке. Попытались сделать это на основе мурлы, полученной из Министерства, и — сникли. Вот я этот доклад и сочинял на протяжении 15–17 октября, стараясь понять и выполнить совершенно невразумительные и косноязычные указания и намеки заказчиков. ... Я написал 27 стр., в своем трезвом стиле, с раскрытием сущностей и, как мне кажется — вполне удачно. Заказчик одобрил, но потом, конечно, в результате уже коллективных усилий все было переиначено в обычном косноязычном и алогичном стиле. Только с отрывками моих мыслей. Прочитал я все это и очередной раз захотел на пенсию. Эта правительственная челядь, похоже, неисправима» (27 окт. 2004 г.).

325

Без дела ГС никогда не сидел, и работая в науке, и в своих статьях на околонучные темы, и подготавливая черновые записки для госчиновников — перерабатывал кучу литературы и писал, писал, писал.

«Сижу дома и как проклятый работаю. Даже, кажется, не так уж мало сделал:

- Написал новый устав АН СССР и объяснение к нему.
- Написал проект постановления о реорганизации нашей науки.
- Просматриваю по 1–3 номера РЖ ежедневно [ГС готовит обзор нашей деятельности в астрономии по сравнению с мировым уровнем].
- Написал первые 10 стр. обзора по туманностям [для де Ягера]» (30 марта 1988 г.).

Первые два пункта он передал через Пимошенко в Совет министров СССР. А вот и комментарий к третьему пункту: «Вчера эпохальный день: закончил просмотр РЖ по рубрике «Планетарные туманности»! Подсчитал и ахнул: вместе с относящимися к предмету работами получилось 936 названий и, соответственно, — карточек! Недаром же эпопея затянулась на 4 месяца. А авторов, пишущих только о п.т. [планетарные туманности], — было 500 чел! На порядок больше, чем в идиллические 60-е годы, когда ещё все всех знали» (10 апр. 1988 г.). И это все он проделал по РЖАстру, который выписывал как индивидуальный подписчик. Стоило это, по моему, 175 руб. в год. Потом он весь свой архив журналов передал Отделу астрономии ВИНТИ. Видимо, это его последний вклад в астрономию. А вот продолжение по первым двум пунктам: «Вчера ездил к Пимошенко. Оказывается, мои рассуждения посылали экспертам, из коих 3 академика, а 3 «просто доктора». Судя по всему, «эксперты» просто оказались неподготовленными к восприятию моих идей — настолько, что просто не смогли издать ничего членораздельного, особенно в позитивной части. Полный разнобой во мнениях и оценках, что, явно, рассматривается в мою пользу. Я понял, что победил в первом туре. Зато теперь я «высветился», мое имя и направление мыслей известно: не станут же в самом деле академики молчать? Слухи конечно пойдут. Как по заказу в «Известиях» статья Сагдеева — тоже критическая и тоже о науке. Не столь лихо, как у меня, но с редакционным пассажем о «кризисе в нашей науке». Тоже кстати. Посмотрим. А пока — возгордимся» (29 апр. 1988 г.). Возгордиться-то возгордился. Но с Совмином, похоже, не получилось, и ГС делает другую попытку: «зашел в ЦК, чтобы отдать А.В. Шишкину 3 документа: новый анализ [состояния нашей науки], новый устав АН и пояснительную записку к нему» (11 нояб. 1988 г.).

«Ездил к Пимошенко — отвез ему, наконец-то, законченные схемы прогнозирования научно-технического прогресса» (24 апр. 1989 г.).

Это в 1988–1989 гг., а вот через 15 лет.

«Подумалось, что для меня, в аспекте моих литературных занятий, 2002 г. был весьма успешным:

— Опубликовал статью о военных предприятиях США — и она получила восторженный прием у какой-то левой группы в Сибири.

— Опубликовал статью об Академии. Её перепечатали «Отечественные записки» и взяли в интернетовский журнал.

— Сдвинулась с места большая книга о научно-техническом потенциале России и, глядишь, скоро выйдет, хотя бы первая часть [вышли обе части в 2011–2012 гг. под совместным авторством Л.Э. Миндели и Г.С. Хромова].

— Опубликовал исторический обзор по астрономическим обществам в «Астрономическом календаре 2002».

— Написал дельную записку о научной реформе и отправил её гулять по заинтересованным людям.

— Написал очень неплохую работу об инновациях и, конечно, как-то запущу её в широкое обращение.

— Написал удачный вариант статьи об «инвентаризации» наших научных учреждений, где наконец-то, наверное, довел до высокого начальства ряд разумных мыслей (как мне сказали, до 90% моего текста прошло без изменений).

Право же — неплохо для рядового года...

Сейчас вот надо бы окончить правку 2-й части книги, написать давно обещанную рецензию на Ст. Коэна для „Альтернатив“ и разработку на тему „Менделеев и АН“ (02.01.2003 г.). Рецензию написал: «Получилось 22 страницы довольно удачного текста».

А также на просьбу Миндели написать для министерского начальника [Свинарева] «чего-то эдакого». «Я выдал им 4 стр. беспрецедентного содержания — о неизбежной необходимости сократить научно-технический персонал в 3–5 раз. ... Миндели прочел и почтительно онемел» (27 апр. 2003 г.). Не отсюда ли идет сегодняшнее наступление на отечественную науку?

«Привожу в порядок свой служебный архив. За 2004 г. я написал 50 всевозможных документов. Но каков коэффициент полезного действия? И еще один год, 366 дней и [или]

3•10⁷ секунд канул в невозвратную Лету. Ну и что?» (31 дек. 2004 г.).

Все это продолжается и дальше: «Сам я трудился, вполне не покладая рук, над отчетом по науке в СССР–РФ и США. Торопился и переживал муки творчества. Сегодня отдал Миндели 62 стр. текста, которого до меня никто не писал, да и не мог бы» (06 июня 2006 г.).

Повторяю, плодovitость ГС переходила все пределы, но качество, по сравнению с временем написания книжки «Наука, которую мы теряем», заметно снизилось, хотя ГС так вовсе не кажется, самомнение его в 2000-х годах, как мне видится, резко зашкаливает.

328

Несмотря на неоднократные патетические записи в дневнике, что он не следит за астрономической жизнью и конкретно ГАИШ, ГС всегда жадно слушал новости, и вот как он пишет об очередной беседе с «человеком из ГАИШ»: «В ГАИШе нет денег и полная безнадёга. Собираются избирать директора из 3-х кандидатур: С. Новикова, В. Нестерова и самого Черепа[щука]. Комментарии, как говорится, — излишни» (13 марта 1992 г.). Или беседа с сотрудницей ГАИШ: «Принимал в свою [душу] очередную дозу астрономического мусора. Безрадостно, но не совсем уж безынтересно. ГАИШ превратился в полное и уже просто протухающее болото» (19 янв. 2003 г.). Тут мне вспоминается пассаж из статьи в журнале, где описывается, как один известный американский журналист пришел в банк Ротшильдов. Он собирался написать статью в известный журнал и проводил «осмотр местности» для материала будущего репортажа. Походив по зданию, поговорив с сотрудниками, заглянув в укромные места, он сделал вывод, о котором и известил читателей. Мол, во всём чувствуется запустение, сотрудники потеряли квалификацию и интерес к работе, мебель старая, помещения давно не ремонтировались, даже лифт в здании какой-то замшелый и вот-вот развалится. Через много лет журналист то ли уходит в отставку, то ли его увольняют, но вдруг ему приходит письмо от клана Ротштильдов с одной лишь фра-

зой: «А наш лифт всё еще работает». Вот и ГАИШ в пику Гавриле Сергеевичу продолжает существовать, преодолев многочисленные трудности первого и второго десятилетий третьего тысячелетия.

Или вот примечательные записи «не следящего за астрономической жизнью» ГС: «В Астросовете износившийся и обленившийся Боярчук „передает власть“ бесцветному Шустову — из старых рекрутов Масевич. Та тоже недавно вконец уволилась, хотя и до того уже многие годы сидела тихо. Вот и кончилась эта эпопея, когда-то составившая лучшую, и самую трагичную часть моей жизни» (10 мая 2003 г.).

Я несколько раз встречался «накоротке» с Борисом Михайловичем Шустовым, когда он был зам. директора ИНАСАН, и на меня он произвел впечатление не только доступного человека, но и широко эрудированного, следящего не только за астрономическими исследованиями. Так, однажды, я пригласил его на совещание в дирекции ВИНТИ по вопросу улучшения информационного обслуживания. Прийти он не смог, но прислал по электронной почте свои очень подробные предложения и по существу — без «воды», которую так любил наливать ГС. Редко так бывает.

«А. Финкельштейна избрали в члены-корреспонденты. К этому и шло, но — какая непристойная шушера попёрла в эту вырождающуюся Академию! По словам Миндели, правительство треплет РАН по поводу нового Устава. Исполать! Не на тех напали! Это и у царей не получалось...» (24 мая 2003 г.). «Прошли очередные выборы в Академию. Новым астрономическим академиком избран Толя Черепашук, а чл.-корр(ом) ... жалкий уже беспредельно Шустов!» Вечером мне позвонил после 5-летнего молчания веселенький Гребеников, не преминувший принять приглашение на торжество [по случаю избрания вышеназванных в Академию]. Женя явно сильно поглупел. Числится главным н.с. в академическом ВЦ и, кажется, вполне доволен жизнью, мотается в разные республики — читать лекции по приглашению своих учеников, бодр и шустр. Мне, кстати сказать, его звонок,

ГС, Л.Э. Миндели и В.А. Васин на конференции, 2009 г.

стоил несколько часов испорченного настроения» (06 июня 2006 г.).

Это просто зависть. Я не знаю человека, которого ГС приветствовал бы в действительных членах Академии. А вот это ему нравится: «Ехиднейшая статья об академических выборах в „Новой газете“. Обещают еще писать об этом. Мне же представляется, что эта организация фактически кончилась» (06 июня 2006 г.).

Подводя промежуточный итог своей жизни, ГС пишет: «Три самых больших несчастья, исковеркавших мою жизнь и совпавших по времени, будучи связанными друг с другом. Но все же разные:

Предательство: меня предало и дело, и люди, которым, как мне казалось, я служил (1977 г. и далее).

Предательство: меня предала женщина, которую я любил и которую, как мне казалось, сумел сформировать...

Предательство: меня предал не столько мой, сколько её сын — уж очень мало у него со мною...».

И здесь же ГС опять проявляет свое качество ханжи, делая приписку: «Так ли уж виноват во всех этих несчастьях я сам? Наверное, виноват, хотя бы тем, что существую — таким, каким сделала меня эпоха моей юности, воспитание (книги, общество) и характер. Но неужто целиком и во всем? Страшная, неискупимая вина — предательство» (03 марта 2003 г.).

Или вот: «На меня негодуют за то, что я стараюсь ценить людей, а не носителей титулов». ... «Всё мрачные мысли о неудачном сыне, потерянной первой жене, растворившихся в Лете друзьях молодости. И почему-то приходят они чаще по утрам, чем поздней ночью. ... И еще не оставляет меня щемящая жалость к моему дому, со всеми его воспоминаниями и нехитрым уютом, который, знаю, умрет вместе со мной... (15 янв. 2006 г.).

Всё осталось так же, как при нем. Ничего не умерло, не изменилось, совсем ничего. Та же жена, правда, вторая, тот же сын, та же квартира со всей той же обстановкой, что и при

нём, так же кошки в доме. Правда, никто не курит, но сын, похоже, имеет ту же привычку работать ночами и всё более и более походит на него. И внешностью, и манерами.

«Почему-то многие годы по утрам, начиная от грани между сном и бодрствованием [скорее уж в предобеденное время, когда ГС просыпался], в мой ум лезут мысли о прожитой жизни и моей профессиональной судьбе. Хотя, вроде бы, всё ясно. ... И даже, вроде бы, все верно и не так уж плохо. Мысли эти — тревожные и невеселые...» (08 марта 2006 г.). Это Восьмого-то марта. Похоже, вся эта неделя у ГС такая: «Мрачно и темно. Завтра обещают дожди. Настроение скверное. Работается плохо» (12 марта 2006 г.).

Вот он снова сетует: «Общество деградировало и развалилось — под ударами изнутри и снаружи. А я, воспитанный для того, чтобы быть достойным членом этого общества, не смог этого ни распознать, ни, тем более, принять. Вот и оказался в лавине камнепада ...» (20 июня 2006 г.).

332 «В преддверии нашей с Нонной серебряной свадьбы заглянул в свои дневники 1980–81 гг. Господи, какое же страшное, дикое время я сумел тогда пережить! Даже теперь, 25 лет спустя, чтение этих страниц стоило мне испорченного на несколько дней настроения» (20 июня 2006 г.).

Про свое увольнение из ВИНТИТИ ГС написал: «Этот В.Г. — просто опасный человек! ... Ну как мне не везет в жизни с „начальниками“. Сначала два равнодушных ничтожества [похоже, Мартынов и Мустель], затем — алкоголик [Аксенов], затем пошлый дурак [Петухов. „Нет, я никогда не привыкну к этому чудовищу“ (16 июля 1991 г.)], а за ними два психопата с маниакально-депрессивным психозом [я и Миндели, что ли?]]» (13 июля 2003 г.). И это после того, как все мы старались ему помочь с работой. Его же запись: «Аксенов пунктуальнейшим образом сдержал все обещания и принял меня в обход общего запрета зачислений — специально ходил к Тернову [первый проректор МГУ] за разрешением» (28 марта 1979 г.). Или: «Петухов сделал мне предварительное предложение перейти в новое НПО, образующееся на базе «Ориона». Сулит пост зав. отделением, т.е. очень высо-

кий. Я подумал и согласился. В ГАИШе, да и в нашей астрономии, сейчас такая безнадега, такая мелкотравчатость, что надо, конечно, рвать когти», и тут же: «Третьего дня был у Аксенова в его новой (и превосходной) квартире [квартира эта — обычная „трешка“ в 17-этажном доме]. Мальчишник. Засиделись до 4 утра и порядком набрались. Обещает сдвинуть с мертвой точки мои диссертационные дела [вроде бы мальчишник, но ГС не забывает о решении своих проблем, главная из которых защита докторской]» (27 окт. 1980 г.).

И снова предложение работы: «Заходил [В.Д.] Кусков. Я отдал ему для копирования 2-й экземпляр рукописи о теории редуций. Заодно поболтали. У него идея — пристроить меня в «Главкосмос» на международные связи по линии КВО. Ох, соблазн, соблазн... А хорошо было бы, ой как хорошо!» (29 апр. 1988 г.). ГС продолжают оказывать поддержку в поисках работы и продвижении его идей: «Договорились, что он [Кусков] порекламирует меня в одном из подразделений МОМ [Министерство общего машиностроения], которое собирается курировать «космическую» деятельность Академии. Любопытно. Вернусь из отпуска и, может быть, поеду знакомиться» (24 авг. 1988 г.). В.Д. Кусков выполнил свое обещание быстрее. «Кусков сватал меня на разговор с тамошним начальником, неким Чернавским, который, дескать, организует какую-то контролируемую группу при Академии. ... У меня сложилось впечатление, что тот что-то разузнал обо мне, и результат был предreshен. ... Но если не нужны такие, как я, то кто же им нужен, этим странным людям?» (01 сент. 1988 г.).

Следующий начальник тоже не потрафил ГС: «Работаю над запиской о „кадрах высшей квалификации“. Новый директор [вместо Миндели] не обращает на меня внимания. Я этому, признаться, рад, ибо этот Рубвальтер — явный дурак с наполеоновскими замашками по причине низкорослости» (13 марта 2005 г.). Это уже после Миндели, но до образования ИПРАН, где его директором снова стал Миндели.

О начале работы после ВИНТИ у Миндели пишет: «И — ежедневное „хождение в присутствие“, от чего я так отвык

[в ненавистном ему ВИНТИ]» (09 нояб. 2003 г.). И снова: «А я порядком устаю от нового режима — с ежедневным хождением в присутствие и в обстановке постоянной спешки, которая окружает Миндели» (22 нояб. 2003 г.). «Завтра, все же, потащусь в присутствие» (11 дек. 2005 г.). «Идея принадлежит Миндели, но он, конечно, совершенно не способен даже толком объяснить ее сотрудникам» (11 дек. 2005 г.). Позднее ГС меняет гнев на милость по отношению к тому же Миндели: «Л.Э.М. хвалит меня уже так, что я, порой, смущаюсь. А ведь, объективно, есть за что хвалить. Равного мне специалиста в научной политике сейчас в стране просто нет» (13 июня 2004 г.).

334

Я благодарен ГС за эти дневники, которые он писал на протяжении более 40 лет, и НБ, что отдала их мне, ведь я увидел многое, в том числе как приходит старость, что она с собой несет. Последние несколько лет, а последняя дневниковая запись в 2013 г., за полгода до смерти, — наиболее трудно читаемая их часть по эмоциональной насыщенности. ГС почти потерял зрение, мучают постоянные визиты к врачам, осознание неизлечимой болезни и спасение только в работе по написанию очередной записки об инновациях, которые ему «заказывает» Институт. Последние два предложения в неоконченной тетради говорят о несломленном характере этого человека: «Сидел за компьютером. Завтра спутешествую на рынок» (20 июля 2013 г.). И кончились записи, в которых главное — каким он хотел себя видеть (или видел?), и кончились дневники. Далее началась уже не жизнь, а жестокие мучения.

«Вот и всё ...» — название моей статьи о нем в «Космическом дайджесте». Всё — это закончившаяся жизнь, некрологи в «Астрономическом календаре» и на сайте ГАИШ, посмертная статья о нем в «Земле и Вселенной», переданное молодым Астрономо-геодезическое объединение, название в его честь малой планеты № 372578 под именем Khromov и вот эта книга с фрагментами истории ГАИШ и Астросовета, связанными с ним.

«Горько видеть жизни край ...». С. Есенин

Гаврила Сергеевич на протяжении всего времени пишет, что его сын Иван ничего не взял от него. Я довольно долго общался с тем и другим, и могу сказать, что Иван Гаврилович — плоть от плоти ГС. Он похож не только внешне, не только поведением, но независимо друг от друга они делали одинаковые вещи: ГС послал свою книгу «Наука, которую мы теряем» ректору МГУ В.А. Садовничему и обижался, что тот ему не ответил, а впоследствии издал книгу «Образование, которое мы теряем», а ИГ написанную им на английском языке книгу послал английской королеве Елизавете II. И она тоже не ответила.

Надо сказать, что жизнь сильно потрепала Гаврилу Сергеевича. Внешне он мало изменился, но после 1980-го года, а может, и раньше, мне по его дневниковым записям заметно, что он стал никому не нужен и даже превратился в обузу. Ни прежним «друзьям», ни семье, ни в ГАИШ, где он держался только усилиями Е.П. Аксенова. Сам он этого не чувствовал, хотя и был в возрасте, когда мужчина невольно проводит оценку своей жизни. Кто-то впадает в депрессию, но только не ГС. «Тем временем, я закончил анализ состояния наших астрономических дел по РЖАстр(у) за 1986 г. Результат превзошел даже мои ожидания: за истекшие 15 лет мы потеряли 5% в валовом потоке астрономических публикаций, докатившись до 14%. Что касается наблюдательных данных, то мы в среднем даем около 6%, а по наиболее новым видам информации — чуть ли не круглые нули. ... Впору спрашивать уже не только „что делать“, но и „кто виноват“. А я и спрошу через 3 недели во Фрунзе [на съезде ВАГО]. Пусть потом Г.И. Марчук [Президент АН СССР] порадует. Вот почему мне так неуютно. В такой, фактически несуществующей науке — что делать несчастному, обладающему „умом и талантом“ — пусть хотя бы и небольшим» (26 февр. 1986 г.). Никаких таких выводов по РЖ «Астрономия» сделать было нельзя. То, что отражалось в РЖ, — это то, что поступало

от референтов, которые все ленивее и ленивее работали. Попытка анализа с негодными средствами. И Марчук о нем даже не слышал, я думаю. И наука продолжает существовать.

А вот он вспоминает в 1984 г. о времени середины 1970-х годов: «Помню, как лежа на тахте и глядя на лампу, будучи на волне успеха и даже известности вместе с благополучием, я вдруг подумал, что все уже ясно на годы вперед. Что дальше как на рельсах, и что это скучно ...» (31 окт. 1984 г.). Скучно не стало, зато все разрушилось в течение нескольких лет. И уже не восстановилось.

Сильно подорвал его провал защиты докторской диссертации, которая, как он считал, уже у него «в кармане». Пожалуй, последней крупной неудачей было неизбрание народным депутатом СССР. Он еще раз попытался стать депутатом в районе, и снова не вышло. Дальше никому не нужная работа у Петухова сначала в «Институте проблем металловедения», а затем в «Институте новых физических и прикладных проблем» АН Украины, и после, как он сам пишет, «семь лет безработицы», до того как я принял его в ВИНТИ на должность зав. отделом астрономии. И тут не ужился, не желая ничего менять ни в своей жизни, ни в себе, ни в отношении к своим обязанностям. Плохую службу ему всю жизнь играл его суточный режим с ночными бдениями «за чистым листом бумаги» и отсыпанием днем вплоть до обеда. Ему еще повезло со второй женой, которая не обращала внимания на его причуды. Правда, это стоило ей крупной сердечной неприятности и расхоронившихся нервов. «ГС почивает».

Помню, встретил его за полгода до смерти, когда я шел от метро «Университет» на физический факультет. Жара, духота, около полудня, и он идет навстречу в серых шароварах, тенниске и плащом через руку. Спрашиваю:

- Куда?
- В аптеку.
- Что нового?
- Издал книгу, заходите — подарю.

Книга эта «Научно-технический потенциал России». Еще несколько фраз ни о чем — и разошлись. Посмотрел ему вслед. С виду все такой же, хоть и похудевший, торс прямой, ножки циркулем, как всегда носочки по-балетному в стороны. Точь-в-точь как у ненавистного ему президента-алкоголика. Седьмого января 2014 года Гаврилы Сергеевича не стало, о чем сообщил мне Иван по телефону. Он же сказал, когда будет панихида в морге. Потом выяснилось, что время он назвал на полчаса позже. Почему? Осталось неясно. Случайно я успел, придя пораньше, когда его уже поместили в катафалк везти в крематорий, и ЛВ с мужем сказали мне: «Быстрее, быстрее, вон он отъезжает». Он — катафалк с Гаврилой Сергеевичем. Валентина Михайловна Чепурова, которой назвали то же время, что и мне, — не успела, о чем впоследствии переживала, что «не простилась с Гариком». На поминки в хорошо известную ей квартиру, куда мы с ней вместе или порознь время от времени «напрашивались», она почему-то не пришла — постеснялась, что ли, или была какая-то другая причина. Народу было человек 15–20, Васин с его последней работы, я с предыдущей и как довольно близкий ему человек, как мне думалось, несколько друзей, соседи по дому. Был и Иван. И, конечно, руководство АГО в лице нового председателя Фиделя Горбунова и его заместителя — миловидной девушки Оксаны. Сказал слова прощания. На 9 дней я не был, простудился.

За несколько дней до этого, перед Новым Годом умер Евгений Александрович Гребеников.

Гаврила Сергеевич многим испортил жизнь, не понимая в своем эгоизме, что наносит ощутимые травмы. Всем трем своим женщинам, из которых только ЛВ сумела удачно выйти из положения обманутой жены. Коллег и друзей он предавал, считая при этом, что это они сами виноваты, что плохо поддерживали его в борьбе. Бесконечной борьбе — то с Масевич, то с ГАИШ, то в ВАГО, то в киевском институте — он хотел быть ведущим, а не ведомым, не имея к этому после Астросовета никаких оснований. И сдавал, сдавал, сдавал всех — в своих заявлениях, объяснениях,

письмах в вышестоящие инстанции. Примеры? Вот, пожалуйста:

«Мою характеристику И.С. Шкловского и его окружения, наверное, не откажется подтвердить инспектор I отдела ГАИШ В.В. Ковтун, хорошо и многие годы знающая нас обоих».

«Я полагаю, что мою характеристику А.Г. Масевич не откажутся подтвердить сотрудники Астрономического совета В.Л. Хохлова, Б.Н. Журавлев, его председатель Э.Р. Мустель, сотрудники ГАИШ (именно там она начинала свой славный путь) д.ф.м.н. Ю.Н. Липский, д.ф.м.н. М.У. Сагитов, д.ф.м.н. В.В. Подобед, Н.П. Кукаркина, сотрудник ИТЭФ проф. Е.А. Гребеников, сотрудник Института прикладной геофизики С.М. Полосков, чл.-корр. АН СССР В.В. Соболев, академик, депутат Верховного совета СССР В.А. Амбарцумян. Этот список можно было бы еще продолжить. Кстати, и сам Шкловский был о Масевич довольно четкого мнения, пока она ему не понадобилась всерьез». (Из заявления кому?).

В заявлении в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС: «Я сам узнал о письме Солпитера только месяц спустя, в неофициальной беседе с председателем Астрономического совета Э.Р. Мустелем у него на квартире».

«Я узнал о первом со слов Э.Р. Мустеля; какими источниками информации он пользовался — мне неизвестно».

«И, наконец, последнее: в феврале прошлого года одна из сотрудниц Астрономического совета (В.Л. Хохлова) мельком видела у А.Г. Масевич банковский отчет о состоянии вклада; такие отчеты зарубежные банки высылают вкладчикам в конце финансового года».

«Полагаю, что мою оценку положения, хотя бы в общих чертах, не откажутся подтвердить директор Главной астрономической обсерватории АН УССР д.ф.м.н. Я.С. Яцкив, директор ГАИШ проф. Е.П. Аксенов, чл.-корр. АН СССР Ю.Д. Буланже, сотрудник Ужгородского ГУ доцент М.В. Братийчук, сотрудник ИТА АН СССР А.С. Сочилина, сотрудница Астросовета Г.С. Курбасова».

«У меня есть сведения (через сотрудника УВС АН СССР А.А. Горелькова)»

«Ссылаюсь на известного болгарского астронома Н.С. Николова, который с удивлением поведал об этом сотруднице Астросовета М.А. Фединой».

«... знаю от В.А. Хохловой».

«О том, что в действительности происходило на заседании Бюро 5 октября, могут сообщить независимые свидетели, напр., чл.-корр. АН СССР Э.Р. Мустель, чл.-корр. АН СССР В.А. Крат, сотрудник управления кадров АН СССР В.И. Павлов».

Все-таки я считаю, что ГС, несомненно, был незаурядной личностью, своей деятельностью сумевший восстановить против себя всех, кто сталкивался с ним по работе, именно по работе, а не по жизни. Это не касается знакомых вне работы, которые его использовали в нужный момент для нападок на Академию или при составлении справок, докладных, отчетов, промежуточных, как правило. В окончательных отчетах они все его «рекомендации» выбрасывали или приписывали себе. Он это знал, но не протестовал, считая, что таким образом доносит свои мысли до нужных людей.

Как я уже писал, ГС был графоманом, по-чиновничьи, владел нужным слогом и легко составлял разные бумаги на научные, да и другие темы. Чем важнее была тема, тем с большим удовольствием он за нее брался. На его примере как бы оправдывается известный тезис, что университетское образование позволяет заниматься, и успешно заниматься, любым делом. Университет учит работе с источниками. Устав Академии, научно-технический потенциал России, научная политика страны, инновационная деятельность и ее развитие в стране — все было подвластно ГС, обо всем имел он свое мнение, всех он судил. Жаль только, что наверху у нас сидят такие же гаврилы сергеевичи, в общей массе, наверное, не хуже ГС, но гораздо ленивее. А он не был ленивым до конца своей жизни. Им двигал реформаторский зуд и тяга к поучениям. «Равного мне специалиста в научной по-

литике сейчас в стране просто нет», — считал он. Однако получалось у ГС хорошо написать, если он действительно был в теме, а не занимался компиляцией, как он сам описывал: «Делать все это было трудно ... как-никак около 2000 стр., которые нужно было просмотреть и оценить» (03 июня 1986 г.). «Год и 4 месяца работы. Стопка проработанных документов в мой рост. Папки конспектов и вычислений» (19 янв. 2000 г.).

340

ГС как-то написал в своих дневниках, что болезнь Н.Г. Бочкарева — кара за срыв защиты докторской диссертации самого ГС. Конечно, большая натяжка, хотя она, наверное, стоила и НГ нервов. Я имею в виду тяжелую болезнь, которую Коля переносит достойно и продолжает вести активную обычную и научную жизнь. В чем-то они даже похожи: НГ нельзя остановить, он все равно будет добиваться своего, по крайней мере, так было раньше. Это было Коле свойственно и в то время, когда мы с ним учились в одной астрономической группе на физическом факультете, откуда он вышел круглым отличником. И тогда, когда он пробивал «Международное астрономическое общество», и тогда, когда он гонялся за ГС при выборах в народные депутаты СССР.

По отношению к ГС это началось с момента известия об окончании им работы над докторской диссертацией. Зачем НГ это было нужно — мне непонятно, но чем-то ГС его достал. Подробнее об этом я написал в главе «Версия с докторской защитой». Это и глава из жизни ГАИШ. Наблюдать за жизнью в Институте в тот период было занимательно. Астрофизики и звездники были накалены до такой степени, как будто бы решалась судьба Института. Я с Колей на эту тему никогда не разговаривал, и мы поддерживали и поддерживаем сейчас нормальные отношения, но, повторяю, что-то в этой погоне есть непонятное, личное. Впрочем, на днях, когда я шел вечером с физфака, я встретил Колю выходящим из ГАИШ. К сожалению, при этом была его жена, Женя Карлицкая. А Женя давно, со студенчества, известна тем, что она никого не слушает. Ну, в стиле училки начальных клас-

сов, которая думает, что имеет дело с несмышленишами, и ее план да их учить. Учить всю жизнь, при любом удобном или неудобном случае.

Я задал Коле вопрос о причине его неугомонной погони за ГС. В чем было дело? С чего началось, где ГС ему перешел дорогу? В основном комментарии были от Жени, типа, он в формулах не поправил указанные ему Колей ошибки и что она относилась к ГС хорошо, он ей раньше нравился и как мужчина, но потом она поняла, что он плохой человек и недостойн докторской диссертации. Интересное дело: он мне не нравится, и поэтому я гоняюсь за человеком? Травлю его не только во время защиты, когда это можно понять, хотя и тут явный перебор в средствах. Ты высказал свое мнение, ну даже послал свои возражения в совет, где товарищ защищается, пусть даже приехал сам в другой город на защиту, чтобы самовыразиться и показать, какой ты принципиальный борец за чистоту в науке. Сорвал защиту. Остановись, забудь, работай дальше — ведь столько интересных вещей в нашей науке, если уж в жизни нет. Тебе самому надо защищаться. А ведь это превращается в идею фикс. Отслеживание действий ГС на протяжении всей жизни, погоня за человеком с непонятной целью. Ну вот, человека уже нет — достигнута ли цель? Всё это напоминает высказывания самого Гаврилы Сергеевича, что «надоели эти астрономы», но с непременным интересом выслушивающего каждую, даже самую маленькую новость о событиях и в ГАИШ, и в Астро-совете, и в Пулковом, и в ИТА или ИКИ, везде, где ведутся астрономические исследования. Где появляется что-то новое о сотрудниках этих учреждений. Какая-то патология в виде навязчивой идеи. Как у некоторых: «за мной следят». Или инфантилизм, что, конечно, есть у Жени, но, мне кажется, все-таки отсутствует у Коли. А с Женей в этом мы чем-то похожи. Пошел же я с Сашей Бугаевским в Минвуз, в надежде оставить Евгения Петровича в директорах. И было мне уже тридцать семь лет. Тоже странно, да? В связи с этим вспомнилась повесть Фридриха Дюрренмата «Обещание». Помните, «Современный швейцарский детектив» 1989 года. Цель

есть, обещание дано, но объект умер, о чем герою неизвестно, и погоня продолжается.

А возвращаясь к диссертации, ее несчастливой судьбе и отказе Гаврилы Сергеевича снова пытаться ее защитить, что, по-моему, он сделал правильно. Судя по всему, защитить ее ему бы не дали, и осталось понять, что двигало Колей. Да и, наконец, хочется знать — это самое важное, — действительно так уж плоха была диссертация, что ее никак нельзя было выпустить? Ведь и у Н.С. Блинова, которому отказался дать отзыв на докторскую диссертацию Институт космических исследований, как оказалось, диссертация была неплоха, а проблема вне научной сферы — в сфере борьбы кланов. Диссертацию он позже защитил, правда, стоило ему это инфаркта. И диссертацию М.А. Лившица долго не утверждали по причине активности действий его противников, заключавшейся, как я помню, в споре за право использования полученного наблюдательного материала. Как-то меня, не специалиста, смущает выступление Агекяна, закончившееся словами «предложение, высказанное Н.Г. Бочкаревым, совершенно неправильное» и настойчивые неоднократные заявления ГС, что его диссертацию противники не читали. Возможно, что когда-нибудь это станет известным, но уже нет Дибая, нет Грищука, нет Шарова с Костяковой и Павловской и других, подписывавших отрицательный отзыв. Но кто-то ведь ещё остался (я оставляю за скобками мнение Жени Карицкой) и может сообщить нам свою точку зрения. Мне кажется, это небезынтересно в смысле истории ГАИШ. Или «Ещё слишком рано судить». Чжоу Эньлай.

Далее мы с Женей при молчании Коли поговорили об аспирантах Шкловского. Этот вопрос меня интересовал также в связи с ГС, ведь он тоже был его аспирантом. Оказывается, что и Жене «повезло», а может, и без кавычек, быть его аспиранткой, и она тоже не защитилась сразу после аспирантуры. «Он мне менял тему каждые три месяца», — сказала она. Сама она хотела быть аспиранткой С.Б. Пикельнера, но он уже взял к себе Колю и брать его жену не стал. На кафедре ее отправили к Шкловскому. По-моему,

нас было четверо, рекомендованных в аспирантуру в 1971 г., четвертой была, мне кажется, Лена Беленькая. И тоже у Пикельнера.

Ответа на вопрос «В чем было дело?» я так и не получил.

Гаврила Сергеевич, в свою очередь, считал, что Коля нервнобольной и замкнулся на нем, что, мол, бывает у шизоидов. Не знаю, не знаю. Однако насчет «кары», по-моему, он перегнул. Это своего рода «украшение» рассказа выдуманными или, точнее, немного подправленными подробностями, когда рассказчик использует гиперболу. Приведу пример из упоминавшейся уже книги Шкловского «Эшелон».

В рассказе «Юбилейные арабески» есть такой эпизод: «Я был погружён в эти невесёлые мысли, когда ко мне зашёл мой сотрудник Володя Заболотный, который живёт на Пресне в доме старой обсерватории, и поведал мне удивительную историю. Юбилей ГАИШа отпраздновали 9 декабря, причём довольно пышно. В третьем часу ночи Заболотный проснулся от страшного лязга и грохота. — Впечатление было такое, что идёт бомбёжка, — заметил Володя. Грохот стоял непрерывный, и многие жильцы дома, в том числе и Володя, выбежали во двор. И тут они увидели страшную картину: под холодным дождём, смешанным со снегом, медленно вращался проржавевший купол большого астрографа. По двору металась испуганная сторожиха в поисках куда-то затерявшегося ключа от башни — по причине ненастной погоды несколько недель ни одна душа на башню не заходила. Было от чего прийти в испуг — сильно отдавало совершенно гоголевской чертовщиной. Покрутившись минут двадцать, купол вдруг остановился. На следующее утро случившееся странное явление получило своё объяснение: оказывается, рубильник, включающий мотор, который вращает купол, был замотан... половой тряпкой! Напитавшись грязной влагой от почти непрерывно шедших дождей, тряпка приобрела конечную проводимость и замкнула цепь. Всё же символично, что это случилось точно в юбилейную ночь. Какой-то высший смысл в этом усмотреть можно. По крайней мере, я так полагаю».

Александр Владимирович Бугаевский, 2017 г.

На самом деле всё было не так и не в декабре 1981 года. В то время я жил на обсерватории в квартире № 13 на первом этаже профессорского дома Краснопресненской обсерватории. Первый этаж был для obsługi в дореволюционное время. На втором жили профессора. Место удобное, в центре столицы и рядом с кольцевой станцией метро «Краснопресненская». Я был не женат, и каждый день ко мне заходили друзья поболтать, выпить, сходить в находившиеся поблизости Рочдельские бани. Один из них, Василий Горлов, даже использовал это, введя меня и мою квартиру в сюжет своей детективной повести. Вот и в тот летний, как сейчас помню, вечер ко мне зашел Саша Бугаевский с двумя своими знакомыми девушками. Человек он был общительный, а к тому же фактически курировал в то время комплекс зданий обсерватории, будучи заведующим Краснопресненской лабораторией ГАИШ. Именно он сумел пробить решение Исполнительного комитета Моссовета о постановке комплекса зданий Краснопресненской обсерватории на государственную охрану в качестве памятника архитектуры и градостроительства. В ряде помещений обсерватории располагался Музей истории астрономии в Московском университете, и он справедливо гордился этим.

345

Иосиф Соломонович сгущает краски, не только приурочивая событие к ночи после 9 декабря, когда праздновалось 150-летие Московской обсерватории, но и говоря о «проржавевшем куполе большого астрографа». На самом деле купол был отреставрирован, и его механизм находился в рабочем состоянии. Дело было летом, вечер действительно был сумрачным, на небе глухая облачность, дождливо. Саша, оказывается, обещал девушкам показать обсерваторию и взял меня заодно в эту компанию как астронома. В то время мы довольно тесно общались по причине моего положения в Институте и проживания на территории обсерватории. Мы немного посидели у меня, Саша сходил за ключами, и мы пошли на осмотр. Поднялись на крышу, посмотрели на Москву в сторону Москвы-реки. Вид тогда был прекрасный, почти напротив гостиница «Украина», ничто не закрывало

панораму берегов реки с нашего бугра. Даже двухметровый забор Саша сумел отодвинуть за откос, чтобы он «не маячил». Стоило ему это, по его словам, двух бутылок водки для рабочих, ведших реставрацию. Такие были времена.

346 С другой стороны превосходно смотрелся «Гидромет-центр», а перед ним купол астрографа. Саша открыл дверь, и мы зашли. Внутри стоял и стоит большой 15-дюймовый астрограф с фокусом в 6,4 метра. Саша стал показывать, как раскрывается купол, надо было забираться по висящей лестнице, которая была одним целым с куполом. Девушки забрались на лестницу, а Саша стал объяснять и, главное, демонстрировать, как купол вращается. Покатались какое-то время, и вдруг механизм с грохотом замер, так что девушки чуть не слетели. Поняв, что наделали, мы быстро закрыли створки, заперли дверь. Саша сказал, что придется опять чинить, т.к. механики отремонтировали механизм, видимо, плохо. Пошли снова ко мне, и вскоре я проводил их до сашиных «жигулей». На этом всё и закончилось. Иосиф Самуилович услышал от В. Заболотного о поломке механизма вращения купола рефрактора, и его поэтическая натура преобразовала сюжет в занимательную форму, которую он и привел в книге.

В комментариях к «Эшелону» В.А. Бронштэн пишет: «Некоторые из рассказанных им [Шкловским] историй имели продолжения, о которых он даже не знал», а некоторые, сказал бы я, имели не такую красочность и акценты, что видно по приведенному мною фрагменту. Однако хорошо сказал В.И. Гольданский: «Воспоминания Иосифа Самуиловича Шкловского я прочитал с большим интересом. Говоря так, я отнюдь не подразумеваю, что согласен со всем, что там написано, — они очень острые, как сейчас принято говорить, противоречивые, но с точки зрения писательской, литературной, они превосходны». Я бы еще добавил — с точки зрения занимательности тоже, что и демонстрирует приведенный мною фрагмент и комментарии к нему в виде описания довольно обыденной ситуации, приведшей к поломке механизма купола.

ГС в связи с письмом Э. Солпитера сильно испортил с И.С. Шкловским свои отношения, вплоть до разрыва, но уже 22 янв. 1980 г. он пишет в своем дневнике: «Набросал „великодушное“ письмо Шкловскому». И затем: «Заочно, путем обмена письмами, помирился со Шкловским (!). Что из этого получится — посмотрим» (26 февр. 1980 г.). «В четверг [был] на партсобрании в ГАИШ. Скучно и отдает фарсом. Потом разговор с Ю.П. Псковским. По его словам, ещё осенью 77 г. Шкловский понял, что его зря натравили на меня (струсил?) и чуть-что не благославил мой переход в ГАИШ». Т.е. ГС в белых одеждах, и после — великодушно «помирился со Шкловским», но все же приводит в дневниках такой пассаж: «В ГАИШ столкнулся в раздевалке с раздраженно сопящим И.С. Шкловским. Как-то мы не заметили друг друга, хотя я и сказал „здрассьте“» (20 нояб. 1981 г.). «„Свобода, свобода, свобода — лям ду-ду“, как любил говаривать Шкловский» (16 сент. 1990 г.).

347

Борьба с «процветающим невежеством»

Свою борьбу с «процветающим невежеством» ГС не оставлял всю жизнь. Но, как говорят, «послевкусие» осталось не в его пользу. Он никому не отомстил, ни с кем не помирился, не сделал выводов (или почти не сделал), не изменился (или почти не изменился) — не тот характер. В общем, ничего не добился, разве что «вонял», как он сам выразился по поводу П.В. Щеглова. Несчастный, не прощенный и не простивший, никакой как провидец — ни одно из его предсказаний не сбылось, потерявший любимую жену, любивший помимо этого только себя и не нашедший себя в жизни. Потерявший друзей, да и не друзья это были для него — соратники на определенном этапе жизни, которых он легко обвинял, очернял, упрекал в недостаточном уме, характере, надежности, бойцовитости, если им не удавалось ему помочь. Да и если помогли — тоже. Не зря у ГС — все дураки. Когда-то я его спросил: «В чем смысл жизни?».

Он ответил фразой: «Смысл Жизни в том, чтобы Жить». Удалось ли это ГС — не уверен. Жизнь прошла в мелочной борьбе, почти ничего не оставив после себя. Разве что некролог на сайте ненавистного ему ГАИШа, книг «Планетарные туманности» и «Наука, которую мы теряем», да мои воспоминания о нем в «Земле и Вселенной». Книг он написал больше, но кто их читал, и будет ли читать? Впрочем, есть оставленные им дневники, которые проясняют его видение себя в этом мире. А нам дают пищу для понимания, как важны человеческие отношения и мелки обиды. Надо смирять гордыню, как советует нам религия и вывод, который можно сделать из чтения дневников Гаврилы Сергеевича.

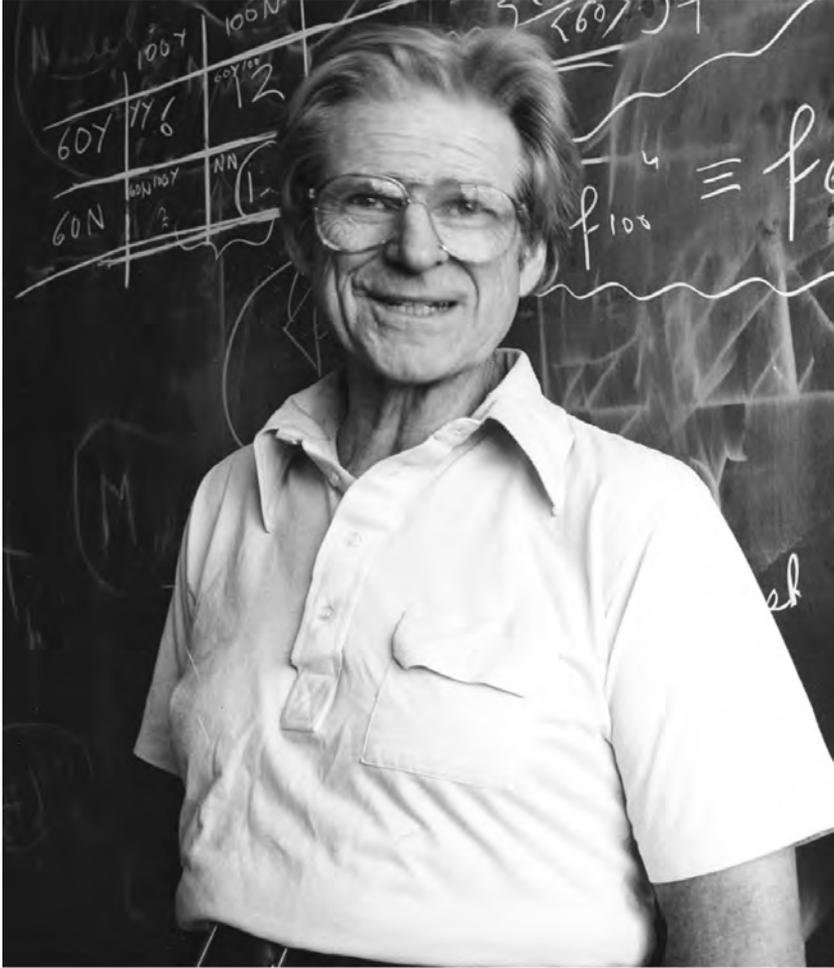
348

Его же мнение заключается в следующем пассаже: «Честная и самоотверженная работа снискала мне только врагов. Прямота и искренность — усугубили их число. Примитивная еврейская клевета — чуть ли не доконала — в полном вакууме перепуганных «друзей». Мои небольшие, но прочные научные результаты — замалчиваются и дискредитируются. По мне топчутся шизофреники и недоучки, которых боятся, а потому — им все сходит с рук, а я — беззащитен. Один за другим — из опасения за себя — исчезают бывшие друзья — даже те, что явно увивались вокруг [меня] в былые времена. Почуввав непогоду, предательски сбегает жена, которую я не просто любил, но, фактически, „вывел в люди“ в своей семье. ... Меня же многострадального, ничтожества и посредственности выживают из ГАИШа, где, по справедливости, мне, астроному „от бога“ — самое место. Те, кто должен был бы защитить меня — опять предают и трусливо прячутся. ... Умный и когда-то милый Саша Боярчук превращается в провинциального бурбона — равнодушного и ленивого. Он же, наконец, становится президентом МАС! Симпатичный и наполненный умными сентенциями В.Г. Горбацкий примитивно и хамски предаёт меня, да ещё чуть ли не гордится этим. Именно меня не избирают в народные депутаты СССР (м.б. и к лучшему, но почему? Я ведь совсем-совсем не хуже других). Господи! За что караешь мя? Говорят, что ты добр и справедлив. Чем же я тебя прогневил?! Эх! Не утверждаю,

что не бывает и не было судей хуже. Отнюдь! Мне во многом везло, и дело не в невезении и даже не в несчастиях. Но почему всё это так уродливо, именно уродливо — пошло, абсурдно и, если угодно, — неэстетично. Даже логика не выстраивается...» (04 янв. 1991 г.). «Когда-то в этот день Лидия переселилась ко мне — к ужасу родителей с обеих сторон. ... Роковая, вообще-то, дата» (09 янв. 1991 г.).

Хочу высказать свое мнение о судьбе Гаврилы Сергеевича. Можно подумать, что ему не повезло, потому что на пути оказалась Алла Генриховна Масевич. Не повезло, но это не единственное «не». Не попади он в аспирантуру к И.С. Шкловскому, то, может быть, ИС относился бы к нему по-другому. Ведь после аспирантуры ГС не сразу защитился, и не ИС стал его руководителем диссертации, а Б.А. Воронцов-Вельяминов. И не попал он в круг учеников ИС вместе с П.В. Щегловым, Н.С. Кардашевым, В.Ф. Есиповым. [У ИС невозможно было защититься, если ты не суперталантлив. По крайней мере, я знаю еще два таких случая — Женя Карицкая, которую не взял Пикельнер и на кафедре ее определили к ИС, и Володя Сурдин — тоже был у ИС в аспирантуре. Оба защитились не сразу после аспирантуры]. Удачно закончили аспирантуру у ИС Н.С. Кардашев, В.И. Слыш и Э.В. Кононович. Женя Карицкая вспомнила еще рано ушедшего Б.Ф. Юдина, талантливейшего астрофизика.

Много «не» было у ГС, которые помешали ему в жизни. Слишком много, чтобы могли исполниться его мечты. Вот ещё. Не считай ГС всех дураками и не говори об этом на каждом углу, не считай он, что все должны помогать тебе, а ты «топить» их и при этом рассказывать о них надуманные гадости. Не родился он русским, а хотя бы украинцем, тогда его антисемитизм не вызывал бы такого негодования. Не родился он профессорским сыном и, вследствие этого, полным эгоистом, презирающим всех, кто не из этого круга и кто не отвечает его представлениям о «служении отечеству». ГС не сумел удержать жену, которую он любил до конца своей жизни и которую потерял из-за своего «несгибаемого» характера. У него был сын, воспитанием, настоящим

Ed Salpeter

Э. Солпитер

воспитанием которого он не занимался, но считал, что знает, как это делать. Сейчас Иван Гаврилович — точная копия ГС и внешне, и по поведению. И чем старше становится, тем больше. Постепенно проявилось то же безапелляционное всезнайство, та же жизнь по ночам, та же любовь к мелким, но тщательным поделкам. То же одиночество среди людей. Жизни своим близким, как и ГС, он попортил достаточно. Хотя, когда я с ним работал, — он был примером очень хорошего, грамотного, легко обучающегося, обязательного и исполнительного сотрудника.

Стратег ГС всегда считал себя выше всех своих прямых и непрямых начальников, которые «никуда не годились». Ни Д.Я. Мартынов, ни Э.Р. Мустель, ни Е.П. Аксенов, ни И.П. Петухов, ни я, ни А.Э. Миндели не удостоились, в конце концов, положительного отзыва от ГС. Да что там положительного, всем он дал уничижительную характеристику. Всех нас он облил грязью и смешал с дерьмом. А ведь еще в 1983 году он писал об И.П. Петухове: «Он — умный и деятельный человек, хотя как-то ощущается в нем провинциальность. Либо это просто от недостатка опыта и знания ситуации, которое у меня, конечно, значительно лучше» (19 дек. 1983 г.). Это где же ГС набрался опыта, не в Астросовете же.

351

И это еще не все «не». И вовсе не Э. Солпитер послужил началом его несчастий. В дневниках есть намек, что все-таки на встрече со студентами Корнельского университета ГС распустил язык и тем самым спровоцировал ситуацию. Интересная запись позднее: «А.И. Матвеевко [сотрудник ИКИ РАН], оказывается, в прошлом году, где-то в Индии общался с моим «благодетелем» — Солпитером [1924–2008]. Подумать только: старикашка меня не забыл, и интересовался, где я и как поживаю! Ужо ж тебе» (15 нояб. 1989 г.). Этому «старикашке» в то время было всего 64 года.

Я знал Гаврилу Сергеевича дольше многих. Не скажу, что знал его лучше многих, но я знал его больше многих. И у меня вовсе не благостное к нему отношение, как можно заключить из моей статьи в «Земле и Вселенной» или в «Космическом дайджесте». Мне удивительно, что он считал или, по крайней

мере, писал в дневниках, что он обо мне заботился. Скорее я дважды помог ему в трудной для него ситуации: в ГАИШе, когда я продлил на три года его работу в институте, взяв в свою лабораторию, и в ВИНТИ, когда принял его на работу в должности зав. отделом. «Расплатился» со мной он сполна, вставив в череду начальников, с которыми ему не повезло. А ведь и вправду, в неплохую компанию я попал: Д.Я. Мартынов, Э.Р. Мустель, Е.П. Аксенов, И.П. Петухов, Л.Э. Миндели. Среди них только я не был директором, но, видимо, заслужил у ГС такого статуса. Сергей Борисович Новиков, у которого ГС числился в Майданакской лаборатории и на договоре которого «сидел», придя во второй раз в ГАИШ, даже не упоминается, как и сотрудники лаборатории. Ни слова в дневниках нет о работе в ней, разве что: «Вместе с Сашей Овчинниковым отвез в ГАИШ два пуда бумаг по приборам, телескопам и обсерваториям. Ребята накинулись на них с интересом. А мне и приятно» (24 июня 1982 г.). Не упоминает, а зря. В лаборатории работали такие интересные ребята как Борис Павлович Артамонов, Олег Илларионович Бугаенко, Саша Овчинников, Вася Бруевич, Олег Митин, Сережа Гладышев, Володя Шульга, Валера Попов, Валера Кравцов, Александр Иванович Кудинов, Шамиль Юсупович Абдулхаиров. Да и Женя Москаленко одно время был начальником базы в Китабе и на горе. Там же я проводил практику со студентами двух четвертых курсов Таней Алекперовой, Юрой Клеповым, Володей Крайновым, Колей Симоновым, Таней Куликовой, Аннели Маликовой, Андреем Жаровым. Впрочем, деятельность Майданакской обсерватории заслуживает отдельной книги, да и мне есть что рассказать. То, что Гаврила же Сергеевич числится в его лаборатории, С.Б. Новиков всегда использовал при получении разнарядки по сокращению численности. Естественно, его всегда вставляли первым номером, и администрация отставала. «Полезь есть», как любил писать и говорить сам ГС. Только понимал это он своеобразно: либо польза для него конкретно, либо это совпадало с его прогнозом, либо в смысле, что наказан тот, кто ему не нравится. Как в анекдоте — «Вот это охота!».

Гаврилу Сергеевича уволили из Астросовета, уволили из ГАИШ, не нравился режим — и пришлось уйти из ВИНТИ. Он не пришелся ко двору в Астросовете, его не любила звездно-астрофизическая часть и подшучивала над его амбициями остальная часть ГАИШ, его уважали, но авторитетом он не стал и в ВИНТИ, и всё-таки он не пал духом, хотя в дневниках с некоторого момента (с конца 1970-х гг.) присутствует надрывная фраза типа «Господи, за что караешь?». Ответ напрашивается сам собой — за то, что ты такой. Гаврилу Сергеевич не менялся, а мир под него — не прогнулся. Поскольку мы уже несколько раз коснулись Андрея Дмитриевича Сахарова, то в этой связи мне пришло на ум написать, что они с ГС тоже похожи. И тот, и другой родились в семье научного работника высокого уровня, жены которых в то время были домохозяйками. У АД отец был доктором педагогических наук, автором учебников и задачников по физике. Об отце ГС написано и в его некрологе, и в этой книге в главе «Вот и всё...». Оба были эгоцентристами и, наверное, по воспитанию, и в результате произошедшей жизненной эволюции. И тот, и другой рассматривали коллег и друзей, в общем-то, как расходный материал для достижения своих целей. У обоих были большие проблемы с детьми. Оба закончили жизнь с женами второго брака. Похоже, что оба знали, и знали только они, как развиваться обществу. И так далее. Различие только в том, что один был диссидентской направленности, а второй патриотической. Но мне кажется, что могло быть и наоборот. Помните: «Что ж, в плане общей игры это интересно».

Не надо рассматривать дневники ГС как его мнение о других, написанное для других — вовне. Он их писал для себя. И, в таком рассмотрении, мне вспоминаются слова Юрия Нагибина: «Если бы судили за мысли, едва ли бы кто избежал виселицы» [Ю. Нагибин «Как был куплен лес»]. С другой стороны, он дневники не уничтожил, а аккуратно собрав, оставил на полке как свой архив, вместе с папками об определенных событиях, названия которых я привел в начале и фрагменты которых вошли в книгу. Так он видел эти

события, около себя и произошедшие с ним и людей, которые его окружали. Равно как и тех людей, с которыми он боролся! В дневниках много личного о событиях в его семье и событиях в мире, которые он комментирует. Первые я не публикую из этических соображений — это внутреннее дело семьи. Вторая часть не соответствует теме книги, хотя его взгляды на международную политику и комментарии к событиям в стране, а главное, их трансформация занятны. Мне кажется, он хотел именно такой книги, которую я написал, чтобы все-таки быть понятнее и, наверное, быть понятым и его современниками и поколением младше него. Ведь его же слова: «Ах, кто-то и как-то будет или не будет в свое время разбирать мои бумаги!» (11 янв. 1992 г.). Да и зачем еще писать такие подробные дневники.

354 Несколько раз в своих дневниках Гаврила Сергеевич вспоминает и близких мне людей: Лидию Николаевну Радлову и Инну Сергеевну Щербину-Самойлову. Не было в 1950–1990-х годах астронома, который бы их не знал. ИС была зав. отделом астрономии ВИНТИ, а Лидия Николаевна или ЛидНик, как она стилизованно подписывалась — ученым секретарем редакции Реферативного журнала. Я их узнал [познакомился] в 1977 г., когда работавшая в отделе астрономии моя однокурсница Аня Седакина попросила меня заменить уходящего нештатного редактора раздела «Астрометрия» А.П. Челомбитько, работавшего в Пулково и переезжавшего в Одессу. Тогда, работать не в Москве и быть редактором в ВИНТИ, было в порядке вещей, но к выпуску очередного номера титульные редакторы должны были просматривать свои разделы. Из Одессы это сделать было бы довольно трудно. Сам К.Ф. Огородников, главный редактор РЖ «Астрономия», был из Ленинграда и каждый месяц приезжал в ВИНТИ, чтобы просматривать и подписывать верстку журнала. Придя в ВИНТИ к ЛидНик, посмотрев на обстановку и узнав объем работы, я согласился. Тогда же меня представили и ИС. С тех пор я связан с ВИНТИ сначала нештатно, а с 1988 по 2012 г. и штатно. В апреле 1988-го года

Кирилл Федорович Огородников

ИС предложила мне занять ее место зав. отделом, а сама осталась ведущим научным сотрудником. Наше сотрудничество с ней, а затем и дружба продолжались ровно 15 лет до ее смерти. Не оставляю связей с ВИНТИ я и сейчас, правда, критикуя сложившуюся там ситуацию. Реферативный журнал перестал выполнять свои функции, а новые электронные информационные продукты не возникли. В одной из своих статей я привел фрагмент стихотворения Эдуарда Багрицкого:

356

*Мы — ржавые листья
 На ржавых дубах...
 Чуть ветер,
 Чуть север —
 И мы облетаем.
 Чей путь мы собою теперь устилаем?
 Чьи ноги по ржавчине нашей пройдут?
 Потопчут ли нас трубачи молодые?
 Взойдут ли над нами созвездья чужие?
 Мы — ржавых дубов облетевший уют...*

Это и о нашем ВИНТИ.

А вот ГС категорически не понимает своего положения в ГАИШе и своего уровня (в смысле положения) среди астрономов. Описывая свое возможное сокращение, он записывает в дневник: «Я, оказывается, самый ненужный человек в ГАИШе. Я, оказывается, ничего для этого самого института никогда не сделал! Ох, ничтожества, да и неблагодарные к тому же» (27 окт. 1982 г.). Это после аттестации в декабре 1986 г., когда ГС предложили должность младшего научного сотрудника.

Или: «Всей кафедрой обсуждали, какую именно липу и кто будет писать в отчеты о несуществующей деятельности двух профессоров-консультантов — Дубошина и Куликова. Ну ладно — Дубошин: почти что классик, да и, можно ска-

зять, при последнем издыхании. Но этот, второй, научный мироед, Дядя Костя? Сколько же ему можно хапать и хапать [что хапать то?], нагло и бесстыдно? И ведь все плюются, но всех это каким-то диким образом устраивает. Стал я, было возмущаться в присутствии В. Нестерова, так он сорвался со стопоров и стал визжать, что К. не занимает ничьего места, никому не мешает, а что до общей справедливости, то её надо сначала в магазине навести и т.д. Мужичонка то он, в сущности, — беспринципный. Но откуда и почему такая ярость в отстаивании помойки?!» (25 мая 1986 г.). Прекрасно помню этот эпизод и взрыв Нестерова, который скорее был возмущен не словами, а тем, кто их сказал. ГС он с какого-то момента перестал воспринимать как положительную научную персону. Вилен Валентинович чутко реагировал на видимое, пожалуй, только ему будущее. Что-то сверхъестественное в этом было. Он как бы предчувствовал, что ГС сильно ему будет вредить в космических делах, в которых он, в отличие от ГС, был крупным специалистом. Продолжая эпизод, отмечу еще, что Альберт Петрович Гуляев там же сказал, что Константин Алексеевич держит место, а то профессоров на специальности-то и нет. Они появились, когда это было уже поздно. Это и сам АП, и Нестеров, и Подобед, но это в 1990-е годы и ненадолго.

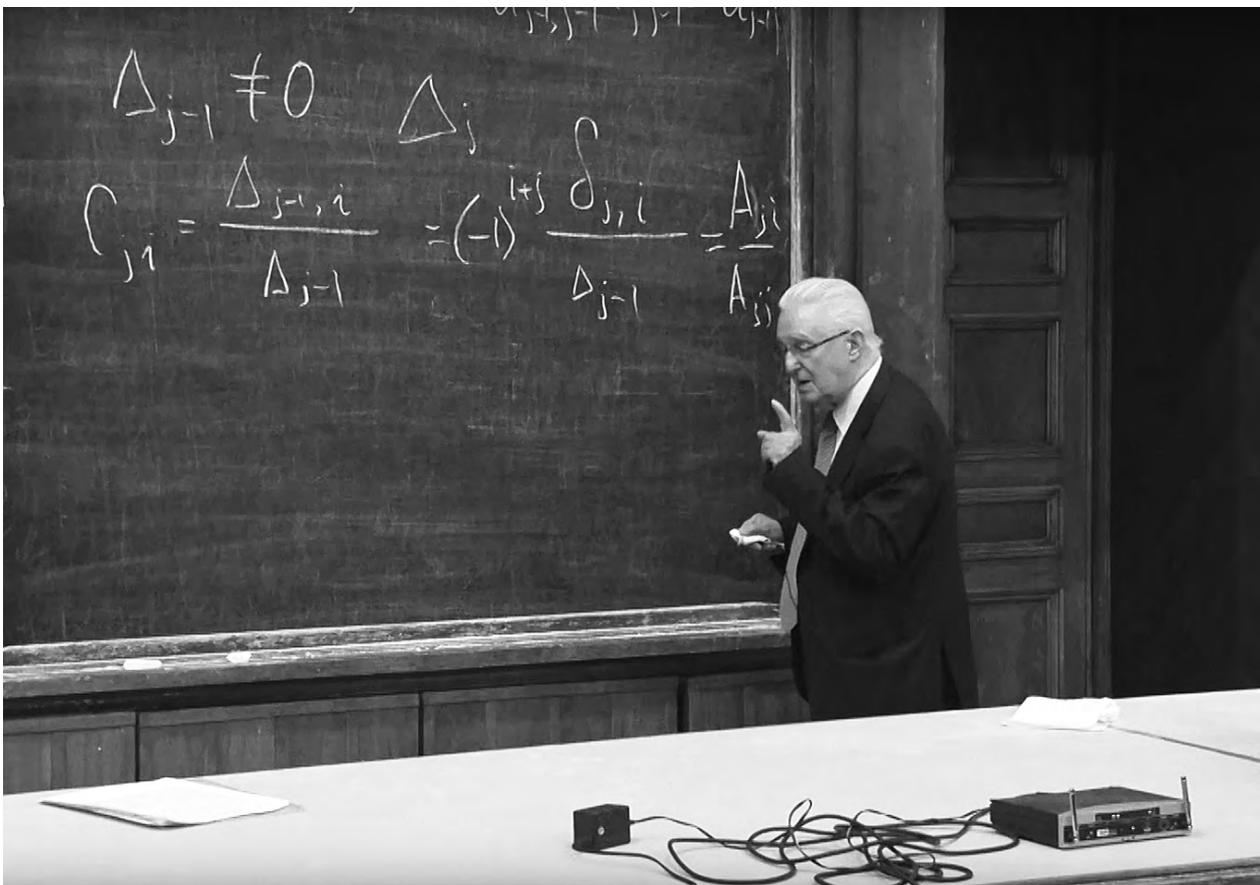
357

Константина Алексеевича я знал с 1965-го, т.е. когда ему было всего 63 года. Как мне сейчас кажется, этот возраст и описание мужчины этого возраста можно охарактеризовать фразой из А. Линдгрена: «в меру упитанный мужчина в полном расцвете сил». О.Б. Длужневская так описывает свою встречу с КА. Естественно, это было на первом курсе. «Из астрономических дисциплин мы слушали только «Общую астрономию», которую нам читал Константин Алексеевич Куликов. Это были замечательные лекции вперемежку с забавными историями и анекдотами». Но на меня (нас) КА производил впечатление старого ученого, полностью отвечающего нашему представлению о том, каким должен быть профессор. Разве что шапочки ему не хватало, как на фотографиях дореволюционных университетских профессоров.

Совершенно другое впечатление у Володи Якименко. По его словам, «перед нами появился крупный кряжистый, пожилой мужик с носом картошкой, как будто только что приехавший из деревни». Такому впечатлению способствовало его остроумие деревенского жителя, как ни странно, толково разбиравшегося в сферической астрономии. Володя также запомнил его фразу перед нами на выпускном вечере. Он дал нам напутствие: «В науке у вас будет все хорошо, если хорошо будет в семье». Этой фразы Володя, по его словам, придерживался всю жизнь. Так что можно сказать, что, по крайней мере, одному из нас эта фраза пошла впрок. Читал Константин Алексеевич нам «Сферическую астрономию», тоже с анекдотами и прибаутками. К этому времени у него уже вышел учебник по курсу — тоненькая книжечка на 196 страниц, что КА объяснял нежеланием студентов читать толстые книжки.

358

Читал он неважно, но добросовестно писал на доске, заглядывая в свою книжку, формулы, которых было великое множество. Часто ошибался. Мы тоже пользовались на лекциях его книжкой, перестав после нескольких занятий их записывать. Помню, что было интересно сравнивать: что в учебнике и что на доске. На «каверзный» мой вопрос о расхождении в формуле на доске с тем, что в учебнике, Константин Алексеевич, нимало не смутившись, сказал: «правильно в учебнике». И как ни в чем не бывало продолжил писать. Принимал экзамен он хорошо, так что мы почти все остались довольны. На экзамен с ним пришел принимать и Вилен Валентинович Нестеров. Тоже не скупился на хорошие оценки. И в целом экзамен был спокойным, в отличие от сдававшихся нами в эту сессию аналитической геометрии, матанализа и физики. По первым двум семинары у нас вел незабвенный Сан Саныч Шишкин, старавшийся всеми силами привить нам, первокурсникам, комплекс неполноценности, и желательно на всю жизнь. Его летучие фразы: «Вы куда пришли. Вы пришли в храм науки. Не пушу. С грязными ногами я вас не пушу». Или вот, вспомнил Олег Иванов: «Никто ничего не знает. Занимайтесь шесть часов, если не

Сан Саныч Шишкин

хватает — восемь. Если и это не помогает, то есть же другие вузы, например, Тимирязевская академия». А также с особенным садизмом Сан Саныч говорил нам после первой контрольной: «Вот и появились первые кандидаты на отчисление». «Всех отчислю» слышалось постоянно. При этом, все это звучало без эмоций, как будто речь шла не о судьбе молодых людей, а решался, например, вопрос о прополке сорняков или посыпки дустом вредных насекомых. В первом семестре ему это особенно не удалось, но во втором семестре он знатно оттянулся. На экзамене по «Линейной алгебре» он поставил нам 17 двоек, дав перед экзаменом каждому свою задачу: привести квадратичную форму к каноническому виду. Мандраж перед экзаменом и «незапланированная задачка» сделали свое черное дело. Помню, как ошарашенные мы вылетали с экзамена, не приступив к нему. Ходили слухи, что начальник курса выразил ему свое неодобрение, но с Сан Саныча как с гуся вода.

360 Почему-то Сан Саныч из года в год брал к себе группу астрономов — нереализованная детская мечта, что ли?

Мой сын Никита тоже у него учился. Ничего не изменилось. Он вспоминает, например, такой эпизод: «Идет Сан Саныч по коридору, а его обгоняет опаздывающий студент. Подбегает к двери и открывая, пропускает вперед Шишкина. Тот берется за ручку и закрывает дверь. Студент остался за дверью. После Сан Саныча заходить нельзя».

Из курьезных впечатлений о сдаче экзамена по сферической астрономии: Аня Седякина, «опытная» девушка к тому времени, сказала, что от Вилена Валентиновича пахло хорошим коньяком (впрочем, это, может быть, была Луиза Цветкова — еще более «опытная» девушка в нашей группе, да еще и староста). Весьма вероятно, но я ничего не могу сказать, так как сдавал Константину Алексеичу, да и запах коньяка не был мне знаком в то время.

Вне астрофизики

Еще работая в ГАИШ, но уже после неудачной защиты диссертации, ГС начал готовить себе новое поле деятельности и, как всегда, масштабно. «С Блиновым [Н.С. Блинов, зав. отделом Службы времени ГАИШ] советовался насчет будущего станций службы времени. Разобраться в этом просил Пимошенко. Составил соответствующую короткую записку, и завтра её отвезу. Кажется, получилось дельно» (18 авг. 1983 г.). С какого перепугу ГС занимается службой времени — астрометрической задачей? Он — астрофизик, но ведь ГС «служит государству», никак не меньше. «Написал заготовку письма в ЦК т. Шишкину с разъяснением недоработок в постановлении о реформе зарплаты ученых. В «Литературке» резкая разоблачительная статья о президенте Киргизской академии [М.И. Иманалиев]. Не утерпел, и написал комментарий на эту статью для её автора, журналиста Выжutowича. В стиле — о разрушении академического Карфагена» (08 апр. 1986 г.).

361

И вот теперь ГС решил заняться астрометрией: «Сидел дома и более-менее успешно работал. „Разделался“ с проблемой нутации, до того мне совершенно не понятной...» (12 дек. 1984 г.). «Короткий разговор с Подобедом, оставивший во мне неприятный осадок. Уж очень ему не понравилось, что я занялся астрометрией...» (24 июня 1985 г.). «Я передал Шамаеву для изучения длинную главу о времени» (25 мая 1986 г.). «Оказывается, наши славные астрометристы не верят, что я смогу разобраться в их великой науке. Заранее жалею их...» (03 июня 1986 г.). Нет комментариев, да и этот эпизод с «главой о времени» не помню. Как и все астрометристы, серьезно к «изысканиям» ГС я не относился. Но он продолжает: «Вчера спокойно работал весь день и в итоге разобрался с редуцированными величинами» (23 дек. 1986 г.), «Вчера и сегодня большую часть времени просидел дома: работал. Разделался с нутацией [опять нутация, с которой он уже «разделался» в 1984 г.] и перешел к собственным движе-

Виктор Кузьмич Абалакин

ниям» (25 дек. 1986 г.). «Пишу 2-й вариант «Приведения на видимое место». Получается полноценная книжка — и даже не очень маленькая, листов на 10» (10 янв. 1986 г.). «Кончил обобщающую главу о теории редукций. Вообще осталось-то не так много: раздел о векторном аппарате и главу об особенностях редукций при наблюдениях планет» (02 июля 1987 г.). «А вчера, 12.08, отвез в редакцию заявку на новую книгу «Приведение на видимое место». Рубикон т.о. перейден» (13 авг. 1987 г.). «Встал поздно и бродил как сонная муха или отравленный таракан. Но все же за один раз перепечатал и выправил 7-ю главу о собственных движениях» (08 нояб. 1987 г.). «Я отвез и отдал Абалакину свою рукопись. В.К. подтвердил, что я могу рассчитывать на ГАО как на тыл, если что вдруг случится» (23 янв. 1988 г.). «С энтузиазмом работал над запиской о КВО [координатно-временном обеспечении]. М.б. это и есть тот „звездный час“, которого я дожидался, нет — не дожидался, а упорно карабкался к нему более 10 лет? Во всяком случае, я напишу нечто такое и так, что и как никто другой не напишет. Во всяком случае — у нас. На мыслимой вершине концептуального синтеза» (10 февр. 1991 г.). «Что же, все-таки я чего-то стою, со своей лысой башкой...» (29 марта 1991 г.). «У меня, своего рода, — юбилей. Вчера я „догнал время“, окончив просмотр последнего из поступивших №№ РЖАстр на предмет работ по КВО! Т.о. основная уникальная база знаний заложена. Кажется, я начал эту работу году в 85-м, т.е. 6 лет назад. Долго, зато результат — уникален. ... Сколько карточек я написал — даже толком не знаю. Думаю, что не менее 2500 — раза в 1,5 больше, чем у меня было по планетарным туманностям» (16 июля 1991 г.).

В общем, в дневниках на протяжении многих лет ГС продвигает КВО через МОМ [Министерство общего машиностроения] с пользой для себя: «М.б. в итоге я окажусь там. И уже не в роли пешки» (05 янв. 1986 г.). «28.1. я взял трудовую книжку [из ГАИШ]. Эпопея продлилась ровно 7 лет — трудных, даже оскорбительных, но вовсе не потерянных зря. Вероятно, я окончательно сформировался за это время, не-

мало вырос как ученый и приобрел новую специализацию» (07 февр. 1987 г.). Гавриле Сергеевичу 49 лет. Он удивительно легко прошел свой кризис среднего возраста и полон планов. «В среду заходил и часа 3 просидел В.К. Абалакин. ... Агитирую его встретиться с председателем ГКНТ Лаверовым, чтобы перетащить ГАО [Пулково] из Академии. ... Я рассказал ему о своих действиях по части спутниковой навигации. Дал ссылку с описанием системы ГЕОСТАР. Прощаясь, В.К. рассуждал о том, что надо как-то продвинуть меня по лестнице научных чинов» (31 авг. 1989 г.). И немного спустя: «Закончил работу для Пимошенко. По его словам, Перепёлкин [чиновник Совмина] собирается беседовать с Лавёровым о моем участии в организации государственной экспертизы. А у меня — тягостные раздумья: опять, если произойдет, — менять образ жизни и специальность. Впрочем, овчинка выделки ох как стоит! Даю зарок: если состоится, то бросаю курить. Может быть, судьба даст мне спеть лебединую песню на благо Отечества и во имя справедливости? [ГС любит патетику]» (01 мая 1991 г.). Как выяснилось, ГС не был уже любимчиком у судьбы. Это по другому адресу. А может, тому виной — «бросаю курить». Помните, это уже было при выборах в народные депутаты.

Благом Отечества ГС просто бредит. «Сижу за машинкой и перепечатаваю записку о Государственной экспертизе научных и научно-технических проектов. Не без энтузиазма. Записка получилась удачная» (10 мая 1991 г.). «В понедельник отвез в Совмин свой проект об учреждении экспертизы. Прочли с интересом и собираются переговорить с Лавёровым. Продолжаю питать в связи с этим кое-какие личные надежды. Коли уж так сложилась моя научная жизнь, то надо продолжать то, что получается, и что явно нужно стране, а не кучке бездарей и прохиндеев» (15 мая 1991 г.). Ничего не получилось!

«Позвонил В.А. Матвееву. Там, т.е. в МФТУ, вроде бы готовы предложить мне спецкурс для гироскопов по теории отсчетных систем» (02 марта 1994 г.). Ничего не получилось! Однако без пафоса ГС уже не может. «Ездил по приглаше-

нию Перепёлкина в Совмин. Беседовали часа 2. Он попросил меня составить альтернативный проект нового положения о ГКНТ — взамен совершенно беспомощного, «созданного» в этой затхлой конторе» (27 июня 1991 г.). А вот такое: «Сочиняю положение о ГКНТ и, кажется, — получается. Тем более — по сравнению с тем интеллектуальным убожеством, которое они сами сотворили» (28 июня 1991 г.). «Закончил и перепечатал Положение о ГКНТ. Завтра попытаюсь отдать в Совмин» (30 июня, вечер, 1991 г.). «Отвёз проект Положения о ГКНТ в Совмин, Перепёлкину». Вот так, и уважительное с большой буквы «Положение». «Очень благодарил [Перепёлкин] и даже смущенно начал говорить, что не знает как бы меня „отблагодарить“ за интеллектуальные подвиги. Я гордо ответил, что благодарить меня не надо, что дело общее и что действую я из патриотических соображений» (01 июля 1991 г.). «Вчера заехал к Пимошенко и оставил ему копии своих результатов по науке, сделанных для Совмина» (04 июля 1991 г.). Ничего не получилось!

365

«Написал для Пимошенко некоторые рассуждения о развитии предпринимательства — с упором на предпринимательство малое и среднее, на протекционизм, информационное обслуживание и борьбу с рэкетом» (14 марта 1992 г.). Ничего не получилось! Что ГС понимал в этой, совсем чуждой для него области, я затрудняюсь сказать, но он берется и пишет.

У меня создалось впечатление, что ГС считал себя авторитетом во всём и без тени смущения. «Увы! Нет на свете участи, тяжелее и более разочаровывающей, чем участь Российского патриота. Моя судьба — тому пример. Я не знаю, что нужно моему народу» (24 авг. 1991 г.). Это после августовских событий 1991 г.

Стойкий оловянный солдатик и кипучий деятель с никакой отдачей: «Познакомил Шамаева с Арёфьевым, чтобы последний помог первому с издательскими делами» (24 марта 1992 г.). Зачем это мне было нужно, кто такой Арёфьев, убей, не помню, а ГС это отмечает как большое дело. Свёл с нужным человеком и отписал в дневнике как свое достижение.

Покопавшись в дневниках, я нашел такую запись об Арефьеве: «Утром беседовал с Б.В. Арефьевым — о проблеме разделки кораблей [на металл], о магазине [на базе ВАГО, решили заняться коммерцией] и об издании Атласа Гевелия. Договорились все двигать дальше» (16 янв. 1992 г.). Ну что тут скажешь. Он свёл меня с человеком, который режет корабли на металл, с целью помочь мне в издательском деле. Да и не нужно мне это было, ведь у ВИНТИ был свой Производственно-издательский комбинат, на тот момент один из крупнейших в России. В нем я издал несколько десятков книг. Или вот: «В пятницу 3-го вызвал [вот так и не иначе] Шамаева и отдал ему свой набросок первичных документов по проекту промышленной информационной системы. В.Г., отнюдь не щедрый на похвалы, был нескрываяемо поражен им. Взял на доработку. А я — и радуюсь» (07 апр. 1992 г.). Вот так! Правда, через две недели его пузырь сдувается, и он пишет: «Сегодня ездил в ВИНТИ: обсуждали с Шамаевым проект ПРОМИНФОРМА, вернее — ИНПРОМА. Договорились о следующих [дальнейших] шагах» (22 апр. 1992 г.). Всё больше и больше при чтении его дневников ГС напоминает мне одного моего знакомого, которого мы звали „кипучий лентяй“. Ни одно из дел, в том числе и проекты решений Совмина, преобразования ГКНТ, реформирования Академии, создания экспертизы научных исследований, ИНПРОМ и т.д., которыми активно, как ему казалось, он занимался, не реализовалось, кроме нескольких статей в газетах.

Вот он в очередной раз пишет: «Свел Пимошенко с Яковленко и, кажется, устроил московскую карьеру С.Г. Степаненко. Эх, хоть бы кто взялся устраивать мои — всегда сложные — дела! Я как-то спросил у Канаева: а возникает ли у тебя ощущение, что мне нужно помогать? „Нет“, — ответил И.И. Вероятно, мне хорошо удается делать хорошую мину при уже давно хронической плохой игре...» (05 марта 1992 г.). Никакой карьеры для С.Г. Степаненко ГС не сделал. Зато: «Во время похода в магазин — до деталей продумал методу установки уличных люков — прочно, и ровень с мо-

стовой. Хочу сделать бумажные модельки, ибо там получается довольно нетривиальная топология [Топология, блин!]] (13 апр. 1992 г.). «Читал с конспектом учебник по международному бизнесу. Попытаюсь теперь просветить Петухова [своего начальника]» (30 мая 1992 г.). «Заканчиваю комплект материалов по изобретению [статического шарнира]: сделал рисунки и, возможно, в понедельник отнесу в пимошенковскую контору» (30 мая 1992 г.). «Перебираю свою картотеку и вижу, какое количество интересных и полезных научных и прикладных дел я мог бы затеять. На целый институт, вроде ГАИШа и ИТА. На многие десятилетия! Никому не нужно. Набрел на интересную тему для себя: книжку по системам отсчета для науки и техники. Интересно и на пределе моих интеллектуальных возможностей, от чего ещё интереснее» (22 февр. 1994 г.). ГС «профессионал» в любом деле, за которое берется — Леонардо да Винчи, да и только. Такая установка помогала ему переносить трагедию жизни. Жалко его, но с другой стороны, он не запил, не впал в депрессию, не опустил руки, а продолжал ощущать себя в гуще событий. Впрочем, немного по другому поводу и на 10 лет раньше, но все-таки он делает такой критический вывод: «Все мы хотим как-то проявиться, что-то крупное сделать. И ни у кого это не удается» (30 нояб. 1982 г.). Убедительно и пророчески по отношению к себе. Иногда ГС спускается с небес на землю: «Подумываю о том, чтобы прирабатывать переводами на английский, что я делаю все же довольно легко и не очень уж плохо» (20 марта 1992 г.). И далее снова „оптимистичное“: «Пимошенко уже отослал Е-ну [Ельцину] мое письмо насчет кадастра, собрав под ним ещё с десятка подписей видных деятелей. Молодец!» (31 марта 1992 г.).

Тяжелый для ГС был 1992 год. Вот такая, подводящая итог обобщающая запись: «И совершенно измучен плохо проведенной ночью с бессонными мыслями. Иногда мне кажется, что жизнь моя с конца 70-х гг. пошла вперекосяк, не сложилась. Почему я все время проигрываю? Почему проигрывали и те люди, на которых я пытался делать ставку?

И чего, в конце концов, я сам добивался? Вроде бы немного и естественного. Меня угнетал антинаучный карьеристски-стяжательский дух, ставший заполнять нашу науку где-то с середины 70-х гг. С уходом стариков — и у нас, и за границей. „Молодежь“ как-то неожиданно и быстро вцепилась во всё цепкими и липкими лапками — все эти Черепашуки, Бочкаревы, Грищуки. От планетарных туманностей, да и от астрофизики в целом меня отвратил сначала симпозиум в Итаке, где я увидел, что публика хочет не истины, а подмошток для карьеры. Ну а затем, и окончательно — сволочное блядство, поднявшееся вокруг моей диссертации и замалчивание моей книги. Исчезло понятие заинтересованной среды исследователей, стремящихся познать природу, а у меня не было ни умения, ни сил, ни желания всерьез противостоять этому напору. Я был нетерпелив и максималистичен, стараясь оценивать людей по их моральному статусу, как он мне представлялся. ... Старое и бесплодное заблуждение русского интеллигента, врожденное отсутствие прагматизма. Да еще — постоянное соразмерение ситуации с тем, что я считал честью и благом Родины. Как выяснилось, ничего более самоубийственного для того, что именуется „карьерой“, было просто невозможно изобрести. Разбивалось и проваливалось всё, за что бы я не брался. И в итоге я, астроном милостию божьей, оказался вытеснен из собственной науки. Друзья пропали, а м.б. их и не было настоящих. Иным же хотелось спокойствия и благополучия, каких не было и в помине в окружающем меня мире. Ужасно и уродливо, что точно так же повела себя моя жена — эта немудрящая девочка из мещанской московской семьи, которую я же и вывел в широкий мир. Эх, да что говорить. Всё многократно повторено. Но вот, когда я спрашиваю себя: а чего бы ты хотел, то опять-таки пасую. Чего? Быть „астрономом № 1“ — где? — в СССР, СНГ, России? Мне как-то все равно — тем более, что уже нет ни желания, ни сил, ни времени вырабатывать и проводить в жизнь новую стратегию. Тем более, что не вижу людей, ради которых стоило бы стараться. Спокойное и теплое академиче-

ское или университетское кресло — тот же ГАИШ, скажем? Почтительные ученики и внимательно слушающие меня научные собрания? Да тоже, вроде бы, не особо завлекательно, а многое я уже изведал и потерял к нему вкус. Беспрестанная беготня по заграницам? А что за спиной: нация, страна? Нет ничего, а на роль космополитического «одинокого волка», который только за себя и ради себя, я не гожусь. Тем менее — склонен выклянчивать гранты и стипендии. Так что же мне нужно? Не знаю. Знаю лишь, что жизнь неотвратно убывает, что впереди — лишения, потери и болезни, и что обращение к Богу несть для меня. „И мы, в борьбе с природой целой, покинуты на нас самих. И наша жизнь стоит пред нами, как призрак на краю земли, и с нашим веком и с друзьями бледнеет в сумрачной дали“. Не ново. Но — тяжело и темно» (13 дек. 1992 г.). «У меня были не учителя, а какие-то растлители малолетних! В первую очередь, конечно, Иосиф Шкловский» (26 дек. 1992 г.). И снова: «Оглядываюсь назад и горестно думаю, на что, на какую издевательскую чепуху потрачены последние 15 лет жизни! Может быть — лучшие, зрелые годы. И без тени удачи — при самых что ни на есть чистых и благих намерениях» (26 февр. 1994 г.). И это ГС пишет всего лишь в пятьдесят пять лет, когда кризис среднего возраста уже пройден, а до конца жизни еще далеко — за горизонтом. И он как раз — «одинокий волк», ну, может, и не волк, но одинок уж точно. И здесь только его вина (судьба), работать в команде он не хочет. Это показала его предшествующая жизнь и, как мы уже знаем, последующая. Он хочет быть только впереди, даже не ведя за собой, а руководя. Впрочем, похоже, что в последние несколько лет он смирился с тем, что никто руководство ему уже не предложит, и он занят тем, что пишет книжки на общие «государственные» темы, которые выходят за подписью Миндели и его. Он по-прежнему этого не признает, но это, похоже, крах его амбиций, а в конце уже ничего — только смертельная болезнь и смирение. Впрочем, смирение не для него, почти до конца Гаврила Сергеевич боролся.

Мне думается, что проблема ГС заключалась в том, что он не хотел встраиваться в систему сложившихся отношений как в ГАИШе, так и в Астросовете. Он хотел эти учреждения вместе с сотрудниками переделать — совершить революцию: «нужна генеральная чистка с закрытием обсерватории и подбором сотрудников по новой». Не получилось. Один в поле не воин, а командным игроком он не был, так как видел себя только во главе. Возможно, что-то у него бы и вышло, имей он дополнительный вес в виде докторской диссертации. Тогда надо констатировать, что он сделал фальстарт, говоря спортивным языком. Он хотел говорить на равных с академиками, а между ними была пропасть, пропасть в рангах. И даже если бы он говорил правильные вещи, то без поддержки они бы не прошли, а поддержки не было. Сказать, что «есть такая партия», он не мог. Отсюда и взывания типа: «естественное для меня как воздух стремление „служить делу“» (18 апр. 2000 г.) или «искреннее презрение ко всем видам паразитической круговой поруки ...» (01 окт. 2000 г.). И всё. ГС не победил своих врагов, их было слишком много. Он мог бы их пережить, но и этого не случилось. Н.С. Кардашев, Р.А. Сюняев, А.А. Боярчук, А.М. Черепашук стали академиками, но они и не были его активными врагами, особенно бывший друг, как он писал в ранние 1970-е, А.А. Боярчук. Они скорее стояли в стороне, разве что Анатолий Михайлович принимал по необходимости участие в некоторых эпизодах борьбы с ГС. Но он по-другому и не мог, ему бы ГАИШ не простил. А ГС тоже никого не прощал: «Современный пример лицемерной сдюнявости: американские астрономы „скинулись“ нам на бедность и собрали аж ... 15 000 долларов. Их разбили на 150 грантов по 100 д. [долларов] для поддержки талантливых советских коллег. Но и это не просто так: надо „отчитаться“, опубликовав в американских журналах не менее одной статьи в год! Какова кальвинистская щедрость! Распределять эту благодать доверили неутомимому Рашиду Сюняеву, который, глядишь, ещё и прикарманит половину. И ведь некому, да и нечем треснуть по хारे за этот вселенский позор! Вроде бы, так и нужно» (04 февр. 1992 г.).

Не получилось у ГС пройти и в народные депутаты СССР. Хотя он много сделал для этого. Решающей была его роль в получении 10 мест для общественных организаций при АН СССР. Его прокатили, и здесь роль астрономической ответственности не была решающей, хотя многие предпочитают так считать, чтобы оправдать свою борьбу с ним — ведь было собрано, кажется, 113 подписей против него от ведущих и, скажем, не очень астрономов из 30 научных учреждений. Во всяком случае, только докторов наук было более шестидесяти. Однако дело было в том, что общества экологической направленности объединились и голосовали консолидированно за своих кандидатов, а голосов у них было достаточно, чтобы оттеснить других, не входящих в их пул. Собственно, так сейчас и действует в Думе «Единая Россия», не считаясь с депутатами от других партий. Что принес бы ГС, если бы его выбрали: пользу или вред? Скорее, вред, по моему мнению. Он ведь был прожектор и всеяден, т.е. лез бы везде. «Господи, страна моя, да проснись же ты!!» (25 нояб. 1983 г.). Впрочем, похоже, в депутаты таких персонажей и выбирают. Нельзя же всерьез воспринимать многие их начинания, сонм их проходимистых помощников или даже принятые уже законы.

371

И Иосиф Самуилович, и Гаврила Сергеевич оба ругали и Академию, и ее академиков, ругали и последними словами. Но оба хотели стать ее действительными членами. Один из года в год баллотировался, другой даже не дошел до этой стадии. Тем не менее его радовали неудачи на этом поприще друзей: «Масевич, Гребеников, Аксенов» и огорчали, впрочем, не то слово — сильно портили настроение удачи: «Боярчук, Кардашев, Сюняев».

Из Шкловского: «Неделю назад меня провалили на очередных выборах в Академию наук. Я подсчитал, что за 25 минувших лет я баллотировался 10 раз и только один раз удачно. Это даёт мне основание выступить с некоторыми соображениями по поводу академических выборов, так сказать, „с позиции профессионала“. Собственно говоря, в последний раз баллотироваться мне не следовало. Я очень

отчётливо понимал, что являюсь «шансонеткой». Было ещё и дополнительное обстоятельство, заведомо исключаящее моё избрание. Речь идёт о той литературно-мемуарной деятельности, которой я безудержно предавался в течение последнего года. Я крайне неосторожно задел не подлежащий критике посмертный авторитет Ландау и позволил высказать своё недвусмысленно-отрицательное отношение к одному неблагоприятному поступку, некогда совершенному Зельдовичем. По этой причине совершенно испортились мои отношения с так называемым «прогрессивным», «левым» флангом нашей академической элиты, что вообще лишало меня каких бы то ни было шансов на избрание, поскольку отношения с правым флангом моих учёных коллег-выборщиков (Амбарцумян, Северный) давно уже были в состоянии, близком к насыщению. Я согласился баллотироваться, будучи на отдыхе (что расслабляет) и трезво полагая, что провал на выборах в академики развяжет мне руки. Из сказанного следует, что я при оценке ситуации исходил из чисто тактических, «парламентских» соображений. В принципе меня, как и каждого другого кандидата, могли избрать — Партия и Правительство совершенно этому не препятствовали. Провален я был чисто парламентским способом, путем честного тайного голосования».

В своих дневниках, особенно относящихся по времени к работе в Астросовете, Гаврила Сергеевич часто пишет о Б.Н. Журавлеве и его помощи в противостоянии с А.Г. Массевич. Борис Николаевич критически относился к её деятельности как в международных делах, так и в научной области, и активно поддерживал ГС. Вел разъяснительную работу в Астросовете, в УВС АН СССР, в райкоме партии. Видимо, и впрямь АГ напропалую пользовалась своим влиянием на Мустеля и целиком подмяла под себя зарубежную деятельность Астросовета, чем и беззастенчиво пользовалась, отправляя в поездки нужных людей, а в первую очередь себя.

Возвращаясь к ГС, мне странно — впрочем, это для него обычно — что он-то для БН ничего не сделал. Разве что, по-

советовав ЕП взять его в ГАИШ, а может быть, это и не его заслуга. Е.П. Аксенов сам хорошо его знал и после ухода БН из Астросовета принял в ГАИШ, что сразу и положительно отразилось на международных делах института. Вспоминаю, что и мне он помог, отправив в мою единственную поездку на астрометрическую конференцию в Югославию. Тогда я и не думал, что больше никогда не буду за границей. В МГУ не было никакой возможности, а в ВИНТИ ездил только директор-академик, своего рода местная Алла Генриховна да еще и в ухудшенном варианте.

И опять, возвращаясь к ГС: например, ни слова в дневниках о том, что БН написал воспоминания о своей работе за границей перед и во время войны с Германией, когда он был советником при нашем посольстве. Узнал я о существовании этих воспоминаний от Н.Н. Самуся, который спросил, нельзя ли опубликовать их. Мне пришла в голову мысль сделать это в «Астрономическом календаре». Мы с 1997 по 2001 гг. издавали календарь в организованном при ВИНТИ как бы независимом издательстве. НН сам их отредактировал и дал дискету. Воспоминания опубликованы в АК 1998. Где же был ГС — его это, видимо, не интересовало. По этому эпизоду я сужу об искренности ГС в своих высказываниях о желании заботиться об окружающих его людях, черствый все-таки был он человек, несмотря на обратные многочисленные заявления в дневниках — мизантроп и ханжа. Поэтому-то воспоминания БН опубликовали мы с НН, а не ГС, с которым в то время я виделся довольно часто, и он, конечно, знал, что АК всегда открыт для воспоминаний. Свои-то воспоминания он в нем опубликовал.

Оглянувшись назад, я вдруг обнаружил, что, обижаясь на других, кто не вступился за него, он топил тех, кто вступился, и «невольно топил» тут не подходит. Гаврила Сергеевич за свою жизнь никому не помог и, похоже, даже испытывал удовлетворение, если с кем-то из его знакомых происходило несчастье. Лил крокодиловы слезы, записывая в дневниках запоздалые сетования типа: «Ну почему уходят лучшие...»; «Буду жив — запишу когда-нибудь, что помню...»

[это-то в 1981 г.!], жил ещё 33 года, но не вспомнил, не записал; «оказывается, виделись в последний раз»; «... что за несчастье, и что за напасти на это несуразное Пулково!». Отправился отдыхать в любимое Кацивели в момент агонии матери: «я думал, что с мамой все в порядке» и, далее, роняя слезы на бумагу — «я очень устал».

374

Вдруг мне вспомнилось, что у ГС — «большого стратега и ученого-труженика», который судит всех и вся, а также их же учит, — никогда не было защитившихся. Аспиранты и соискатели были: Пилюгин, Овчинников, Хованова, по моему, этими фамилиями список и исчерпывается, по крайней мере, в дневниках о других аспирантах-соискателях записей нет. И что же, первый защитился, только уйдя от ГС, второй и третья — соискатель и аспирантка — остались без степени. Ну, Саша Овчинников быстро понял, что ему в ситуации, которая сложилась вокруг ГС, ничего не светит, и удовольствовался полугодовым отпуском написание диссертации, а Наташа Хованова испила чашу до конца. Придя в аспирантуру к П.Г. Куликовскому, у которого тоже, кажется, никто и никогда не защищался, она перешла к находившемуся тогда на подъеме ГС. Неудачно, ГС начал борьбу с Академией, академиками, Масевич, и Наташа Хованова, как и всё, что тогда с ним было связано, попала под каток. Аспирантура закончилась ничем, постоянные беседы с ГС о том, как быть, закончились нервным расстройством и другими, сопутствующими вещами. Он её пристроил на работу к А.В. Бугаевскому на Краснопресненскую обсерваторию, который брал всех, расширяя свой штат, затем к Е.А. Гребеникову в НИИВЦ, а после пытался уговорить меня принять ее в ВИНТИ. Кончилось его «участие» полным психическим расстройством и ранней смертью этой ещё молодой женщины. Повторилась история в точности как с сыном, за исключением того, что тот все-таки выкарабкался, перестав хоть как-то с ГС считаться и далеко послав все его рассуждения-нравоучения. Это же могло случиться и с Сашей Багровым, которого он тоже хотел определить к

себе «в ученики». Но тот не попался на удочку и сейчас доктор физ.-мат. наук в Институте астрономии, бывшем Астросовете. Вовремя ушла и Лидия Васильевна также ставшая доктором физ.-мат. наук и сделавшая успешную карьеру в Астросовете. А ведь нимало не смущаясь, ГС сделал в дневнике такую запись: «Я также посоветовал ей [ЛВ] как можно скорее уйти из Астросовета, в том числе и потому, что работать в профессиональной среде ей будет теперь трудно из-за краха её женской и человеческой репутации» (27 окт. 1980 г.). Это он после развода с ней так проявлял «участие».

К дневникам ГС надо относиться критически, осторожно. Про себя я прочитал много небылиц, начиная с того, что я бегал от него, когда он хотел со мной поговорить о переходе в лабораторию астрономического практикума. Его мнение никого, в том числе и меня, не интересовало. Чепурова, Пономарев, Сафаров, Михайлов, Хромов — все получали улучшение своей позиции. Первые трое стали старшими научными сотрудниками, Боря Михайлов позднее стал зам. заведующего астрономическим отделением, а ГС продержался, таким образом, еще два года в ГАИШ. Хочу сразу сказать, что и лаборатория получила нужных ей сотрудников — по астрометрии, гравиметрии, небесной механике. Причем все четверо умели и любили работать со студентами. С их помощью мы сумели организовать для наших специальностей практику в Крыму на Южной станции ГАИШ, что было интересно студентам. Сразу же заданием новым сотрудникам было составление описаний задач практикума и практики, и здесь пример показал ГС. Он первым сделал описание и размножил его. Мы получили хороший отзыв от Тербижа [тогдашнего директора обсерватории] по поводу организации практики. Начали работать по совершенствованию задач практикума, разработке новых. Аналогичным образом стал формировать состав своей лаборатории астрофизического практикума и Женя Москаленко. Правда, на этом этапе далеко он не продвинулся, т.к. его выбрали секретарем партбюро ГАИШ.

Также, например, ГС в дневниках пишет, что «Абалакин и Канаев встретились с ним [мною] и предложили стать зав. отделом фундаментальной астрометрии в Пулкове». Дело было совсем не так, и разговаривал со мной только Иван Иванович Канаев. Да и разговор шел в никак не обязывающем ключе. Разве так приглашают. Ни обрисовки ситуации, ни формального предложения с подробностями. Как будто мое мнение не важно — мне оказывают услугу в моей безвыходной ситуации. Видимо, так представил мое положение ГС, который обо мне «позаботился». Мое положение было совсем не такое. Я уже дал согласие Инне Сергеевне, да и, как, к сожалению, позднее выяснилось, и на кафедре меня собирались повысить в должности. Но вернемся к дневникам Гаврилы Сергеевича.

376

Вот что в то время пишет обо мне ГС: «отрадно — время, проведенное с Володей Шамаевым [в Кацивели на РТ-22, где мы пересеклись на отдыхе]. Тот-то хоть чего-то хочет и стремится сделать. Сейчас он в ВИНТИИ заведует астрономо-геодезическо-космической редакцией. Даже договорились кое о каких совместных действиях. Сводил его вверх на Кошку, через могилу Шайна» (29 окт. 1988 г.). Далее ГС сообщает, что во второй заход на Кошку [я уже уехал, а он, как обычно, проводил в Крыму месяц] встретил там двух знакомых [Длужневскую и Рыхлову]». Тут же ГС распустил хвост, начал показывать, как все у него хорошо: «Они были ошеломлены моим неожиданным появлением в кабинете у Микиши — громогласного и загорелого до черноты» (29 окт. 1988 г.). Кацивели действительно действовало на него успокоительно-ободряюще. Он здесь как бы возрождался. Его бывший руководитель И.С. Шкловский тоже любил эти места: «Я как раз собирался на очередной летний сезон в любимый Симеиз». Насколько я помню, многие туда ездили каждый год. Например, Аня Седякина, моя однокурсница. Москвичи, киевляне, харьковчане — все любили там бывать и помногу лет подряд. Все перезнакомились, передружились, а центром был Коля Нестеров, Галина Михайловна Поздня-

кова, заведующая хозяйством и РТ-22. Не зря у многих стоят на столе или висят на стене фотографии этого радиотелескопа и горы Кошки. У Коли Нестерова даже есть посвященные ей стихи: «Дива, Кошка и Монах».

Ну а вот и «совместные действия»: «Сегодня заходил В. Шамаев. Я, среди прочего, попробовал убедить его сделать первым и главным специалистом по астрономической информатике и начать разрабатывать методику создания банков данных. Володя явно впечатлился и задумался» (22 нояб. 1988 г.). По-другому у ГС не может быть. Все впечатляются. Не могу не привести: «Набросал схему системной реформы нашей науки» (19 авг. 2007 г.). «В пятницу ездил в Институт [ИПРАН], после чего задумался написать, с просветительскими целями, общее рассуждение о фундаментальной науке» (18 нояб. 2009 г.). «В пятницу добавил этот 28-страничный мемуар еще и соображениями к грядущему посещению Президентом Медведевым Общего собрания РАН. Получилось, кажется, вполне удачно» (05 дек. 2009 г.). Жизнь продолжается.

Конечно, к записям ГС надо относиться как к сугубо личным его впечатлениям и высказываниям. Я вот хоть и с интересом, но и с раздражением, с удивлением, недоумением и другими эмоциями читал про себя, но его интерпретацию меня и моих действий никак не поддерживаю. Покажу на примере: «Заезжал В.Г. Шамаев. Поболтали и договорились о совместном действии по открытию магазина [какой магазин? Он что-то рассказал, что ВАГО собирается торговать геодезическими приборами, что ли?], относительно которого и у В.Г. были свои идеи [какие идеи?]. Далее ГС в своем ампула кукловода: «... я подсказал ему повидаться с Канаевым. Мы вполне могли бы принять сейчас участие в мировой работе по банкам данных, используя относительную дешевизну труда у нас. Вообще же, Володя растерян и мрачноват» (8 дек. 1991 г.). На самом деле я в ВИНТИ был тогда увлечен работой в совместном советско-английском предприятии с Робертом Максвеллом по выпуску РЖ «Геофизика» на английском языке. Мы осваивали новую безбумажную техно-

логию подготовки РЖ, и я был вполне доволен ситуацией. Наверное, и рассказывал ему об этом. И вот таким чудным образом это преломилось у него в «лысой башке» — его термин.

378 Возможно, после прочтения этой книги у кого-то возникнет другое мнение о ГС. Вопросы интерпретации фактов — вещь сугубо индивидуальная. Мой же взгляд на ГС, его деятельность и его жизнь на фоне ГАИШ и Астросовета отражен в книге. Также глазами ГС с моими скромными комментариями, возможно, проясняются некоторые аспекты истории этих двух учреждений. Во всяком случае, я считаю, что появление книг такого рода интересно не только как история, но и как срез эпохи. Этим и привлекают книги В. Гинзбурга, И. Шкловского, Д. Мартынова, А. Черепашука, Т. Бреус, О. Длужневской, А. Гурштейна, а также интернет-воспоминания С. Достовалова, Л. Саврова, В. Тейфеля, В. Юревича, А. Эйгенсона. Первые опубликованы на сайте Достоваловых <http://www.dostovalov.ru/memoirs.html>, а другие — на сайте ГАИШ в разделе Астрономического общества (<http://www.sai.msu.ru/EAAS/rus/mem.html>). Мы свою часть заполнения истории ее фрагментами как могли начали.

Гаврила Сергеевич не обладал способностью влюбляться в людей. Он считал, что должны влюбляться в него. ГС был солдатиком, получившим неверные граничные (начальные) условия.

Я думал, что книга будет другой, но получилась вот такая. Ну что ж. Во всяком случае, я постарался быть объективным и дал Гавриле Сергеевичу возможность высказаться, по-смертно.

Рассуждения о судьбе А.С. Пушкина у ГС кончаются словами: «А я вот родился в год 100-летия [смерти Пушкина] и дожил до 150-летия. Если очень повезет, могу дожить до 175-летия. Будь милостив ко мне, Господи!» (11 февр. 1987 г.). Гавриле Сергеевичу повезло — дожил, умер 7 января 2014 года.

Некоторые высказывания

«Работал на Пресне. То — хорошо. То — плохо. Работал дома, — то мало, то побольше» (08 апр. 1986 г.). «Более не хочется, чем хочется» (17 июня 1989 г.). «Голова, в среднем, — пустая, и настроение, в среднем, — скверное» (04 июля 1991 г.).

«Своеобразная годовщина: 31 год назад я привел в свой дом Лиду Рыхлову — увы, в не малой степени не поинтересовавшись мнением родителей. Это моя вина, хотя я тут и не первый, и не последний в подобном житейском хамстве. Да и расплатился я за все свои в общем-то мелкие грехи, кажется, сторицей. Пусть все же Господь будет ко мне милостив: не самый большой я грешник!» (09 янв. 1992 г.).

«Возвращаясь, встретил Ивана и узнал от него сообщение о снятии любимого мной Бориса Николаевича Ельцина» (11 нояб. 1987 г.). «... грустно за „партизана“ Б.Н. и тревожно за общие последствия» (11 нояб. 1987 г.). «Ельцын [так в оригинале у ГС] идейный, решительный и работающий человек, трудившийся с 6 утра до 12 ночи, причем не менее 2-х часов — читал и мыслил „на себя“» (12 нояб. 1987 г.). «Бедный гордый идеалист! Я ли тебя не понимаю?» (13 нояб. 1987 г.). В то время ГС видел в Ельцине соратника. Как же он ошибался в нем и как же он ошибался в себе!

«В ГАИШе сегодня Саша Гурштейн докладывал про перестройку в астрономии, а Череп[ащук] — о том же в ГАИШе. Исполать этим добрым молодцам» (12 нояб. 1987 г.).

«Думаю, что лёд вокруг всех академий тронулся. Не сносить им теперь тупых головёнок...» (30 янв. 1988 г.). Так считал ГС в 1988 г., но ждать пришлось до 2013 года. «В прошлый четверг правительство объявило о коренном реформировании Академии наук... Я ждал чего-нибудь вроде того не менее 30 лет. Я был первым, кто в 90-х годах открыто выступил в печати с критикой Академии» (25 июня 2013 г.). И, возвра-

щаясь к этой теме: «Как хорошо, что я — в стороне, заблаговременно внесши свою лепту» (04 июля 2013 г.). Внес свою лепту ГС и в болезненный для общества вопрос о признании выдающейся роли И.В. Сталина в становлении нашей страны: «Третьего дня я, наконец, закончил годовой труд, который, в конце концов, наименовал „Апология Сталина“. Получилось 192 стр. Я сам, признаться, доволен им: там есть несколько вроде бы неплохих мыслей и наблюдений. Да и написал вроде бы неплохо» (16 июля 2011 г.). [Несколько неплохих мыслей на 192 страницы]. ГС разослал и раздал свою «Апологию» многим людям. Начали поступать отзывы: «Заходил в гости полковник Г.С. Суворов — яростный почитатель моих политических эссе. Звонил Л.А. Вознесенский [Лев Александрович Вознесенский — в 1974–1991 — политический обозреватель Центрального ТВ по вопросам внутренней жизни СССР], которому я посылал „Анализ текущего момента“. От него мой труд получил характеристику — „гениальный“. Так вот!» (18 июня 2012 г.).

«Пытаюсь работать над политической биографией В. Путина, но идет медленно, многое надо вспомнить, переосмыслить и упорядочить, под истошный галдёж либеральных СМИ» (14 февр. 2012 г.). Видимо, это вылилось вот в это: «Вчера я закончил свой анализ „политического момента“. ... Вроде бы любопытно получилось» (30 апр. 2012 г.).

И последние записи: «12-го [июля 2013 г.] отметили мой 76-й день рождения (Боже! Неужто это обо мне!?) ... Меня забывают. Из отдаленных поздравили только И. Канаев, да памятный Володя Васин [ученый секретарь ИПРАН] (17 июля 2013 г.). Нет, Гаврила Сергеевич, не забывают. Недавно встретил Колю Бочкарева с Женей Карицкой. Я об этом писал в связи с гонкой за Вами при защите диссертации и выборной кампанией. Женя довольно озлобленно отзывалась о вашей диссертации и этим объясняла всю эту кутерьму в предвыборной гонке. Похоже, что она по-прежнему ревнует Вас, как и Липаева, помните. Все-таки на женщин вы действовали разрушающе, не замечая их потаенных стремлений.

Иначе не объяснишь такую реакцию — «от любви и ревности до ненависти один шаг».

И, далее, в конце предпоследней записи дневников: «85-летний юбилей поэта Е. Евтушенко. Годы превратили его в сушеный сухофрукт. Талантливейший был поэт — лирик, постоянно рядившийся в ризы гражданственности. Успешно ерзал перед всеми режимами. И успокоился только после того, как ельцинские «демократы» вытолкнули его из политики, к которой он тоже успел примазаться. Сидит — где? — конечно, в американской провинции, с женой — русскоговорящей американкой. По-прежнему тщеславен, хотя здесь уже почти забыт. Разменял жизнь на своекорыстную суету. Тем, вероятно, и запомнится в истории нашей литературы. Не интересен» (18 июля 2013 г.).

Дальше 7 строчек записи 20 июля 2013 года. Конец дневникам. А запись о поэте вызывает у меня определенные ассоциации, связанные с Гаврилой Сергеевичем. А у вас?

Главное и в том, и в другом, что они — личности. Поэтому ГС так и прозвучал в астрономической среде, поэтому он так и поляризовал людей. У него всегда было что сказать, он не скрывал свои взгляды, свое видение ситуации, свое отношение к людям. Он был очень пристрастен, небезразличен к людям, к коллегам, что приводило к большим ошибкам в его оценках и суждениях. По приведенным в книге свидетельствам его высказываний мы видим, что у него на коллег и друзей менялась точка зрения. К сожалению, зачастую причиной этого были их отказы ему в помощи. Он не хотел замечать, что требовал жертвенной помощи, когда человек мог серьезно испортить себе жизнь из-за этого. Хорошо такую жертвенность описал Иосиф Самуилович в своем рассказе «Большие перемены»: «Андрей Дмитриевич Сахаров и попросил, чтобы я подписал вместе с ним бумагу, адресованную Прокурору СССР. В бумаге содержалась просьба дать нам ознакомиться с делом некоего Кронида Любарского, дабы изучить возможность отпустить его на поруки до суда по причине плохого состояния здоровья...

— Ничего же из этого не выйдет, Андрей! — сказал я.

— Я тоже так думаю, — довольно спокойно ответил он.

Последствия не заставили себя ждать. Я должен был ехать в Италию — мечта моей жизни! Уже всё было оформлено — и вдруг дело остановилось. Чиновники из Управления внешних сношений АН СССР искренне недоумевали — почему нет решения о моей поездке — ведь всё готово! Я-то знал почему... Началась серия неприятностей в Институте — короче говоря, я вступил в пятилетний период «глубокого минимума».

Вот такой же был и Гаврила Сергеевич. Судьба других его не беспокоила. Главное, чтобы помогли ему. У ГС было чудовищно развито гипертрофированное чувство высокой самооценки. По его ощущениям, он никогда не ошибался. Другие ошибались — он нет, никогда и ни в чем. В этом была его главная проблема в жизни. С ней он и ушел в небытие.

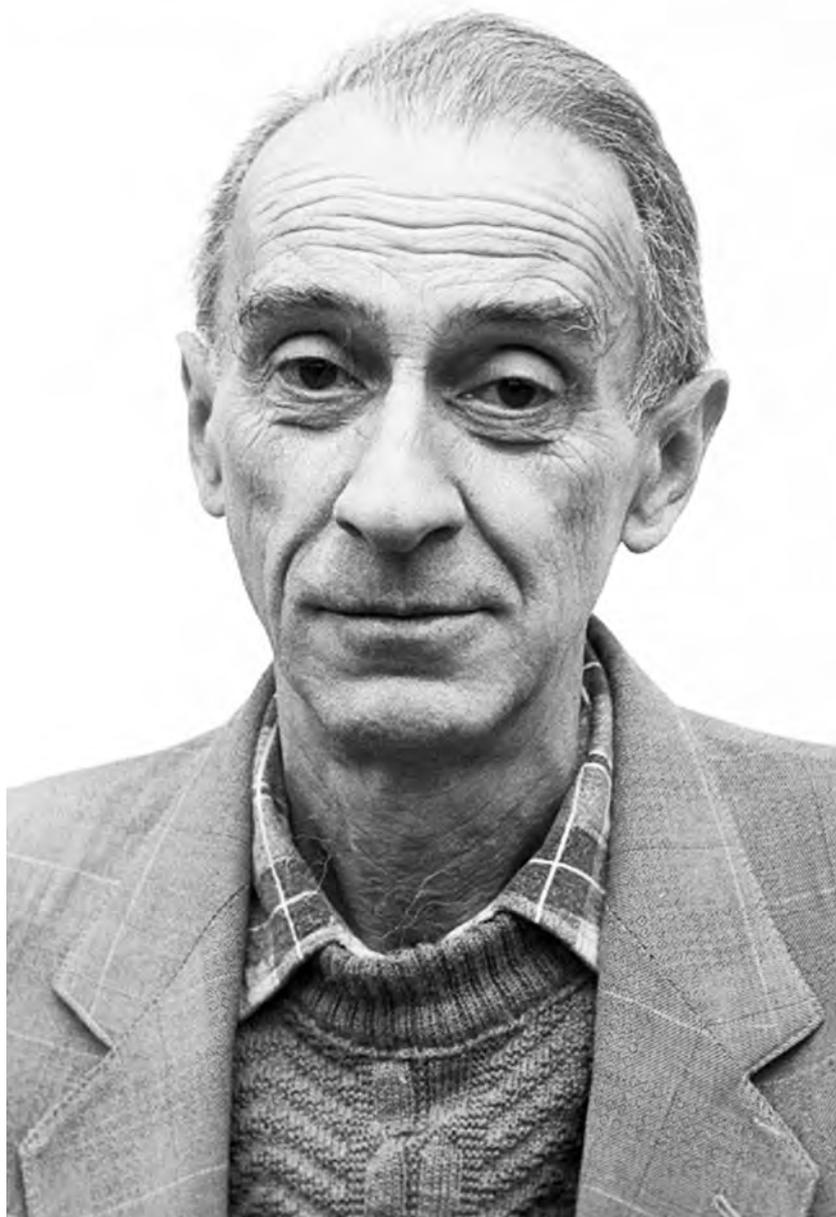
ВИЛЕН ВАЛЕНТИНОВИЧ НЕСТЕРОВ

Вилен Валентинович Нестеров (1935–2000) — советский и российский астроном, доктор физико-математических наук, профессор. В.В. Нестеров родился в г. Москве 8 ноября 1935 года. В 1952 году поступил на астрономическое отделение механико-математического факультета МГУ, окончил в 1957 году. Был принят на работу в ГАИШ старшим лаборантом. В начале 1960-х гг. занимал должность ученого секретаря ГАИШ при директоре Д.Я. Мартынове. В 1963 г. защитил кандидатскую, а в 1984 г. — докторскую диссертацию на тему «Параметры вращения Земли по данным лазерной дальнометрии искусственных спутников». Заведующий отделом астрометрии Государственного астрономического института имени П.К. Штернберга.

383

Основные труды в области астрометрии: фундаментальная астрометрия, изучение вращения Земли, космическая геодезия. Под его руководством велись работы по созданию каталога положений и собственных движений 4 млн звезд. Он активно участвовал в космическом проекте создания высокоточной координатной системы всего неба — проект «Ло-

photo.sai.msu.ru

Вилен Валентинович, ок. 2000 г.

моносов». Им были подготовлены и прочитаны студентам-астрономам физического факультета МГУ курсы лекций «Общая астрометрия», «Вращение Земли», «Космическая геодезия», «Стандарт основных вычислений астрономии», «Фундаментальная астрометрия». Воспитал более 10 докторов и кандидатов наук.

Я впервые встретил Вилену Валентиновича в 1967–1968 гг., когда делал курсовую работу по астрометрии, собирался также сделать и у Владислава Владимировича Шевченко по Луне, но из-за недостатка времени сосредоточился все-таки на работе с Нестеровым. До сих пор перед Владиславом Владимировичем чувствую неудобство, хотя мы и в хороших отношениях. Был с ним в командировке в Дубровнике на конференции и еще раз убедился в его замечательных человеческих качествах. В ГАИШе его много лет выбирали председателем Месткома. Так вот, работа с Виленом Валентиновичем была своеобразной, он дал мне на прочтение монографию Вуларда «Теория вращения Земли». Книга тяжелая для восприятия на третьем курсе. Сценарий перевода хорошо описан в неоднократно упоминавшейся книге Александра Ароновича Гурштейна: «Пытался заниматься переводами. Вместе с В.В. Нестеровым мы переводили для издательства «Наука» книгу «Теория вращения Земли вокруг центра масс» американца Э. Вуларда. Лентяй Виля свою порцию не перевел. Пришлось мне пахать за двоих. Опять — большая трата времени при очень низкой оплате. Книга вышла в 1963 г. под редакцией В.В. Подобеда».

После этого мы только один раз встретились с Виленом Валентиновичем перед защитой и потом уже на защите. Т.е. руководителем он был не занудным, считал, что студент сам должен выпутываться. Поставил он мне пятерку. Видимо, что-то я всё-таки сделал. Далее, производственную практику и всю дальнейшую астрометрическую жизнь я провел с Альбертом Петровичем Гуляевым. Он же был моим руководителем в аспирантуре и моей диссертации. Умер Альберт Петрович в 1998 г. в возрасте 70 лет. Умер от простой простуды, которую, по обыкновению, не лечил, а когда зять вы-

звал скорую, то было уже поздно. Я уже 10 лет как работал в ВИНТИ, но мы по-прежнему часто встречались. Он участвовал в редактировании «Астрономического календаря», который мы тогда выпускали. А еще мы с ним выпустили каталог звезд на эпоху 2000 года и были дальнейшие планы совместной деятельности. АП был знаменитейшим астрометристом своего времени, избыточно скромным, что мешало ему превратиться в Митрофана Степановича Зверева. Скорее я его сравнил бы с пулковчанином А. Немиро, который тоже любил быть в тени. Последний раз я видел АП накануне смерти в больнице. Он меня узнал — «Владимир Григорьевич, и вы здесь», а я кроме обычных слов ему сказал: «Альберт Петрович, у нас так много дел — надо поскорее выздороветь». Сейчас мне столько же лет, и я с грустью думаю — как рано он ушел. Я многому у него научился, как, впрочем, и у В.В. Нестерова, В.В. Подобеда, Е.П. Аксенова.

386

В уже несколько раз упоминавшейся книге А.А. Гурштейна разъясняется и интересовавший меня вопрос, связанный с Виленом Валентиновичем — почему декан физфака В.С. Фурсов с трудом разрешал переизбирать Вилену Валентиновичу Нестерова в должности доцента. Помню слова В.В. Подобеда: «пришлось к декану пойти Аксену, чтобы очередной раз переизбрать Вилену», да и сам Вилен Валентинович с нескрываемым удовлетворением перешел в ГАИШ на старшего научного сотрудника с должности физфаковского доцента, потеряв при этом в окладе, по-моему, около 40 рублей.

Оказывается, причина в утверждении на Ученом совете факультета кандидатской диссертации Александра Ароновича. В то время в МГУ диссертации по астрономии защищались в Ученом совете ГАИШ, а результаты защиты подлежали утверждению на физфаке. Вот как это описано в книге Гурштейна. Сначала я собирался изложить нижеприведенный фрагмент своими словами, но где мне до Александра Ароновича. Он виртуозно владеет словом, чему примером его воспоминания, в которых он строго следует фактам, и занимательность повествования. И лишь, что не-

Александр Аронович Гурштейн, Вилен Валентинович Нестеров,
Инда Измайловна Глаголева и Светлана Ивановна Дубкова,
1963 г.

существенно, иногда память его подводит в датах, да извечный национальный вопрос трактуется однозначно. Итак, вот как объясняется интересовавший меня вопрос с Виленом Валентиновичем.

«Защита диссертации [Александра Ароновича] в ГАИШе прошла без сучка и задоринки. Оставалось, чтобы результаты единогласной защиты в ГАИШе утвердил совет высшей инстанции. Тогда процедура защиты в МГУ была двухступенчатой. Над Ученым советом ГАИШа нависал Ученый совет Физического факультета МГУ. ... Тут-то и случилось то самое, о чем с тоской заблаговременно размышлял предусмотрительный В.В. Подобед.

388

За одно заседание не чаще раза в месяц совет Физфака утверждал в среднем порядка 25 кандидатских диссертаций, поступавших из нескольких советов низшей инстанции. На этот раз члены совета факультета по каким-то неведомым причинам повздорили со своим председателем и в отместку тому завалили добрую половину работ, в том числе и мою. Ко мне, как вы понимаете, пока это не имело прямого отношения.

Председатель совета — декан Василий Степанович Фурсов — был не лыком шит, а совсем наоборот, по административной части немеряно опытен. Узнав о завале многих работ, он запретил председателю счетной комиссии появляться в зале с объявлением результатов голосования. После часов бесплодных ожиданий члены совета разбрелись кто куда. Тогда Фурсов вызвал в зал председателя счетной комиссии и — в связи с отсутствием кворума при утверждении результатов голосования — объявил таковые результаты недействительными. Как будто не было вовсе такого дикого голосования, и концы в воду!

После этого прискорбного случая В.С. Фурсов воспользовался наимоощнейшим рычагом давления на членов совета. Он собрал партийную группу совета, т.е. тот же самый совет, но под другой вывеской и повязанный нерушимой партийной дисциплиной. Он не без основания обвинил членов совета в том, что те позорят факультет, и добился обязательного к

исполнению партийного решения о прекращении подобного бесчинства.

Через месяц совет рассматривал утверждение уже около 50 кандидатских диссертаций. Никому и в голову не могла прийти глупость рассматривать их по существу. Секретарь зачитывал анкетные данные соискателя, название диссертации и результаты голосования на совете низшей инстанции.

Были утверждены все работы, кроме одной — работы Гурштейна. Решение было окончательным и обжалованию на Физфаке не подлежало. Для меня это был крах всех надежд на лучшее будущее.

Надо отдать должное моим покровителям в ГАИШе — Подобеду и Липскому. Они составили вежливое, но решительное письмо в Высшую Аттестационную Комиссию (ВАК). ВАК — правительственный орган по аттестации научных и учебных кадров. Он был — и остается — высшей инстанцией в стране по всем вопросам, связанным с присвоением ученых степеней и званий во всех научных дисциплинах. Выше ВАКа в стране апеллировать не к кому.

Лейтмотив письма ГАИШа в ВАК был предельно прост. Совет ГАИШа составлен из исключительно компетентных астрономов, включая двух академиков (В.Г. Фесенков и трижды Герой Социалистического труда, один из крестных отцов советской водородной бомбы Я.Б. Зельдович). На Физфаке нет ни академиков, ни астрономов. Как же может быть, что некомпетентные физики без обсуждения отвергают единогласное решение компетентных астрономов? Письмо подписали почти все члены совета ГАИШа, включая академиков Фесенкова и Зельдовича. Заключительный аккорд письма: просьба отделить совет ГАИШа от совета Физфака и предоставить ему самостоятельность в решениях по диссертациям. Но опытным людям было изначально ясно, что такое письмо само по себе не возымеет действия в ВАКе. В.В. Подобед твердил: Саша, ищите подходы к ВАКу.

Среди знакомых наших знакомых нашелся университетский математик Самарий Александрович Гальперн (1904–1977). Он преподавал на кафедре, которой заведовал ректор

МГУ академик И.Г. Петровский (1901–1973). Иван Георгиевич был отличным ректором и славился неформальной человечностью. Именно он пошел навстречу молодому И.С. Шкловскому и выделил ему из лимитов университета квартиру, в которой Шкловскому ранее все отказывали. И.Г. Петровский благоволил к астрономам, которые еще недавно были на его родном Механико-математическом факультете. Додумался же Шкловский перетащить университетскую астрономию к физикам!

390 Гальперн рассказал Петровскому о моих злоключениях, и ректор через Гальперна пригласил меня к себе на прием. Встреча состоялась в его кабинете в старом здании университета на Моховой. Ректор был доброжелателен. Искренне сочувствовал. Высказал все, что он думает об обстановке на Физфаке (Шкловский цитирует его слова «там слишком много сволочей...»). Вспомнил, что в свое время на Физфаке забаллотировали на должность профессора академика Л.Д. Ландау. И это сошло им с рук. Короче, заключил он, факультеты в МГУ автономны, как удельные княжества, настолько, что он, ректор, не в силах найти на Физфак управы. Он был возмущен, но бессилён. А я потрясен до глубины души. В моих глазах ректор высился как скала, а он оказался растерянным и беспомощным стариком. Разговор с Петровским подчеркнул степень трагичности моего положения.

Ю.Н. Липский категорически запретил мне выносить сор из избы: упоминать что бы то ни было в данной связи Королеву и пытаться прибегнуть к его помощи. Я лично встречал Королева довольно часто, но послушаться Липского, который привел меня к нему, не мог.

Неведомо как, словно озарение, подход к ВАКу нашла мама. Она вспомнила о знаменитом в свое время фельетонисте-сатирике Григории Ефимовиче Рыклине (1894–1975), давнем папином знакомом. Участник войны, главный редактор журнала «Крокодил» (1938–1948), орденоносец Рыклин числился среди «литературных генералов» средней руки. Он пережил космополитическую вакханалию, получил квартиру в Доме на Набережной (я тогда впервые был внутри этого

дома), и, главное, он состоял членом коллегии ВАКа от литературы.

Прямо при нас с мамой Рыклин воспользовался «позвоночным правом». Он позвонил кому-то в ВАК и долго скучно объяснял, что это непорядок. Молодой парень, отец героически погиб добровольцем на фронте, ничего худого парень не делал, написал и защитил диссертацию в высшей степени компетентном совете с мощнейшими оппонентами (единогласно), — и вдруг некомпетентные физики вообще без обсуждения эту диссертацию завалили. Астрономы жалуются в ВАК. Надо что-то предпринять.

Уясните сложность положения ВАКа. Отменить решение совета Физфака невозможно, ибо тогда надо вынести этому совету порицание за неправомерные действия. Но кто же решится на отвратительное разбирательство с порицанием действий Ученого совета Физического факультета МГУ. Кому это под силу? Безнадёжное дело! Но скандал с коллективными письмами тоже никому в ВАКе не нужен. Кто знает, как повернется дальнейшая политическая конъюнктура. Примеры крутых виражей политики у всех на памяти.

ВАК нашел, можно сказать, гениальный по своей изощренности выход. Для положительного решения в совете надо собрать квалифицированное большинство — $2/3$ голосов. На Физфаке против [меня] голосует, грубо говоря, половина членов совета. Исправить положение дел в совете Физфака нельзя. Отменить решение совета Физфака нельзя. Президиум ВАКа постановляет: в связи с жалобой астрономического совета повторно рассмотреть вопрос об утверждении защиты Гурштейна на совместном заседании двух советов: Физического факультета МГУ и ГАИШа. Расчет простой: численные составы советов примерно равны, и 50% отрицательных голосов членов совета Физфака окажутся только 25% голосов от общего числа голосующих в двух советах. Есть шанс никого не обидеть и решить вопрос без дальнейших препирательств.

Тем не менее, многоопытный декан Физфака В.С. Фурсов не собирался сдаваться. Он вызвал к себе директора ГАИШа

Д.Я. Мартынова и строго указал ему. Первое (пряник): Физфак согласится на отделение и получение самостоятельности советом ГАИШа (зачем им нужна эта постоянная головная боль). Второе (кнул): дело Гурштейна должно быть закрыто с честью для Физфака. Физфак не утвердил защиту, поскольку в ней были допущены какие-нибудь нарушения. Найдите и сообщите мне об этих нарушениях, иначе пеняйте на себя. Мартынов поручение декана Фурсова добросовестно исполнил. Разглашение замысла — предательство по отношению к ГАИШу — было не в интересах директора, и он молчал.

392

Была проделана огромная работа по подготовке совместного заседания двух советов. Оно должно было состояться в конце рутинного заседания совета Физфака (его членам не надо было собираться дополнительно). А членам совета ГАИШа надо было приезжать специально, да еще и на чужую, малоуютную для них территорию. Им напоминали, их уговаривали, некоторых даже привозили на такси. В ГАИШе, можно сказать, работал авральный координационный штаб.

Утром в день заседания в этом штабе случайно узнали, что член обоих советов проф. Б.В. Кукаркин (таких членов обоих советов было четверо) не собирается идти на него. Это было верным знаком грядущей беды. Бывший директор ГАИШа, партийный функционер с огромным стажем, член партбюро [парткома] МГУ на правах райкома, бывший вице-президент Международного Астрономического Союза, любвеобильный профессор Борис Васильевич Кукаркин (1909–1977) был человеком искушеннейшим и опытнейшим. Ежели уж он не собирался на заседание, то наверняка знал, что там должно произойти нечто несусветное, в чем он никак не желал быть замешан.

Оперативный штаб нашел подходящего честного человека, который был близок к Кукаркину, и сумел выведать замысел, который был готов к реализации. За считанные часы до начала сражения штаб сумел изыскать противоядие, о котором не ведал директор ГАИШа Д.Я. Мартынов. Ведь он-

то, действуя в угоду своему начальнику, декану Фурсову, вопреки интересам ГАИШа, держал все задуманное в глубокой тайне. Кукаркин, не отдавая себе в этом отчета, тайну Д.Я. Мартынова продал ни за понюх табака. Вот она, „святая простота“.

Итак, большинство членов ученого совета ГАИШа нехотя прибыли на Физфак. Естественно, их унизили, заставив битых два часа выслушивать текущие дела Физфака. Наконец, дошло до последнего пункта повестки. Есть тут у нас одно мелкое дельце, объявил В.С. Фурсов, и предоставил слово ученому секретарю совета. Да, сказал тот, мы не утвердили одну из диссертаций, защищенных в ГАИШе. Из-за чего весь этот сыр-бор? Почему мы ее не утвердили? Да просто потому, что при защите имели место процедурные нарушения. Соискатель был очным аспирантом МИИ-ГАИКа — учебного заведения, которое не имеет права приема к защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук (там есть только технические науки). А экзамен по специальности кандидатского минимума был сдан именно там. Это и есть нарушение. Предложение: соискателю пересдать экзамен кандидатского минимума у нас на Физфаке, после чего у нас же провести повторную защиту. Ничего не скажешь, коварный замысел Мартынова был хорошо продуман.

Члены совета ГАИШа прятали друг от друга глаза, словно оплеванные с ног до головы. В гробовом молчании слово для справки тихо взял ученый секретарь ГАИШа, тогда Вилен Валентинович Нестеров (1935–2000), мы с ним долго работали в одной комнате. Надо было обладать мужеством Вилена, чтобы выступить против своего непосредственного начальника — директора ГАИШа (хотя Вилен официально не был ни во что посвящен и как бы — юридически — не знал воли Мартынова, который тайно все это придумал). Научным руководителем Вилена по кандидатской диссертации был тот же В.В. Подобед, и Вилен был активным членом того самого оперативного штаба, который продумывал каждый ход в шахматной партии против ненавистного самодура-Физфака.

Все доложенное здесь, сказал ученый секретарь ГАИШа, либо неточно, либо ошибочно. Не думаете же вы на самом деле, что мы в ГАИШе не знакомы с требованиями и инструкциями ВАКа? Программа экзамена кандидатского минимума, о котором речь, в соответствии с требованиями ВАКа была утверждена на заседании кафедры астрометрии ГАИШа, и Вилен потряс перед носом красного как вареный рак Фурсова подлинным протоколом заседания (его успели найти в архиве). Комиссия по приему этого экзамена тоже была смешанной: часть ее была из МИИГАиКа, а часть — из ГАИШа (демонстрация еще одного подлинного документа). Так что ни о каких нарушениях процедуры со стороны ГАИШа речи нет. Все формальности были строго соблюдены.

394

Началась баталия, образно говоря, словно на известной картине битва русских с печенегами. В прениях выступило множество народа из обоих советов. Действо длилось еще более двух часов. От лица Физфака выступали только сторонники жесткой линии, которые требовали повторной защиты на Физфаке: „Уж мы-то разберемся, что к чему“. Члены совета ГАИШа требовали, как предписал ВАК, прямо сейчас провести тайное голосование по утверждению защиты. Но решение о тайном голосовании нуждалось в открытом голосовании по этой процедуре. Было ясно, что при открытом голосовании ни один из членов каждого совета не пойдет против своих, и исход открытого голосования при таком раскладе сил оставался абсолютно неясным. Поэтому ни одна сторона не решалась форсировать открытое голосование по вопросу о тайном голосовании, и дебатам не было конца. Наиболее ярко от лица ГАИШа выступили И.С. Шкловский и С.Б. Пикельнер (1921–1975).

Иосиф Самуилович Шкловский выступал в своей коронной манере — горячо, недипломатично и хлестко. Десятилетия назад, воскликнул он, на Физфаке отменили курс общей астрономии. Выросло несколько поколений университетских физиков, которые представления не имеют об астрономии. Вот они перед нами. Я не удивлюсь, если вскоре из недр

Физфака выполнят представления о геоцентрической системе мира, как во времена Птолемея. Сказано было сильно и здорово, но голосов, думаю, такой вызывающий тон мне не прибавил.

Соломон Борисович Пикельнер не зря был душой „Астрономического журнала“. Будучи астрофизиком, он кратко и ярко охарактеризовал суть моей астрометрической работы. Он привел сравнение с бегуном. Середняк пробежит стометровку за 10,1 секунды. Выдающийся бегун за 10. А чтобы стать чемпионом мира, надо бороться за каждую сотую долю секунды. Чем ближе к пределу достижимого, тем сложнее эта борьба.

Астрометрия, говорил Пикельнер, это борьба за достижение максимально возможной точности угловых измерений на небесной сфере. Она требует рафинированных новых подходов. В экспериментальном исследовании таких подходов и заключена суть работы соискателя.

На исходе второго часа прений шулер Фурсов вытащил из колоды крапленую карту. Он пригласил выступить престарелого члена-корреспондента Академии наук (насколько помню, единственного тогда члена-корреспондента на факультете) физика Александра Саввича Предводителя (1891–1973). В мрачный период с 1937 по 1946 гг. (обратите внимание на даты) Предводителей был деканом Физфака. В годы строительства комплекса МГУ на Ленинских горах он был председателем Центральной комиссии по строительству и оборудованию новых корпусов. Патриарх Физического факультета!

Среди многих он слыл негласным вождем партии физфакских ретроградов. Фурсов был непоколебимо уверен, что Предводителей даст сейчас астрономам прикурить. Мнение вождя сторонников жесткой линии расставит все по своим местам. Это был запретный удар ниже пояса. Но произошло неслыханное.

Дело в том, что оперативный штаб в ГАИШе был действительно хорош и отлично видел свои задачи. Просчитать удар со стороны Предводителя было нехитро. Но у того была

своя ахиллесова пята. Член-корреспондент А.С. Предводителей (теплотехник) всю жизнь тщетно мечтал стать академиком и почему-то был глубоко уверен, что его серьезным сторонником на этом тернистом пути является ракетостроитель академик С.П. Королев. К Александру Саввичу заранее подослали парламентаря с объяснениями: так, мол, и так, человек, о котором речь, работает у Королева, и Королеву будет крайне неприятно, если его сотрудника бесславно и несправедливо зарежут на Физфаке. Тогда ку-ку Ваше академическое звание. Предводителей оказался перед неразрешимой дилеммой: что делать? Но этого на Физфаке никто не знал.

396

По просьбе действующего декана Фурсова бывший декан Предводителей приподнялся на подагрических ногах и промямлил что-то совершенно несусветное, завершив краткое выступление тирадой о том, что это сложное дело надо разрешить «по совести и по справедливости». Присутствующих взяла оторопь, можно сказать, они потеряли дар речи: после в общей сложности четырех часов словопрений Физфак надломился. Стало ясно, что что-то здесь нечисто. Сначала ВАК принял необычное решение, теперь вот Предводителей вместо жесткого «держат и не пущат» позиционирует себя отступником веры.

Спросили меня: готов ли я на повторную защиту на Физфаке? Как было условлено заранее, я тихим голосом категорически отказался. Я ответил, что не могу оскорбить достоинство Ученого совета ГАИШа, который голосовал за меня единогласно. В этих обстоятельствах я уважаю совет Физфака, но выступать здесь не имею морального права.

Без открытого голосования, по предложению декана Фурсова решили: провести еще одно совместное заседание двух советов. Поручить члену обоих советов, астрометристу-профессору К.А. Куликову («дяде Косте») доложить работу Гурштейна и тогда провести по ней тайное голосование: утверждать или не утверждать. Это было предвестие победы, поскольку при отрицательном голосовании вновь вставал вопрос, что сторонний докладчик не точно отразил суть иссле-

дования. Если после моего выступления любой был вправе заявить, что он не удовлетворен, то после выступления Куликова это не годилось: опять надо было начинать все сначала и требовать моего выступления. А это дело уже изрядно набило всем оскомину.

Есть правило у воров: если план с первого раза не вытанцовывается, от него следует отказываться. Так и тут. Кто знает, Фурсов мог думать, что недолго допрыгаться и до неприятностей. Получившегося афронта он не предусматривал. В тылу маячил замятый дурацкий факт с неутверждением сразу десятка диссертаций.

Декан Фурсов тянул до неприличия с назначением второго совместного совета — несколько месяцев. Но уваливать от предписания ВАКа не стал. Профессору Куликову мы с Подобедом написали и тщательно отредактировали текст его выступления на совместном совете. Подобед строго-настрого наказал ему прорепетировать, не заниматься отсебятиной, читать с выражением и не менять ни единого слова. Снова добивались массового присутствия членов совета ГАИШа и некоторых привозили на такси.

На заседании 23 февраля 1966 г. (уже после смерти Королева) мы с Виленом Нестеровым сидели рядом и имели специальные таблички с проходным баллом в 2/3 в зависимости от числа голосующих. Защита была утверждена с минимальным перевесом в 2 голоса. Но это уже не имело значения: ВАК утвердил мне степень кандидата физико-математических наук всего через 2 с половиной месяца после получения им материалов с Физфака. Думаю, сотрудники аппарата ВАКа по праву считали себя большими молодцами. Мои терзания их не трогали, а разгореться скандалу как лесному пожару с утечкой информации к диссидентам они не дали. Многомесячное дело было шито-крыто. Официально степень присуждена мне решением ученого совета Физфака МГУ. Диплом кандидата наук МФМ № 005337 был выписан ВАКом 14 мая 1966 г. Его подписал председатель совета Физфака В.С. Фурсов».

Вот так Вилен Валентинович Нестеров стал персоной нон грата на физическом факультете и неприятной фигурой для

декана с ворохом неприятнейших же воспоминаний. Александр Аронович сводит отклонение своей диссертации на Ученом совете физфака к якобы его антисемитской направленности. От многих лиц еврейской национальности я встречал подобные утверждения. «Мой ребенок, конечно, вундеркинд, не поступил на физфак (или мехмат) исключительно из-за национальности». Никак не могу с этим согласиться. Сколько русских абитуриентов, да и абитуриентов других национальностей не поступали на эти факультеты. Чудом было поступить. Может, все-таки следует, наконец, критически подходить к своим высказываниям о гениальности своего ребенка. Впрочем, почти каждый родитель так считает. Не надо только превращать это в манию. Как известно, большинство абитуриентов на физфак или мехмат не поступают. Таковы факты. За все годы учебы на физическом факультете студентом и аспирантом ни разу я не встречал и подобия антисемитизма. Посмотрите список выпускников этих двух упомянутых факультетов. Или, хотя бы, на курс Гаврилы Сергеевича. Навскидку там 12% евреев. А процент их в общей численности населения СССР был 2,7 по переписи населения 1959 года. По свидетельству самого ГС, может, и не самому надежному для некоторых, профессор Л.В. Лёвшин в разговоре с ним сказал, что ни разу он не получал никаких указаний об индивидуальном отношении к евреям, как, впрочем, и другим национальностям. Это из дневников ГС, а, как я уже сообщал, он писал их для себя.

Самым же главным увлечением в жизни для Вилена Валентиновича Нестерова был бридж, как для других шахматы. Ему он посвящал много времени и сил.

В.В. Нестеров — один из выдающихся российских игроков в бридж первого поколения, национальный мастер. Играл с начала 1960-х гг. Член команды, принесшей первую победу россиянам на всесоюзном турнире. Стоял у истоков организации спортивного бриджа в Москве. Вилен Валентинович играл ключевую роль в период становления бриджа как спорта в России. Почти все достижения российских бриджи-

Вилен Валентинович Нестеров на турнире по бриджу, 1970-е гг.

стов на всесоюзном уровне в 1960-е и 1970-е годы так или иначе связаны с его именем. Подробнее см.: Слава Бродский «Московский бридж. Начало» http://www.e-reading.club/bookreader.php/1042292/Brodskiy_-_Moskovskiy_bridzh._Nachalo.html. Среди его многочисленных побед — первое место в турнире мастеров 1990 года. Он не жалел сил на пропаганду бриджа в те времена, когда это было связано с немалым риском. Прекрасно переведенные им книги, среди которых выделяется «Гроссмейстерский бридж» Х. Кэлси, распространялись в виде копий, и по ним совершенствовались свою игру многие поколения советских мастеров. В память о В.В. Нестерове организованы ежегодные соревнования по бриджу: «Мемориал Вилена Валентиновича Нестерова».

В честь В.В. Нестерова названа малая планета Вилен (4514).

ИННА СЕРГЕЕВНА ЩЕРБИНА-САМОЙЛОВА

Инна Сергеевна Щербина-Самойлова (17.01.1922–26.04.2003) — советский и российский астроном, кандидат физико-математических наук, заведующий отделом астрономии Всесоюзного института научной и технической информации Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике и Академии наук СССР, где работала с апреля 1953 г. Ведущий специалист в СССР и России в области информатизации науки. 401

Щербина-Самойлова И.С. родилась в семье служащих в г. Москве. В 1940 г. окончила с отличием среднюю школу № 518. В том же году поступила на механико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. В мае 1942 г. по комсомольской мобилизации пошла в ряды Красной Армии. После двухмесячных курсов Полевого почтового управления была направлена в действующую армию в органы почтовой связи. Имеет звание младшего лейтенанта административной службы. В 1943 г. демобилизована и продолжила учёбу в МГУ. В 1947 г. окончила Университет по специальности астрономия. Ещё будучи студенткой начала работать в Государственном астрономическом институте имени П.К. Штернберга

Инна Сергеевна Щербина-Самойлова, 1950 г.

и продолжила там работать после окончания Университета. С 1948 по 1951 г. училась в аспирантуре Механико-математического факультета МГУ на кафедре астрофизики. В 1952 г. защитила диссертацию на степень кандидата физико-математических наук. С декабря 1951 по декабрь 1953 гг. работала лектором-методистом Московского планетария. Во Всесоюзном институте научной и технической информации АН СССР (ВИНИТИ) начала работать с апреля 1953 г. по совместительству, а с декабря 1953 г. на постоянной основе. В ВИНИТИ работала до декабря 2000 г., последовательно занимая должности старшего научного сотрудника, заведующего отделом астрономии и геодезии, ведущего научного сотрудника. В 1961 г. в должности научного руководителя работала в экспедиции по наблюдению полного солнечного затмения под г. Бузулуком, а в 1972 г. — в п. Оссора (Камчатка). Щербина-Самойлова И.С. была заместителем главного редактора Объединенной редколлегии реферативных изданий по астрономии и геодезии ВИНИТИ К.Ф. Огородникова. Под её руководством выходили выпуски Реферативного журнала ВИНИТИ «Астрономия», «Геодезия и аэрофотосъемка», «Исследование космического пространства», в котором она была научным редактором, и «Исследование Земли из космоса». В 1970 г. была избрана в члены Международного астрономического союза (МАС) и неоднократно участвовала в работе симпозиумов МАС как член Комиссии № 5 (астрономическая документация). С 1974 г. И.С. Щербина-Самойлова член Центрального комитета по классификации Международной Федерации по Документации (ЦКК/МФД, международная организация, объединяющая ведущие информационные центры и библиотеки, работающие в области информатики), с 1979 г. — вице-президент ЦКК/МФД, с 1986 г. также член Совета по развитию Универсальной десятичной классификации (УДК) и много раз представляла нашу страну на заседаниях этого Совета.

И.С. Щербина-Самойлова являлась одним из известных редакторов и переводчиков научных и научно-популярных книг по астрономии и исследованию космического пространства.

И.С. Щербина-Самойлова и И.С. Шкловский

Среди них — популярнейшая в нашей стране «Элементарная астрономия» О. Струве, Б. Линдса и Э. Пилланса. И.С. Щербиной-Самойловой опубликовано около 70 научных работ.

Инна Сергеевна была членом КПСС с 1961 г. и вела активную общественную деятельность. За время работы в ВИНТИ была членом месткома, членом парткома, членом редколлегии стенгазеты, зам. председателя комитета Общества советско-чехословацкой дружбы ВИНТИ и т.д. В 1954 г. была выбрана народным заседателем Народного суда 3-го участка Ленинградского района города Москвы. С 1952 по 1960 гг. И.С. Щербина-Самойлова была активным лектором общества «Знание», объездив всю Европейскую часть СССР, включая союзные республики. Выступала она не только в организациях, на предприятиях, в учебных заведениях, но и в таких местах, как разбросанные по всей стране ячейки Всероссийского общества глухих (лекции с сурдопереводом) и исправительные колонии.

405

Публикации и переводы книг

- Щербина-Самойлова И.С., Радлова Л.Н., Сытинская Н.Н. Солнце, Луна, планеты. Итоги науки и техники, Сер. Астрономия. — М.: ВИНТИ, 1965.
- Щербина-Самойлова И.С. и др. Память о Великой Отечественной войне. — М.: ВИНТИ, 1995.
- Пози Дж.Л., Брейсуэлл Р.Н. Радиоастрономия. — М.: Иностранная литература, 1951. (под ред. И.С. Шкловского)
- Койпер Д.П. Атмосферы Земли и планет. — М.: Иностранная литература, 1958. (под ред. И.С. Шкловского)
- Эллисон М.А. Солнце и его влияние на Землю. — М.: Физико-математическая литература, 1959. (перевод Щербина-Самойлова И.С. и др., под ред. И.С. Шкловского)
- Шепли Х. Звезды и люди. — М.: Иностранная литература, 1962. (под ред. Г.И. Наана)
- Струве О., Линдс Б., Пилланс Э. Элементарная астрономия. — М.: Наука, 1964. (под ред. С.А. Каплана)
- Ле Гелли Д.П., Росень А. Космическая физика. — М.: Мир, 1966. (перевод Щербина-Самойлова И.С. и др.)

- Уиппл Ф. Земля, Луна и планеты. — М.: Наука, 1967. (под ред. В.И. Мороза)
- Толанский С. Революция в оптике. — М.: Мир, 1971. (под ред. В.А. Угарова)
- Дольфус О. Планеты и спутники. — М.: Мир, 1974. (перевод Щербина-Самойлова И.С. и др.)
- Доул С. Планеты для людей. — М.: Наука, 1974. (под ред. С.А. Каплана)
- Аллер Л. Атомы, звезды и туманности. — М.: Мир, 1976.

Трудовая деятельность

- 1940–1942 гг. — Студентка механико-математического ф-та МГУ.
- 1942–1943 гг. — Ст. приемщик ВП Базы «АП» и 388 военно-почтовой станции (5 Армия). Мл. лейтенант Советской Армии.
- 1943–1947 гг. — Студентка механико-математического ф-та МГУ.
- 1946–1948 гг. — Старший препаратор кафедры астрофизики ГАИШ.
- 1948–1951 гг. — Аспирантка кафедры астрофизики механико-математического ф-та МГУ.
- 1951–1953 гг. — Лектор-методист Московского планетария.
- 1953–1965 гг. — Старший научный сотрудник ВИНТИ.
- 1965–1987 гг. — Заведующая отделом астрономии и геодезии ВИНТИ.
- 1987–2000 гг. — Ведущий научный сотрудник ВИНТИ.

Награды и звания

- орден Отечественной войны 2 степени;
- орден «Знак Почета»;
- медаль «В память 800-летия Москвы»;
- медаль «В память 850-летия Москвы»;
- медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина»;
- медаль «Ветеран труда»;

- юбилейная медаль «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»;
- юбилейная медаль «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»;
- юбилейная медаль «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»;
- медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»;
- юбилейная медаль «70 лет Вооружённых Сил СССР»;
- Медаль Жукова;
- знак «25 лет победы в Великой Отечественной войне»;
- «Фронтовик 1941—1945»;
- благодарность Президиума АН СССР за активную работу по подготовке и проведению 10-го Международного Астрономического Съезда № 116—2000 от 18 октября 1958 г.
- благодарность Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике и Президиума Академии наук СССР за активное участие в создании Реферативного журнала и других информационных изданий ВИНИТИ. Постановление № 70/10 от 15 марта 1973 г.
- почетная грамота Министерства науки и технологий РФ за многолетний добросовестный труд и в связи с 45-летием выхода в свет первых номеров РЖ ВИНИТИ.

407

Участие в международных организациях

- член Международного астрономического союза;
- член Центрального комитета по классификации Международной федерации по документации (ЦКК/МФД) — с 1974 г.,
- вице-президент ЦКК/МФД — с 1979 г.,
- член Совета по развитию универсальной десятичной классификации (УДК) — с 1986 г.

Занимательна еще одна связь времен и людей, о которой я писал, рассказывая о Юрии Ивановиче Иванове и других сокурсниках Хромова. Вот другой пример. Борис Николае-

вич Пановкин, о гипотезе которого я вспоминаю в главе «В.Г. Горшков „Существует ли внеземная жизнь во Вселенной?“» в последние годы жизни работал в ВИНТИ в отделе астрономии у Инны Сергеевны. Инна Сергеевна понимала важность его работ, а Борис Николаевич ценил это отношение к себе, а кроме того, не было лучшего места для знакомства со свежими публикациями зарубежных ученых-коллег.

До самого конца Инна Сергеевна работала в ВИНТИ. Фактически всю жизнь — почти 50 лет. Знала всех, и её знали все. Когда ее дочка Марина Борисовна в начале 2000-х пришла заведующей в отдел астрономии, многие остолбевали, думая, что встретились с Инной Сергеевной, которая вдруг сильно помолодела. Помню, как мне это рассказывала Чумакова Наталья Федоровна:

— Иду по коридору и вдруг сталкиваюсь с Щербиной-Самойловой, и думаю, точно она, но какая-то необычная, помолодевшая.

408

Марина Борисовна провела в Институте 10 лет. То, что я ждал от Гаврилы Сергеевича Хромова, я получил в лице Марины Борисовны. Дела в отделе шли прекрасно. Она была опытным руководителем в Институте космических исследований РАН и была такой же заботливой и о деле, и о сотрудниках в ВИНТИ.

Был такой случай, о котором мне рассказала та же Наталья Федоровна. Я тогда заведовал кроме физики и астрономии еще и Технологическим отделением. И разрабатывали мы новую технологию подготовки баз данных и Реферативного журнала. Работа была интересная, и коллектив подобрался очень хороший. Из выпускников ГАИШ у меня работали в этом отделении Оля Старцева и Оля Батурина, а по совместительству и Володя Батурин со своим аспирантом Иваном Максимовым, Валера Семенцов, Алексей Горшков. Как я уже писал, и мой хороший знакомый Борис Мицюра. Надеяться чаще всего можно на тех, кого уже знаешь. В общем, технология была сделана. Но что мне не нравилось, это вмешательство руководства, в том числе и через мою го-

Марина Борисовна Щербина-Самойлова, 2012 г.

лову. По-моему, я нигде не писал, что коллектив ВИНТИ на 90% женский, со всеми присущими женскому коллективу недостатками. Так вот, Наталья Федоровна, вместе с тогдашним зам. директора С.П. Яшуковой и, для комплекта, Ольгой Антошковой, зав. методическим отделом в моем отделении решили воздействовать на меня через Марину Борисовну. Попросили ее зайти в кабинет Яшуковой и предполагали поговорить «по-женски» обо мне. Есть такая форма как бы неофициального сговора. И только начали ее обхаживать, как она, узнав в чем дело, тут же обматерила их, благо слова эти она знала, поработав в ИКИ с промышленниками.

Прекрасный человек Марина Борисовна Щербина-Самойлова, надежный, верный, отзывчивый и умный. К сожалению, в 2009 году она ушла из ВИНТИ, надоело. Через три года ушел и я. Потом там началась чехарда с директорами.

ЛИДИЯ НИКОЛАЕВНА РАДЛОВА

Лидия Николаевна Радлова родилась 23 декабря 1913 года в Ленинграде, в семье известного художника Николая Эрнестовича Радлова. В 1936 г. закончила математико-механический факультет Ленинградского государственного университета (ЛГУ) по «астрономической специальности», как она сама писала в автобиографии. В 1937 г. поступила на работу младшим научным сотрудником в астрономическую обсерваторию ЛГУ, а в 1938 г. — в аспирантуру при АО ЛГУ под руководством В.В. Шаронова. С 1940 по 1944 гг. работала старшим научным сотрудником Естественно-научного ин-та им. П.Ф. Лесгафта. В 1943 г. защитила кандидатскую диссертацию. С 1944 по 1952 гг. работала в Государственном астрономическом институте имени П.К. Штернберга (ГАИШ). А с апреля 1953 г., т.е. с момента основания, по 1983 г. — 30 лет — во Всесоюзном институте научной и технической информации (ВИНИТИ), всё «золотое время» этого института. Она была редактором раздела «Солнечная система», да и других. Вместе с П.Г. Куликовским вела «Общий раздел. История астрономии», с А.П. Челомбитько, а позднее со мной раздел «Астрометрия» и «Астрономиче-

Лидия Николаевна Радлова, 1992 г.

ские инструменты», была Ученым секретарем Редколлегии РЖ «Астрономия и Геодезия», позднее бессменный заведующий отделом астрономии ВИНТИ Инна Сергеевна Щербина-Самойлова добавила РЖ «Исследование космического пространства» и «Исследование Земли из космоса».

Перестав работать в ВИНТИ, Лидия Николаевна посвятила себя прекрасному делу — организации ряда выставок, посвященных творчеству ее знаменитого отца: «Кривое зеркало. Шаржи и карикатура XX века» (Музей А. Ахматовой в Фонтанном доме, 1992 г.), «Николай Радлов. Из творческого наследия» (Отдел эстампов РНБ, 1993 г.) и др.

Я познакомился с Лидией Николаевной в 1978 г. Моя однокурсница, работавшая в ВИНТИ, попросила им помочь, т.к. редактор раздела «Астрометрия» пулковчанин А.П. Челомбитько предупредил, что переезжает в Одессу. Какие это были золотые времена для ВИНТИ! Нештатных сотрудников хоть пруд пруди. Работать в ВИНТИ было престижно, а для штатных сотрудников, специалистов в своей области, это еще и возможность читать все свежие статьи со всего мира. Итак, я пришел в здание ВИНТИ на Балтийской 14, в место, по-моему, известное всем научным работникам нынешнего старшего поколения, и меня встретила Лидия Николаевна. ВИНТИ располагался в старинном дворце с широкими мраморными лестницами и просторными коридорами. У отдела астрономии тогда были три большие светлые комнаты с высоченными потолками. В первой, проходной комнате сидел технический персонал, а во второй научные сотрудники. Стол Лидии Николаевны был у большого окна слева. Уютное местечко. За стенкой была комната, где сидела Инна Сергеевна с литредактором Львом Гавриловичем Ефановым, и они, бывало, перестукивались, приглашая друг друга. Позднее, в 1988 году ВИНТИ переехал в новое здание на улице Усиевича 22а. У отдела стало шесть комнат, но уюта Балтийской не стало. Перевезли весь архив вместе с тараканами, потом с год их выводили. Надо сказать, что тараканов до поселения в общежитие МГУ я в жизни не видел. Клопы были, а вот тараканы нет. Преследовали меня они

Лидия Николаевна Радлова, 1934 г.

долго, но потом как-то враз исчезли — появилось новое поколение биологических средств борьбы с ними и активнее заработала госэпидемстанция.

Выглядела Лидия Николаевна изумительно, встретила меня приветливо и сразу так расположила к себе, что я, все-таки немного подумав, встретившись с А.П. Челомбитько, когда тот приехал готовить очередной номер, согласился побыть какое-то время редактором. Отказать им было невозможно. Александр Петрович тоже оказался симпатичнейшим человеком, который сразу повел себя, как будто мы были знакомы уже много лет. Так я и проработал штатным сотрудником до 1988 г., когда уже Инна Сергеевна пригласила меня занять ее должность. Тогда было по Академии кратковременное распоряжение о невозможности занятия руководящих должностей после 70 лет. Чудачества тогдашнего то ли Политбюро, то ли Президиума Академии, указания которых чиновники, как всегда, бросились рьяно исполнять.

Вернусь к Лидии Николаевне. Вот бывает так, что разные по физическому возрасту люди чувствуют себя сверстниками, ведут себя друг с другом как близкие друзья — радуются, обижаются, как бы одинаково думают, имеют общие интересы. Конечно, это была заслуга Лидии Николаевны. Недавно, читая воспоминания кинорежиссера Сергея Соловьева, подумал, что такое же свойство присуще гейшам. Как он пишет, впечатление от беседы с гейшей такое, будто она только с тобой разговаривает, только ты ей интересен, только тебя она слушает, а их (членов делегации) на встрече было несколько человек, а она одна. И так, как вспоминает он, казалось каждому из присутствующих. У Лидии Николаевны был тоже такой божий дар. Было и много других. Мы оба «козероги» и, может быть, поэтому так легко было с ней, хотя в астрологию и гороскопы я никогда не верил, да и теперь не верю. Эту фразу Алина Иосифовна Еремеева, с которой мы писали статью к столетию Лидии Николаевны, вычеркнула.

— Вы сами, — говорит, — пишете, что не верите в гороскопы.

Но я решил ее оставить. Может, имеет значение сезон рождения. У нас — зима.

Лидия Николаевна с Борисом Юльевичем на отдыхе, 1967 г.

С ней вместе мы всегда просматривали подготовленные мною в номер рефераты, определяли их очередность в номере, и это не было формальностью, почти всегда она что-то поправляла. После работы непременно угощала чаем с конфеткой. Прекрасна была и традиция отдела астрономии встречать Старый Новый год с нестандартными сотрудниками. Она еще долго сохранялась.

Бывало, мы вместе гуляли, она хорошо знала старую Москву, хотя родилась в Ленинграде. Много раз я бывал у них с Борисом Юльевичем на Марксистской улице. Кстати, она нередко приглашала к себе в гости всех сотрудников отдела, а когда я бывал у нее в гостях один, то всегда к моему приходу, да и не только к моему, что-нибудь пекла. Часто это бывали великолепные творожные печенья, которые перед помещением в духовку посыпались сахаром, который плавился и образовывал глазированную корочку. Мне они очень нравились, и она, конечно, это знала. Я даже научился их печь, но теперь забыл, да и духовки у меня нет теперь. Как-то, во время моего пребывания, пришел К.Ф. Огородников, в то время главный редактор РЖ «Астрономия». Он уже был в возрасте, и помню, как она ему говорила:

— Кирилл Федорович, может, простоквашки поедите, — он отвечал:

— С большим удовольствием.

После она предложила ему отдохнуть на диванчике, что он с охотой и сделал. Кириллу Федоровичу было тогда немало лет, за восемьдесят, но был он очень энергичен, с ясной головой, что произвело на меня впечатление.

Среди женщин-астрономов встречаются неординарные личности. Сама наука к этому располагает. А будучи сначала студентом астрономического отделения физического факультета МГУ, а затем зам. заведующего астрономическим отделением и преподавателем для студентов-астрономов, я видел много девушек, которые впоследствии проявили себя в астрономии. Всю жизнь был в астрономической среде. Однако таких, как Лидия Николаевна, встретил среди астрономов-женщин, да и не только, совсем немного. Перефразируя,

слегка, Булата Окуджаву: «Вот таких-то людей очень мало. На планету — совсем ерунда...».

418 Лидия Николаевна вместе со своим мужем Борисом Юльевичем Левиным, доктором физ.-мат. наук, написала прелестную книгу для детишек младшего возраста «Астрономия в картинках», которую проиллюстрировала красочными картинками ее дочь Е.Ф. Радлова. Книга пользовалась оглушительным успехом и переведена, думаю, на все языки республик бывшего СССР. Помню, как в одну из встреч в самом начале нашего знакомства Лидия Николаевна спрашивает, есть ли у меня эта книжка. Если нет, то она мне подарит последний оставшийся у нее экземпляр вышедшего недавно издания. Но с просьбой: тираж в Москве и Ленинграде весь разошелся, и если, случайно, я в каком-нибудь городе ее увижу, то сразу куплю ей много. Мне «повезло» — в Николаеве я купил пять последних экземпляров, и она радовалась, что хоть это удалось достать. Мой сын Никита, который в 1990-е гг. был еще маленьким, с удовольствием читал эту книгу, рассматривал картинки, задавал вопросы. Может, поэтому его и сейчас притягивает астрономия, хотя по образованию он физик. «Астрономия в картинках» в перестроечное время и позднее, в годы ранней «демократии», выходила много-много раз, но, думаю, авторские они с Борисом Юльевичем уже не получали. Другие времена. Это она привела мне строки А.С. Кушнера, «Времена не выбирают, в них живут и умирают...».

Лидия Николаевна умела дружить. Часто говорила: «Надо поехать в Ленинград, что-то давно я своих знакомых не видела». Знакомые у нее были во многих местах. Так, когда мы вместе приехали в Ригу на конференцию, то она сказала, что остановится, конечно же, у друзей, «которых давно не видела». На банкете, которым завершается каждая конференция, мы сидели вместе, и к ней постоянно подходили знакомые, но у меня было ощущение, что она говорит только со мной. «Эффект гейши», как всегда, работал.

Совсем не хочется писать о ее последних годах, для меня она продолжает присутствовать. Ей вовсе не 100 лет, и мы по-прежнему ровесники — «...только этого мало!».

«ДРУГ МОЙ, КОЛЬКА»

419

Мой однокурсник Коля Нестеров всю жизнь писал стихи. Во всяком случае, с 1965 года, когда мы поступили в университет. Тогда он всех нас удивил, когда на 8-е Марта всем девушкам из нашей группы посвятил по шесть строчек, а Эмме Соколовой даже десять. В них он точно отразил суть каждой из них. Мы, мальчики, были поражены. Поэтому, когда у меня появилась возможность, я издал его книгу стихов «Настроение», а после и «Звездопад». Первая книга вышла в 1995 году, а вторая в конце 2002 года. Собственно, вторая книга была настойчиво инициирована моим сыном Никитой, который спросил у Коли, когда же выйдет снова его книга. Уже была электронная почта (а первую книгу Коля передал мне на дискете), и он прислал нам свою новую подборку стихов — как он хотел видеть эту книгу. Мы сделали верстку, распечатали ее и привезли в Кацивели, очутившись там в сентябре. Он прочел верстку, а книга вышла хоть и до его смерти, но лежала в Москве, ждала оказии, а он в это время умер в Кацивели. Подержать в руках ее он не успел. В январе 2003 года мы собрались нашей группой в память о Коле, я принес его книгу. Теперь

На отдыхе в Кацивели. Слева направо: Коля Нестеров, Женя Колотиллов, Ира Есипова, ?, Аня Седякина, 2000 г.

она у каждого есть. Часть тиража была отправлена в Крым его друзьям, часть была отдана сестре, которая живет под Москвой. В какой-то мере наша группа постаралась оставить «в вечности» своего однокурсника и друга — Николая Семеновича Нестерова. А Аня Седякина и Нина Лукашевич непосредственно поучаствовали в издании книги. Не оставлен без внимания и Никита — на последней странице книги, где печатаются выходные данные, есть такая фраза: «Издательство благодарит Н.В. Шамаева, без активного участия которого это издание вряд ли было бы осуществлено».

Прости

Прости меня. За то, что не был ласков.
Прости меня. За то, что не был смел.
Прости меня. За равнодушной маской
Скрыть от других любовь свою хотел.

421

Прости меня за то, что хладнокровно
Себя я уговаривал остыть.
Твердил себе, что в мире все условно,
И ты меня не сможешь полюбить.

Прости за то, что близости интимной
Я не искал, ни рук, ни губ твоих.
Я виноват. И все-таки прости мне,
Что я решал и думал за двоих.

Прости за то, что не было и было.
Не требовал любви и не молил.
Прости за то, что ты не полюбила.
Прости меня за то, что я любил.

Прости меня за то, что я не верил
Своей мечте. В последний раз прошу
Прости меня! Пусть буду я уверен.
Что был я прав. Себя я не прошу...

1968

Эпитафия

Если весть о моей кончине
 До тебя дойдет невзначай.
 Ты не верь ей.
 Считай, что отныне
 Улетел я в неведомый край.
 Так уж в жизни нашей случилось, —
 И не нужно себя терзать, —
 Наши судьбы в одну не сложились,
 Чтоб единой судьбою стать.
 Мы с тобою так редко встречались,
 Не выдавшей больным и седым,
 Тебе будет легко, не печалься,
 Вспоминать меня молодым.
 Пусть тебя не волнует нисколько
 Эта злая, недобрая весть.
 Верь, родная, любимый Колька
 Был всегда на Земле и есть.

422

1990

Гаишевцы 1965

Так звонко, беспечно смеяться
 Умеет лишь тот, кто был юн:
 Нам всем снова только по двадцать,
 За окнами вечер-баюн.

На плечи не давит усталость,
 И рев городской приглушен,
 Нас только двенадцать собралось
 Из всех тех, кто был приглашен.

Нет, мы никого не забыли,
 Как жаль, что собралось не все:
 Кого-то дела закружили
 По вечно спешащей Москве,

Иные опять за границей
Вершат мировые дела.
Другим не приехать в столицу,
Чтоб сесть возле кромки стола.

Мы пьем, но никак не напьемся,
И водка ничуть не горчит.
То весело, звонко смеемся,
То мерно беседа журчит.

И пусть мы немножечко тесно,
Сплоченно сидим за столом —
Жизнь наша — прекрасная песня,
И спеть ее нужно светло!

1995.02.21

Монолог попутчика

423

Снова мне в командировку.
Проявив свою сноровку,
Собрался я в путь-дорожку.
Как всегда, без опозданий
Поезд двинулся в путь дальний .
В Симферопольском вокзале
Нам «Славянку» проиграли.
Я в купе вошел. Как дома.
Здесь все мило и знакомо.
Все попутчики на месте —
Сутки будем ехать вместе.
И под шутки, прибаутки
Мы знакомимся на сутки.
Познакомившись друг с другом,
Мы к столу веселым кругом
Собрались в одну семью.
Снедь нехитрую свою
И бутылки вин и водки, —
Путь-то все же не короткий, —

Каждый быстро достает,
В кучу общую кладет.
Мы изрядно окропились
И немного подкрепились.
Тут один попутчик мой,
Не старик, не молодой,
Человек интеллигентный
И собой вполне заметный,
Что сначала просто слушал,
Изливать свою стал душу.
Его сбивчивый рассказ
Привожу я здесь для вас.
Раз в дождливый выходной
Обсуждали мы с женой,
Что же делать нам со мной?
Оказалось, я такой
Человек совсем плохой.
Я и пью, и курю,
И жену свою дурю.
Ей подарков не дарю,
И обеды не варю,
Огород я не копаю,
На работе пропадаю,
Все науку продвигаю,
И, хоть жизнь я прожигаю,
Денег мало приношу,
Сына я не гоношу,
В магазины не хожу
И живу без куражу,
И белье я не стираю,
Хату я не убираю,
Других женщин не чурюсь,
Их любви все домогаюсь,
И жену все достаю,
С глупым сексом пристаю,
Как увижу вдруг раздетой.
В общем, типчик я отпетый.

И решил я лучше стать
И себя сам воспитать.
Пить, курить я сразу бросил.
Сына стал водить на тресе.
Чтоб всегда был на виду
И не вляпался в беду.
Дал всем женщинам отлуп,
Как заядлый однолюб.
Стал копать в огороде.
Домработницы стал вроде:
Стал квартиру убирать,
Щи варить, белье стирать.
Отказал и Крымским винам.
В общем, стал я семьянином.

Так мы жили три недели,
Друг на друга поглядели,
И сказала мне жена:
«Я в другого влюблена.
Легче мне стирать портянки
Для простого работяги,
Чем с тобой копать в чувствах
И трепаться об искусствах.
Понимаешь, дорогой,
Тот, другой, совсем другой.
Он всегда, как на коне,
И внимателен ко мне».

Я, как истинный мужчина,
Здесь искать не стал причины:
Нет любви — так удавись,
Иль спокойно удались.
Стал я снова обормотом,
Дон Жуаном, фатом, мотом,
И жена ко мне вернулась!
Говорит: «Я обманулась.
Понимаешь, дорогой,
Тот, другой, совсем другой.

Он какой-то весь двуличный,
Откровенно неприличный:
Хоть давно за мной тащился,
Стать мне мужем не решился.
У него жена и дети.
Я ему — как гвоздь в корсете».

Вновь, как истинный мужчина,
Я не стал искать причины.
В отношениях копать —
Как в болоте искупаться.
Вони много, толку мало.
А чтоб сердце не стонало —
Нет любви, так удались,
Иль спокойно удавись.
Стали жить мы снова вместе,
Точно куры на насесте:
Есть совместный теплый хлеб,
Есть совместный сладкий хлеб.
Только то, что раньше было,
В никуда, как сон, уплыло.

Март–октябрь, 1995

426

Боль

Лежу, свернувшись в комочек
Острой, пронзительной боли,
Ищу в бледных сумерках ночи
Признаков собственной воли.

Сознание дрожит и гаснет,
Боль все существо пронзает.
Как взрыв, затаенный в фугасе,
Пощады она не знает.

Прыгнуть, что ли, на стену,
Иль кинуться вниз за ставни?

Может, тогда эта стерва
Утихнет, меня оставит?

Судьба моя, шарлатанка,
Где ты по свету бродила?
Этой злой лихоманкой
Зачем ты меня наградила!

Лежу, свернувшись в клубочек
Острой, пронзительной боли,
И в серых сумерках ночи
Ищу в себе признаки воли.

1998.10.06

О смерти

На узкой тропе, где слева скала,
Справа крутой обрыв,
Я встретил Смерть, но она спала,
Я чудом остался жив.

427

Я встретил Смерть у железных ворот —
Нож сзади, грозя, кружил.
Но случай снова меня сберег,
Я снова остался жив.

Я встретил Смерть. Утверждала она,
Что сгинут мои слова.
Но реки текут, ил вздымая у дна,
А песня моя жива!

Пусть снова встречу я глупую Смерть,
Своего не избегнув венца.
Но жизни останется круговерть,
Которой не будет конца.

Декабрь, 1987 — октябрь, 1995

Биография

Жил. Торопился. К чему-то стремился.
Читал. Размышлял. Учился.
Повстречал. Размечтался. Влюбился.

Отслужил. Снова жил. Не сдался.
Между домом, работой метался.
Породил. Воспитал. Измотался.
Охладел. Разлюбил. Не расстался.

Написал. Доложил. Защитился.
Убеждал. Призывал. Не добился.
Ослабел. Заболел. Лечился.
Ни семьи. Ни судьбы. Опустился.

1998.10.11

428

Завещание

Жизнь моя, как снег весенний, тает.
Сколько мне судьба отмерит дней?
Эта книга пусть моим надгробьем станет:
Все, что пережил я, в ней.

1999.09.30

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ВНЕЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ ВО ВСЕЛЕННОЙ?

В.Г. Горшков

Многочисленные попытки обнаружения внеземной жизни во Вселенной до сих пор не увенчались успехом. Возникает вопрос, не существуют ли какие-нибудь косвенные данные, основанные на свойствах наблюдаемой на Земле жизни, которые могли бы свидетельствовать за или против существования внеземной жизни. К таким свойствам жизни относятся биологическая устойчивость популяции видов и сообществ, биотическая устойчивость экосистем, распределение поглощаемых биотой потоков энергии по организмам разных размеров и право-левая диссимметрия макромолекул клетки (Горшков В.Г. Энергетика биосферы. Учебное пособие. Л.: Ленинградский политехнический ин-т. 1982. 80 с.).

429

Хорошо известная со времен Пастера право-левая асимметрия естественного органического вещества на Земле, имеющего биологическое происхождение, т.е. продуцируемого организмами, заключается в следующем. Почти все сложные многоатомные органические молекулы не обладают симметрией относительно зеркального отражения и не могут быть после такой операции переведены в первоначаль-

ное состояние путем пространственных поворотов и перестановки тождественных ядер атомов. Данная молекула и зеркально отраженная, таким образом, различаются и называются киральными (или хиральными) молекулами, стереоизомерами, или энантиомерами (Руттен М. Происхождение жизни (естественным путем). М.: Мир. 1973. 412 с.). Вещество, состоящее из неравного числа правых и левых молекул, обладает оптической активностью — способностью веществ поворачивать плоскость поляризации проходящего через них света. (Смесь стереоизомеров, содержащая равное число правых и левых молекул (рецемат), не обладает оптической активностью). Стереоизомерами являются и определяющие скорость всех биохимических реакций биологические катализаторы—ферменты. Левый фермент, вообще говоря, может воздействовать на реакцию только с участием органических молекул с диссимметрией определенного знака, которые могут быть также названы условно левыми. Стереоизомерами являются нуклеотиды *G*, *C*, *A*, *T* — четыре буквы генетического алфавита, с помощью которых кодируется генетическая информация макромолекулы ДНК. Копирование генетической информации и устойчивость двойной спирали молекулы ДНК основана на известных свойствах комплементарности (химическом средстве) нуклеотидов: *G* образует устойчивую связь только с *C*, а *A* только с *T*. Комплементарность может иметь место только для кирально чистых нуклеотидов. Замена одного из нуклеотидов на кирально симметричный нарушает свойство комплементарности и, следовательно, способность ДНК к построению своих копий (Гольданский В.И., Кузьмин В.В. Спонтанное нарушение зеркальной симметрии в природе и происхождение жизни. «Успехи физических наук». 1989. Т. 157. № 1. С. 3–50). Поэтому очевидно, что природа, выбрав определенную киральную симметрию нуклеотидов для какого-либо вида животных организмов, должна в дальнейшем использовать только эту симметрию у всех особей вида, а также у особей других видов, связанных с ним эволюционным родством.

В то же время при полном зеркальном отражении — замене всех левых стереоизомеров, участвующих в реакции, правыми — реакция будет протекать точно так же, как и с участием только левых стереоизомеров. Это связано с симметрией электромагнитных взаимодействий относительно зеркального отражения.

Отсюда ясно, что все биологические организмы и органические вещества, служащие для них пищей, и, следовательно, все сообщества должны быть построены только из левых или только из правых молекул: наличие небольших примесей зеркально отраженных молекул тормозит или блокирует каталитические биохимические реакции и должно ликвидироваться в процессе эволюции в результате конкурентного взаимодействия (Кизель В.А. «Оптическая активность и диссимметрия живых систем». «Успехи физических наук». 1980. Т. 131. № 6. С. 209–238; Кизель В.А. Физические причины диссимметрии живых систем. М.: Наука. 1985. 120 с.; Горшков, 1982; Гольданский, Кузьмин, 1989). Пространственно совмещенные правые и левые сообщества могли бы взаимодействовать между собой только на автотрофном уровне — при поглощении света и зеркально симметричных неорганических соединений биогенов (CO_2 , H_2O , NH_3 и пр.). Правые и левые гетеротрофы занимали бы совершенно неперекрывающиеся ниши: левые растительные не ели бы правую растительность, левые хищники — правых жертв. Если считать, что зарождение жизни произошло на гетеротрофном уровне (Руттен, 1973; Ленинджер А. Биохимия. М.: Мир. 1976. 658 с.; Брода Э. Эволюция биоэнергетических процессов. М.: Мир. 1978. 304 с.), а использование света и автотрофный уровень возник на последующих стадиях эволюции, то первичные левые и правые гетеротрофы не могли бы взаимодействовать между собой вовсе. Возникшие впоследствии взаимодействия на автотрофном уровне должны были приводить к пространственному разделению правых и левых сообществ. Так как площади формирования локального сообщества и локальной экосистемы сравнительно невелики, то можно было бы ожидать частого чередования зеркально отраженных сообществ.

Если бы условия, пригодные для зарождения жизни, существовали достаточно длительное время или чередовались в виде последовательности периодов, (каждый из которых по масштабу был бы сравним с возрастом Земли, а характерное время, необходимое для возникновения жизни, было бы меньше суммарной продолжительности этих периодов, но больше длительности каждого периода), то должны были бы существовать левая и правая жизни различного эволюционного возраста, которые не могли бы конкурентно взаимодействовать между собой, тормозить или ускорять развитие друг друга.

432

Между тем вся биосфера состоит только из (условно) левых органических стереоизомеров (Ленинджер, 1976). Нет также никаких указаний на существование правых сообществ в сколь угодно удаленном прошлом (Кизель, 1980, 1985). Если первоначально развитие жизни происходило при равном количестве зеркально отраженных сообществ, то маловероятно, чтобы в результате конкурентного взаимодействия правые сообщества были вытеснены левыми во всей биосфере. Случайное исчезновение всех правых локальных сообществ столь же маловероятно, как и исчезновение всей жизни вообще.

Жизнь основана на катализе биохимических реакций, конкурентном взаимодействии и стабилизирующем отборе, предотвращающем распад ее организации. Поэтому не могли существовать живые рацематические протоорганизмы, тела которых построены из равного числа левых и правых стереоизомеров, а, следовательно, и не могло быть спонтанного нарушения симметрии (Николис Дж. Динамика иерархических систем. М.: Мир. 1989. 486 с.) в подобных протоорганизмах, приведшего к современной жизни. В противоположность этому симметрия строения тела некоторых естественных организмов может рассматриваться как спонтанное нарушение симметрии, возникшее в процессе эволюции и адаптации к определенному образу жизни. Однако симметрия тела возникает без нарушения наблюдаемой киральной чистоты молекул жизни (Касинов В.Б. О наследственности левой и

правой симметрии у ряски. «Генетика». 1968. Т. 4. № 11. С. 11–21; [Касинов В.Б. О симметрии в биологии. Л.: Наука. 1971. 48 с.]; Кизель, 1980, 1985) и не имеет к последней никакого отношения.

Различия в свойствах левых и правых стереоизомеров определяются только слабыми взаимодействиями, дающими ничтожно малые поправки ($\sim 10^{-20}$) к соответствующим электромагнитным величинам и приводящими к различию, например, энергии связи и скоростей химических реакций правых и левых молекул (Козлов М.Г. Несохранение четности в биологических молекулах. Материалы XIII зимней школы ЛИЯФ. Л.: ЛИЯФ. 1988. С. 256–277). Эти различия лежат далеко за пределами чувствительности биоты и не могут проявляться в областях, соизмеримых с радиусами скоррелированности естественных локальных сообществ и размерами организмов. Для того, чтобы слабые взаимодействия в результате случайных флуктуаций могли привести к исчезновению с лица Земли всех правых сообществ, радиусы скоррелированности сообществ должны были бы иметь огромные размеры, соизмеримые с размерами крупных экосистем или с размерами Земли (Козлов, 1988). Это противоречит наблюдаемой биологической устойчивости жизни, основанной на конкурентном взаимодействии не скоррелированных между собой локальных сообществ. Левые и правые стереоизомеры могут по разному функционировать в асимметричной окружающей абиотической среде. Однако наблюдаемая скудная относительная степень асимметрии окружающей среды (например, степень круговой поляризации поглощаемого растениями солнечного излучения) лежит также за пределами чувствительности конкурентного взаимодействия биоты и также не может дать определенных преимуществ правым или левым сообществам.

Нами сформулированы основные функциональные характеристики жизни (Горшков В.Г. Физические и биологические основы устойчивости жизни. М.: ВИНТИ. 1995, i–xxiii, 470 с.), позволяющие (в отличие от других физико-химических систем динамического равновесия) сохранять любой

сколь угодно высокий уровень организации и эволюционировать в направлении дальнейшего роста организации. Это образование популяции из почти тождественных, независимых и агрессивно (независимо от лимитирующего ресурса) конкурентно взаимодействующих между собой особей, способных к самокопированию, информация об уровне организации которых записана на молекулярных квантовых ячейках памяти. Квантованность информации позволяет иметь тождественные копии в достаточно большом наборе копий. Конкурентное взаимодействие позволяет удалять из популяции искаженные копии. Случайное появление более конкурентоспособных искаженных копий несет в себе возможность эволюции. Минимальный уровень организации должен включать информацию о необходимости образования популяции, агрессивном конкурентном взаимодействии между особями и их способности к самокопированию. Эти условия необходимы и достаточны для определения того, что обычно называют живой информационной структурой (Orgel L.E. Molecular replication. "Nature". 1992. V. 358. pp. 203–209).

Проблема происхождения жизни связана с современными данными о происхождении Вселенной. В раздувающейся нестационарной Вселенной жизнь не могла существовать всегда, а должна была возникнуть после прохождения стадий синтеза средних и тяжелых элементов (Шкловский, 1987). Возникновение живой информационной структуры могло произойти случайно только в результате физической флуктуации в добиологической среде. Образование популяции, агрессивное конкурентное взаимодействие и копирование представляют собой упорядоченные процессы, которые могут поддерживаться только питанием во внешних потоках энергии. Первичные живые информационные структуры могли использовать в качестве питания энергию Солнца и химическую энергию неорганических и добиологических органических соединений в окружающей среде.

Доказана возможность абиогенного синтеза многих органических веществ, не обладающих киральной чистотой, най-

денных в метеоритах (Руттен, 1973; Шкловский, 1987; Engel M.Y., Macko S.A., Slifer J.A. Carbon isotope composition of individual amino acids in the Murchison meteorite. "Nature". 1990. V. 348. pp. 47–49). Обмен энергией и веществом является важнейшим свойством всех физических систем динамического равновесия и характерно для всех абиотических процессов на земной поверхности под действием солнечного излучения и в недрах Земли под действием геотермальной энергии. Копирование (саморепликация) молекулярных структур достаточно часто встречается в физико-химических системах. Любая автокаталическая цепная реакция, в которой продуктом реакции является катализатор, ускоряющий течение реакции, может рассматриваться как производство копий ранее отсутствовавшей упорядоченной структуры — молекулы-катализатора.

По-видимому, основным в проблеме зарождения жизни является вопрос о том, произошло ли зарождение жизни на микроскопическом или макроскопическом уровнях. Зарождение жизни на микроскопическом уровне означает, что произошла физическая флуктуация с образованием одной единственной полимерной самореплицирующейся молекулярной структуры, в которой случайно оказалась информация о способности к агрессивному конкурентному взаимодействию. После образования популяции таких молекулярных структур в результате их саморепликации включилось конкурентное взаимодействие, которое сделало популяцию устойчивой. Так как первоначально возникшая полимерная молекулярная структура с перечисленными свойствами должна быть кирально чистая, то наблюдаемая киральная чистота жизни есть прямое следствие этого единичного акта самозарождения жизни.

Другим подходом к проблеме жизни является поиск последовательности фазовых переходов физической самоорганизации в макроскопической системе динамического равновесия. При этом основной целью является получение киральной чистоты возникающего самоорганизованного состояния.

Образование кирально чистых, способных к саморепликации полимерных молекул (лишенных заданного информационного содержания) может происходить в фазовых переходах спонтанного нарушения зеркальной симметрии в системе мономеров с последующим образованием кирально чистых, способных к саморепликации полимеров при достижении внешним потоком энергии и вещества определенного критического значения (Морозов Л.А. Спонтанное нарушение зеркальной симметрии как аспект биохимической эволюции. «Докл. АН СССР». 1978. Т. 241. № 2. С. 481–484; Гольданский, Кузьмин, 1989; Avetisov V.A., Goldanskii V.I. Chirality and the equation of “biological big bang”. *Phys. Lett. A*. 1993. V. 172. N 6. pp. 407–410). Существование спонтанного нарушения симметрии в абиотических условиях на Земле и в космосе доказывается наблюдением больших отклонений от рацемического состояния в веществе земных недр и метеоритов, которые не могут быть объяснены слабыми взаимодействиями (Руттен, 1973; Кизель, 1980, 1985; Шкловский, 1987; Eugel et al., 1990). Однако без возникновения информации об агрессивном конкурентном взаимодействии полученная самоорганизация неизбежно распадается, и зеркальная симметрия системы восстанавливается при уменьшении потока энергии ниже критического значения.

Агрессивное конкурентное взаимодействие представляет собой весьма сложное поведение, которое определяется большим запасом информации. Эта информация должна быть где-то закодирована, например, в цепи последовательных фазовых переходов в различные самоорганизованные состояния. Чрезвычайно малая вероятность осуществления подобной последовательности определяется именно информационным содержанием, связанным с агрессивным поведением, а не с киральной частотой. Эта вероятность остается одинаковой при микроскопическом и макроскопическом зарождении жизни и соответствует, как показано выше, единичному акту зарождения жизни не только на Земле, но и во всей Вселенной. При единичном возможном акте как микроскопического, так и макроскопического зарождения жизни

ее наблюдаемая киральная чистота является прямым следствием этого.

Макроскопическое зарождение жизни в состоянии спонтанного нарушения зеркальной симметрии может объяснить наблюдаемую киральную чистоту жизни и при любой вероятности ее зарождения, но только в предположении, что однажды возникнув в этом состоянии, наблюдаемая левая жизнь мгновенно изменила условия в глобальных масштабах, и в дальнейшем уже нигде не возникали новые физические состояния со спонтанным нарушением симметрии и возможность зарождения правой жизни. Если считать, что физические условия спонтанного нарушения симметрии — явление достаточно часто встречающееся в земных условиях до возникновения жизни, то нет никаких оснований предполагать, что такие же условия не возникали где-либо и после возникновения жизни вплоть до настоящего времени. Очевидно, что вновь зародившаяся левая жизнь должна быть вытеснена существующей левой жизнью. Однако вновь зародившаяся в этих современных условиях правая жизнь могла бы развиваться независимо от левой. Отсутствие правой жизни, по-прежнему, указывает на единственность акта возникновения жизни. Поэтому макроскопическое зарождение жизни с точки зрения увеличения оценки ее вероятности, по-видимому, не имеет никакого преимущества по сравнению с микроскопическим.

В физике и химии события считают вероятными в том случае, если число испытаний в реально мыслимом эксперименте можно довести до величины, в которой вероятность осуществления события становится равной единице. В противоположном случае событие считается невероятным, а его вероятностная оценка — ненаучной (Николис Г., Пригожин И., Самоорганизация в неравновесных системах. М.: Мир. 1979. 512 с.; Шкловский, 1987). Однако в биологии все события, связанные с эволюционным возникновением новых видов, невероятны по этому определению, ибо за всю историю жизни, соизмеримую со временем существования Вселенной, ни один вид не возникал дважды. А ведь между

родственными видами существует преемственность, и они различаются лишь одним процентом генетической информации. Можно предполагать, что возникновение самой жизни — событие не намного более вероятное, чем возникновение конкретного биологического вида. Попытаемся оценить эту вероятность.

438 Для грубой оценки вероятности микроскопического зарождения жизни во Вселенной необходимо сделать какие-либо предположения о ее полимерной молекулярной структуре (Эйген М. Самоорганизация материи и эволюция биологических молекул. М.: Мир. 1973. 216 с.; Николис, Пригожин, 1979; Orgel, 1992). Несмотря на происходящую эволюцию и вымирание видов, все уровни организации, когда-либо возникавшие в истории жизни, включая самые «примитивные» — бактерии и вирусы — сохранились до наших дней. Поэтому, естественно считать, что соответствующая полимерная информационная молекулярная структура могла быть построена из мономеров, не обязательно совпадающих с наблюдаемыми сейчас нуклеотидами, но не могла быть меньше существующих белков и генов. Будем предполагать, что первичные молекулярные мономеры присутствовали во Вселенной с вероятностью порядка единицы на протяжении всего времени существования Вселенной. Чтобы избавиться от учета вырожденности генетического кода, оценку можно провести для простейшего белка. Простейшие белки состоят из сотни аминокислот (Айала Ф., Кайгер Дж. Современная генетика. М.: Мир. 1987–1988. Т. 1–3. 1008 с.). Число возможных комбинаций в последовательности ста аминокислот составляет $20^{100} = 10^{130}$; в каждом сайте белковой цепи с равной вероятностью может стоять одна из 20 используемых жизнью аминокислот (Эйген, 1973). Полученная цифра превосходит число возможных взаимодействий всех атомов Вселенной ($\sim 10^{77}$ атомов) с объектом молекулярных размеров в течение характерных атомных времен ($\sim 10^{-17}$ сек.) за все время существования Вселенной ($\sim 10^{17}$ сек.), которое не превышает 10^{110} (Аллен К.У. Астрофизические величины, М.: Мир. 1977. 446 с.).

Поэтому спонтанное образование жизнеспособной молекулярной структуры не могло произойти во Вселенной более одного раза. Более того, если представить себе процесс множественного образования вселенных, аналогичных нашей с теми же значениями основных физических констант, допускающих образование химических элементов, звезд, подобных Солнцу, и планет, подобных Земле (Розенталь И.Л. Физические законы и численные значения фундаментальных констант. «Успехи физических наук». 1980. Т. 131. № 6. С. 239–256, 1980; Шкловский, 1987), то жизнь могла бы возникнуть далеко не в каждой из этих вселенных.

Однократное возникновение жизни во Вселенной, вообще говоря, не означает, что существует только Земная жизнь. Возникнув в определенном месте Вселенной один раз, жизнь затем могла быть разнесена по различным участкам Вселенной и эволюционировать в них независимо. В этом случае все очаги жизни во Вселенной должны были иметь единую биохимическую организацию. Такая возможность многократно обсуждалась в литературе (Шкловский, 1987). Однако транспортировка жизни на межзвездные расстояния с сохранением жизнеспособности, по-видимому, нереальна по очень многим причинам. Главные из этих причин — разрушение генетической информации космическим излучением во время полета (Шкловский, 1987) и распад генетической информации при попадании в неестественную экологическую нишу после «приземления» на другую планету. Транспортировка целого сообщества организмов, способного создать локальные, приемлемые для жизни условия имеет вероятность, сравнимую с оцененной выше вероятностью спонтанного происхождения жизни. Поэтому в настоящее время все имеющиеся эмпирические данные, включая наше рассмотрение, свидетельствуют о единственности земной жизни во Вселенной и невозможности появления каких бы то ни было «пришельцев» из космоса.

439

Такова точка зрения В.Г. Горшкова.

В нашей с А.Б. Горшковым книге 2017 года «Система информационного обеспечения и поддержки научных исследо-

ваний по физико-математическим наукам» мы приводим точку зрения другого специалиста по внеземным цивилизациям и контакту с ними, Б.Н. Пановкина.

Астроном-философ-математик, Борис Николаевич Пановкин выводит за рамки своих рассуждений возможное отсутствие внеземных цивилизаций. Он исходит из допущения, что «пусть они есть». Однако в своих статьях он развивал мысль, что космические цивилизации не смогут разглядеть друг друга, не говоря уж о том, чтобы понять, общаться, вместе развиваться, оплодотворяя друг друга знаниями. Борис Николаевич считал, что мир, как таковой, не имеет никакой структуры, он представляет собой нерасчлененное единство и, следовательно, не содержит никаких объектов. Членение мира, выделение в нем каких-то объектов производится сознанием. В какой-то мере это совпадает с понятием базы данных и извлечения из неё информации с помощью запросов. Поговорим подробнее.

440 Известный специалист в проблеме поиска внеземных цивилизаций (ВЦ) Лев Миронович Гиндилис в своей статье «Б.Н. Пановкин — пионер SETI» пишет, что Б.Н. Пановкин стоял у истоков становления SETI (Search for Extraterrestrial Intelligence) в нашей стране. В 1963–1964 гг. он был ученым секретарем Совета по радиоастрономии (а именно радиоастрономии принадлежала в то время ведущая роль в попытке приема и установления контакта с ВЦ) и активно участвовал в организации и работе Первого всесоюзного совещания по проблеме внеземных цивилизаций (Бюракан, 20–23 мая 1964 г.).

С начала 1970-х годов Борис Николаевич начал выступать на конференциях, семинарах, совещаниях с утверждением о невозможности контакта между цивилизациями по каналам связи. Возможно, на этот вывод его натолкнула книга Станислава Лема «Сумма технологии», в переводе которой на русский язык он принимал участие (Лем С. Сумма технологии. М.: Мир, 1968. 608 с.). Этим он как бы подрывал основы проекта SETI, заключающиеся в поиске и последующем контактировании с внеземными цивилизациями.

Борис Николаевич обосновывал свое утверждение особым философским представлением о Мирах как единой, «нерасчлененной реальности». Каждая внеземная (космическая) цивилизация вычленяет в нем отдельные объекты, связанные с её познавательной деятельностью. Одна — одни, другая — другие. Зависит это от того, где и в каких условиях обитает ВЦ, на чем основана природа ее жизни, ее рецепторы и т.д. Поэтому их понятия об объектах, средах и представлениях о других цивилизациях могут кардинально отличаться от наших. Следует говорить, считал Пановкин, что Мир в целом можно разделить на объекты, но это деление на предметы различно у различных субъектов познания. Т.е. возникшие и независимо развивающиеся внеземные цивилизации будут иметь «непересекающиеся системы понятий». И он делает вывод, что контакт невозможен вне общей производственной деятельности внеземных цивилизаций по преобразованию окружающей среды. Он полагал, что только при прямом и длительном контакте между цивилизациями они в процессе практической деятельности могут выработать общие представления о мире и общую систему понятий. Но вне практической деятельности по преобразованию мира установить контакт (в частности, только по каналам связи) невозможно.

Б.Н. Пановкин, привлекая понятие Мира как единой «нерасчлененной реальности», утверждал, что «познающий субъект», каковым в данном контексте является космическая цивилизация, накладывает на эту нерасчлененную реальность свою, присущую ему сетку восприятия, которая выработалась в процессе филогенетического развития. И таким образом вычленяет из единой нерасчлененной реальности те объекты, которые являются предметами изучения данной цивилизации (познающего субъекта). У различных цивилизаций различные сетки восприятия, и они вычленяют из Мира совершенно другие предметы (объекты) и изучают взаимоотношения между ними. Он считал, что различие в исходных понятиях определяется не только тем, что мы смотрим на мир через различные «фильтры», и они по разному

«окрашивают» наблюдаемые объекты, а в том, что в открывающейся нам реальности нет никаких общих образов (предметов). Нет, потому что предметы, вообще, не существуют объективно, а лишь определенным образом вычлняются из нерасчлененного исходно Мира самим субъектом познания. Можно себе представить такую аналогию. Пусть Мир как целое существует в многомерном пространстве. Его проекция на какую-либо координату дает одномерную проекцию — представление о нем какой-либо цивилизации. И только объединив все проекции можно составить объемный облик Мира.

442 Аналогию здесь можно провести с базой данных (БД). Понятие о её наполнении можно получить только через определенные запросы. Составляя запрос, мы как бы закидываем сеть, которая состоит из ячеек. И от нас зависит, попадет ли рыба в сеть или уплывет через дырки. Запрос — это фильтр, который дает представление об одной стороне базы данных, другой запрос — о другой, и полная её выгрузка не может дать представление о самой базе данных, т.к. наполнение её рассыпано и собирается только по конкретному запросу. Т.е. сама база данных представляет собой «нерасчлененную реальность» в терминах Б.Н. Пановкина.

Борис Николаевич Пановкин

Послесловие

444 **Н**аверное, некоторые, а может быть, и многие читатели будут шокированы тем, что вошло в книгу. Эти шокирующие подробности принадлежат Гавриле Сергеевичу. Он был неординарным человеком и сильно повлиял на астрономическое сообщество 1960–1990-х годов. Поэтому я решил дать ему возможность высказаться. Да он и сам этого хотел. Он даже записал обращение к нам, фото которого я привожу справа. Он всё сказал, сказал своими дневниками, отрывки из которых я обильно привел, и этой запиской, а как отнесетесь к этому Вы — ему уже не узнать.

В какие-то события, описанные в книге, я был вовлечен, во многие — вовлечен ГС. Цитаты из его дневников заковычены с указанием даты, когда записаны. Это поможет разобраться, при желании, в их последовательности, а главное, в последовательности событий, их интерпретации ГС и изменениях его характеристик своих знакомых. Как правило, эти характеристики проходят путь от хороших либо нейтральных до негативных. Такой уж он был человек. Несмотря на острые, зачастую за гранью фолы высказывания, ему не была присуща злобность. Так он видел людей и собы-

Тем, кого это касается :

Я, Хромов Гавриил Сергеевич настоящим заявляю, что я никогда ничего не делаю на зло другим — во всяком случае — сознательно. Более того: я считаю это неспособностью и пренебрежимым делом.

Я не люблю так же оскорблять других — даже тогда, когда эти другие того заслуживают.

В соответствии со сказанным, мне хотелось бы, чтобы и меня не обижали неслужебными подозрениями и, по возможности, не провоцировали на эмоциональные вспышки.

03.09.11.
11.10.12.

тия. И всю жизнь ему была присуща вовсе не злоба, а высокомерие и поразительное чувство собственной значительности и непогрешимости. Не зря же в дневниках присутствуют такие фразы: «Сегодня сдал блестящий, с моей точки зрения, и одним духом написанный документ», «Видно, я и впрямь чего-то стою. Бумага ... возможно, — доберется до Байбакова», «набросал схему организации нашей науки на общечеловеческих началах», «Ай да Хромов, ай да сукин сын! Год и 4 месяца работы. ... Работа, к которой я шел, по сути дела, всю жизнь, в которую вложил весь свой опыт, знания ... весь свой литературный дар». Или: «Такая работа, с такой пронзительной патриотичностью, найдет издателя». Окружающие смотрели на него кто с юмором, а вот кто и с плохо сдерживаемым сарказмом или даже раздражением — не любили. За спиной подшучивали над ним или зло высказывались. Это же отмечает и его однокурсница О.Б. Длужневская в своей книге: «в Люсю [Панову] был влюблен Гарик Хромов, державшийся всегда солидно и даже высокомерно и, тем не менее, служивший героем нескончаемых «баллад», сочиняемых, как правило, Борей [Вайнманом] и неизменно начинавшихся классическими словами: „Служил Гаврила ...“». Ну очень уж удобное было у него имя для подначек. Как будто специально родители его им наградили. Другое такое же «удобное» имя не скоро и вспомнишь, разве что «Дуня», впрочем, есть еще «Мойша» или «Сара», постоянно встречающиеся в анекдотах.

ГС любил заниматься неподъемными делами, как он сам считал, теми, которые не могут сделать другие — никто: «мой „интеллектуальный“ размах превзошел то, к чему привыкли в Минвузе», «на пределе моих интеллектуальных возможностей, от чего ещё интереснее», «кроме меня, такой [документ] сейчас никто написать не способен» и т.п. Возможно, что такая установка помогала ему остаться на плаву в своих глазах и не поддаться депрессии. Ведь он всю жизнь пытался стать над средой, стать тем человеком, которым от природы не был. Не было дано. Но все-таки, поддержка уверенности в себе, несмотря на жизненные невзгоды, помогала ему.

Впрочем, причина всех его невзгод и жалоб на «изломанную свою судьбу» — в нем самом. Но этого Гаврила Сергеевич никогда не признавал, хотя и «дорого приходится расплачиваться за наивность и иллюзии», ханжески заключает он. В общем, ГС либо во время учебы в Университете, что видно из книги О.Б. Длужневской, либо даже раньше, определил для себя как жить, кем, собственно, он должен быть, и с тех пор уже старался следовать раз и навсегда выбранной «программе». А программа эта заключалась в устойчивом неприятии действительности с ее обыденностью и закоснелостью, с ее правилами. ГС обособлял свою жизнь от действительности, и с помощью категоричных постулатов типа «стремление служить отечеству», «постоянное соразмерение ситуации с тем, что я считал честью и благом Родины» или «хотел спеть лебединую песню на благо Отечества и во имя справедливости» стремился прожить ее (жизнь) как считал нужным. Он замыкался в границах, изолирующих его от «суетного скопища», в котором ему приходилось жить. Был погружен в виртуальный мир, где всем остальным отводилась роль исполнителей его указаний. Всю свою жизнь он пытался прыгнуть выше головы, что видно из его дневников, высказывания из которых приведены в книге. Получалось очень редко. Да и получалось ли? Мне кажется, нет.

На его примере можно посмотреть, как непомерные амбиции разрушают жизнь.

«Я, кажется, понял, что происходит у меня с женщинами: я полностью подчиняю их с самого начала, обрушивая весь свой шарм, интеллект и знания. А это впечатляет, тем более, что мне доставались, в общем-то, заурядные женщины. Незаурядных я сам сторонюсь, чисто интуитивно, боясь (м.б. глупо) диктата с их стороны» (13 июля 1983 г.). На мой взгляд, ГС привлекал женщин, впрочем, их было немного, не шармом, интеллектом и т.д., а профессорской семьей, квартирой в Главном здании МГУ, видимой обеспеченностью, транслируемой вовне уверенностью в своем положении, кажущейся стабильностью и надежностью, ну и, конечно, солидностью. Вскоре выяснялось, что он слушает только себя,

любит поучать других, всё-то он знает, эгоистичен до предела, его познания поверхностны, кроме узких профессиональных тем, и — все вокруг дураки. А декабристок мало, и они ему не попались в жизни.

Не чужды ГС и угрызения совести. Вот после смерти матери: «Оказываюсь днем один в пустой и сумрачной зимой квартире. Даже хочется заорать: „отзовитесь, кто-нибудь!“ Бедная мама! Ну, каково же ей было, когда я там [в Кацивели] прохлаждался! Ну, а что же было делать — мне тоже сваливаться с катушек? Я ведь вынес 9 месяцев около нее и, вероятно, просто подарил ей эти месяцы жизни. А в итоге: только мучения» (27 нояб. 1983 г.).

448

И как окружающим трудно, в конце концов, принять его таким, каким он есть. Ему не катастрофически не везло, а всё было predetermined его характером, да и образом жизни, который он не хотел менять. Это касалось и его работы в Астросовете, и второго пришествия в ГАИШ, где он даже не имел рабочего стола, и в ВИНТИ, где он сам определил себе правила работы. В конце жизни он научился мимикрировать, но внутри остался всё тем же.

При желании любой человек на разных отрезках своей жизни, а особенно в возрасте, когда виден конец, мог бы написать несколько своих биографий. И они бы различались в зависимости от настроения или установок при написании. Важно, что они были бы объединены одинаковостью фактических данных, если, конечно, правдиво описывать события, то есть без приукрашивания. Таковы, на мой взгляд, дневники ГС. Их он писал от себя и для себя, комментировал события для себя, высказывался о друзьях и коллегах для себя и на свой субъективный взгляд. Никогда не переписывал, лишь иногда добавлял подробности в линейном повествовании о произошедших событиях и своем взгляде на них. Но, главное, в них присутствуют фрагменты событий, фактические данные нашей астрономической жизни, о которых многие из нас забыли, но теперь вспомнят и согласятся, либо, скорее всего, не согласятся с их интерпретацией ГС. Он все-таки сильно смещал акценты, не имея желания обузывать

свой характер. И чувства вины он никогда не испытывал, а лишь взывал: «Господи! За что караешь?». Вину за неудачи Гаврила Сергеевич всегда возлагал на эпоху, других людей, иногда — на стечение обстоятельств, но никогда на себя, потому что действовал по своим постулатам. Он не заметил, что утратил изначальную идентификацию успешного, удачливого человека. Он продолжал карабкаться, но уже с неподходящими средствами и в неверном направлении. И, как результат жизни: «Меня забывают» (17 июля 2013 г.). Ну что ж, разведем руками. Бог ему судья. Тем более, что он часто к нему взывает: «Чем согрешил я, Господи? За что испытываешь?» (04 июня 1984 г.). «Господи, вразуми и укрепи» (07 июля 1984 г.). «Господи! За что караешь?» (01 апр. 1986 г.). «Чем прогневил я тебя, Господи?!» (04 июля 1986 г.). «На Господа уповаю» (11 сент. 1987 г.). «Виноват, Господи, в гордыне моей!» (30 янв. 1988 г.). «Плохо быть атеистом. Неуютно и печально, безнадежно» (01 авг. 1994 г.). И вот ответ самого ГС на злободневный и часто повторяющийся вопрос: «За что караешь, Господи? Ответ я, кажется, знаю: за смертный грех гордыни. Не знаю только, кто бы это был вместо Г.С. Хромова без этого опасного качества?» (29 июня 2007 г.). Но ответ ли это?

449

12 июля 2007 года Гавриле Сергеевичу исполнилось 70 лет. «Ну вот, я и разменял 8-й десяток лет... В. Шамаев принес адрес от ВИНИТИ... 40-летний [юбилей] я не заметил, 50-летний встретил с легкой грустью, 60-летний — с удивлением, а вот 70-летний — с недоумением и возмущением» (15 июля 2007 г.). Жизни осталось еще 6 лет, но о 75-летнем юбилее записей уже нет. Впрочем, нет, есть запись. Про 75-летний юбилей ГС обреченно написал только, что: «Ну вот, и «разменял» я три четверти столетия! ... Что ж: будем жить дальше!» (13 июля 2012 г.). Юбилей был отмечен «Астрономическим календарем 2012», который напечатал заметку к этой дате. Гаврила Сергеевич уже тяжело болен. Жить осталось полтора года.

Как-то Анатолий Владимирович Засов сказал: «С годами со старостью приходит мудрость, но бывает, что без последней». К кому-то из нас это можно отнести.

Академик В.А. Гинзбург, о котором Гаврила Сергеевич отзывается уважительно, насколько это ему свойственно, говорил: «О мертвых либо ничего, либо правду». В одной из книг Э. Лимонова («Книга мертвых») о том же, но другими словами — это я уже писал в главе «Вот и всё...» на стр. 288. Этот фрагмент знаком был и Гавриле Сергеевичу. Мы с ним такую постановку обсуждали, и он с ней соглашался и даже поддерживал. Надеюсь, что и книга этому следует, хотя и «правда» — от Гаврилы Сергеевича, с некоторыми моими комментариями.

В дневниках есть такая пророческая запись, обращенная, как получается, ко мне: «Разбираю очередные папки родительского архива и впадаю в меланхолию. „И все они умерли...“ Ах, кто-то и как-то будет или не будет в свое время разбирать мои бумаги!» (11 янв. 1992 г.). Будем считать, что это еще одна причина написания этой книги, впрочем, и не последняя.

450 Свои воспоминания и взгляды на личность Гаврилы Сергеевича и на описанные события я привел в книге — воспользовался привилегией автора, а по отношению к дневникам ГС — привилегией (диктатом) составителя его высказываний. Явление ГС уникальное в своем роде и, думаю, достаточно интересное, чтобы быть описано подробно. Оно дает возможность лучше узнать жизнь двух астрономических учреждений и, вообще-то, жизнь научной среды.

В заключение отмечу, что я ни с кем не консультировался, лишь изредка уточнял в беседах с персонажами какие-то детали. В противном случае книга была бы иной, думаю, выходящей. И ясно почему.

P.S., 1971–1977

451

А в заключение приведу записи из дневников Гаврилы Сергеевича первых нескольких счастливых лет в Астросовете на новом месте работы. Как радостно ему было, и с какими надеждами поехал он отдыхать на ЮБК в свой любимый поселок Кацивели, конечно, не представляя, что его ждет впереди. Ничего он тогда ни про себя, ни про свою судьбу не знал. Это ведь только через десять лет он напишет: «Вспоминаю, что я же сам искусил судьбу. Как-то, много лет назад, на вершине астросоветовской карьеры, лежа на своем диване, я, вечером, с тоской подумал, что очень уж все скучно; сейчас то, потом, как по рельсам, очередное — степени, звания. И все уже ясно и, вроде бы, гладко...». Это написано в 1982 году о начале 1970-х. И в очередной раз подумаешь, что плохой провидец ГС.

В начале тетради, взятой для дневника, он пишет, что начинает «хроники». Наверное, так и было на протяжении 1971–1977 гг. Поэтому эти годы и вынесены мною в отдельную главу. Все они поместились в одну большую тетрадь. Помните такую — на 96 листов в формате А4. Далее пошли Дневники.

Вот эти записи.

«ДЯ [Мартынов] поймал её [ЛВ] по дороге в ГАИШ и расколол насчет моих планов перехода в АС [Астросовет]. Меня это встревожило, хотя причин особых нет. ... Всё ещё не могу поверить в реальность этого. Чувствую себя как пушкинский Годунов, вступающий на царство. ... Может, было бы легче, коли я уже был бы доктором».

452 Вот то, что ГС не был доктором, а влез на вершину, в астрономические и академические верхи и занялся их переустройством, его и сгубило. На самом-то деле никто его не воспринимал серьёзно, а он всерьёз решил бодаться с академиками. Сам он объясняет переход в Астросовет тем, что его коробит «... сознание унижительной зависимости от всякой мелкой швали, всяких этих Фурсовых, Ягодкиных. Тьфу». В беседе с ДЯМой: «Я подчеркивал, что иду не в поисках лучших возможностей для научной работы, а на административную голгофу. ... Строго говоря, подъем уровня всей нашей астрономии хотя бы на 10–20%, если он произойдет в результате моих усилий, уже превысит всё то, что я мог бы дать своей науке, целиком предавшись чисто научным занятиям» (02.11.1971). ГС для себя оправдывается, но на самом деле ему очень хочется «поруководить». Здесь он чувствует своё призвание и предназначение.

«Ездил общаться с Сагдеевым. ... Я долго объяснял Сагдееву трудности создания такого совета [в который входит все от внеатмосферной астрономии до гравитации (Зельдович, Петров, Новиков!)] (нет опыта и в малом, нужен аппарат, мощность которого пока трудно определить и т.п.). Кажется, убедил, а он, в свою очередь, видимо, убедил Арцимовича. Сагдеев — с виду, а наверное, и по сути — милый парень. Без всякой надутости. ... Он мне понравился и, видимо, я ему тоже» (26.11.1971).

Ещё не перейдя в Астросовет, «мы с Мининым писали план и структуру реорганизованного АС — в значительной мере в согласии с моими самыми старыми памятками. Научные подразделения — отсекаются. Совет разгоняется и собирается

вновь без старья и хлама и т.п.» (08.12.1971). «Володя [Минин] сказал, что намётки реформ показывали Мустелю и он со всем согласился, так же как и Масевич. Это подтверждает мои интуитивные догадки о решении А.Г. [Масевич] сыграть в кусты и уйти в тихую научную заводь. Умна!». ... «Был доклад Шкловского — что-то об остатках SN. Я очень давно его не слышал, как он говорит об оригинальных работах, и поразился снижению уровня. Нервозность крайняя. Нет чистой логики. ... Явно сдаёт. ... А в ИКИ его в конце концов съедят, причем собственные сподвижники» (08.12.1971).

«За последние дни 71 года ряд ГАИШевских пьянок. В том числе одна в директорском кабинете. Всего много и всё вкусно. Старалась Милочкина мама. После, пожалев Д.Я., спрашиваюсь к нему помочь поставить ёлку. Тяжело: ёлка — два старых, желтеющих крысиных хвостика, воткнутых в кошkin песочек. На стене — портрет Евгения [умершего сына ДЯ], большой. Тихо ходящая, вздыхающая и явно слегка не в себе Таисья Диомидовна. Последняя ещё пилит старика за недостаточное внимание к внучке, которая и была взята — де — по его настоянию, чтобы привить все хорошие зачатки. Д.Я. очень спокойно и терпеливо отбивается, скрупулезно перечисляя те часы, которые он провел с внучкой и проведет завтра. Легкое и тихое извинение передо мной Т.Д. Меня как бы считают за своего. Чай — вдвоем с Д.Я.; обычные разговоры. „А хотите, я завещаю Вам свои дневники?“ Хочу» (11.02.1972).

Кому впоследствии были завещаны дневники — мне неизвестно. Частично, до 1954 г., они вышли книгой «50 лет у телескопа». Дальнейшее, по слухам, не издается, «так как еще живы участники», а ведь такие вещи в основном и интересны только участникам и современникам. Выдержки из них до 1972 г., составленные им самим, я видел в оригинале, последующие, по слухам, выбросили из 73 комнаты ГАИШ при ремонте. Именно «по слухам», т.к., может, они и ждут ухода последнего «участника». Интересны ли они будут кому-либо — вопрос. Книга воспоминаний ДЯ «Полвека у телескопа. Казанский период (1922–1954)» мне показалась

уже малоинтересной, я не был свидетелем тех событий, а изложение в ней суховато.

«Скромно отмечаем 10-летие нашей с Лидой „свадьбы“. 9 января 1962 года она вдруг [неожиданно] для всех приехала ко мне... Боже, уже 10 лет! Нет, не как один день! Но как ровно. Всё же нам повезло друг с другом (тьфу, не сглазить). А ведь по статистике — каждый 3-й брак кончается разводом».

«Наблюдение. Боярчук — это Мустель будущего» (14.02.1972).

454 Головной совет в Ленинграде. «Бесцветный доклад Шукстовой. Бесконечное мусоление вопросов об учебных планах, часах и т.п. ... Мой доклад — как обычно, т.е. хорошо. Слушать собрались все ленинградцы. Отголоски потом дошли из Пулково. ... К сожалению, никто из заседавших так и не смог подхватить идеи. Ограничились мелкотравчатой резолюцией, составленной бездарно (Кононовичем) и целиком перечерканной при обсуждении» (25.02.1972).

«Соболев дал согласие председательствовать в СПАК при условии, что я буду заместителем» (02.03.1972).

На Общем собрании Академии: «В кулуарах: ласково-въедливый Гурштейн, озадаченные грядущим разделом ВАГО Бронштэн и Луцкий, элегантный и непроницаемый И. Новиков. Мустель: „Г.С., мы все Вам будем помогать с докторской диссертацией! Только скажите, что нужно. Все сделаем!“ Скорбный, с бабьим лицом, Озерной. ...

Впавший в уныние от всего этого Соболев: „А не отказаться ли от этого СПАКа?“ Упрекнул его в недостатке мужества. — Проглотил. ... В субботу вечером принимали дома Х. Альфвена с женой ... Сильно они сдали за последние 6 лет, что мы не виделись. Хотя энергия та же» (05.03.1972).

Уже один только слух о назначении Г.С. замом председателя АС вызвал реакцию. «Одним из результатов явилась как-будто бы некоторая активизация моих (сколько их, я не знаю) „друзей“. Во всяком случае, В.В. Подобед уже предупредил меня по-дружески о каких-то заговорах. Реакция Шкловского (со слов Мороза): Я же говорил Вам, Вася, что

этот подонок рвется к власти ... Эпитет меня обидел: я что угодно, но только не подонок» (12.04.1972).

«Кроме того, он [Шкловский] ринулся, с воплем „почему со мной не посоветовались ...“ к Арцимовичу. Сей мудрый и много повидавший муж резонно ответил, что де вы против, а есть и которые „за“. Подождём и посмотрим. Если будет плохо работать, то сменим. С тем „гигант мысли“ и выкатился ... Чему могу радоваться — так это безупречному поведению В.А. [Минина], которому считаю себя многим обязанным и равно безупречному отношению ко мне А.Г. [Масевич]. ... Моя сила, видимо в честности, позитивной программе и всё-таки в трезвом уме» (17.04.1972).

«С 20-го я в Астросовете. ... Сейчас я занимаюсь тем, что пишу что-то вроде общей теории координации научной работы. Пока получается скверно. Публика в АС, по-моему, встретила меня несколько настороженно, тем более, что многим, видимо, ещё не вполне ясно, кто я и зачем. А.Г. не торопится с представлением. М.б. считает, что это должен сделать Э.Р. [Мустель], а м.б. сознательно, ибо ей должно быть не очень приятно иметь рядом сотрудника номинально того же ранга. Впрочем, со мною она достаточно мила и как будто откровенна. Ольга Длужневская [однокурсница] поначалу встретила меня несколько настороженно, но после дня, проведенного в совместных сидениях и разговорах, будто бы тоже оттаяла. ... Встретился ненароком с Я.Б. [Зельдовичем] „Ну, теперь Вы всё будете разгонять? Только, знаете, не трогайте теоретиков, хотя бы потому, что они тратят мало денег“ ... Впоследствии В.В. выяснила у него по моей просьбе, не хочет ли он войти в Совет. Отрицательно: не видит для себя пользы и не хочет быть под Масевич и Мустелем. ... Лидия сподобилась написать брошюру по движению полюсов. Видимо, неплохую, т.к. на семинаре хвалили и предложили издать. Истеричный взрыв зависти со стороны Альберта Гуляева. С визгами и, без малого, ругательствами. Лидия обиделась, но, слава богу, меньше чем могла бы. Взрослеет. Кроме того, втолковываю, что истерик и выяснений отношений надо бояться только прохиндеям, а отнюдь не честным людям» (23.04.1972).

«На работе — сиречь в АС всё будто бы нормально. В начале месяца неделю „царствовал“ в одиночестве: А.Г. умотала в Мадрид на КОСПАР — и до сих пор не вернулась. Э.Р. уезжал в Крым. А я важно подписывал бумаги и давал указания. С Ольгой [Длужневской] отношения устанавливаются как будто бы неплохие. Она оказалась более разумной, чем мне представлялось в начале. Сейчас мы тянем на пару, и, кажется, успешно. Бояться меня она, видимо, перестала. ... Дел много: готовится пленум, да и надо понемногу претворять в жизнь замыслы. ... Я знаю, что в науке я не корифей, но и далеко не бездарность. К несчастью, у меня есть плохая привычка делать всё хорошо и добросовестно, и умение довольно четко отделять спекуляции от надежных выводов. Эти два свойства сильно осложняют мою научную жизнь в последнее время: я просто не могу халтурить, а значит, работа идет крайне медленно. Я бы плюнул на это, если бы не необходимость быть доктором. Это требование системы и ему необходимо подчиняться, хотя, с моей точки зрения, моральный и деловой ущерб превышает выгоды» (23.05.1972).

«Ленинград. ... Открывал совещание по „Аскорекордам“ [измерительные машины, производимые в ГДР] в ГАО и провел там длинный и неуютный день. Говорил, и очень мило, с Шахбазьяном, который мне очень нравится. ... Из разговоров с ним и Тавастшерной вынес довольно сумрачное впечатление о Пулкове. Засилье вельможных старцев, которые, как матерые деревья, губят поросль. «Никому не помогать (Ё?) защищать докторских диссертаций». ... Забежал в ИТА к Абалакину. Шумный и, без малого, восторженный прием. „Имей в виду, что лучший человек в Л-де это Абалакин...“ и т.п. хвастливая чушь, которой не хочется особенно доверять. Это „шутиха“, позёр и фанфарон, хотя и очень неглупый и эрудированный. Рассказал любопытную вещь — он ведь очень интересуется покойным Нумеровым. Нумеров был расстрелян в начале войны в Орле перед приходом немцев. В тюрьме он написал несколько учебников — типа астрометрических. Рукописи были направлены, кажется, Калинин или Молотову и канули в лету. Дай-то бог, чтобы нет. А во

главе комиссии, нагрянувшей в ИТА расследовать преступления Нумерова, был ... наш милый, добродушный К.А. Куликов. Вероятно, со слов престарелого Сухарева известно, что вел он себя в полном соответствии с канонами пролетарской бдительности, предлагая чистосердечно сознаться и отречься. Попутно он будто бы спер у Сухарева какую-то идею, м.б. своего «экзаминатора уровней», опубликовав ее под своим именем в АЖ. Будто бы по журналу 37 года можно даже проследить отголоски небольшого скандала, все же разразившегося вслед за этим. ... Мне много раз приходилось слышать, что Куликов спас ГАИШ от погрома в 37–38 гг. Допускаю, что так оно и было, что именно ему удалось быстро и резко избавиться от клязника (кажется, какого-то Аристов), начавшего возрождать дело [по „вредительству“ в ГАИШ]. Но не следует ли при анализе вспомнить, что К.А. при этом защищал, прежде всего, свою собственную шкуру, которая едва ли уцелела бы, попади ГАИШ в мясорубку? Что-то трудно мне поверить в альтруизм этого жлоба и несостоявшегося кулака, по иронии судьбы брошенного революцией в науку» (30.06.1972).

457

«Заходил А.А. Боярчук — проездом в Крым из Л-да. С ним несколько отвел душу. Он, все же, один из наиболее надежных. Говорили о многом — начиная от злополучного Новопашенного и кончая рассуждениями о том, что надо на следующих выборах провести Мустеля в академики. Кстати о выборах: Подобед передал мне слух, циркулирующий в ГАИШе, о том, что именно я внес вклад в провал Шкловского на выборах. Я-де бегал к Гинзбургу и т.п. Разозлившись, я позвонил Морозу и сказал, что это ложь, и я обзову подлецом любого, кто осмелится в моем присутствии её повторить. В.И. на это сказал, что слух идет о том, что я показывал Гинзбургу статистику ссылок. Ей богу, не помню, было ли это, но сомневаюсь. Я никогда не был с Гинзбургом близок, да и к статистике всегда относился осторожно, опасаясь причинить кому-либо вред. Впрочем, мы с Шаровым, кажется, расшифровали во время докладов в прошлом году имена наиболее отличившихся, когда говорили о возрастном

эффекте. В конце концов, ну и что? Все же противно» (20.01.1973).

458 «Узнал подоплеку истории со ссылками. Выписку из моего реестра вытащил во время экспертной комиссии Л.А. Арцимович и зачитал. Об этом растрепался, видимо, Сагдеев. Гинзбург, наверное, изрядно полил тогда Шкловского, хотя он это отрицает. Но уже на президентском чае он полил его и впрямь основательно, за „поиски дешевой популярности“ (между прочим — по заслугам). Ну, а виноват, конечно, я. ... Сегодня тяжелый разговор с Морозом. Он решительно не может взять в толк, как это что-то с ИК-делами может произойти: а) без его помощи и руководства, б) с привлечением каких-то «неизвестных» (ему) людей и в) бескорыстно с моей стороны. Естественно, что, не будучи в силах постигнуть суть дела, этот примитивный и не очень-то возвышенный ум пришел к единственному заключению, что всё это дело — какое-то чрезвычайно хитрое прохиндейство с моей стороны. Я, впрочем, не остался в долгу и выложил ему всё, что я о нем думал и думаю, поработав с ним немного. В частности поколебал его уверенность в том, что все, кто с ним ни имеет дело, его ужасно любят. Интересно, дойдет ли до него это и мой искренний призыв — не зазнаваться?» (23.02.1973).

«Тот же известный вопрос В.В. Соболева — только применительно к Хабблу: „А что он сделал?“. ... Сагдеев, наконец, стал директором ИКИ. Дай-то бог!» (30.06.1973)»

«Долгий разговор с А.Г. [Масевич] о всякой всячине. В частности о том, как бы не получилось, что в АС усядется Северный, спокойно турнув своего друга детства Э.Р. [Мустеля]. Перспектива мрачноватая. Чем больше я думаю об этом мизантропе и скучном тиране, тем глубже убеждаюсь, что от него лучше быть подальше. ... Наверное, надо молиться за Мустеля, как бы жалок и ничтожен он порою не казался. ... Вчера в ООФиА видел письмо Ф.Ю. Зигеля на имя Президента — о том, что, о ужас, у нас никто не занимается летающими блюдцами, в то время как во всем прочем мире только это и делают. Ирония в том, что года 4 назад амери-

канцы составили подробнейший доклад, из которого сделали решительный вывод о том, что т. наз. «UFO-Problem» — сплошной блеф. Судя по виду письма (аккуратно подчеркнутые от руки заголовки) я подозреваю, что Ф.Ю. не просто прохвост, а ещё и шизоид» (21.02.1974).

«Вчера вечером у меня сидел милый В.Г. Горбацкий. Говорили о всякой всячине — как обычно. ... Договорились с А.Г. и заменяем Ольгу [Длужневскую] на посту уч. секретаря. Отныне она — внутренний ученый секр. Другим — внешним и моим — будет Стрельницкий. Ольга видимо обижена. А я изумляюсь, почему я так тянул с этим, ведь работать с ней серьезно было просто невозможно. Отсюда — многие ошибки и упущения — уже на моей совести» (27.02.1974).

«За 2 с лишним года Астросовет не стал для меня близкой организацией. Я с опаской начинаю ощущать симптомы его будущего заболачивания. Надежда, что А.Г.М. это понимает и готова предотвратить — у меня нету никакой. Увы, эта энергичная и властолюбивая женщина совершенно безыдейна в широком смысле. Она суетится ради сиюминутной деятельности — вроде бы как от избытка нерастроченной половой энергии, без конкретно поставленных целей, без собственных логических планов. К тому следует добавить её полную беспринципность и, часто, восточную беззастенчивость. ... Стиль её работы и её люди мне не нравятся: всё-таки первоклассных людей у неё почему-то (при её-то возможностях) — нет. Посмотрим, что будет дальше. Э.Р.М. — не в счет. На А.Г. я порой злюсь, порой снова ею очаровываюсь. Но, слава богу, я тренированный борец за собственную независимость» (07.05.1974).

«Канун дня Победы. Я вывесил на балконе красный флажок. Немного дат я чту» (08.05.1974).

«Моя Галя Новикова попала в больницу — ... из-за амурных походов своего С.Б. [Новикова, мужа]. В ГАИШе это какое-то традиционное хобби изменять женам. И стар и млад ...» (26.05.1974). Через несколько лет сам Г.С. займется тем же самым, да ещё и родит на стороне дочь. А пока: «А. постепенно привыкает к мысли о втором ребенке».

«Сегодня каялся на партбюро. За старые грехи — сомнения в правоте советского правительства в деле с ЧССР. Кажется, всем было неловко, ибо подобные сомнения в свое время испытывали все. Ерпылев даже вынужден был сказать, что обсуждаются не действия советского правительства, а мои, грешного проступки. Э.Р. и, в особенности, Б.Н. Журавлев сказали обо мне много лестного — вполне заслуженного» (31.05.1974). Видимо, это обсуждение было связано с тем, что ГС перестали выпускать за границу. Вот как он пишет: «Удалось узнать ... что мои выездные беды связаны с каким-то хвостом из 68 года; по поводу Чехословакии. Не ясно только, из-за границы или отсюда. Эх, знать бы кто, любопытства ради» (25.11.1973). Запись на полях: «Узнал через 12 лет. Г.И. Герасимов». Тот самый Герасимов Геннадий Иванович — советский и российский дипломат и журналист-международник, который был его другом. Вот более ранняя запись: «Генка Герасимов, которому я решил как-то позвонить, вдруг огорошил меня заявлением, что уезжает на несколько лет в США [1972–1977 гг.] — корреспондентом АПН — сменять Генриха Боровика. Рита [жена], естественно, едет с ним. Любопытно, что вся процедура оформления заняла менее месяца — не то, что в наших благословенных палестинах. За Генку можно порадоваться. ... В прошлое воскресенье, 21-го они собрали человек 15 в доме кино. Компания была на редкость разношерстная, и потому вечер прошел скучновато, но уютно. Впервые увидел и поговорил с известным мне заочно Араб-оглы. ... Узнал, в частности, что по поводу «Часа быка» И. Ефремов давал объяснения на каком-то очень уж высоком уровне. Сослался на Китай. Пронесло, и вскоре, будто бы, будут издавать его полное собрание. С моей оценкой книги [высокой] он согласился, из чего могу сделать лестный вывод о своем вкусе» (23.05.1972).

«Володя Минин удивил и порадовал меня, составив настоящий серьезный план прогноза типа „мозговой атаки“ по астрономическим делам и по полной схеме — от проблемы до денег. Хорошая может выйти работа».

«После длительной борьбы получили ордер на здание на Пятницкой. Зато, дело близится к окончательному разладу с Длужневской. Ее упорное нежелание работать, вернее при-
 верженность к халтуре, надоели, пожалуй, всем. Чашу тер-
 пения переполнила история с финансовым планом на
 5-летку, кот. она попросту проворонила. Тут же укатила в
 Триест на II ЕАК и спихнула все на бедную, некстати при-
 шедшуюся Лидию» (10.10.1974).

Если в начале он характеризовал АГ как умную и прозор-
 ливую женщину, то затем как «наглуую и глупую бабу». Или
 В.А. Минина, которым вначале очаровывался, то позднее:
 «Мне горько писать об этом, но я оказался перед необходи-
 мостью почти порвать все дела с В.А. Мининим. Его поведе-
 ние просто недопустимо по своей предвзятости и по само-
 уверенности. Он что-то пронюхал (через Трушина или
 Прохорова, или А-на [Амбарцумяна]) о моем участии в делах
 ИТА и величественно выговаривал мне в стиле «не умеешь,
 не берись». Наглый сопляк» (20.12.1976).

461

«Старики, особенно — мать, быстро стареют. ... Лидия
 моя явно не в состоянии осознать своей всё усиливающейся
 доли в роли хранительницы очага» (20.12.1976).

«Ездил на 2 недели в Болгарию. Что за дивная страна, где
 можно смело именоваться русским и где это имя буквально
 открывает двери и сердца» (23.02.1977).

Многое еще впереди, идет только 1977 год, Гавриле Сер-
 геевичу всего 40 лет. Проблемы есть, но они решаемы, как он
 считает.

А вот в 2010 году. Почти всё уже произошло, впереди про-
 блемы, пожалуй, уже только медицинские. Позади ворох,
 скажем прямо, неутешительных результатов. Полное разоча-
 рование в соратниках, а были ли они, друзьях, а их, в об-
 щем-то, и не было. Подведение итогов: «„Потерял товарищ
 вид, сдан в утиль и там сидит“, — это я о себе нынешнем»

(24 марта 2010 г.). Все-таки критичность, хотя и редко, у ГС встречается.

Я уверен, что многие, прочитавшие книгу, продолжат обвинять Гаврилу Сергеевича в антисемитизме, мании величия, заносчивости, мизантропии, эгоизме и, конечно, в снобизме. И наверняка, это будет правильно и справедливо. Такой уж он был. Походя обижал, декларировал, вещал, не считался, заносился. Но после него остались дневники, в которых он занимался жизнеописанием — последовательно, кропотливо, с душой, наверное, искренне. Они рассказывают нам о времени, в котором он жил и мы жили вместе с ним. Люди не ангелы господни, а твари. У всех нас свои недостатки. И много ли книг, мемуарных книг, которые мы читаем с удовольствием? А о нашем астрономическом сообществе? Пусть даже не соглашаясь с общим мнением. Их почти нет. И поэтому нравится или не нравится, но читаем что есть. Читаем дискутируя, соглашаясь или не соглашаясь, споря. По-моему, нам с Гаврилой Сергеевичем удалось написать книгу. Мне было интересно. Интересно читать его дневники, интересно писать, интересно вспоминать, и я посчитал необходимым издать эту книгу.

P.S.²

Время прошло. Что-то утряслось. Многое переменялось. Мы повзрослели. Родились дети. Выросли. И вот начали умирать друзья. Сейчас, когда я [Шамаев] снова на факультете, всё для меня успокоилось. Вдруг образовалось время, которое я заполняю разнообразной приятной работой. Реализовал с коллегами большой проект, который назвал «Start Up Акустика». Неожиданно возникло желание написать эту книгу. Написал. Написал как помню и знаю. Как помнят и знают другие, пусть напишут сами.

Открыл книгу, которая лежала на диване, загадал страницу и строку — 10-я снизу. Прочитал: «зачем, собственно, я сюда заявился. Но командировка была оформлена». Понял как предупреждение, что существование не беспредельно, как я считал до сих пор. Не надо откладывать. За лето—осень написал эту книгу. Понимайте, как хотите, но книга написана

и издана, раз вы ее читаете. Не всё написал, что помню и что интересно, но посмотрим на реакцию. Это войдет во вторую книгу. А сейчас ещё одна галочка поставлена. Можно возвратиться к прежним делам.

P.S.³

Как-то нынешним летом мне понадобилось пойти в банк на Каланчевской улице. Там с августа начали выдавать деньги за переводные статьи в журналах. Посмотрел на карте Google, как туда пройти, и, выбрав время, поехал. Дело было сразу после обеда, и я надеялся, что народу будет немного. Вышел на Комсомольской в сторону Ленинградского вокзала. Место знакомое, в смысле, когда-то я там неоднократно бывал. Но давно. Вышел, как и прежде, обогнул павильон метро, и вот она площадь, далее направо под мост, и нужная мне Каланчевка. В банке провел около часа — недолго — и двинул назад. Подхожу к павильону метро и пытаюсь, как раньше, войти. Входа нет. Обхожу кругом — нет. Вижу двух милиционеров деревенского типа, как и многие из них, нынче они служащие полиции — полисмены, что ли. Спрашиваю, где же вход в метро. Не утруждая себя вербальным контактом, показывают в направлении площади. Иду туда и вижу — то, что я принял за вход в подземный переход, теперь и есть вход в метро. По темноватому, довольно грязному тоннелю действительно прохожу в метро и попадаю в то место, в какое раньше легко проходил с площади. Поскольку я слегка был взвинчен, то не сразу сообразил, что вступил на эскалатор кольцевого метро, а не радиальной ветки, куда мне было надо. Но быстро сообразив, что мне несвойственно, я кинулся по спускающему вниз эскалатору вверх. И, о счастье, выскочил. Повезло, народу не было. Перешел на нужный эскалатор и спустился. Сел в вагон и, пока ехал до университета, обдумывал — как справедливы слова из «Алисы в стране чудес», помните: «Чтобы оставаться на месте, надо быстро бежать». Так учила Алису Черная королева. А мне, чтобы выскочить с идущего вниз эскалатора, пришлось именно это и сделать. Там же Алиса попадает в подземное царство — другую реальность.

Сейчас много об этом говорят и спорят. Существуют ли другие вселенные, параллельные нашей. Похожие и, в то же время, непохожие. Там тоже есть аналоги нас, но с другой жизнью и другими, хоть и похожими, событиями.

464 Если представить такую вселенную, параллельную нашей, в которой все мы есть или почти все, то, может быть, в ней Гаврила Сергеевич и стал председателем Астросовета и академиком. Почему нет. А вот хорошо ли это было бы? Или нет? В случае с выборами в народные депутаты в нашей «вселенной», я написал, что скорее это было бы вредно и не только для астрономии. ГС был слишком уверен в себе и своих поступках, чтобы слушать и слышать мнение других. А вот в другой — не уверен. Если бы ГС немного скорректировал свое поведение придя в Астросовет, если бы не ссорился с Масевич, если бы придерживал язык по известному национальному вопросу, а еще лучше, вообще не размышлял бы на эту болезненную тему, то дело могло обернуться и по-другому. А с его энергией, способностью к убеждению, обучению и общению, расположенностью к руководству людьми, а вместе с этим прямо-таки с физиологической потребностью к составлению проектов, бумаг, планов и, действительно, желанием выдвигать молодых и способных — он мог бы стать для астрономов неплохим руководителем. В нашей же астрономической вселенной ему не нашлось места. Да и в других он его не нашел. Не считать же пределом его мечтаний работу по написанию никому не нужных поверхностных книжек, составлению записок, планов и отчетов в ИПРАНе. Там он вроде бы успокоился, Миндели его ценил, но, по правде, этого ему всё равно было мало. Его мятежный дух протестовал, но тело было уже не подвластно ему. Всё, к сожалению, когда-то кончается. А, может быть, и к счастью.

Книга первоначально инициализирована чтением дневников Гавриила Сергеевича Хромова.

Литературный текст автора — Шамаева Владимира.

12 декабря 2018 года

Перечитывая уже готовый макет книги, я вдруг обнаружил, что не приведено письмо «астрономической общественности», с которым Коля Бочкарев упорно приставал к выборщикам во время обсуждения кандидатур. Привожу его по экземпляру в папках Гавриила Сергеевича. Пунктуация авторов, список которых приведен на стр. 178–180.

Выборщикам в народные
депутаты СССР от Ассоциации
научных обществ при АН СССР

В связи с выборами народных депутатов от Ассоциации научных обществ при АН СССР, мы, подписавшие ниже представители астрономической общественности страны, призываем вас подойти с максимальной осмотрительностью к кандидатуре Г.С. Хромова — вице-президента Всесоюзного астрономо-геодезического общества.

Г.С. Хромов является выпускником Астрономического отделения МГУ. Продолжительное время (1959–1972 гг. и 1979–1987 гг.) он работал в Государственном астрономическом институте им. П.К. Штернберга, занимая ряд должностей, в том числе — ученого секретаря, а затем старшего научного сотрудника. За время работы в институте он, однако, не показал себя плодотворным ученым. Подготовленная им докторская диссертация не встретила поддержки в коллективе и подверглась на обсуждении серьезной критике. Защита ее в Главной астрономической обсерватории АН СССР в Пулкове закончилась провалом. При аттестации в 1986 г. Г.С. Хромов был признан не соответствующим должности старшего научного сотрудника и был вынужден уйти из института.

С 1972 по 1979 г. Г.С. Хромов работал в Астрономическом совете АН СССР на ответственном посту заместителя председателя Совета. Но и отсюда он вынужден был уволиться, т.к. своим высокомерием, нетерпимостью к критике, сумел восстановить против себя широкую научную общественность, не внося конструктивного вклада в советскую астрономию.

В настоящее время он работает в Московском филиале Института металловедения АН Украинской ССР — организации, не имеющей прямого отношения к астрономии.

Предвыборная платформа Г.С. Хромова содержит немало правильных общих установок, которые, можно часто встретить и в печати и в платформах других кандидатов. Однако тот ее пункт, где говорится о критическом пересмотре оборонной и космической программ, вызывает серьезное беспокойство. Мы опасаемся, что оказавшись в составе Съезда народных депутатов СССР, и не обладая необходимым научным кругозором, опытом работы в данных областях, не умея прислушиваться к мнению научной общественности, Г.С. Хромов может способствовать принятию ошибочных решений при определении стратегии развития этих и других важных отраслей науки и народного хозяйства.

В связи с вышеизложенным мы считаем совершенно недопустимым избрание Г.С. Хромова в высший орган государственной власти нашей страны.

ФОТОГРАФИИ

отобранные, но не вошедшие в основной текст

Книга воспоминаний должна содержать фотографии — много действующих лиц и, конечно, хочется на них взглянуть, вспомнить, воссоздать в памяти их облик. Фотографии позволяют сделать написанное объемным, четче вспомнить детали и связанные с ними события. 467

Фотографии для книги собирались отовсюду: из домашних фотоальбомов, интернет-сайтов, в том числе с сайтов ГАИШ и ИНАСАН, других источников. Что-то нашлось у меня, много у М.Б. Щербиной-Самойловой, Н.Б. Хромовой, откликнулись на просьбу Т.А. Бируля, Л.М. Гиндилис, А.И. Еремеева, В.Ф. Есипов, М.М. Кацова, Н.Б. Левин, Л.А. Савров, А.Н. Седякина, В.М. Чепурова, Е.Н. Федосеев с Н.П. Ефремовой. Не могу не упомянуть и последних из оставшихся в отделе двух астрометристок моего времени Л.П. Грибко и Г.В. Романову. Галина Владимировна помогла в отождествлении своих однокурсников на приведенной на стр. 496 фотографии.

Всем им я очень благодарен.

В. Шамаев

468

Альберт Петрович Гуляев

Константин Алексеевич Куликов (Дядя Костя)

Евгений Карлович Шеффер, Валентина Семеновна Уральская,
Нина Павловна Ефремова и Евгений Александрович Гребеников

ФОТОГРАФИИ

471

Игорь Анатольевич Герасимов

472

ФОТОГРАФИИ

Слева направо: мужчины — Э.А. Дибай, А.С. Шаров, А.В. Самсо-
ненко, М.У. Сагитов; женщины — О.А.Северная, Л.Н. Радлова,
И.С. Щербина-Самойлова, ?. Внизу — Е.К. Страут

Слева направо: Фред Хойл, А.А. Михайлов, А.Г. Масевич,
Д.Я. Мартынов, неизвестный

ФОТОГРАФИИ

475

На совете в ГАИШ. Слева направо: В.В. Шевченко, В.Н. Обридко, Р.А. Сюняев и Н.С. Кардашев

476

ФРАГМЕНТЫ ИСТОРИИ

Женя Федосеев в школьные годы — сверху,
внизу — Евгений Николаевич Федосеев с корреспонденткой ТВ

ФОТОГРАФИИ

477

Н.С. Блинов и Е.Н. Федосеев. Вверху — 1970-е годы, внизу — 1990-е годы.

478

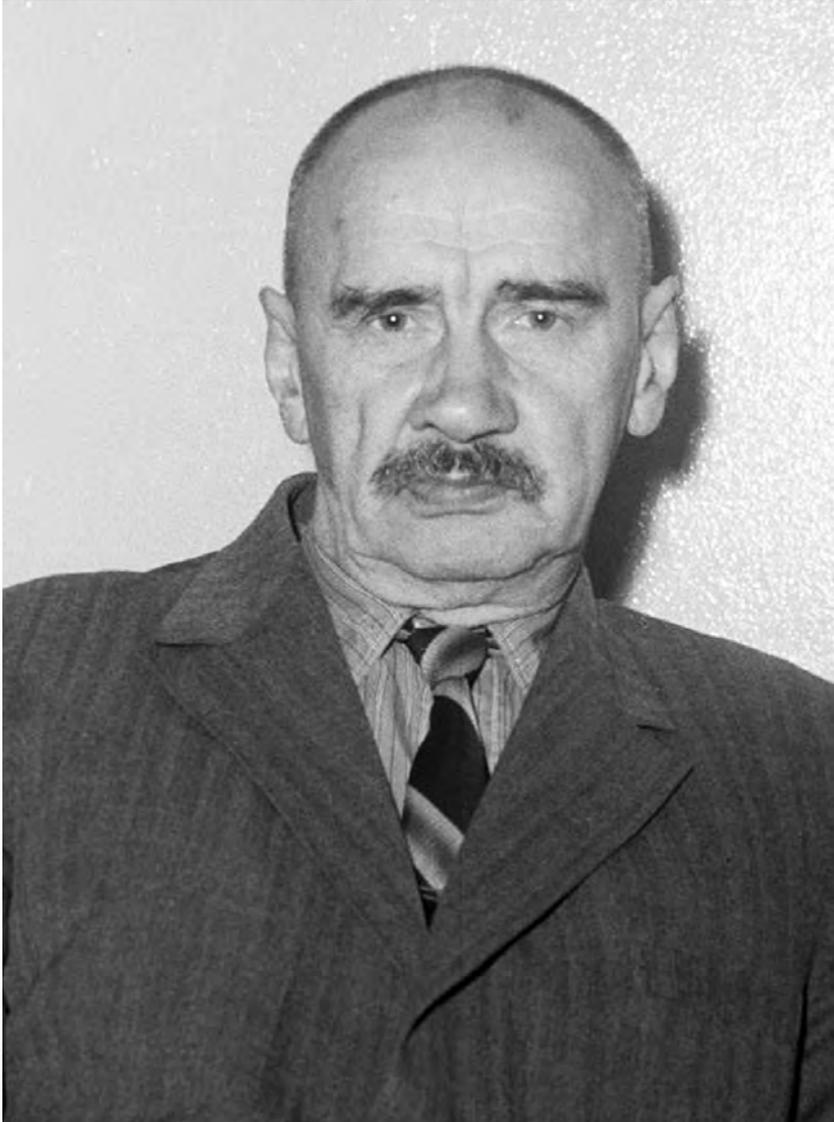
ФРАГМЕНТЫ ИСТОРИИ

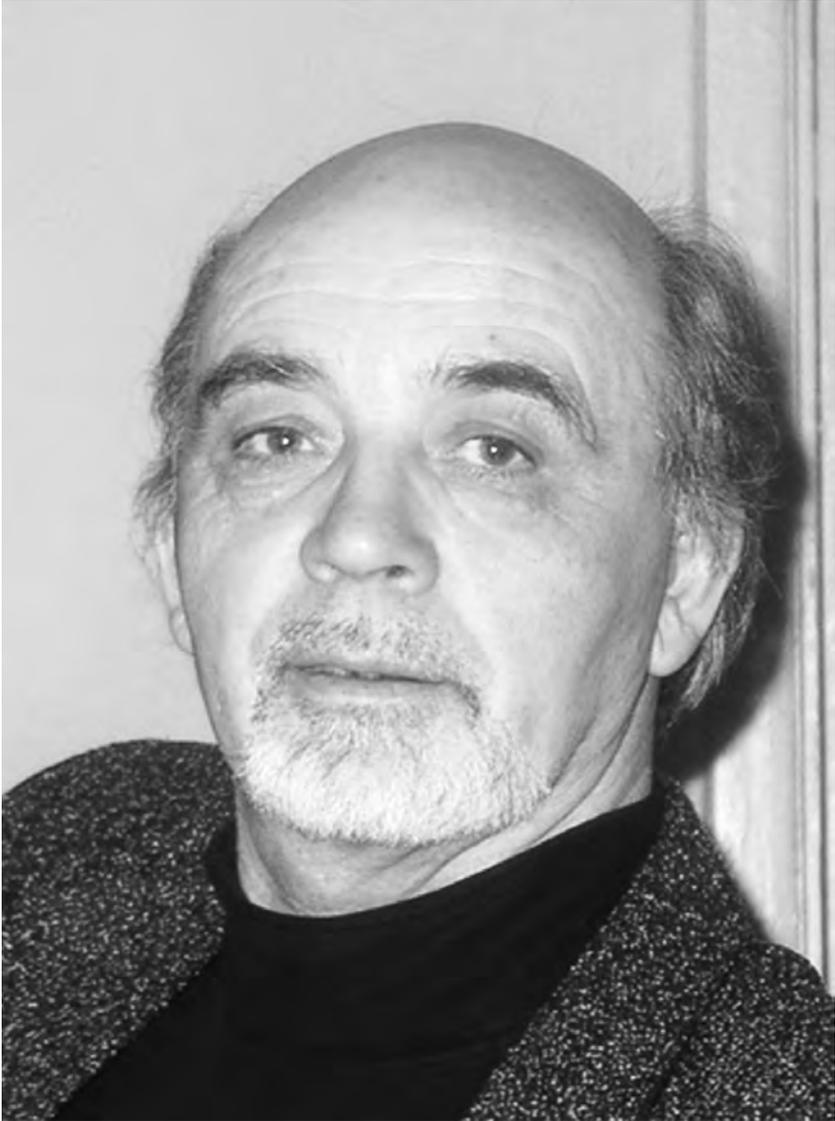

Иосиф Самуилович Шкловский и Яков Борисович Зельдович

Иосиф Самуилович Шкловский и Валентин Федорович Есипов

481

Геннадий Иванович Ширмин

Отдел Службы времени: К.Г. Белелин, Игорь Макаров, Нина
Ефремова, Миша Мальшев

ФОТОГРАФИИ

Отдел астрометрии: В.В. Нестеров (внизу) и (слева направо)
И.М. Калинина, Г.В. Романова, Оля Соловьёва, Е.А. Турова,
Л.П. Грибко

Сборная МГУ по фехтованию. Г.С. Хромов — капитан. 1958 г.

ФОТОГРАФИИ

Г.С. Хромов: «Учу девочек вязать морские узлы в Парусной секции МГУ, 1954–55 гг.»

486

ФОТОГРАФИИ

Нонна Борисовна Хромова

В.В. Ковтун и Г.С. Хромов, 1968 г.

ФОТОГРАФИИ

Б.В. Кукаркин и В.В. Ковтун, 1966 г.

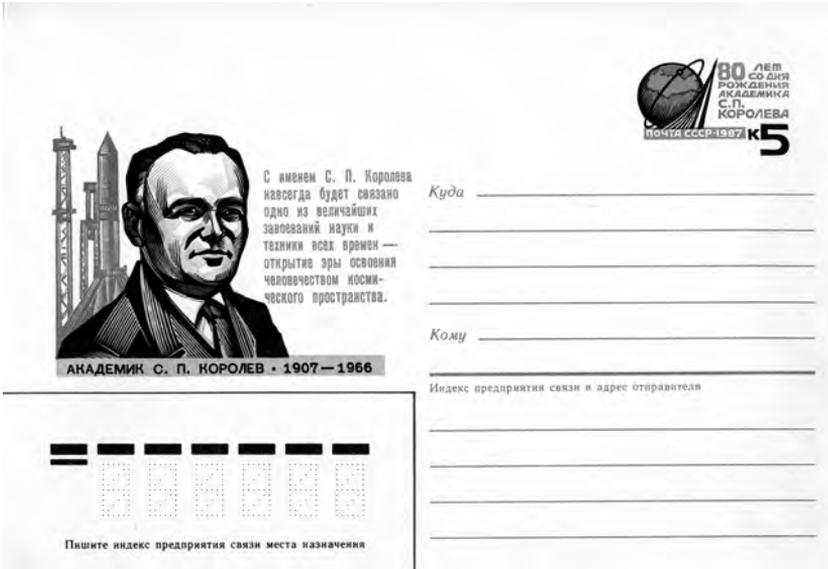
490

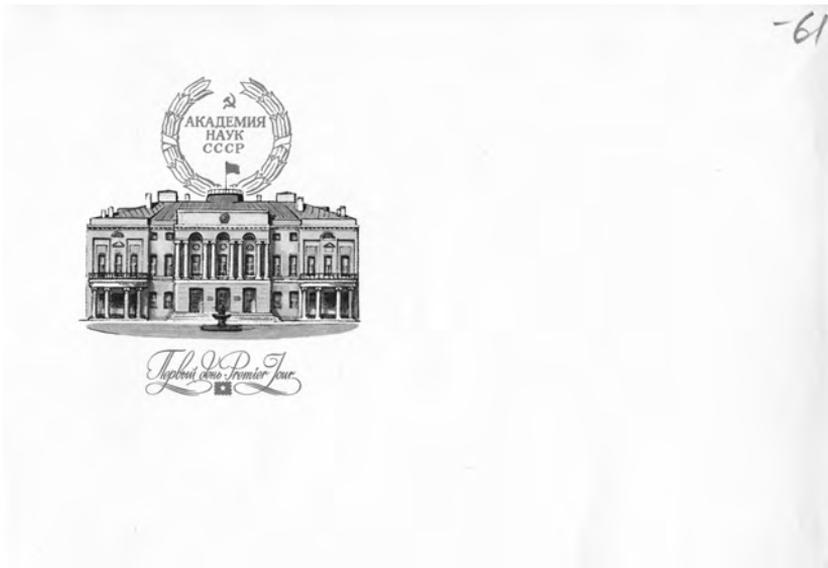
ФРАГМЕНТЫ ИСТОРИИ

Юбилейные конверты ГАИШ с двумя различными штемпелями гашения

ФОТОГРАФИИ

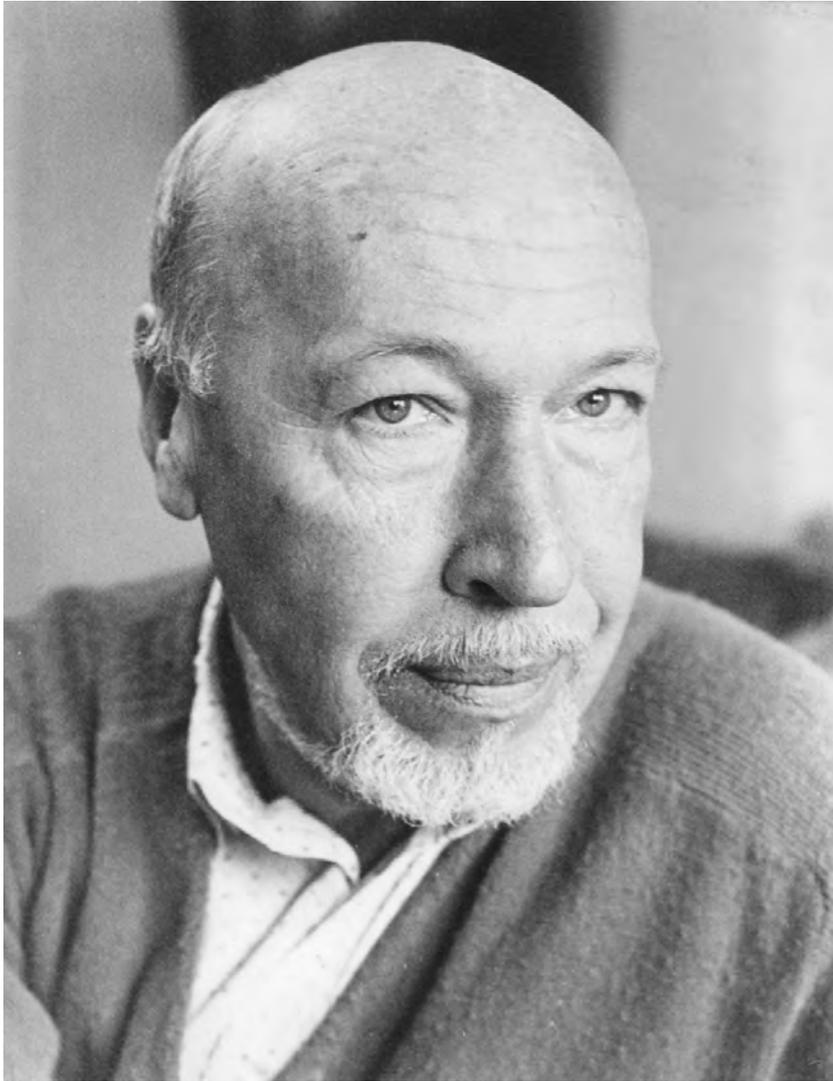

491

Конверты, посвященные Главному конструктору ракетно-космической промышленности СССР, академику С.П. Королёву и Академии Наук СССР

492

В.Г. Курт и М.А. Лившиц

П.В. Щеглов и Р.А. Сюняев

Курс астрономов на мехмате. 1956 г. Стоят слева направо: Печерникова Г., Панова В., Ризов Е., Антонова Е., Свешникова (Нистор) Л., Лившиц М., Крапивина Э., Романова Г., Кабаева Н., Кочеткова (Миронова) Е. Сидят два мальчика, которые перешли на другой факультет.

ФОТОГРАФИИ

Наталья Николаевна Кабаева на выставке художника Николая Недбайло на 2 этаже ГАИШ

498

Тамара Андреевна Бируля

ФОТОГРАФИИ

Николай Николаевич Самусь

АСТРОСОВЕТ. ГАИШ

Лев Савров

В.И. Якименко на Новодевичьем кладбище

Семейное надгробие Хромовых. Ваганьковское кладбище, 2018 г.

503

Памятник на могиле Виталия Лазаревича Гинзбурга. Новодевичье кладбище, 2018 г.

Монография

Шамаев Владимир Григорьевич
ГАИШ. Астросовет. Фрагменты истории

Макет обложки
А.В. Горбовский, В.Г. Шамаев

Ответственный редактор
А.Н. Дурнева

Корректор
Никита Шамаев

Компьютерная верстка
А.В. Горбовский, «Астр-космосинформ»

Подписано в печать 19 декабря 2018 г.
Объем 40,8 усл. п.л. Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Отпечатано в типографии
ООО «ИПЦ „Маска“» (www.maska.su)
Тираж 150 экз. Заказ № 197

ISBN 978-5-9002-4252-1

9 785900 242521

С детства мне нравилась астрономия. И потому, что дома была масса астрономических книжек, и потому, что сам папа был астроном, и потому, что он интересно рассказывал о своих поездках на Майданак, где Млечный Путь «слепит глаза», и потому, что мы летом ездили в Кацивели к дяде Коле на радиотелескоп, и потому, и потому, и потому... Когда я закончил школу, то собирался поступать на астрономическое отделение физфака МГУ, но папа был против. Он сказал: «Лучше получить полное физическое образование. Кроме того, на факультете кроме ГАИШ есть кафедры, на которых занимаются космосом. И если все-таки желание останется, то, пожалуйста, после окончания физфака поступай в аспирантуру в ГАИШ». На том и порешили. В аспирантуру я поступил, но по физике и в академический институт. А для души поработал несколько лет гидом в новом Планетарии, где познакомился со многими выпускниками ГАИШ, настоящими энтузиастами астрономии. Чего стоит одна Наталья Андреевна Горыня! Но к чему я говорю все это. Прочитав эту книжку, я понял, что причина была не совсем в том, что говорил мне папа, а в том, что он тогда не сказал и что я понял из книги. Прочитайте и Вы.

Никита Шамаев

ISBN 978-5-9002-4252-1

9 785900 242521